

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2016

#2 (16) || March

№2 (16) || март

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:
докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редколлегия:
докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова
докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская
докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина
докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен
канд. филол. наук доцент А.В. Уржа
канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:
старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет

Александра Вранеш докт. филологии, проф., декан филологического факультета *Белградский университет* (Сербия); **Екатерина Федоровна Журавлева** проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы *Западно-Македонский университет Греции* (Греция); **Мария Леонидовна Каленчук** доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе *Институт русского языка им. В.В. Виноградова (РАН)* (Россия); **Максим Каранфиловский** докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ им. М.В. Ломоносова *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье* (Македония); **Леонид Петрович Крысин** докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН* (Россия); **Весна Мойсова-Чепишевская** докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье* (Македония); **Джей Паджет** докт. филол. наук, проф. *Университет Калифорнии Санта Круз* (США); **Елена Стерёпулу** проф. *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии* (Греция)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013
© 2013–2016. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak
(Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Maxim Karanfilovsky** PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje* Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia); **Leonid Krysin** PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Vesna Mojsova-Chepishavska** PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje* (Macedonia); **Jaye Padgett** PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz* (USA); **Helen Stergiopoulou** PhD School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies *National and Capodistrian University of Athens* (Greece); **Alexandra Vranesh** PhD, Prof., Dean of the Faculty of Philology *University of Belgrade* (Serbia); **Ekaterina Zhuravleva** PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian Language and Literature *University of Western Macedonia Greece* (Greece)

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2014. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Содержание

<i>Црвенковска Э.</i> О современном учебнике старославянского языка	9
Из бесед с М.Л. Ремнёвой	12

Статьи

<i>Старикова Н.Н.</i> Под знаком авангарда: конструктивистские опыты Сречко Косовела	19
<i>Бајић Љ.Д.</i> Топос станице и утопија будућности у 'Заточнику' Бранка Ћопића.....	32
<i>Фролова М.В.</i> Женская проза Индонезии конца XX – начала XXI века	39
<i>Розинская О.В.</i> О Борисе Савинкове – человеке, писателе, террористе (по воспоминаниям современников)	54
<i>Krasovec D.</i> La basilique San Pietro di Castello, antichambre de la Biennale de Venice.....	66

Материалы и сообщения

<i>Кормилов С.И.</i> Китаистика с административным ресурсом (взгляд теоретика литературы).....	85
<i>Михайлова М.В.</i> Нина Петровская: Historia morbi	105

ХII Пospelовские чтения. Материалы конференции

<i>Романова Г.И.</i> Концепт «минувшее» в рассказе И.А. Бунина «Косцы»	109
<i>Захаров К.М.</i> К поэтике русской реалистической комедии.....	114
<i>Соловьева Е.Е.</i> «Музыкальный код» и «музыкальный экфрасис».....	119
<i>Суровцева Е.В.</i> Модификации эпистолярного жанра: на материале «письма властителю».....	129

XXII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»: секция «Филология»

<i>Berseneva N.</i> Word Formation Patterns of Academic Discourse in the Literary Genre of Science Fiction	138
<i>Кожина С.А.</i> Полемика с соцреалистическим канонем в ранней прозе Б. Грабала и Й. Шкворецкого.....	143
<i>Лукина А.В.</i> Морская топонимия в олонхо	149
<i>Роговнева Ю.В.</i> Элементы информативного регистра в репродуктивных текстах-описаниях	152

Программы

Программа учебного курса для направления подготовки магистров
«Филология». Автор-разработчик А.А. Холиков 158

События. Имена. Судьбы

Умеров Ш.Г. Сила красоты.
Марии Викторовне Михайловой – к юбилею 167

Црвенковска Э. По повод 90-годишнината
на проф. д-р Радмила Угринова-Скаловска 169

Заметки. Впечатления

Лоевская М.М. Трапеза в Соловецком монастыре:
от древности до наших дней 174

Библиографии

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем
на русском языке. 1998–2001. Автор-составитель В.А. Воронаев 199

Научная жизнь

Афанасьева Н.Д., Беляков М.В. Конференция, ставшая традицией 282

Панков Ф.И. Первая Всекитайская олимпиада школьников
по русскому языку в Пекине 285

Content

<i>Tzrvenkovska E.</i> On the Modern Textbook of the Old Slavic Language	9
Extracts from the Conversations with M.L. Remneva	12

Papers

<i>Starikova N.N.</i> Under the Sign of the Avant-garde: Constructivist Experiments of Srečko Kosovel	19
<i>Bajic Liliana D.</i> Topos 'stanitsa' and Utopia of the future in 'Zatochnik' of Branko Ćopić	32
<i>Frolova M.V.</i> Women's Prose in Indonesia: the end of XX – beginning of XXI.....	39
<i>Rozinskaya O.V.</i> On Boris Savinkov – a Man, a Writer, a Terrorist (According to the Memoirs of Contemporaries).....	54
<i>Krasovec D.</i> On the Eve of Biennale – Basilica San-Pietro-di-Castello.....	66

Communications and Materials

<i>Kormilov S.I.</i> Sinology with the Administrative Resource (From the Theorist's Point of View)	85
<i>Mikhaylova M.V.</i> Nina Petrovskaya: Historia morbi.....	105

The XII Pospelov's Readings. Materials of the Conference

<i>Romanova G.I.</i> The Concept of «minuvschee» in the Story I.A. Bunin «Mowers»	109
<i>Zakharov K.M.</i> To the Poetics of Russian Realistic Comedy	114
<i>Solovyova E.Ye.</i> 'Musical Ekphrasis' and 'Musical Code'	119
<i>Surovtseva E.V.</i> Modifications of the Epistolary Genre: on the Material of the «Letters to a Ruler»	129

XXII International Student, Postgraduate and Young Scientist Conference «Lomonosov». Philology

<i>Berseneva N.</i> Word Formation Patterns of Academic Discourse in the Literary Genre of Science Fiction	138
<i>Kozhina S.A.</i> The Controversy with the Canon of Socialist Realism in the Early Prose by B. Hrabal and J. Škvorecký	143
<i>Lukina A.V.</i> The Sea Toponymy in Olonkho	149
<i>Rogovneva Yu.V.</i> Elements of the Informative Register in a Reproductive Text-description	152

Programs

The Program of Training Courses for Masters of «Philology». <i>Author-developer A.A. Kholikov</i>	158
--	-----

Events. Names. Destiny

<i>Umerov Sh.</i> The Power of Beauty. <i>Maria Viktorovna Mikhajlova' Jubilee</i>	167
<i>Tzrvenskova E.</i> 90 th Jubilee of Professor Dr. Radmila Ugrinova-Skalovska	169

Notes. Impressions

<i>Loyevskaya M.M.</i> The Monastic Meal in the Solovki Monastery: from Antiquity to the Present Days	174
--	-----

Bibliography

The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him in Russian. 1998–2001. <i>Author-composer V.A. Voropaev</i>	199
--	-----

Academic Life

<i>Afanasjeva N.D., Belyakov M.V.</i> Conference Become a Tradition	282
<i>Pankov F.I.</i> First All-China Olympiad on the Russian Language in Beijing	285

В марте 2016 года отмечает юбилей главный редактор журнала «Stephanos»
декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
доктор филологических наук
профессор Марина Леонтьевна Ремнёва.

Редакционная коллегия журнала «Stephanos» поздравляет юбиляра.

Дорогая Марина Леонтьевна!

Редакционная коллегия журнала «Stephanos» от всей души поздравляет Вас с юбилеем. Мы искренне рады возможности работать вместе с Вами.

Вы хорошо известны в России и за рубежом как замечательный ученый, сделавший важные открытия в области старославянского языка, исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, палеославистики. Ваш вклад в развитие отечественной филологии и педагогики, в совершенствование гуманитарного образования в России, в пропаганду русского языка и русской культуры в современном мире неоценим.

Вы являетесь учителем в самом высоком смысле этого слова для целого ряда поколений филологов. Ваша подвижническая научно-педагогическая деятельность – яркий пример самоотверженного служения науке и образованию. По Вашим учебникам, учебным пособиям, справочникам и программам учились и учатся десятки тысяч преподавателей, аспирантов, студентов, школьников. Без Ваших книг невозможно сегодня представить университетские курсы по старославянскому языку, исторической грамматике русского языка, истории русского литературного языка.

Благодаря Вашей многолетней плодотворной деятельности на филологическом факультете сложилась атмосфера подлинного сотрудничества. По Вашей инициативе и при Вашем непосредственном участии на факультете были открыты новые отделения, центры, кафедры, лаборатории. Среди них – отделения византийской и новогреческой филологии, теории и практики перевода, центр новых информационных технологий, центр баллистики, лаборатория лексикологии и лексикографии. Под Вашим непосредственным руководством создан и наш журнал «Stephanos».

Спасибо Вам за все, что Вы сделали и продолжаете делать для нашего факультета.

Мы желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих свершений, удачи во всех начинаниях!

Редакционная коллегия журнала «Stephanos»

О современном учебнике старославянского языка

Несколько лет назад на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова был издан новый учебник по старославянскому языку. Учебник написан проф. Мариной Леонтьевной Ремнёвой, которая уже в течение многих лет преподаёт старославянский язык и историческую грамматику русского языка на этом факультете. Она также автор более ста работ из области истории русского языка (с XI по XVII в.), посвящённых проблемам эволюции грамматической нормы, функционированию церковнославянского языка различных редакций в письменной традиции славянских языков и в особенности в памятниках письменности русской редакции. Проф. М.Л. Ремнёва известна как автор ряда фундаментальных работ: «Категория вида и времени русского глагола (исторический аспект изучения)» (М., 1984; в соавторстве с О.В. Кукушкиной); «Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы» (М., 1988); «История русского литературного языка» (М., 1995); «Пути развития русского литературного языка в XI–XVII вв.» (М., 2002); «Лекции по старославянскому языку» (М., 2003; с электронным дополнением); «Старославянский язык» (2-е изд., исправл.; М., 2004; с электронным дополнением).

Мы выскажемся по поводу третьего издания учебника, дополненного и исправленного. В предисловии учебника «Старославянский язык» указано, что эта книга представляет собой итог многолетнего опыта чтения лекций по старославянскому языку, а совместная работа с проф. О.В. Дедовой положила начало созданию вспомогательного учебного материала в электронной форме (*Ремнёва М.Л., Дедова О.В.* Старославянский язык: Электронный курс. CD).

Учебник содержит несколько тематических блоков: Введение (6–9); Старославянский язык и его происхождение (10–25); Происхождение старославянского языка. Деятельность славянских Первоучителей (26–81); Фонетика (82–201); Морфология (202–406); Синтаксис (407–462); Лексика и словообразование (463–501), Персоналии (502–526); Тексты для чтения (527–589); Слова под титлами (590–593); Словарь к текстам (594–671). К книге прилагается электронный материал (CD), исправленный и дополненный в отношении к предыдущему изданию 2004 г.

Во введении автор указывает, что со второй половины XX в. в палеославиистике используется новый подход к старославянскому языку как к языку славянской культуры, созданному Константином Философом и Мефодием в соответствии с требованиями социально-культурного развития эпохи Средневековья. Старославянский язык рассматривается и как литературный язык Средневековья, обслужи-

вающий не только потребности христианского культа, но и все основные сферы общения в рамках складывающегося общества (церковное законодательство, богословская литература, формирование различных литературных жанров и т. д.).

В части, посвященной старославянскому языку и его происхождению, присутствуют следующие главы: значение изучения старославянского языка; старославянский язык в системе славянских языков; происхождение старославянского языка и деятельность славянских Первоучителей; вопрос о диалектной основе старославянского языка; об искусстве кирилло-мефодиевских переводов; славянские азбуки и их происхождение; состав славянских азбук; происхождение глаголической и кириллической азбук; старославянские памятники. В духе «Тезисов» Пражского лингвистического кружка проф. Ремнёва использует социолингвистический подход в определении старославянского языка. Она отмечает, что особенность старославянского языка – языка древнейших переводов греческих богослужебных книг – состоит именно в том, что он не использовался как язык повседневного общения, он представлял собой культурно-письменный феномен. Старославянский язык был языком литературным, а литературный язык социально обусловлен, и обязательным условием появления литературного языка является письменность. Именно этим отличается литературный язык от живого разговорного языка. Как и другие языки Средневековья, которые служили, прежде всего, потребностям культа и официальной религии, старославянский язык имел свою норму и был наддиалектным. Актуальный вопрос о диалектной основе, которая послужила базой при нормировании старославянского языка, автор решает в пользу старых славянских диалектов Македонии, которые находились вблизи города Салоники.

В фонетическом разделе освещены темы: фонетическая система старославянского языка; система гласных фонем; позиционные изменения гласных; система согласных фонем; фонетическая структура слога; история становления фонетической системы старославянского языка; протославянский период; древнейшие фонетические процессы; праславянская фонетическая система; основные фонетические процессы эпохи праславянского языка. В изложении истории воссоздания фонетической системы старославянского языка делается обзор сравнительно-исторических исследований в лингвистике с акцентом на индоевропейский и праславянский язык. Особое место отводится праславянскому языку, объяснению фонетических процессов, которые привели к формированию его фонетической системы.

В части, посвященной морфологии, указаны следующие главы: части речи; имя существительное; имя прилагательное; местоимения; слова, обозначающие числа; глагол; причастия; предлог; союз и частица. Обзор морфологической системы учитывает каждую грамматическую категорию во всех частях речи, оформлен в виде таблиц, а также содержит исторические комментарии о происхождении отдельных форм.

Большинство учебников по старославянскому языку не уделяет достаточного внимания синтаксису, тогда как данное пособие очень подробно освещает этот раздел. Раздел «Синтаксис» представлен главами: порядок слов в предложении; согласование; конструкции с двойными падежами; способы выражения сказуемого; средства связи в старославянском предложении; конструкции, оформляющие временные отношения; конструкции, оформляющие целевые отношения; конструкции, оформляющие условные отношения.

В «Текстах для чтения» даны отрывки из Зографского евангелия, Мариинского евангелия, Саввиной книги, Ассеманиева евангелия, Синайской псалтыри, Синайского требника, Супрасльской рукописи и Остромирова евангелия.

Одной из характерных черт учебника являются четкие формулировки каждого используемого термина, которые, несомненно, облегчают студентам понимание материала. Книга написана ясным и очень понятным языком. Учебник наполнен иллюстративным материалом, таблицами, примерами оригиналов старославянских текстов. Словарь к текстам дает возможность студентам лучше ознакомиться с лексическим фондом. Все это также указывает на высокий уровень пособия.

Электронное оформление учебника, данное в приложении к книге, несомненно, является новым словом в техническом аспекте представления материала (на CD). Особенно полезны фотографии оригиналов рукописей, доступных в электронном формате.

В отличие от предыдущего издания учебника, о котором мы писали ранее¹, данное издание включает в себя новые разделы. Таким является раздел о лексике и словообразовании. В нем представлены главы о лексическом фонде старославянского языка, структуре и источниках старославянской лексики, особенностях старославянских словообразовательных механизмов, словообразовании имен существительных, словообразовании имен прилагательных, словообразовании глаголов. Еще одним новым разделом является раздел «Персоналии», в который включены биографические и библиографические данные о выдающихся деятелях палеославистики и лингвистики; данный раздел можно назвать малым энциклопедическим справочником для студентов, интересующихся историей лингвистических исследований.

Данное издание учебника по старославянскому языку, благодаря исчерпывающему охвату материала, а также благодаря своему высокому стандарту качества, должно быть широко рекомендовано в качестве обязательной литературы как студентам, так и специалистам в области старославянского языка.

Перевод Натальи Кикило

¹ Црвенковска Е. “Нов учебник по старословенски јазик” (М.Л. Ремнёва *Старославянский язык*, Москва 2004). *Македонски јазик* LVI, 2005, 235–238.

Из бесед с М.Л. Ремнёвой

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Марина Леонтьевна, узнали о Ваших планах написать книгу, где речь пойдет о Вашей жизни, а значит, и о филологическом факультете, о Московском университете, с которым Вы навсегда связали свою судьбу, когда пришли еще в старое здание на Моховой как один из многих-многих абитуриентов... А почему Вы выбрали именно филологический факультет?

– В принципе, советская школа, в которой я училась, была, во-первых, очень разноликой, а во-вторых, очень хорошей. Поэтому у меня была мысль поступить и на

исторический факультет, и на филологический факультет, и на механико-математический факультет, и даже на биологический факультет. И что самое интересное, я могла поступить на любой факультет без помощи репетиторов. Потому что школа учила так, что этого было совершенно достаточно, чтобы человек моих способностей, – прямо скажем, не слишком блестящих, – мог выбирать между мехматом и филологическим факультетом. При том что и школа была не столичная московская, а находилась в Подольске. Из трех подольских школ (две женских и одна мужская) в высшие учебные заведения поступило 90% выпускников.

Я думала об историческом факультете, но потом те причинно-следственные связи и «контакты», с которыми я столкнулась в истории, от истории меня оттолкнули: мне показалось, что все эти «контакты» каждый может истолковать так, как ему хочется. Я могла пойти на романо-германское отделение (Кстати, у меня был еще очень хороший немецкий язык.) Но я так не хотела идти на романо-германское отделение! Когда после собеседования меня приняли на романо-германское отделение, я вернулась, несмотря на то что 2 июля, когда мне об этом сообщили, был страшный дождь, – вернулась на второй этаж старого здания и переспросила: «Меня точно взяли на русское отделение, а не на романо-германское?»

И все-таки почему филологический, что заставило Вас отдать предпочтение русскому отделению?

– Конечно, книги. Читали мы не то и не так, как сейчас читают. Мы читали так, что перечитывать заново во время учебы в университете было не нужно; всё, что было в наших списках, я уже давно прочитала. Я прекрасно знала Стендаля, Мопассана, Бальзака, Дюма... не говоря уже о русской литературе, которая всегда была рядышком со мной. Я почти наизусть знала Пушкина, Лермонтова, и когда по ночам все читали тома из списков, я спала, потому что я все это знала. А «Сагу

о Форсайтах» я к 10 классу прочитала уже раза 4, поэтому перечитывать «Собственника», который был в то время в программе, мне было просто смешно: я его знала близко к тексту.

Значит, повлияли именно книги?

– Не только. Потрясающим преподавателем русского языка и литературы была моя мама. И хотя она преподавала в мужской школе, я ходила к ней в кружок и приобщалась там уже к настоящей литературе. Разумеется, на меня повлияли родители (папа у меня был преподавателем истории), поэтому я гуманитарий, я как-то это осознала.

А каким был факультет в годы Вашей учебы?

– После ухода того поколения, которое было старшим по отношению ко мне, по отношению к нам, – то есть тех, кто принимал у нас вступительные экзамены и учил нас в 1950-е, 1960-е, в 1970-е и даже еще в 1980-е годы, – факультет обеднел, хотя я не могу сказать, что он стал хуже. Просто это были люди другого поколения, из другого социального слоя; люди типа Никиты Ильича Толстого или Рождественского, Гудзия... отголосок еще того, дореволюционного университета. А мы с вами знаем, что произошло с основной массой профессоров, преподававших в университете до 1917 года. Одни уезжали сами, других отправили на философском пароходе – от них избавлялись. А в итоге университетская планка стала чуть-чуть ниже. Не надо забывать и о том, что В.И. Ленин в 1919 году существование нашего факультета прекратил. Как прекратил существование всех гуманитарных факультетов в Московском университете. И профессор, будущий декан филологического факультета, Александр Николаевич Соколов преподавал литературу в школьном техникуме, где училась моя мама, – другого места для него не нашлось. И поэтому спасибо тому, кто решением Совнаркома в 1941 году вернул наши факультеты в Московский университет – и университет стал настоящим университетом, и мы снова оказались в лоне альма матер. Но, конечно, в чем-то помогло существование ИФЛИ. Однако эти 20 лет (с 1921 по 1941 год) скверно сказались на состоянии нашего факультета, сделали его бедным... Кроме всего прочего, не забудьте, что тут подоспел Марр. И для истории языка, для истории литературного языка, для славянских языков, для старославянского языка, для сравнительно-исторического языкознания в целом просто не осталось возможности развития. Поэтому над нашим факультетом – еще до нашего, до моего прихода – история пошутила очень безжалостно.

И как это повлияло на духовную атмосферу факультета?

– Что касается того времени, с которого я помню факультет, я бы сказала, что по духу своему он остался тем же. Наши преподаватели и студенты несравнимы с преподавателями других вузов и даже других факультетов университета. Если вы идете по коридору, вы обязательно отличите филолога от любого другого, кто забрел к нам в буфет, потому что это совсем другие люди. К нам идут те, у кого мама, бабушка, дядя учились на факультете. Таких на моих глазах прошло очень много. Наш факультет абсолютно прагматичен, рассчитывать на то, что, завершив его, будешь зарабатывать большие деньги, будешь «большим» человеком, нельзя. К нам идут те, кто готов учиться на прагматичном факультете, те, для кого важна духовность. Филолог противопоставлен миру потребления. Мы не принадлежим этому прагматичному веку, и именно поэтому мы сегодня полезны. Мы учим то поколение, которое будет жить тогда, когда эпоха потребления исчерпает себя. А тут, по-

жалуйста, готовенькие люди, у которых и с духовностью все хорошо, и книжки они читали, и в новых технологиях тоже разбираются.

А сегодняшняя молодежь – лучше, хуже прежней?

– Мы больше интересовались литературой, историей, чем выпускники нынешней школы, где с преподаванием гуманитарных наук очень много проблем. Конечно, дети сейчас немножко другие. В чем-то они сильнее нас. Они видят и знают мир: могут отправиться в Бразилию, а могут в Ригу. Они свободно обращаются с техникой, у них есть Интернет. А Интернет, хотя это и гнусная сплетница, – источник колоссального количества фактов. Да, они, конечно, немножко другие. Но они идут к нам – и становятся похожими на нас: читают книжки, изучают того или иного писателя, интересуются той или иной эпохой в развитии языка и литературы. Да, они используют новые технологии, но с помощью этих новых технологий они изучают то же, что изучали и мы. Значит, за их духовность можно не беспокоиться.

А в чем, по Вашему мнению, ценность филологии в современном непростом мире?

– Мы ценны сейчас, в основном, тем, что создаем будущую интеллигенцию. Нынешняя интеллигенция, к сожалению, во многом скомпрометировала себя. Мы помогаем вырастить ту интеллигенцию, которая будет совершенствовать нашу страну. Те знания, которые мы даем, – это основа для формирования такой интеллигенции.

Беседу провела А.В. Уржа

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Мы часто слышим о том, что русский язык – основа нашей культуры. Однако о происхождении русского языка, о его истории, а уж тем более о том, в чем разница между древнерусским, церковнославянским и старославянским, большинство имеет смутные, а порой и фантастические представления. Марина Леонтьевна, я намеренно буду задавать Вам «наивные» вопросы, а Вы представьте, пожалуйста, что разговариваете с дилетантом. Может быть, начнем с того, что, собственно, придумали Константин и Мефодий? Для многих это совсем не очевидно...

– Константин и Мефодий «придумали» азбуку церковнославянского языка, а древнерусский язык уже существовал сам по себе, как и все прочие славянские языки. Церковнославянский, русский извод старославянского языка, в отличие от древнерусского, не был языком повседневного общения. Задуман он был как письменный наддиалектный нормированный язык, как язык литературный. И прежде всего как язык общения с Богом, язык богослужения и богослужебных книг. В этом качестве церковнославянский, традиционный в своей основе, существует и сейчас, выполняя те же функции.

Постепенно церковнославянский расширяет сферу своего бытования, становясь в Древней Руси языком науки, а затем и языком оригинальной – непередаваемой – древнерусской литературы. Причем в древнерусской литературе разрабатываются и те жанры, которые пришли к нам вместе с христианской литературой, и те, которые «произрастали» на восточнославянской почве (например, жанр русской летописи). А пишутся все эти тексты по-церковнославянски. Так пришедший вместе с христианской литературой язык становится языком высокой русской книжности.

А лежащий в основе церковнославянского старославянский – это?

– Старославянский – это язык переводов греческих богослужебных книг на славянский. Причем переводы Константина и Мефодия и даже их ближайших учеников известны нам только в списках – копиях, датированных X–XI вв. Классический старославянский приходится реконструировать, используя при этом данные поздних старославянских, древнерусских памятников, памятников других родственных языков. Этот реконструированный язык и описан в учебниках. За время своего бытования на различных славянских территориях старославянский менялся, впитывая фонетические и грамматические особенности языка переписчиков. И поскольку очень рано (в X–XI вв.) он начинает использоваться славянами не только как язык церкви, но и как язык науки и литературы, старославянский проникается свойствами разных славянских языков, меняется под влиянием живой – болгарской, македонской, сербской, древнерусской – речи.

Постепенно у каждого из славянских народов появилась своя «версия» – или редакция – старославянского.

Разумеется, степень влияния родного, в нашем случае – русского, языка определялась разными факторами: грамотностью и начитанностью писца; характером памятника – копия ли это со старославянского или оригинальное произведение русского книжного человека. Зависело это и от содержания произведения: богослужебные тексты, торжественные слова, проповеди характеризовались строгим соблюдением норм старославянского языка; в летописях, в тех произведениях, которые были ближе к общественно-бытовой жизни, особенно в деловых документах, – больше элементов бытовой русской речи.

То есть церковный язык стал литературным?

– Да, поскольку церковнославянский язык обладал таким важным свойством литературного языка, как многофункциональность – применялся в разных сферах культурной и общественной жизни восточных славян. К тому же был стилистически дифференцированным: в произведениях сакрального характера использовался один вариант, в мирских текстах – другой. Можно говорить о двух вариантах нормы церковнославянского языка: строгой и сниженной. Церковнославянский строгой нормы применялся авторами богослужебной литературы, переводчиками (с греческого) памятников деловой и юридической письменности, ораторской прозы, житийной литературы. В других жанрах – летописях, словах, повестях – находим «сниженный» вариант.

У каждой из норм был свой набор признаков, свой тип образцового текста, и если сниженная норма допускала достаточно широкое проникновение элементов древнерусского (восточнославянского) языка, существовавших в качестве допустимых вариантов – на равных правах с церковнославянизмами, строгая норма восточнославянские элементы отсекала.

На протяжении десяти веков в России церковнославянский язык русского, восточнославянского, извода существовал в качестве литературного языка (до XVIII века). И Слово о полку Игореве написано не на древнерусском языке.

Но это же памятник древнерусской литературы...

– Древнерусской, которая пишется церковнославянским языком. Церковнославянский язык на русской почве существует как литературный язык России. А параллельно с этим существует древнерусский язык, на котором пишутся грамоты,

письма. Церковнославянский мог влиять на древнерусский. Но с XVI века начинается то, что мы называем сейчас демократической русской литературой. Есть потрясающие записки дворянина, который где-то был и записал все, что видел. Эти записки дворянина и есть русский язык. Кроме того очень интересен XVII век, где взаимовлияние двух языков становится крайне интенсивным, и примечательно, что распространяется это и на строгие жанры (богослужения, жития). В XVII веке появляются жития с сильным влиянием живого русского языка. Это тот самый момент, когда начинается определенный перелом в истории литературного языка. При этом сосуществуют, например, Житие Петра и Февронии 1-й и 2-й редакции – строгие, а муромской редакции – просто на русском языке, только иногда встречается аорист вместо формы на -л. Но уже Житие боярыни Морозовой – это не совсем житие, это повесть о жизни. Нарушаются нормы очень строгой литературной формы. С другой стороны, есть житие Юлиании Лазаревской: оно написано в строгом соответствии с канонами. Но женщина, о которой пишется в житии, не имеет никакого отношения к святым. В XVII веке строгая норма становится стилистическим приемом, а стилистический прием – это уже несерьезно.

А откуда взялся сам древнерусский язык? Азбука ведь создавалась не для русского языка?

– Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, откуда взялся язык, как он возник, – в том числе русский. Мы знаем, что русский язык существовал на Руси параллельно с церковнославянским. Чем писался? Кириллицей – точно не глаголицей. Глаголица вообще мало использовалась в Восточной Руси, – та самая глаголица, не кириллица, которую «придумали» для славянского языка Константин и Мефодий. Очень сложная азбука, исключительно непонятная, о происхождении которой спорят до сих пор.

Русским языком писались в основном грамоты, установления, договоры, вплоть до Уложения 1649 г. Все это написано на русском языке кириллицей, но с определенными особенностями грамматики. Что интересно, оказывается, А. Мейе, который когда-то сказал, что все славянские языки практически не отличались друг от друга и были близки, в принципе, создал легенду, потому что на самом деле языки отличались. Если мы возьмем памятники XI века церковнославянские и, с другой стороны, древнерусские (грамоты), то во всем – от склонения имен существительных до форм изменения глагола – они категорически отличаются, характеризуются разными системами. И фонетической, и, самое главное, морфологической. А морфология – это основа. Эти разные языки развиваются каждый своим путем. Особенность церковнославянского как литературного в том, что он долго не принимает никакого иноязычного влияния, не оказываясь, таким образом, под воздействием восточнославянского языка.

Но разве можно говорить о развитии церковнославянского языка?

– Правильнее будет сказать не развивается, а изменяется: говорить об эволюции церковнославянского языка нельзя. Но как язык сакральный, литературный, государственный – церковнославянский оказывает влияние на язык живой, восточнославянский. Есть одна грамота (XII–XIII вв.), хорошо проанализированная Л.П. Якубинским. Он сказал: автор *начал было* писать торжественным слогом и использовал сплошь аористы, потом он забыл о них, потому что не было форм прошедшего времени, а когда он вернулся к прошедшим временам, он *забыл* о формах аориста и начал пользоваться формами на -л. Эти два языка различались в области глагола. В церковнославянском сохранялась сложная система прошедших времен.

Еще один вопрос. Какой первый памятник именно на древнерусском языке?

– Грамоты.

Только грамоты? А литературные произведения?

Древнерусский не был литературным языком. Был такой ученый, очень серьезный, А.В. Исаченко, который задолго до А.А. Зализняка сказал все о Слове о полку Игореве. Он писал, что если бы спросили не культуроведа, не историка литературы, а лингвиста, тот бы сказал, что Слово могло быть создано только в XII веке. В принципе, мы не можем говорить о языке древнерусских памятников как о литературном языке. Это была просто письменная фиксация живой речи. Для литературного языка необходимы многофункциональность, стилистическое разнообразие, нормированность. Все эти черты характеризуют церковнославянский.

И все-таки – первое литературное произведение на русском языке?

– Я думаю, что это Карамзин. Первый – Карамзин; второй – Пушкин.

Беседу провела А.Г. Шешкен

Статъи

Articles

Н.Н. Старикова

Под знаком авангарда: конструктивистские опыты Сречко Косовела

Аннотация: В статье в рамках национального историко-культурного и литературного контекста рассматривается одна из сторон творчества выдающегося словенского поэта-авангардиста 1920-х гг. Сречко Косовела – его конструктивистские эксперименты со словом. Они свидетельствуют о том, что автор не только был знаком с теорией и практикой европейского и русского конструктивизма, но и успешно применял его художественные принципы в своих поэтических текстах.

Ключевые слова: Словенская литература, межвоенный период, литературный авангард, экспрессионизм, конструктивизм

Abstract: The article deals with the one aspect of creativity of the outstanding poet of the Slovenian avant-garde of the 1920s. Srečko Kosovel. His constructivist experiments with the word are examined in the the national historical-cultural and literary context. It means the author was not only familiar with the theory and practice of European and Russian Constructivism, but also successfully applied these artistic principles in its poetic texts.

Key words: Slovenian literature, interwar period, the literary avant-garde, expressionism, constructivism

Поэзия была и остается одним из бесспорных культурных достижений словенцев. В XX в. именно поэзия становилась первым полигоном художественных экспериментов, первой «примеряла» новые символистские, экспрессионистские, модернистские, постмодернистские и, как недавно убедительно доказал в своей книге «Конструктивизм и Косовел» (2014) литературовед Я. Вречко¹, конструктивистские «одежды». Новаторская поэзия главного «героя» этого исследования Сречко Косовела (1904–1926) – один из главных прорывов словенского авангардного искусства межвоенного периода.

Становление Косовела как мыслителя и художника пришлось на начало 1920-х гг. – время, ставшее для Словении судьбоносным, во многом определившее ее путь в XX в. Словенцы (как и многие другие народы Европы) только что пережили крупнейшую общечеловеческую и национальную трагедию – Первую мировую войну, после нее Австро-Венгерская империя, в составе которой Словения участвовала в военных действиях, исчерпала себя как государственное

¹ Вречко Я. Конструктивизм и Косовел. М.: Центр книги Рудомино, 2014.

Срчко Косовел
(начало 1920-х гг.)

формирование. Попав в орбиту югославского интеграционализма, Словения вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Королевство Югославия). Большая часть населения встретила это с энтузиазмом, ведь впервые в истории словенская нация получила частичный суверенитет. В Любляне был открыт университет (1919), учреждена Словенская академия науки и искусства (1938) и ряд других институтов общенациональной значимости. Но именно в это время окончательно рухнула надежда на объединение всех этнических словенцев в границах одного государства. В состав Югославии вошла Прекмурская область – часть Паннонской долины, ранее принадлежавшая Венгрии, но за пределами Королевства СХС, несмотря на протесты около 340 тыс. живущих там словенцев, осталось словенское Приморье – оно отошло Италии. Значительная часть словенских земель в бассейне реки Драва (Каринтия) оказалась спорной территорией, на которую претендовали как Вена, так и Белград. В начале 1919 г. при содействии третьих стран была проведена демаркационная линия и определены две зоны: «А», временно оказавшаяся под юрисдикцией Югославии, и «Б», попадавшая под мандат Австрии. В результате на спорных территориях был назначен плебисцит, и по итогам голосования Югославия потеряла обе зоны. Таким образом, к началу 1920-х гг. около трети словенского населения оказался за пределами нового государственного образования.

Все эти события не могли не сказаться на национальной литературе, которая, живо откликаясь на принципиальные общественно-политические и социокультурные изменения, развивалась в это время в «атмосфере свободного художественного поиска, идейных и философских споров и значительного художественного плюрализма»¹. С одной стороны, влиятельные католические круги, выступая со своей идеологической программой, пропагандировали идею крестьянской самобытности и мессианской роли народа в осуществлении экуменистических замыслов, приобретших в это время в Словении большую популярность. С другой, – начали распространяться марксистские учения и философия экзистенциализма. Духовный кризис, охвативший всю Европу после Первой мировой войны, требовал новых философских обобщений и подходов. В эстетическом плане существенное воздействие на литературную ситуацию продолжали оказывать традиции модерна – течения, достигшего расцвета в предыдущую литературную эпоху, в основе которого было сложное переплетение элементов импрессионизма, символизма и реализма, одновременно начали завоевывать позиции, внедряться художественное сознание авангардные тенденции, в частности эстетика экспрессионизма. Целый ряд словенских авторов – поэтов, драматургов, прозаиков, принадлежавших к разным поколениям, по-разному идейно и политически ориенти-

¹ *Старикова Н.Н.* Словенский исторический роман в XX в.: национальное и универсальное // Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа. М.: Индрик, 2006. С. 217.

рованных, – в той или иной мере проявили склонность к художественной системе, в которой ведущим является принцип выражения, а не изображения. В их творчестве элементы экспрессионизма проявлялись «дискретно», не всегда преобладали, но поскольку наиболее значительные в художественном плане результаты были достигнуты именно здесь, весь период в целом словенская литературная критика характеризует как «время экспрессионизма»¹. Его пик пришелся в Словении именно на 1920-е гг.; экспрессионизм как никакое другое авангардное искусство был созвучен состоянию людей, переживших потрясения войны и послевоенную разруху. В целом проявление экспрессионистских тенденций на словенской почве было обусловлено не только переживаниями военной катастрофы и ее последствий, но и национальной трагедией тех словенцев, которые после войны оказались на отторгнутых от родной земли территориях. Последнее придало национальной экспрессионистской модели патриотическую специфику. Связанные сочувствием к бесправным слоям общества, революционное и католическое направления словенского экспрессионизма различались по идеологии, проблематике, выбору средств борьбы с несправедливостью. Одни видели выход в революционных преобразованиях, другие – в нравственном совершенствовании личности. В стилистике экспрессионизма воплощались различные мировоззренческие концепции – от мистицизма и абстрактного «космизма» до острой социальной критики и революционных воззваний. Именно с экспрессионизмом, как отмечала критика, была связана в Словении «литературная революция»².

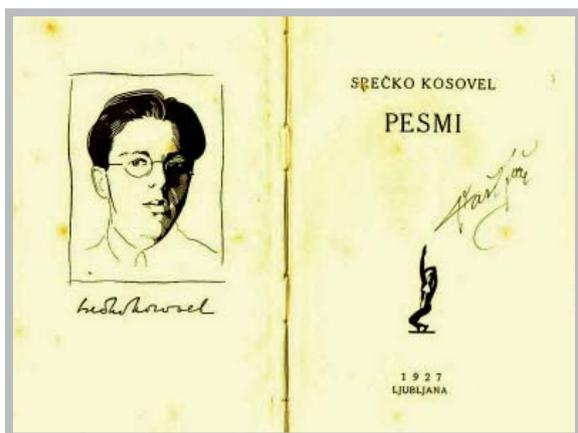
Идейный и духовный кризис, который вместе с большинством народов Европы переживало словенское общество после Первой мировой войны, требовал новой точки опоры – нового мироощущения, необходимого человеку, реальность которого превратилась в ужасающие развалины, подталкивал художника к новым художественным исканиям. При этом для словенских авторов, видящих в национально-охранительном пафосе важнейшую задачу художественного слова, эстетическая революция с самого начала предусматривала более лояльное, чем в западноевропейских литературах, отношение к национальной художественной традиции, т. е. заведомо более «мягкую» модель авангардного искусства. Однако опубликованные в последнее время архивные материалы, их анализ и научные комментарии³ свидетельствуют о том, что не всех словенских литераторов, синтезировавших старое и новое и традиционно причисляемых литературоведением к экспрессионистам, можно считать приверженцами умеренного пути обновления поэтики. В первую очередь это касается именно Косовела. Несмотря на трагическую непродолжительность творческого пути (умер от менингита двадцати двух лет), в своей художественной практике поэт сумел воплотить важнейшие черты нового революционного искусства: патриотический пафос, бунтарский дух, социальный протест и художественное новаторство. В ранних стихах Косовел, тогда еще ученик реального училища в Любляне, выступает как певец Словенского Приморья, воспевающий красоту и своеобразность родного края, – однако он стремительно вырастает из регионализма, обретает широту взглядов и с помощью новых для национального стихосложения форм, ритмики и строфики пытается выразить мятежные настроения своего времени: констатирует гибель бур-

¹ *Краль Л.* Период экспрессионизма в словенской драматургии // Славяноведение. 2000. № 1. С. 48.

² Энциклопедический словарь экспрессионизма / Гл. ред. П.М. Топер. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 524.

³ См.: *Pahor B. Srečko Kosovel. Pričevalec zaznamovanega stoletja.* Ljubljana, 2008; *Vrečko J. Srečko Kosovel.* Ljubljana, 2011; *Вречко Я.* Конструктивизм и Косовел. М., 2014.

жуазной культуры и призывает к борьбе за светлое и прекрасное будущее, убежденный в том, что революционный путь изменения действительности единственно верный. В 1922–1926 гг. Косовел учится на философском факультете Люблянского университета, печатается в журналах «Препород», «Трие лабодье», сотрудничает в журнале «Младина», под влиянием концепций социального гуманизма и пацифизма Р. Тагора и Л. Толстого и пролетарской культуры активно пропагандируя на его страницах идеи социального равенства. Подготовленный к печати поэтический сборник «Золотой челн» (1925) не был опубликован при жизни автора. Современники осознали масштаб творческого дарования Косовела только после выхода подготовленных по рукописям его посмертных книг «Стихотворения» (1927) и «Избранные стихотворения» (1931).

Первый сборник Косовела «Стихотворения», вышедший посмертно

Свои взгляды на искусство поэт сформулировал в манифестах «Кризис» и «Механикам!». В программном выступлении «Кризис», несколько раз произнесенном перед аудиторией и напечатанном в двух номерах «Младины» (2, 3 за 1925/26 г.), Косовел, с одной стороны, вполне в духе европейского мессианско-утопического экспрессионизма констатирует смерть Европы: «До смерти измученный европеец <...> имеет одно желание – умереть», потому что «политический абсолютизм давит на измученную Европу», потому что новое искусство «родилось из ожидания войны», после которой – «хаос,

анархия, нигилизм»; с другой – заостряет национальный аспект, утверждая, что у словенцев экспрессионизм порожден самой жизнью, а не искусством, так как он вытекает из «отчаянного положения четвертованного народа, сто раз униженного и ни разу не увенчанного словом Правды»¹. «Наше искусство, – заключает он свой монолог, – будет отражением нашей борьбы и нашего самосовершенствования»². Единственный выход из тотального кризиса эпохи поэт видит в революции, понимаемой как революционный путь социального, культурного и этического обновления, в движении «сквозь ничто в красный хаос», из которого выйдет «обновленное человечество». Он новаторски воплощает дуалистические мотивы, отвечающие движению эпохи: мироощущение человека на переломе, обреченность прежнего мира, гибель буржуазной культуры («Моя песня», «Экстаз смерти», цикл из девяти стихотворений «Трагедия в океане») – и призыв к новому светлому и прекрасному будущему («Красный атом», «Революция», «Не тужи, друг»):

*Naši navori v žrtvi in delu
Bodo razgibali mrtvo telo,
In kar je strto ležalo v pepelu,
Bo kakor slap vžuborelo v nebo.
Poglej, drugovi: iz naše moči
Se novo, bodoče življenje budi!
(Rdeči atom)*

¹ Kosovel S. Kriza // Slovenski literarni programi in manifesti. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1990. S. 70.

² Kosovel S. Kriza. S. 78.

*Наши усилия, жертвы и дело
расшевелият мертвое тело,
и если оно валялось во прахе,
то водометом взовьется в небо.
Гляньте, товарищи, наша мощь
новую светлую жизнь пробуждает!*
(«Красный атом», перевод Д. Самойлова)

Лирический герой здесь не пассивный участник потока жизни, а творец новой реальности, воплощаемой в новом поэтическом пространстве, где стих – орудие протеста против бездушной цивилизации, где «всякий рабочий будет человек, / а всякий человек – рабочий». Для поэта характерно стремление новым поэтическим языком говорить не только о социально-политических и общественных противоречиях эпохи, но и о любви, творчестве, жизни. «Как в музыке я использую диссонанс, уравнивающий гармонию, так в стихе мне нужен банальный образ, который и создаст контраст с тем, что в нем (стихе) есть особенного, возвышенного, драгоценного»¹, – писал Косовел М. Самсовой.

*Sedim in pišem.
Pred mojim oknom zlato sadje.
Vse je pesem.
Na mojem oknu
ni belih zastorov.
Tudi to rdeče listje
na latnikih: pesem.
Tigrasta mačka
me gleda.
Njeno oko: camera obskura.
Zelena tajnost.
Nate mislim, ki si odšla
kot bel labod
preko rdečih vodá.*

(Pesem)

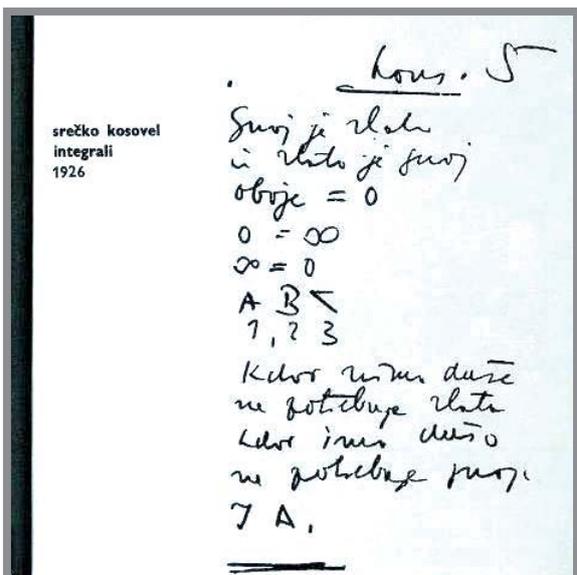
*Я сижу и пишу.
Перед моим окном
золотые плоды.
Все – стихи.
На моем окне
нет занавесок.
И эта рыжая листва
на деревьях – стихи.
Тигровая кошка
смотрит на меня.
Ее глаз – камера обскура.
Зеленая тайна.
Я думаю о тебе, плившей,
словно белый лебедь
по красным волнам.*

(«Стихотворение», перевод мой. – Н.С.)

¹ Kosovel S. Pismo M. Samsovi 11.07.1925. (Kosovel S. Zbrano delo III. Ljubljana: DZS, 1977. S. 555).

Особое место не только в творчестве Косовела, но и во всей словенской поэзии XX в. занимает его цикл «Интегралы», ставший реальностью литературного процесса с полувековым опозданием (написанный в середине 1920-х, цикл был опубликован только в 1967 г.). Сборник назвали «Интегралы 26», в него вошли конструктивистские упражнения Косовела, не имеющие аналогов на родине. Эти произведения, по мнению ученых, открыли «ранее неизвестную главу не только в литературе Словении, но и всего европейского поэтического авангарда»¹.

Дневники и личная переписка Косовела дают основания полагать, что ему были

На обложке сборника «Интегралы 26» автограф стихотворения Косовела «Конс 5»

известны ведущие европейские авангардные течения 1920-х гг. и их представители, что он изучал подшивки таких журналов, как «Вещь», «Зенит», «Штурм». Благодаря другу, художнику Августу Чернигою, посещавшему лекции В. Кандинского и Л. Мохоли-Надя в «Баухаузе» (Высшей школе строительства и художественного конструирования) в Германии и познакомившего Косовела с их содержанием, поэт последние два года жизни активно экспериментировал с паралитературными художественными средствами, в результате чего на свет появились словесно-графические опусы, названные автором «консами» (конструкциями). Это поэтическая форма, составленная из символических аббревиатур, где

используется игра со знаками, лозунгами, физическими терминами, математическими и химическими формулами, зеркально написанные строки, строки в виде геометрических фигур и коллажей.

Коллаж Косовела «Пространство», середина 1920-х гг.

¹ Flaker A. Konstruktivna poezija Srečka Kosovela // Obdobje ekspresionizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1984. S. 173.

Цикл «Интегралы» также свидетельствует о том, что Косовел был знаком с теорией и практикой конструктивизма, прежде всего, как показывают исследования Я. Вречко последних лет, русского¹. Стихотворные конструкции этого цикла можно смело назвать самым новаторским художественным воплощением словенского литературного авангарда 1920-х гг.

Конструктивизм привлекал Косовела своей мотивированностью, возможностью повышать смысловую нагрузку (грузификация слова), поэтикой парадокса, осуществляющей «скачок из механики в жизнь», «информационной плотностью» каждого сегмента стиха, «достоинством стиля», состоящего в том, чтобы «доставить возможно большее количество мыслей в возможно меньшем количестве слов» (А. Веселовский)². Это наглядно иллюстрируют такие консы, как «Конс 5», «Стихотворение № X», «Серо», «Цирк Клюдского, место № 461» и др.

*Gnoj je zlato
in zlato je gnoj.
Oboje = 0
0 = ∞
A B <
1, 2, 3.
Kdor nima duše,
ne potrebuje zlata,
kdor ima dušo,
ne potrebuje gnoja.
I, A.*

(Kons 5)

*Навоз – это золото,
и золото – это навоз
и то и другое = 0
0 = ∞
∞ = 0
A B <
1,2,3.
У кого нет души,
тому не нужно золото,
у кого есть душа,
тому ни к чему навоз.
И, А.*

(«Конс 5», здесь и далее перевод Ж.Р. Кнапа и И.Н. Щукиной)

Этот текст, как, практически, все «конструкции» Косовела, требует определенного комментария, основанного на знании истории его создания и историко-культурного контекста мировоззренческих и художественных исканий автора. Ряд разнородных элементов, составляющих это стихотворение, достаточно эклектичен: от математических знаков до звукоподражания (имитация ослиного крика в финале). Первооткрыватель конструктивистских экспериментов Косовела, редактор первого собрания сочинений поэта литературовед А. Оцвирк, интерпретируя стихотворение, упоминает брошюру для просвещения словенских крестьян «Навоз – это золото», попав-

¹ Вречко Я. Косовел и русский литературный центр конструктивистов // Филологические заметки: Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 2: В 2 ч. Ч. 2. Пермь; Любляна, 2003. С. 4–36.

² Цит. по: Шкловский В.Б. Искусство как прием. [Электронный ресурс]. vk.com/doc14607372_248438903?hash=6652b079bfadfea50c&dl=1980df3016a6bd6a62M

шую в руки поэту в 1925 г. Не менее важна и дневниковая запись Косовела того же года: «Золотая лихорадка / У людей золотая лихорадка. Капитализм / Навоз – золото. / Золото – навоз... / Культура = служанка / служанка капитала»¹. Налицо противопоставление материального и духовного, при котором предметом сатирического изображения становятся капиталистические ценности. Аппелляция к символу бесконечности может быть связана с увлечением Косовела экспериментами художника-конструктивиста Э. Лисицкого, нередко использовавшего этот символ (например, его известный фотомонтаж «Татлин за работой», 1921–1922).

Эль Лисицкий. «Татлин за работой»
(1921–1922)

*Strup za podgane. Pif!
Pif, Pif, Pif, Kh.
KH. KH. KH.
Podgana umira na podstrešju.
Strihnin.
O moji mladi dnevi,
kakor tiho sonce na podstrešju.
Raz streho čutim dehtenje lip.
Crk, crk, crk, crk
crkni
Človek
Človek
Človek.
Ob 8. uri predavanje
o človečanskih idealih.*

Финальную строку стихотворения, «доводящую все до кульминации» (А. Оцвирк²), можно рассматривать не просто как ироническое дистанцирование автора от реальности, но и, по мнению М. Коса, как прямую отсылку к книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (ослиный крик появляется там несколько раз, выполняя сатирическую функцию)³. Некоторые другие гипотезы, связанные с интерпретацией «Конса 5», представлены в уже упомянутой монографии Я. Вречко⁴.

Не менее «многослойно» «Стихотворение № X», написанное 24 июня 1925 г. и названное в духе Кандинского, часто обозначавшего так свои абстрактные композиции. Оно не содержит геометрических форм, знаков, формул или символов – лишь графическую игру со шрифтом. Первая и пятая строка воспроизводят надпись этикетки пузырька с крысиным ядом, между ними с помощью звуковой фактуры представлено его действие – агония крысы.

¹ Kosovel S. Zbrano delo III. Ljubljana, 1974. S. 688.

² Ocvirk A. Literarna umetnina med zgodovino in teorijo. Ljubljana, 1978–1979. S. 579.

³ Kos M. Косовел и нигилизм: попытки конструктивной деструкции // Филологические заметки: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4: В 2 ч. Ч. 2. Пермь; Скопье; Любляна, 2006. С. 57.

⁴ Вречко Я. Конструктивизм и Косовел. С. 187–197.

*Listi prinašajo slike
bolgarskih obešencev.
Ljudje – ?
Citajo in se boje Boga.
Bog pa je na raspoloženju.*

*Яд для крыс. Пиф!
Пиф. Пиф. Пиф. Кх.
КХ. КХ. КХ.
Крыса умирает на чердаке.
Стрихнин.
О дни мои молодые,
как тихо солнце на чердаке.
С кровли доносится аромат лип.
Блх, дых, сдых, сдох
Сдохни!
Человек
Человек
Человек.
В 8 часов лекция
о человеческих идеалах.
Газеты приносят фотографии
повешенных болгар.
Люди – ?
Читают и боятся Бога.
А Бог всегда в настроении.*

Монтажная техника соединяет лиризм и драматизм: равномерный ритм умиротворенных воспоминаний («*молодые дни, тихое солнце, аромат лип*») контрастирует с со звукоподражательным рядом междометий, воспроизводящих мучения крысы и трансформирующихся в императив, обращенный к бесконечному ряду людей («Человек, Человек, Человек» – «Сдохни!»). В современном мире человек подыхает, как отравленное животное. Вторая, «газетная» часть стихотворения, символизирующая городскую культуру, также антитетична: объявление, приглашающее на лекцию «*о человеческих идеалах*», соседствует с фотохроникой реального события – политической казни, состоявшейся 3 мая 1925 г. в Софии (по одной из версий среди повешенных мог быть болгарский поэт-авангардист Гео Милев). Фотографии казненных, помещенные на газетный разворот, не потрясают «чистую» публику, пришедшую послушать умные рассуждения, – человечество перестало быть человеческим, утратило гуманистические основы бытия. Остается Бог, но он – над схваткой.

В стихотворении «Цирк Клюдского, место № 461», помимо отмеченного Е.И. Рябовой мотива духовной деградации человека¹, явственно прослеживается присущая авторам авангарда увлеченность субкультурными формам: кабаре, варьете, цирком.

*Circus.
Galerija.
Prostor št. ...
Kolombina
se slači, se slači.*

¹ Рябова Е.И. Словенская революционная поэзия 20-х годов // Советское славяноведение. 1967. № 3. С. 15.

*Vsi gledajo.
Nihče ne vidi,
Da se drži na zobeh.
Dviga se. že pod šotorom.
Drzke opazke.
Sramoten smeh.
Zdaj spusti zadnjo tančico.
Oni jo gledajo,
Grizejo z očmi
V njeno mehko telo.
Ploskajo.
Lepa bedra ima.
Valovite prsi.
Ploskajo
in zasmehujejo
njeno trpljenje
in sramotijo.
Vidite: žival
Ploska človeku.
Človek je žival.
Žival je človek.
Ventil počí.
Levi besnijo.*

*Цирк.
Галерея.
Место № ...
Коломбина
Раздевается, раздевается.
Все смотрят.
Никто не видит,
Что она держится на зубах.
Вот она уже под куполом.
Похотливые замечания.
Позорные смешки.
Вот летит вниз последняя вуаль.
Они разглядывают ее,
Грызут глазами
Ее мягкое тело.
Рукопещут.
Бедра хороши.
Холмики грудей.
Рукопещут,
И потешаются
Над ее страданием,
И пачкают ее словами.
Видите: животное
Рукопещет человеку.
Человек – это животное.
Животное – человек.
Клапан сорвало.
Львы в ярости.*

Стихотворение было написано в июле 1925 г. после просмотра представления в цирке-шапито, гастролировавшем в Любляне. Косовел использует здесь прием коллажа: название дополнено проштампованным билетом с номером места в цирковом шатре, подтверждающим присутствие поэта в цирке, а значит, и аутентичность всего происходящего. Этот ход заимствован у авангардных художников, которые часто внедряли в свои полотна реальные предметы, фокусируя внимание на ценности творческого процесса (например, коллаж А. Родченко «Билет 1919»). Цифра в подзаголовке придает стихотворению еще одно смысловое измерение – роль человека в современном обществе ничтожна, он по-бодлеровски «одинок среди толпы огромной». Хрупкая Коломбина противостоит оголтелой, похотливой, озверевшей толпе, и поэт со своего места номер 461 никак не может этому помешать. Черда ритмичных кадров: общий план – цирк, средний план – галерея, крупный план – место № 461 – сменяется сценой «взаимодействия» героини и толпы, после чего поэт выносит современной цивилизации приговор: мир превратился в зверинец, потерявший человеческий облик индивид опасен не только для других, но и для самого себя.

Эстетическая эволюция Косовела была стремительной, его художественные искания измерялись не годами, а месяцами. При этом он ставил перед собой задачу не только изучать доступную теорию и практику авангардных течений своего времени, но и синтезировать их достижения в своих текстах. В черновике наброска статьи «Современная европейская жизнь и искусство» (1925) записано: «Искусство – теперь не только эстетическая проблема, как полагают некоторые университетские эстеты, но эстетическая, этическая, социальная, религиозная, революционная, одним словом, жизненная проблема»¹. Это может свидетельствовать о глубоком понимании автором значения этического измерения конструктивизма, который «открыл возможность преодоления двойственности “чистого” (“духовного”) и “функционального” (или “утилитарного”) искусства»².

Новаторские художественные поиски С. Косовела, смелый и во многом неожиданный для национальной поэтической традиции синтез в его творчестве новейших экспериментальных веяний оказали существенное влияние не только на литературный климат Словении 1920-х гг., но и всего XX в. Революция поэтической формы, осуществленная Косовелом, который вслед за лириками модерна преодолел герметичность национальной культуры, стала одной из предпосылок дальнейшего полифонического развития словенской поэзии. Так же, как произведения болгарских символистов, польских футуристов, чешских сюрреалистов, его поэзия, по справедливому замечанию Л.Н. Будаговой, «расширила пределы допустимого в искусстве, ослабив те цензуры и тормоза, которые приводили творческую мысль к самоограничениям, удерживали ее в рамках традиционных поэтик»³. Без художественных поисков Косовела вряд ли было бы достигнуто то семантическое и стилистическое многообразие, которое отличает современное словенское стихосложение. Прекрасный поэт Тоне Павчек, знавший А. Ахматову и И. Бродского, написал: «Воспринимать поэзию Словении <...> – значит осознавать, как <...> утверждались национальное самосознание и независимость самой поэзии. Возможно, благодаря единству в ней традиционного и модернистского, национального и европейского,

¹ Kosovel S. Zbrano delo III. S. 650.

² Briski-Uzelac S. Konstruktivizam / etička dimenzija // Pojmovnik ruske avangarde 5. Zagreb, 1987. S. 23.

³ Будагова Л.Н. Авангардизм в поэзии славян (о функции и специфике авангардных течений) // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. М., 1993. С. 144.

А. Чернигой. Сречко Косовел
(1926, линогравюра)

ангажированного и поэтически независи-
мого можно сказать, что без европей-
ской поэзии словенская поэзия XX в.
(а теперь и века XXI. – Н.С.) не была
бы такой, какова она есть, и что она не
была бы словенской, если бы не стала
столь неповторимой в хоре поэзии дру-
гих народов»¹.

ЛИТЕРАТУРА

Вречко Я. Конструктивизм и Косовел. М.: Центр книги Рудомино, 2014. 288 с.

Старикова Н.Н. Словенские поэты-авангардисты 1920-х гг. // Поэтический мир славянства. Общие тенденции и творческие индивидуальности: Исследования по славянской поэзии. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. (Серия «Slavica et Rossica»). С. 136–147.

Старикова Н.Н. Косовел Сречко // Лексикон южнославянских литератур. М.: Индрик, 2012. С. 190–192.

REFERENCES

Flaker A. Kosovelov integralni grad. In: Zbornik ob sedemdesetletnici Franceta Bernika. Ljubljana. ZRC SAZU. 1997, ss. 107–116.

Pahor B. (2008) Srečko Kosovel. Pričevalec zaznamovanega stoletja. Ljubljana. 163 s.

Slovenski literarni programi in manifesti. Ljubljana. 1990. 256 s.

Starikova N.N. Slovenian avant-garde poets of the 1920s. In: Poetic World of the Slavs: General Trends and Creative Personality (research on Slavic poetry in two parts). Moscow. 2006, pp. 136–147.

Starikova N.N. Kosovel Srechko. In: Lexicon of South Slavic literatures. Moscow. Indrik Publ. 2012, pp. 190–192.

Vrechko Ya. (2014) Constructivism and Kosovel. Moscow. Book Center Rudomino. 288 p.

Сведения об авторе:
Надежда Николаевна Старикова,
докт. филол. наук,
зав. Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы
Институт славяноведения РАН,
профессор

¹ Павчек Т. Словенская поэзия XX века // Поэзия Словении. XX век. М., 1989. С. 6.

кафедры славянской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Nadezhda N. Starikova,
Doctor of Philology,
Head of the Department of Modern Literature
of Central and South-Eastern Europe
Institute of Slavonic Studies RAS;
Professor
Department of Slavic Philology
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
nstarikova@mail.ru

Топос станице и утопија будућности у 'Заточнику' Бранка Ћопића

Сажетак: У раду се анализира топос станице у приповеци 'Заточник', која се налази у другом делу збирке Бранка Ћопића 'Башта слезове боје'. Испитују се његова својства и функција у структури приповетке, као и веза са мотивима пута и раскршћа ('Побуњени машиновођа', 'Илија на раскршћу'). Запажа се идеолошка конотација и трансформација овог топоса, која је праћена трансформацијом на стилском плану, односно, меланхолично обојеним и сатирички интонираним приповедањем о нереализованој утопији будућности.

Кључне речи: 'Заточник', топос, станица, утопија, будућност, меланхолија, сатира

Анотација: В докладе анализируется топос вокзала в рассказы «Поборник идеи», который составляет вторую часть сборника Бранко Чопича «Сад цвета мальвы». Исследуются свойства и функция топоса в построении рассказа, а также и его связь с мотивами дороги и распутья («Взбунтовавшийся машинист», «Илья на распутье»). Выделяется идеологический оттенок и трансформация данного топоса, сопровождаемая трансформацией в стилевом плане, т. е. меланхолически окрашенным и сатирически интонированным повествованием о нереализованной утопии будущего.

Ключевые слова: «Поборник идеи», топос, вокзал, утопия, будущее, меланхолия, сатира

Књижевно дело Бранка Ћопића настало је у хронолошки различитим раздобљима, од предратног, преко ратног до последњег периода који је трајао од 1970. до 1984. године. У петнаест томова *Сабраних дела* Бранка Ћопића, објављених 1985. године, улази чак 768 књижевних радова овог писца, од којих замашан број (59,22%) чине приповетке (Тошовић 2013: 13–14).

Увид у Ћопићеве наслове (Тошовић 2012: 19) показује да се у њима неке лексеме тичу железнице: *Пјесма машинисте на дрварској локомотиви* (Пјесме: *Огњено рађање домовине*); *Машиновођа* (Пјесме пионирке: *Приче испод крњег мјесеца*); *Побуњени машиновођа* (*Животи у магли*); *Ложач електричне централе* (Пјесме пионирке: *Приче испод крњег мјесеца*); *Прича о мајстору* (Пјесме пионирке: *Сунчана република*); *Јунаштво старога ковача* (Планинци). Има и приповедака којима су у наслову лексеме које се односе на путовање: *Путник* (Пјесме пионирке: *Моја мала из Босанске Крупе*); *Тужни путник* (Пјесме: *Ратниково прољеће*); *Чудноват*

свјетски путник (*Приче испод змајевих крила*); *Незгодан сапутник* (*Доживљаји Николетине Бурсаћа*). Запажа се да у називима приповедака са антрополошким садржајем преовлађују занимања и карактеризације ликова већином мушког пола. Један део тих наслова указује на односе међу људима (*Мој комшија*, *Одговор земљаку...*), други на одређену квалификацију (*Дамбаси*, *Сањари на друмовима*, *Сторуки сељачак*, *Покојник на подушју*, *Болесник*), или на страст (*Хвалисавци*), на карактер (*Незадовољници*) и на друге особине ликова (*Бегунац*, *Заточник*).

Прича *Заточник* налази се у збирци *Башта сљезове боје*, у циклусу *Дани црвеног сљеза*. Она припада делокругу антрополошке проблематике збирке, у коме се тематизују усамљеност и губитништво. Преко цикличних веза у контексту повезани су пролог и појединачни циклуси збирке. То је омогућило да се у пролошком тексту (*Писмо Зији Диздаревићу*) активирају антропонији револуционарног модела културе са којом се *Дани црвеног сљеза* тематски повезују: З. Диздаревић, И. Горан Ковачић, Х. Кикић и Ф. Гарсија Лорка. Познато је да је у књижевности Ћопићевог времена револуција била посебан, “изузетно семантичан феномен, централна семантичка структура како соцреализма, тако и послератног модернизма” и да је на тим поетичким принципима стварао и Бранко Ћопић (Већановић 2013: 91). Са тематиком револуције, коју прате егзистенцијална угроженост и одсуство сигурности, у *Данима црвеног сљеза* напушта се поетички модел ушущканог и заштићеног простора детињства. Граница која раздваја први од другог циклуса Ћопићеве збирке праћена је измењеном перспективом приповедања, географијом ратног завичаја, редуковањем доживљајне функције приповедања и приближавањем позицији свезнајућег приповедача који, доводећи у питање приповедну илузију, коју проблематизује, има склоност ка иронији / сатири. У другом делу збирке доминира историјско (ратно и поратно) време, а простор се трансформише у уситњене, па и идеолошке топове (релејна станица, ратиште, гробље, спомен место). Док су приповетке из првог циклуса осенчене хумором, други циклус је носталгичан и меланхоличан јер се приповедање више не доводи у везу са хронотопом баште, односно, са простором детињства и утопијском прошлосту, већ са нереализованим сном о будућности и изгубљеним потенцијалом садашњег / послератног времена. Празна садашњост и испражњена будућност натераће бившег митраљезца Стевана Батића, јунака приче *Заточник*, да напусти земљу.

Прича *Заточник* развијена је преко три кратке епизоде јунаковог сусрета са некадашњим ратним комесаром. У првом и другом делу приче Стеван Батић је представљен док даје помен својој чети, у завршном – пре одласка у туђину трбухом за крухом. Између два временски блиска тренутка скициран је јунаков живот и оцртано послератно време у коме су изневерени идеали пролетерске борбе.

Ратни митраљезац, херој и “споменичар”, Стеван Батић потпуно се усамео и одметнуо од дојучерашњих другова. Као заточник прошлости и некадашњих идеала, ојађен је због небриге, лажног јунаштва и празне свечарске атмосфере мирнодопског доба, па, одбијајући да учествује у званичној прослави двадесетогодишњице битке у којој је потучена читава непријатељска дивизија, одлучује да сам да помен својој тада изгинулој чети:

Поред саме гробљанске ограда улогорио се Стеван Батић са својом бабом. Пред њима, на састављеним столњацима пет печених брава (четири овце и ован):

- Свраћај, друже председниче.
- Побогу, Стево, чије ти је то толико печење?
- Моје, друже председниче, индивидуално.

- Твоје?!
 - Шта се чудиш, друже комесару. Ваља ми дати помен мојој чети. Онога дана углавном је овдје остала.
 - Па зар читаво своје стадо, брате мили?
 - То је моја ствар.
 - А шта ти велиш на то, другарице? – окреће се председник баби.
 - Како Стево каже – кротко изусти жена у црном.
- Председник пажљиво одмјери бившег митраљесца. Избријао се ратник, закопчао, на грудима сребри се Споменица, сијају три жута ордена за храброст.
- Богами, ти се баш дотјерао, а?
 - Па јест, и ред је. Дошао у госте старом друштву, па да се препознамо. И ово би све, листом, био споменичар и то онај прави, само да су преживјели (Ђопић 1970: 199).

Стајна тачка на којој се јунак налази (“на утрини повише друма”), положај његове куће (испод гробља, поред друма) и место на коме даје овај помен (“поред саме гробљанске ограде”) симболички уоквирују јунаково држање и понашање: Стеван је уздигнут изнад званичне поворке и људи који припремају прославу и постављен близу гробља као бедем, бранилац успомена на погинуле другове. Појединости Стевановог изгледа (“усукан, црн и босоног”) доведене су у везу са његовим поступцима и речима, па све наговештава да јунака нешто озбиљно мучи. Уз то, и свака његова реч изражава јад и озлојеђеност, незадовољство и оптужбу:

- Здраво, Стево, соколе, како си ми?
- Како? Па, нешто боље нег’ они горе, веселници, на брду.
- Е, ти опет! – пријекорно ће председник. – Гониш увијек оно своје, тер своје.
- А шта би друго. Може ми се тако, па ето.
- Спремаш ли се за прославу, Стеване?
- Ја сам своје прославио онда кад је требало. Вала сам и осеирио, до последњег метка (Ђопић 1970: 197–198).

Кроз ове речи, а још више кроз њихову експресивну недореченост, износи се јунаково разочарање у људе и тужитељски однос према послератном времену које је изневерило идеале револуционарне етике и друштвене / социјалне правде.

Сиромашан, али поносан и достојанствен, јунак ће тек при случајном сусрету са ратним другом на железничкој станици открити да једва саставља крај са крајем и да мора кренути у печалбу. Околности у којима се сусрећу (тмуран дан, неминовни растанак, ћутљиви људи на перону, на брзину измењене речи и председничково изненађење и непознавање Стеванових проблема) подешене су тако да употпуне разговор међу јунацима:

Згомилали се на станици људи с торбама, коферима и пакетима. Пуши се и ћути под облачним небом неминовна растанка.

Председник стиже на десетак минута прија наиласка брзог воза. Путује и он, опет на неку од оних безбројних конференција.

У ћутљивој гомили одмах је препознао свог ратног друга.

- Стево, и ти некуд на пут?
- И ја, друже комесару.
- Далеко?
- У Шведску, друже ком...
- Остављаш земљу?
- Као што видиш. Бранио је и одбранио, а сад... Шта ћеш, трбувом за кривом као и наши стари, друже мој мили, Стојане (Ђопић 1970: 200).

Стеванови одговори делују као да су једва изговорени, али добијају смисао највеће оптужбе јер сведоче да су победници заборавили на своје живе другове! (Бајић 2004: 108–111)

Топос станице везује се за одређене сижејно наглашене ситуације у приповеци. Иако се повезује са несумњивим идеолошким подтекстом, он може да представља и место – знак раскршћа, пресецања путева, границу између два простора. У митопоетском моделу света раскрсница / раскршће је нечисто и опасно место негативног вредновања на коме бораве демони и душе предака. За раскрсницу се везују многи обреди (врачање и уклањање урока, исцељење греха, кажњавање грешника, кршење аманета, убиство сродника). Као место укрштања путева, раскрсница је табуисано место и боравиште хтонских бића посебно опасних за човека (ђавола, демона, ала, вештица). Од давнина на раскршћу се приносе обредне и крвне жртве да се умилостиве господари тог хтонског простора. Веровање да душе предака прате погребне и свадбене поворке, али и путнике, укључује и забрану освртања на путу, као и правило одласка једним а повратка другим путем.

Улога топоса станице као границе која дели два семантички супротна простора у *Заточнику* је наглашена њеном истакнутом, финалном позицијом као и самим догађајем који се за њу везује, односно одласком јунака из семантичког простора (завичаја) коме (до тада) припада. То што се и како се Стеван Батић нашао на раскрсници, симболичком али и табуисаном месту, посредно говори о тежини кажњавања и жртвовању овог јунака “грешника”. Запажа се да и просторна одређеност његове куће (испод гробља) и логора (поред гробљанске оgrade) има хтонске елементе. Тако и ове просторне одреднице добијају митску семантику, повезујући се са скученошћу, материјалним злом, тамом и сфером смрти. У приповедање је уведена и схема забране, која јунаку не дозвољава окретање на путу, а укључује поштовање одласка једним и повратка другим путем. Како је у приповеци извесно да за Стевана нема другог пута (пута повратка), овакво условљавање у ритуалном контексту може се схватити и као његово коначно страдање / смрт.

Док су у песмама *Пјесма машинисте на дрварској локомотиви*, *Машиновођа*, *Ложач електричне централе* локомотива која јури и машиновођа који њоме управља дати у сликама надахнутим борбеним и револуционарним патосом, у *Заточнику* су идеолошка семантика и реторика тог типа измењене присуством критичког дискурса који тематизује испражњену утопију будућности среће и социјалне правде. Снажним полетом испуњен је и сан Илчића Пејића да буде машиновођа и да вози моћну машину “да све тутњи и грми” у причи *Побуњени машиновођа*. Моћно чудовиште, тешка локомотива требало би да мигрантског субјекта, маргинализованог јунака одведе у земљу у којој нема сиромаштва ни изгнаничког скитања преко сремских равница “трбувом за крухом”.

Готово све приче у збирци *Башта сљезове боје* обојене су добродушним и добронамерним смехом. У њима се хуморно сенчење догађаја остварује преко комичних ситуација (неспоразума) у којима се јунаци затичу (*Ти си коњ*, *Маријана*, *Свети Раде Лоповске...*), па тако смех који побуђују ублажава утисак који на читаоца оставља приповедање о усамљености и губитништву, док незлобиви став према ликовима исте штити од прекора у виду злобног, недобронамерног смеха (Бајић 2004). Приповетка *Заточник* друге је врсте. Немогућност интегрисања идеала и стварности, жеља и животних околности проузроковала је развој носталгије у овој приповеци. Та носталгија почива на чежњи за прошлошћу која нема удела у будућности, на жудњи за узоритим обрасцима живота у нереализованом сну

о долазећем, новом времену. Приповетка која критички преиспитује смисао колективног памћења и жртве, показујући раскорак између друштвено прокламованих идеала опште среће и индивидуалног преживљавања, ангажована је на социјалном и идеолошком плану и, како је већ примећено (Berbić 2013: 107), субверзивна у односу на дух тадашњег времена. Непомирљива критика социјалних и политичких прилика послератног доба постигнута је разобличавањем појава сиромаштва, тобожњег јунаштва и мирнодопске свечарске атмосфере. Прича је испричана на начин који омогућава да читалац прихвати критичко становиште јунака и његово дистанцирано држање према појавама које су предмет критичког преиспитивања. Груба, неприхватљива слика послератног времена добила је и своје стилско утемељење у тамним тоновима оштрог, заједљивог сатиричног смеха, који ангажује и усмерава социјално расуђивање читаоца.

У поредбени однос са *Заточником* може се довести и Ћопићева приповетка из ранијег опуса *Илија на раскршћу*. Дескрипција којом почиње ова приповетка наговештава карактер и основни тон приповедања:

Мирно облачно небо ћути дубоко у води, па су све боје погасле и тужне: нагнуте врбе замишљено се огледају у вировима, нестале слике им се леме и безгласно бјеже, зелена боја тога доље наопачке окренутог свијета потамњела је и претворила се у сиву – јесенску и лажну. Ниско над водом, понекад оштро и стреловито пролети птица и додирнувши површину изазива неугодну језу или се у густим гранама залепрша велики модар лептир, неспретан и дугих крила, а то однекуд подсетити на долазак љетне кише и на пуне сутоне поред воде (Ћопић 1964: 439).

И овде раскршће затвара животну перспективу јунака, Илије, који чезне за лепотама и чудима далеког света, али, заробљен својим недоумицама и сумњама, не може да се отргне од празног живота, који је испуњен чамотињом и усамљеношћу. За разлику од озлојеђеног Стевана, Илија је јунак слабе воље, збуњен, незадовољан собом. Његова неодлучност и животна пасивност највише су мотивисане страхом од промене. Тај страх повезује се са трауматичним инфантилним искуством јунака коме је од прича о далеком свету остало само горко искуство да у њему сем лажи и преваре ничега нема:

Нема нигдје тога свијета, а нити се одавде икуда може отићи. Покушај нешто и све ће свршити тужно и срамотно са сузама у сумрачном буцаку (Ћопић 1964: 441).

У мери у којој је приповедачка оптика померана од друштвене према психолошкој проблематици, у приповеци је појачана драматика унутрашњег збивања, наговештена у њеном наслову. На пример, када на рад у планину пођу непознати младићи, Илија осећа да они тамо не иду “тек тако – у маглу”, да има некуда да се оде, да би се могло кренути, да би требало поћи! Тада се невидљивом саговорнику јада на своју невољу:

Поћи, поћи, а како ћу ја поћи? Чetrдесет година дријемам међу овим бреговима, а сад одједном – окрећи друкчије... Ће ја, то, брате, сад могу. Умријеће и они свеједно ко и ја... Па да... А опет (Ћопић 1964: 445).

Ако се топос станице у приповеци *Заточник* и топос раскршћа у приповеци *Илија на раскршћу* посматрају као поредбени релати, у сваком од њих уочава се и одређена митолошка потка која је учитана у ширу матрицу културе. Али док топос станице има идеолошку конотацију, топос раскршћа остаје у духу поетске трансформације коју има у епском наслеђу. Он се може схватити као слика јединства супротности, са којим се доводи у везу његова амбивалентна природа. На раскршћу ниједна од две супротне могућности спајањем не губи „ништа

од својих валера”. Ту се са истом вероватноћом могу предвидети и добри и лоши сусрети, божански и демонски утицаји (Детелић 1992). У фолклору је раскршће кризно и нечисто место. У сусрету са њим путник осећа несигурност и збуњеност јер треба да се определи за прави пут, а не зна који је. Као и у традицији, и у приповеци *Илија на раскршћу* ово место важног избора представља врсту искушења за колебљивог јунака, који ту остаје заробљен сумњом и неверицама.

У приповеткама Бранка Ћопића, које су ушле у оквир овог рада, простор догађања представља важну структурну компоненту. Као језик који служи за изражавање других непросторних односа (Lotman 1976: 279), топос раскршћа и топос станице овде су обликовани према митопоетичком узору. Али, треба истаћи да за разлику од првог, топос станице у приповеци *Заточник* представља место / центар око кога се организују сложена идеолошка значења текста. Другим речима, у *Заточнику* је традиција трансформисана и предочена у виду критичког наратива о усређитељском пројекту будућности.

ЛИТЕРАТУРА

Бајић, Љиљана. *Одабране наставне интерпретације*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2004.

Berbić, Mirela. “Ćopićeva lirizacija prostora i vremena – između toposa sjećanja i povijesne kontekstualiziranosti”. *Lirski doživljaj svijeta u Ćopićevim djelima*. Banja Luka: Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske; Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, 2013.

Većanović, Tatjana. “Lirizacija narativne paradigme u Bašti sljezove boje”. *Lirski doživljaj svijeta u Ćopićevim djelima*. Banja Luka: Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske; Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, 2013.

Детелић, Мирјана. *Митски простор и епика*. Београд: САНУ, 1992.

Lotman, Juri. *Struktura umetničkog teksta*. Beograd: Nolit, 1976.

Ћопић, Бранко. *Бојовници и бјегунци*. Београд: Просвета, Сарајево: Свјетлост, Веселин Маслеша, 1964.

Ћопић, Бранко. *Башта слезове боје*. Београд: СКЗ, 1970.

Tošović, Branko. “Ćopićevi naslovi”. *Lirski doživljaj svijeta u Ćopićevim djelima*. Banja Luka: Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske; Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, 2013.

Сведенија об авторе:

Љиљана Д. Бајић,
доктор филологије
редован професор
катедре за српску и јужнословенске књижевности
филолошки факултет
Универзитет у Београду (Србија)

Лиљана Д. Байич,
доктор филологије
професор
кафедра сербској и јужнославјанских литератур
филолошки факултет
Белградски универзитет (Србија)

Liliana D. Bajic,
Doctor of Philology
Professor
Department of Serbian and South Slavic literatures
Philological Faculty
University of Belgrade (Serbia)
ica.bajic@gmail.com

Женская проза Индонезии конца XX – начала XXI века

Аннотация: В статье представлен обзор основных имен и произведений женской прозы Индонезии с конца 1990-х гг. по настоящее время – время расцвета гендерной тематики в кинематографе и литературе этой страны. Женская литература састра ванги поднимает прежде табуированные темы.

Самая знаменитая писательница Индонезии – Айю Утами, автор многочисленных романов. С выходом ее первого романа «Саман» (1998) связывают массовое увлечение женской прозой. Остросоциальные вопросы и личные проблемы женщин ставятся также в творчестве Джулии Сурьякусумы, («Джихад Джулии», 2013), в фильмах Ниа Динаты («Как поделить мужа», 2006; «Женщины с историями», 2008), в сборнике рассказов Джэнар Маэса Айю («Они говорят, я обезьяна!», 2001), в прозе Динар Рахайю («Ода Леопольду фон Захеру-Мазоху», 2002), Деви Лестари («Супернова», 2000–2016), Ратих Кумалы («Девушка с гвоздичной сигаретой», 2012). Популярность женской прозы в Индонезии говорит о том, что именно авторы-женщины выходят на авансцену современного литературного процесса этой страны.

Ключевые слова: современные писательницы Индонезии, постмодернизм, женская проза, гендерные исследования, феминизм, Айю Утами, Джулия Сурьякусума, Деви Лестари, Динар Рахайю, Джэнар Маэса Айю, Ратих Кумала, састра ванги

Abstract: The article offers a round-up survey on the main names and selected works in Indonesia since 1998, with focusing on gender themes in cinema and literature. ‘The Generation of Women’ sastra wangi turns its attention to the gender subjects, raises up the previously tabooed themes. The most famous female writer in Indonesia is Ayu Utami, the author of 11 novels, each with a touch of gender issues, which goes to its utmost in the trilogy ‘Lonely Parasite’ (2003–2013). The first novel ‘Saman’ (1998) exploded the book market and was the first to be labelled as sastra wangi, or ‘fragrant literature’ due to its gender issues as they never represented before so openly.

Pressing social issues interlock with private ones in Suryakusuma’s articles edited as ‘Julia’s Jihad’ (2013); in the films of Nia Dinata (‘Love to Share’, 2006; ‘The Chants of Lotus’, 2008), in the film and the collection of short stories of the same title ‘They say, I’m a Monkey!’ (2001) by Djenar Maesa Ayu. Gender aspect is traced through novel ‘Ode for Leopold von Zacher-Masoch’ (2002) by Dinar Rahayu, ‘Supernova’ novel series (2000–2016) by Dewi Lestari, ‘Girl with a Clove Cigarette’ (2012) by Ratih Kumala. Popularity of women’s writing comes into the spotlight of contemporary Indonesian literary process, turning its mainstream to face the gender themes.

Key words: modern Indonesian writers, postmodernism, women's writing, gender studies, Feminism, Ayu Utami, Julia Suryakusuma, Dewi Lestari, Dinar Rahayu, Djenaer Maesa Ayu, Ratih Kumala, sastra wangi

Вопросы отличия «женского письма» от «мужской литературы» находятся в центре внимания современных литературоведов. Пол и характер человека, зависящие от этого поведение, восприятие мира, положение в обществе, распределение ролей мужчины и женщины, вопросы сексуальности – далеко не полный список тем, которые включает в себя литература «женского рода». Резкое увеличение литературной продукции, созданной женщинами, стимулирует возрастающий интерес к этому явлению и в зарубежной и российской науке. Ее исследованием занимается французская феминистская критика (Симона де Бовуар, Элен Сиксу, Люси Иригарэ, Юлия Кристева) и англо-американская (Кейт Миллет, Элейн Шоултер). К гендерной проблематике проявляют интерес и отечественные ученые (работы И.А. Жеребкиной)¹. В последние десятилетия внимание к гендерным проблемам стремительно возрастает в литературах стран Востока. Хотя эти работы носят пока что фрагментарный характер, в российском востоковедении также ведутся исследования по женскому письму на материале целого ряда литератур.

В литературах Азии и Африки женщины-писатели, «нарушающие патриархальные запреты, снимающие покровы с Медузы»², появляются во времена, сопряженные с социальными и политическими преобразованиями XX в. Например, в китайской литературе темы равноправия, образования, роли женщины в обществе и семье встречались в произведениях женских авторов еще в 1920–1930-е гг.³ Однако особый слой «маргинальной» женской литературы, с присущей ей шокирующей откровенностью тем, формируется в последние два десятилетия. В литературе на языке хинди (Индия) рождение феномена женского письма приходится на 1970-е гг.⁴ В Индонезии, крупнейшей стране Юго-Восточной Азии, женская проза стала актуальной на рубеже XX–XXI вв.

Женское письмо в Индонезии вызывает интерес как национальной, так и зарубежной науки. Одним из самых известных литературоведов, занимающихся данной темой, является немецкая исследовательница Катрин Бандель, пишущая по-индонезийски⁵. В российском литературоведении анализ индонезийской женской прозы впервые предпринимается в 2010 г. в статье С.В. Банит «Современная женская литература в Индонезии: кризис или прорыв»⁶.

¹ Гендерная проблематика в современной литературе (Теория и история литературоведения): Сб. науч. трудов / ИНИОН РАН. М., 2010; *Жеребкина И.А.* Введение в гендерные исследования: В 2 ч. СПб.: Алетейя, 2001; *Жеребкина И.А.* Прочти мое желание... Постмодернизм, Психоанализ, Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000; Хрестоматия феминистских текстов / Пер.; под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000 (philos.nsu.ru/study/Xrest_fem_texts.pdf).

² *Шоултер Э.* Феминизм // Современная литературная теория. Антология / Сост., пер. и прим. И.В. Кабановой. М.: Флинта. Наука, 2004. С. 323.

³ Подробнее см.: Женская проза современного Китая // Современная литература Китая / Автор-сост. Ю.Г. Лемешко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. С. 136–146; *Чельчушева Б.К.* Особенности современной женской прозы в Китае, 2015 (www.lib.tpu.ru/fulltext/v/Conferences/2012/C1/172.pdf).

⁴ См. в сб.: Модернизм в литературах Азии и Африки. Очерки / Под ред. А.В. Образцова; СПбГУ, Восточный факультет. СПб., 2014; Постмодернизм в литературах Азии и Африки. Очерки / СПбГУ, Восточный факультет. СПб., 2010.

⁵ *Bandel Katrin.* Sastra, Perempuan, Seks. Yogyakarta: Jalasutra, 2006. (www.katrinbandel.com/).

⁶ *Банит С.В.* Современная женская литература в Индонезии: кризис или прорыв // Проблемы литератур Дальнего Востока. Т. III. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 91–102. <http://www.ifel.spbu.ru/arhiv/pdlv-2010/>

Задача данной статьи – продолжить знакомство с основными авторами и произведениями новейшей индонезийской женской прозы, постараться выявить ее истоки и охарактеризовать специфику.

Женская проза зародилась в Индонезии в крайне сложной социальной атмосфере. В конце 1990-х гг. произошли события, которые положили начало новому этапу в политической, общественной и культурной жизни страны. В 1998 г. ушел в отставку президент Сухарто, находившийся у власти три десятилетия. Закончилась эпоха военного режима – так называемого «Нового порядка», авторитарного правления военно-бюрократической элиты. Началась «реформация», всколыхнувшая общественную жизнь страны. На демонстрациях студентов и во время массовых забастовок звучали требования искоренить коррупцию (в которой прямо обвиняли Сухарто и его семью), соблюдать права человека, уважать гражданские свободы, свободу слова, установить равноправие для национальных меньшинств¹. В первые годы XXI в. в Индонезии сменились три президента, среди которых была и женщина – Мегавати Сукарнопутри². Избрание женщины на пост главы государства – явление в жизни мусульманской страны уникальное. Это свидетельствовало о существенных изменениях в сознании народа современной Индонезии.

Повышение роли женщины в общественной и культурной жизни страны протекало в крайне сложной обстановке: острая борьба за власть, вспышки сепаратизма, восстания, подъем исламского радикального движения и теракты³. «Реформация» послужила общественной предпосылкой и фоном формирования литературных тенденций последних десятилетий, что отразилось на художественном поиске писателей, тематике и проблематике их произведений. Одним из самых интересных явлений, вызвавших в Индонезии острые дискуссии, стала «женская проза».

Вопросы, связанные с распространением новой тенденции, начали анализироваться в художественной критике, публицистике, а ряд произведений в силу своей «скандальности» получил широкую огласку в СМИ. Именно благодаря индонезийским журналистам появился особый термин *састра ванги*⁴. На индонезийском языке *састра* означает «литература», *ванги* – «аромат». В отечественной индонезистике этот термин переводится как «ароматная литература»⁵.

Приверженцы и критики этой литературы сходятся во мнении, что возникновение популярности и даже моды на авторов-женщин и выведение в их произведе-

¹ Многие этнические китайцы, граждане Индонезии, подвергались репрессиям под предлогом их связей с коммунистами. В 2000 г. Президент Абдурахман Вахид вернул статус равноправной этнической группе Индонезии индонезийским китайцам, отменив постановление 14 от 1967 г. о фактическом запрете китайской идентичности. Подробнее см.: Iskandar Jusuf. *Bangsa Tionghoa di perantaraan jadi bangsa Indonesia suku Tionghoa*. Jakarta: Percetakan PT Subur Jakarta, 2014.

² Мегавати Сукарнопутри, дочь Сукарно, первого президента республики Индонезии, до сих пор играет одну из ключевых ролей в политике.

³ Подробнее см.: *Другов А.Ю.* Религия, общество и власть в современной Индонезии / Институт Востоковедения РАН. М., 2014; Политические системы стран Юго-Восточной Азии. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 123–156.

⁴ *Khristianto*. Beberapa aspek seputar sastra wangi // *Leksika*. 2008. Vol. 2. № 2. Augustus. H. 11–20 (<http://download.portalgaruda.org/article.php?article=9873&val=631>).

⁵ «Критики-мужчины отнесли произведения Джэнар (Джэнар Маэса Айю, см. ниже. – *М.Ф.*) к «ароматной литературе» (*sastera wangi*), как часто называют женскую литературу, желая показать ее несущественность. Они объясняют ее популярность сквернословием и использованием секса в качестве основной темы» (*Банит С.В.* Современная женская литература в Индонезии: кризис или прорыв. С. 96).

дениях на первый план давних гендерных проблем¹ – явление противоречивое и неоднозначное, требующее серьезного и пристального изучения.

В центре внимания оказались вопросы истоков и предпосылок возникновения женской литературы и специфики этого феномена².

Одним из первых авторов, привлечших внимание читателей и критиков к женской прозе, единодушно считается писательница Айю Утами (род. 1968). Ее роман «Саман» (*Saman*, 1998)³ практически сразу стал бестселлером, принес ей известность и может считаться знаковым для этой литературы текстом. Вслед за первым романом писательница публикует его продолжение – роман «Ларунг» (*Larung*, 2001), тоже ставший популярным. Эта диалогия сделала Айю Утами лидером течения састра ванги, которым она остается до сих пор. Писательница в романе «Саман», пожалуй, впервые в индонезийской литературе актуализирует феминистское сознание женщин Индонезии в последние годы режима «Нового порядка» (основные события романа разворачиваются в 1996 г., «сумерки» правления Сухарто⁴). Рассказывая о судьбе поколения, детство и юность которого приходится на сложное в истории страны время, автор более всего сосредоточен на событиях 1960-х и 1980-х гг. (время действия романа шире, оно охватывает весь XX

Айю Утами

век), определивших характеры главных героев и их жизненные пути. В основу многоходового сюжета романической диалогии легла полная драматизма частная история участников движения сопротивления Сухарто и «Новому Порядку». Политическая борьба неотделима от личной жизни и судеб персонажей⁵. Утами создает образы подруг разного этнического происхождения, разного социального положения, воспитания и окружения, убеждений и увлечений. Всего героинь четыре: Шакунтала, Лейла, Чокорда и Ясмин. Они представляют собой разные типы городских молодых женщин среднего класса, которые не боятся

¹ *Torchia Chr., Djuhari L.* Indonesian Slang. Singapore: Tuttle Publishing, 2007. P. 201–202.

² *Janssen P., Wilson J.* Indonesian Literary Ladies. Newsweek International, 20.10.2003 (www.highbeam.com/doc/1G1-108919792.html).

³ *Utami Ayu.* Saman. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 1998.

⁴ *Utami Ayu.* Larung. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2001. В интервью для «Джакарта Пост» Утами сообщает, что начала работу над «Ларунгом» в 1997 г., и изначально два получившихся романа задумывались как один (Hera Diani. Some straight talking with author Ayu. 11.11. 2001. www.thejakartapost.com/news/2001/11/11/some-straight-talking-with-author-ayu.html).

⁵ Идея сюжета о четырех подругах, посетивших по разным причинам Нью-Йорк в середине 1996 г., напоминает книгу Кендис Бушнелл и снятый по ее мотивам популярный телесериал «Секс в большом городе» (Candace Bushnell. Sex and the City, 1996).

открыто обсуждать вопросы сексуального характера и вести беседы о гендерном неравенстве. После выхода романа распространилось мнение, что секрет успеха «Самана» не что иное, как издевательство над давней традицией изображения женщин, главными качествами которых в патриархальной восточной культуре являются скромность и непорочность. Утами наделяет своих героинь совершенно противоположными чертами. Женщины на страницах ее книг заговорили открыто на волнующие их темы (в первую очередь, на тему секса).

Одной из героинь романной дилогии по имени Шакунтала присущи «мужские» черты характера: активность, инициативность, стремление к лидерству. Андрогинность ее облика и бисексуальность (что в немалой степени вызвало негативную реакцию читателей и критиков), с одной стороны, выглядят как стремление утвердить неограниченную свободу поведения, сопротивление нормам традиционной культуры. В то же время в этом явно просматриваются ассоциации с практиками первобытной культуры, что делает Шакунталу похожей на индонезийского «шамана превращенного пола»¹. Шакунтала – профессиональная танцовщица, ее танец со сменой масок становится символическим инструментом магических превращений из женщины в мужчину. Шакунтала танцует «Рамаяну», исполняя роли главных героев (принца Рамы, его похищенной супруги Ситы и демона Раваны). Героиня рвет отношения с отцом и братом, уезжает в Нью-Йорк. Образ жизни Шакунталы – вызов патриархальному обществу. В ином ключе автор показывает этот вызов в образе Ямин. Это тип современной деловой женщины со стабильной карьерой, счастливым, но бездетным замужеством «на западный манер».

В культуре Индонезии смешались многие заимствованные элементы – начиная с Древности, эпохи «индийской античности» (термин Б.Б. Парникеля) и заканчивая несомненным западным, американским и европейским, влиянием. Хронологически эти периоды разделены эпохой ближневосточного воздействия: средневековые комплексы малайской и яванской словесностей во многом строились на цитациях и переложениях из персидской средневековой литературы.

В романах «Саман» и «Ларунг» образы четырех героинь несут разные литературные коды. Имя Шакунтала ассоциируется с одноименной индийской драмой Калидасы², имя Лейла – знаковое для ближневосточной традиции благодаря великой поэме Низами «Лейли и Маджнун». Имя указывает на душевное состояние героини, страдающей от несчастной любви³. «Лейла Утами», так же как и «Лейли Низами», страшится огласки связи с женатым мужчиной и реакции своих родителей-мусульман. Их гнев может быть так же страшен, как и гнев родителей третьей героини Чокорды, которая своим поведением бросает тень на доброе имя своей

¹ Ревуненкова Е.В. Трансвестизм и перемена пола у шаманов Индонезии (Калимантан и Сулавеси) // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред: Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова]. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 348–353 (www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-211-1/978-5-88431-211-1_78.pdf).

² В основу драмы Калидасы «Шакунтала», или «Вновь узнанная Шакунтала», положен миф о небесной деве, родившей царю Душьянте сына Бхарату – великого героя и прародителя героев Махабхараты, Пандавов и Кауравов. Через образ Шакунталы в романе Утами словно соединяются времена далекого прошлого и современности, и как персонаж она воплощает наследие домусульманской эпохи. См.: Калидаса. Шакунтала / Пер. К. Бальмонта; вступ. статья и коммент. И.С. Рабиновича. М.: ГИХЛ, 1955.

³ Подробнее о «тяжких вздохах Лейли» в персидской традиции см.: Восток / Под общ. ред. А.А. Болотникова, В.А. Гордлевского, Н.И. Конрада, И.Ю. Крачковского, акад. С.Ф. Ольденбурга, А.Н. Тихонова. Сб. 2: Литература Ирана X–XV в. М.; Л.: Academia, 1935. С. 259–314.

балийской семьи¹, необычайно гордой уникальностью культуры Бали, устоявшей перед исламизацией.

Строгие критики увидели в образах героинь Айю Утами дискредитацию индонезийских женщин, обвинение их в порочности и избыточную демонстрацию интимных подробностей жизни. Героини романа, однако, озабочены не только интимными проблемами. Они ведут активную политическую деятельность, борются за права человека в Индонезии и готовы жертвовать во имя своих идеалов жизнью. Трагическая случайность приводит политических активистов, в том числе главных героев Самана и Ларунга, к гибели в финале романа.

Подобное понимание феминизма не чуждо индонезийским женщинам. Более того, оно в ряде случаев опирается на традицию. Положение женщины на островах Индонезии в древности не было ниже положения мужчин, а в некоторых культурах, например у суматранской народности минангкабау, исповедующей ислам, до сих пор сохраняются матриархальные семейные ценности. На средневековой Яве женщин обыскивали на предмет ношения под одеждой изогнутых яванских кинжалов (крисов), а положение женщин и мужчин в яванском доме считалось равным.

Композиция романа Утами основана на постмодернистском принципе «калейдоскопа»; изложение субъективно, стирается грань между автором, персонажем и читателем. Основной единицей романной структуры являются не главы, а «записи» с редкими указаниями их даты и места. Это придает произведению некоторое сходство с дневниками и мемуарами. Об одном и том же событии повествуют разные персонажи, каждый раз по-новому, один и тот же эпизод приобретает объемность и многогранность, получает разную оценку. Можно говорить в данном случае об использовании постмодернистского приема «кривого зеркала» или «отражения в воде». Символ бесконечного отражения и искажения наиболее полно воплощается в рассказанной матерью Самана «докучной сказке» о вороне, которая смотрела на свое отражение в колодце, где она видела ворону, которая смотрит на свое отражение. Образ вороны, сидящей на краю колодца, появляется как бессознательная «навязчивая мысль» в мыслях Самана. Фраза «ворона села на колодец» пять раз воспроизводится в хаосе кошмарных снов и видений героя, в его предсмертных мыслях и воспоминаниях².

Искаженное, бесконечно повторяющееся «кривое» отражение и преднамеренно путаное изложение становятся отличительными признаками стиля романа, образы которого во многом построены на устойчивых мифологических конструктах, переосмысленных в постмодернистском свете. Одну из своих задач Айю Утами видит в установлении культурного диалога между домусульманским прошлым островов архипелага и современностью. Герои-современники книг Айю Утами погружаются в яванскую и балийскую мистику, обращаются к народным верованиям, говорят о призраках, о народных приметах и гаданиях, толкуют сны и предзнаменования, вспоминают о духовных практиках прошлого, об отшельничестве. Иными словами, привлекают внимание читателя к обычаям, продолжающим жить в нерадикальных кругах общества, официально исповедующего ислам. Прошлое прихотливо переплетается с современностью: в «сумеречном мире» романов Айю Утами герои сталкиваются с проблемами ЛГБТ-сообщества, инвалидов, карликов, цирковых уродцев, людей, страдающих психическими болезнями. Романы

¹ Исповедуют уникальную религию хинду-дхарма, или балийский индуизм. Подробнее см.: *Covarubbias M. The Island of Bali (1937)*, Hong Kong: Periplus Limited, 2008.

² *Ayu Utami. Larung (2001)*. Jakarta, KPG, 2008. Н. 167, 184, 188–190.

созданы с использованием игровой поэтики, с элементами культурологического, «археологического» детектива, обнажающего культурные слои и «мутации» культуры региона, привнесенные постепенно индийской, ближневосточной и европейской волнами.

Свой творческий метод Утами определяет как «критический спиритуализм»¹, манифест которого изложен в ее романе «Число Фу» (2008)². Для автора важно подчеркнуть, что критиковать – не значит ненавидеть. Роман открывается посвящением писательницы: «Моей стране Индонезии, которую с грустью я люблю». Постулаты «критического спиритуализма» формулируются от лица рассказчика, молодого человека по имени Юда, и в изложении его друга, второго главного героя Паранг Джати. Юда и Паранг Джати противостоят в своих убеждениях трем врагам на букву «М», что в композиционном плане соответствует трем частям романа: «Модернизм» (21 глава), «Монотеизм» (12 глав), «Милитаризм» (19 глав). В системе персонажей заметное место принадлежит героине-женщине – любимой Юды по имени Марджа. Образование «любовного треугольника» является важным средством развития сюжета. Юда, одержимый страстью к Мардже, и Паранг Джати, которого связывают с ней платонические отношения, представляют собой два противоположных типа «яванского человека», касар и халус³, любящих свою родину, символически представленную в женском образе.

Айю Утами критикует три «М» (модернизм, монотеизм и милитаризм), которые, по мнению писательницы, ставят под угрозу демократические процессы в современной Индонезии. Под модернизмом понимаются процессы вестернизации и глобализации, негативно влияющие на менталитет современных индонезийцев, у которых стирается генетическая память. Они больше не верят в древние мифы, не поклоняются горам и океану, не помнят своих корней, не чтят традиции предков и за это получают кару от богов – разрушение природы крупными западными горнодобывающими компаниями. Монотеизм (в первую очередь – заметное укрепление ислама) определяется Утами как «Религия Неба», которая, в отличие от «Религии Земли» (анимизма), не заботится о природе и окружающей среде. Угроза утраты традиционной синкретической яванской культуры кеджавен (синтез исламской мистики, суфизма, индо-буддийской «античности» и анимистических культов), попытка индонезийцев интегрироваться в мировое исламистское движение не в последнюю очередь обрекает Индонезию на приближение к глобальной экологической катастрофе. Милитаризм – главный враг демократии в эпоху Нового Порядка, не исчезнувший окончательно и в постреформационный период.

Название романа – «Число Фу» – оригинальная постмодернистская игра Айю Утами с нумерологией, двоичным кодом, репрезентация манифеста автора.

Напоминающий спираль или раковину значок «ни единицы ни нуля» и есть магическое число «фу», формулу которого видит Юда в эротическом сне с суккубом

¹ Выступление Айю Утами 06.03.2015 (www.youtube.com/watch?v=9YW2nJxvirk).

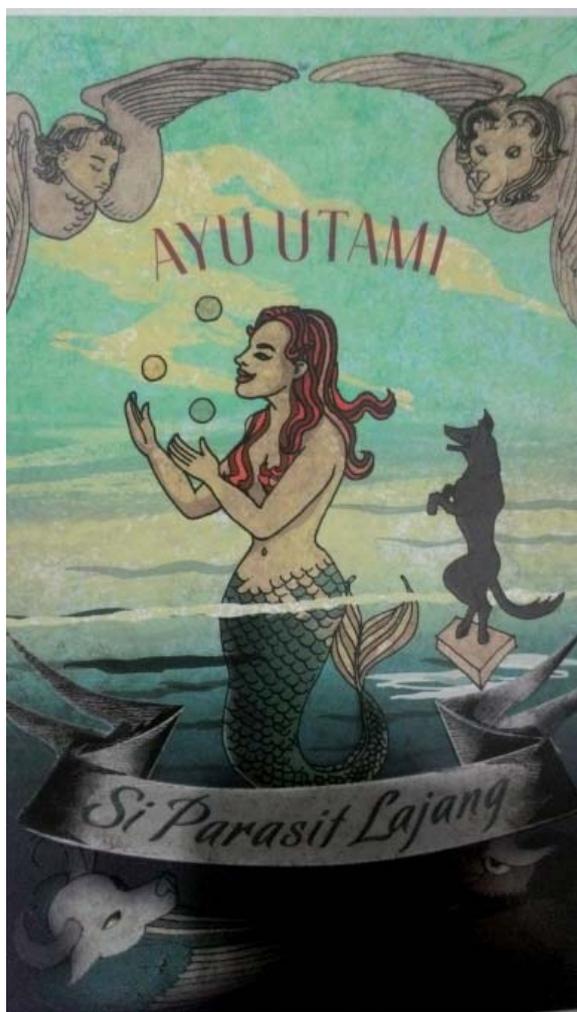
² *Utami Ayu. Bilangan Fu. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2008.*

³ Дуализм яванского мировоззрения проявляется в одной из его центральных понятийных оппозиций халус – касар. Халус (дословно «утонченный по внешности, характеру, поведению») относится ко всему возвышенному, а касар (дословно «грубый») – к плотскому и приземленному. В традиционном театре и словесности Явы категория халус принадлежит благородным принцам и положительным героям, а касар характеризует облик демонов и злодеев. Подробнее см.: *Mulder N. Mysticism and Everyday Life in Contemporary Java. Singapore University Press, 1978; Geertz C. The Religion of Java. New York: The Free Press of Glencoe, 1960.*

Женщиной-шакалом. Она плод воображения самого Юды, дух «волшебной горы» Ватугунунг, которую он покоряет.

Герои Айю опровергают догматику религиозных учений (модернистский ислам) и безрассудной веры в сегодняшний цивилизованный («западный») мир. Современная наука вовсе не совокупность заблуждений, говорит своим читателям Айю Утами, но опасны и крайности, которые можно преодолеть диалектикой критического спиритуализма, соединяющего абсолютность и относительность знаний о мире. Убеждения Марджи в духе феминистской критики развивают значимые, но отошедшие в романной серии на второй план гендерные вопросы.

В ином ключе Айю создает свою трилогию «Одинокий паразит»¹. Первая часть – книга заметок одинокой молодой женщины, живущей в мегаполисе Джакарте. Приближаясь к своему тридцатилетию, она дает себе обет не выходить замуж и называет себя «Одинокий Паразит» – термин, появившийся в Азии благода-

Одинокий паразит

ря японским феминисткам². Заметки «городской девчонки среднего класса» по имени А искрят чувством юмора. Трилогия «Одинокий паразит» написана легко, простым, понятным языком, ориентирована на массового читателя. Героиня А разбирается в проблемах сексуального и духовного характера, и ее оценкам предшествуют занимательные истории-иллюстрации. Изложение взглядов на вопросы девственности, брака, статуса разведенной или незамужней женщины представляет собой реакцию героини А на постулаты сугубо патриархальной культуры. Роман той же серии «Исповедь бывшего Одинокого паразита»³, т. е. знакомой читателю «несвятой» героини А, имеет еще более выраженную мемуарную основу и автобиографические черты. В повествовании явно доминируют гендерные вопросы. Сложность личных отношений героиня видит не в разнице религий, не в различиях и «взаимных претензиях» этнических сунданцев и яванцев: проблемы были в том, что «Ник был мужчиной, а я – женщиной»⁴. Героиня А все-таки выходит замуж, но делает это не из-за давления обще-

ства, а по собственному желанию, так как встречает союзника и единомышлен-

¹ *Utami Ayu. Si Parasit Lajang. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2013.*

² *Hiroyuki Takahashi & Jeanette Voss. 'Parasite Singles' – a Uniquely Japanese Phenomenon? // JEI report. № 31. 11.08.2000. (www.jei.org/Restricted/JEIR00/0031f.html).*

³ *Utami Ayu. Pengakuan Eks Parasit Lajang. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2013.*

⁴ *Utami Ayu. Pengakuan Eks Parasit Lajang. H. 30.*

ника (прототипами являются сама Айю Утами и ее муж Эрик Прасетью). Вслед за оглушительным успехом Айю Утами Индонезию захлестнула волна женской литературы. Художественной амальгамой индонезийских гендерных вопросов становится роман «Супернова: Кшатрий, Принцесса и Падающая Звезда» (2001)¹, ставший первым в серии «Супернова» писательницы Деви Лестари (род. 1976). Серия бестселлеров «Супернова» представляет собой увлекательное мозаичное повествование. Все романы серии объединены общими героями, «переходящими» из книги в книгу. Сквозным символом всех романов серии является Супернова (сверхновая звезда, заканчивающая свою эволюцию в катастрофическом взрывном процессе), трактуемая как «Новый Мессия» современности. Супернова как «Пророк новой эпохи» появляется и существует в виртуальной реальности. Любой человек может написать электронное письмо Супернове, задать ей вопрос и получить ответ на него. Помимо ответов на письма людей, Супернова транслирует в сети свой манифест, напоминающий проповедь. Никто не знает, кто это на самом деле, мужчина или женщина, сколько ему / ей лет, чем он / она занимается и существует ли вообще. В последующих частях серии образ Суперновы сильно

Обложка романа Деви Лестари «Супернова: Кшатрий, Принцесса и Падающая звезда»

меняется и отходит на второй план, сохраняя при этом свою главную задачу – объединить разрозненные истории в одно целое с помощью цементирующего образа падающей звезды. Это самый сложный и насыщенный образ романа, проецируемый на женский персонаж по имени Дива (лат. «Богиня», в современном дискурсе СМИ слово «звезда» – как «рок-звезда», «кинозвезда» и т. д.). Он воплощает космический архетип, который впоследствии оказывается новым интернет-Мессией, «кибер-аватаром» и Суперновой в одном лице.

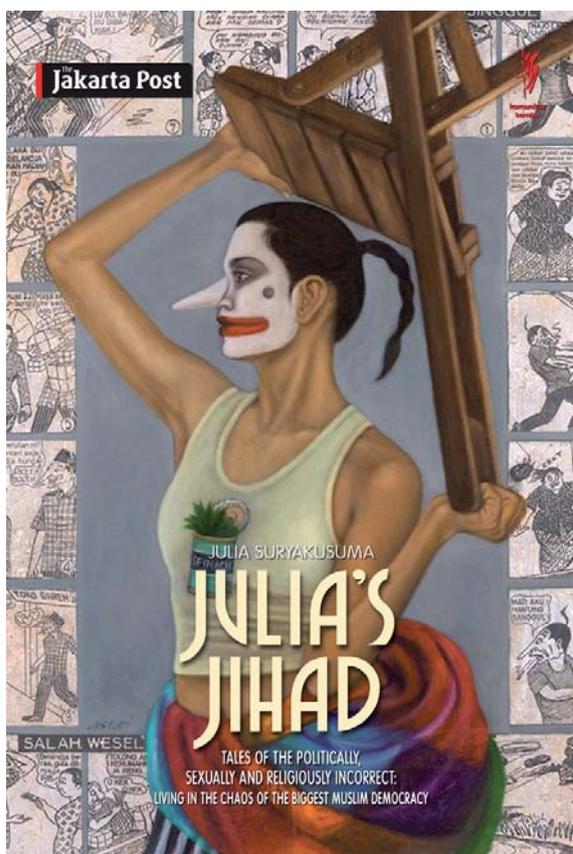
Род занятий Дивы (проституция), сомнительная слава и деньги – цитация древнего культа Великой богини (в том числе Иштар, в которых она предстает в образе сияющей звезды).

Информационная паутина, Сеть, киберпространство также выступают в повествовании в своих различных аспектах. Паутина, изображенная на обложке книги, помимо модели космоса, – всепоглощающая смертельная ловушка Интернета: соединяя людей, способствуя

коммуникации, Сеть является мощным инструментом, симулирующим реальность, и, следовательно, важной проблемой современности. Читатель держит в руках специально напечатанную на плохой бумаге недорогую книгу. В предисловии объясняется, что это просто насмешка над пиратами: все равно книгу можно будет скачать из сети. По сюжету два героя, пара любовников-геев, пишут свой роман, задумывая

¹ Dee (Dewi Lestari). Supernova. Ksatria, Putri dan Bintang Jatuh. Bandung: Trudee books, 2001.

объяснить читателю в простой и занимательной форме принципы фрактальной геометрии Мандельброта и нелинейной синергетики; в созданном ими тексте используются и объясняются понятия турбулентности, аттрактора, свойства некоторых хаотических систем (эффект бабочки), приводятся примеры мысленных экспериментов (кот Шрёдингера) и другие вопросы современной науки и философии, связанные с квантовой механикой. В популярной форме с установкой на пресловутый public shock Деви Лестари создает фигуру Нового Пророка и Мессии из сети Интернет и ее воплощение в облике Дивы. Дополнительные выдуманные персонажами-рас-

Обложка сборника статей Джулии Сурьякусумы «Джихад Джулии»

сказчиками образы Кшатрия (принца и война), Принцессы и Падающей Звезды выстраивают поэтику романа по постмодернистскому принципу хаосмоса и дают свои проекции на образы других вымышленных персонажей «романа в романе». Произведения, последовавшие за первым «эпизодом» «Суперновы», подняли популярность Деви Лестари и сделали возможной экранизацию первого эпизода в 2014 г.¹

Социальный аспект женской прозы, согласно постмодернистским принципам, не концентрируется только лишь на литературе: женская публицистика и гендерное кино поднимают, вслед за «сестрой Айю», вопросы насилия в семье, добрачных связей, венерических заболеваний, аборт, сумасшествия и инвалидности. Нашумевшая книга Джулии Сурьякусумы (род. 1954) «Джихад Джулии» (2013)², привлекающая внимание уже одним только своим названием, является, по сути, сборником остроумных статей о хаосе индонезийской жизни. Джулия пишет о секс-рабстве, торговле людьми, детской проституции, гомосексуализме. Остроумные рассуждения Джулии о проблеме выбора гардероба индонезийской женщины от обтягивающих шорт до джилбаба (индонезийского варианта хиджаба. – М.Ф.), сетования по поводу несовершенства системы здравоохранения (статья о «волшебных таблетках» – антибиотиках), интерпретация неутрачивающих политических и коррупционных скандалов регулярно публикуются в *Jakarta Post* на английском языке. Статьи начинаются с вводных «Однажды моя подруга...» или «Когда в 2006 году прошел закон о порнографии...», и далее описывается забавный случай. Она говорит от себя лично, вспоминает случаи из жизни, приводит примеры своих встреч и разговоров с простыми людьми.

Индонезийский гендерный кинематограф представляют женщины-режиссеры, в первую очередь Ниа Дината (род. 1970) и ее кинокомпания «Кальяна Шира Филм».

¹ Фильм *Supernova*. Студия *Soraya Intercine Films*. Режиссер Ризал Мантовани, релиз 2014.

² *Suryakusuma Julia*. *Julia's Jihad. Tales of the politically, sexually and religiously incorrect: living in the chaos of the biggest Muslim democracy*. Jakarta: Komunitas Bambu, 2013.

Плакат фильма Джэнар Маэса Айю
«Они говорят, я обезьяна!»

Фильм «Ча Бау Кан» о батавской¹ куртизанке начала XX в. затрагивает, помимо истории падшей женщины, остросоциальный «китайский вопрос» (2002)². Диалогия «Собрание» создана в подражание «Сексу в Большом городе» (2003 и 2011)³. Фильм «Как поделить мужа»⁴ поднимает проблему современной практики полигамии (2006). Наиболее пронзительная киноработа – «Женщины с историями»⁵ (2008), созданная в соавторстве с Упи Авианто, Фатимой Рони, Ласджей Фаузой Сусатьо и Мелиссой Карим. Четыре «топографические» киноновеллы с местом действия в провинции («История с острова», «История из Чибинонга»), в туристическом городе с давними яванскими традициями («История из Джокьякарты») и в столице («История из Джакарты») повествуют о насилии, умственной отсталости, раковых заболеваниях, потере девственности, продаже в сексуальное рабство, разлуче-

нии с детьми, преследовании ВИЧ-инфицированной женщины и нежелании идти с ней на контакт. Еще одним знаковым фильмом стала работа писательницы, сценариста и режиссера Джэнар Маэса Айю (род. 1973) «Они говорят, я обезьяна!» (2007)⁶, созданная по мотивам ее рассказов из одноименного сборника. Следуя общей тенденции «выламывать все табу»⁷ (по выражению Катрин Бандель), новое литературное сообщество Индонезии характеризуется разнополярностью общей гендерной тематики. Примером такого многообразия может послужить творчество Динар Рахайю (род. 1971), школьной учительницы химии. Фотографии автора в хиджабе украшают обложку ее книги «Ода Леопольду фон Захеру-Мазоху» (2002)⁸ – романа о транссексуалах, построенного на постмодернистском обыгрывании греческой и скандинавской мифологии. Смелые произведения в духе индонезийского «феминизма позднего старта» вызывают неоднозначную реакцию, в особенности в неоконсервативных кругах приверженцев религиозных ценностей

¹ Батавия – колониальное название Джакарты в честь полупредков голландцев, батавов.

² «Са Вау Кан». По роману Реми Силадо. Режиссер Ниа Дината. Кальяна Шира Филм, релиз 2002.

³ «Arisan!», «Arisan 2». Режиссер Ниа Дината, Кальяна Шира Филм. Релизы 2003 и 2011.

⁴ «Verbagi suami». Режиссеры Ниа Дината, Кальяна Шира Филм, релиз 2006. В англоязычном прокате под названием «Love to Share».

⁵ «Perempuan Punya Cerita». Режиссеры Упи Авианто, Ниа Дината, Фатима Рони, Ласджа Фауза Сусатьо. Кальяна Шира Филм, релиз 2008. В англоязычном прокате под названием «Chants of Lotus».

⁶ *Maesa Ayu Djenar. Mereka bilang, saya monyet!* Jakarta: Gramedia Pustaka Utama, 2002. Фильм «Mereka bilang, saya monyet!», режиссер Джэнар Маэса Айю. Интимаси Продакшн и Плаза Сенаян, релиз 2007.

⁷ *Bandel Katrin. Sastra, Perempuan, Seks.* Yogyakarta: Jalasutra, 2006. (www.katrinbandel.com/).

⁸ *Rahayu Dinar. Ode untuk Leopold von Sacher Masoch.* Jakarta: Pustaka Jaya, 2002.

(в первую очередь, ислама). В качестве альтернативы «ловушкам демократических свобод» (выражение Джэнар Маэса Айю) предлагается уход в нетрадиционный для жителей большинства островов Индонезии ислам «на арабский манер»¹.

Постколониальный неореализм Ратих Кумалы (род. 1980) отличает ее от многих последовательниц састра ванги: писательница придерживается строгого художественного стиля. Роман «Девушка с гвоздичной сигаретой»² характеризуется типичными постмодернистскими чертами в плане композиции: семейная сага рассказана мозаично и прерывисто. Основным двигателем сюжета служит наказ Ромо Сурайи, умирающего отца семейства, разыскать некую Дженг Ях из яванского города Кудуса, который славится своим производством сигарет с гвоздикой. Сыновья Сурайи отправляются на поиски. Главы об изображаемом настоящем (братья едут в Кудус) перемежаются с главами, в которых обособленно идет линейное повествование о двух конкурентах, производителях кретека³, и их семьях.

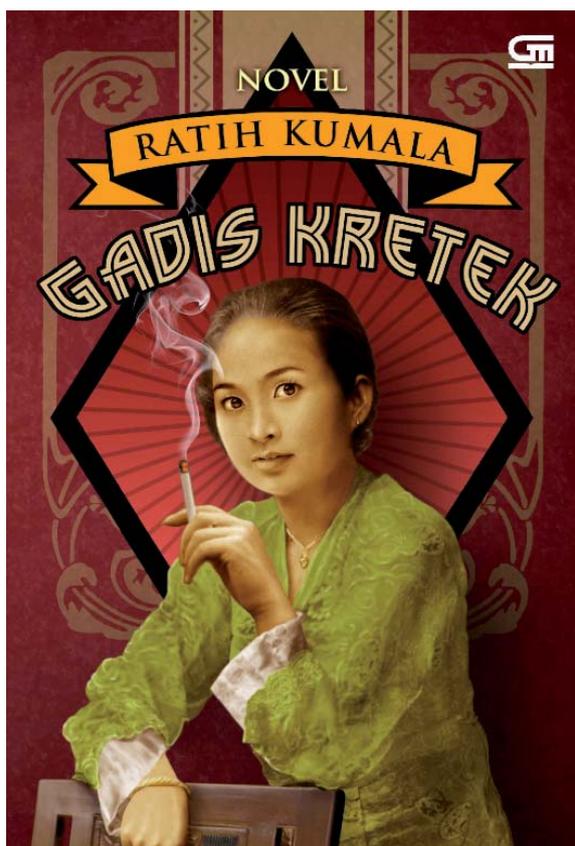
Выясняется, что Дженг Ях была любовью их отца до того, как он женился на их матери. История возвышения отца начинается со времен крушения голландской колонии и начала японской оккупации (1942 г.), когда в соперничество за лучший кретек вступают двое «заклятых» друзей: Идрус и Суджагад, у которых рождаются только дочери. Идрус и Суджагад соревнуются в изобретении новых видов кретека и используют новые «маркетинговые ходы»: удачным оказывается предложение подростковой дочери Идруса, Дасиях, продвигать на рынок кретек для женщин. Молодая и энергичная Дасиях по прозвищу Дженг Ях сама начинает вести бизнес, и на одной из выставок с ней знакомится молодой человек по имени Сурайя, человек «из низов». Сурайя не хочет паразитировать на бизнесе семьи своей невесты и находит средства для своей собственной марки кретека. Деньги ему выделяет Коммунистическая Партия Индонезии. Свадьбу Дженг Ях и Сурайи назначают на октябрь 1965 г. Во время событий 30 сентября⁴ Сурайя бежит, его товарищей по партии расстреливают и топят в реке, в дом Идруса приходит наряд и арестовывает его и Дженг Ях. По счастливой случайности их реабилитируют и оставляют в живых. Тем временем Сурайя бежит в город М и укрывается в доме знаменитого производителя кретека Суджагада. В судьбе Сурайи все повторяется: он снова начинает работать на фабрике кретека и женится на старшей дочери владельца. Три брата находят дом Дженг Ях в яванском городе Магеланге. Дверь открывает женщина средних лет, которая представляется как Дженг Ях Вторая, младшая сестра «той» Дженг Ях. Братья узнают, что сама Дженг Ях Первая умерла при родах, когда вышла в 32 года замуж за простого честного человека, ее ребенка удочерила младшая сестра, у которой только сыновья. Сигареты кретек семья давно не производит; Дженг Ях Вторая еще раз рассказывает историю предательства Сурайи и его женитьбы на дочери конкурента. После смерти отца – Ромо Сурайи – один из братьев закуривает кретек для девушек старого производства Дженг Ях и осознает, что рецепт его изготовления был украден его отцом у самой Дженг Ях. Молодой человек возвращается в дом Дженг Ях Второй и выплачивает

¹ Например, экранизация романов Хабибурахмана эль-Ширази «Айяты любви» («Ayat-ayat Cinta», 2008) популяризирует дидактику исламских моралистов.

² *Kumala Ratih. Gadis Kretek. Jakarta: Gramedia Pustaka Utama, 2012.*

³ Оригинальное название романа содержит слово *кретек*, что означает звукоподражательное потрескивание индонезийских сигарет с табаком, смешанным с толченой гвоздикой.

⁴ Кровавые события 30 сентября 1965 г., повлекшие за собой смену правительства Сукарно режимом генерала Сухарто. Массовые казни коммунистов были частью установления военной диктатуры.

Обложка романа Ратих Кумалы «Девушка с гвоздичной сигаретой»

его жена Румайса так и не родила ему сына. Ему вполне хватало Дасиях, хотя она и не была мужеподобной ни в чем, но была наделена энергией мужчины, который способен нести ответственность за себя и семью. Дочь обладала некой инстинктивной предрасположенностью к ведению семейного бизнеса по производству кретека»². Автор пишет в спокойной манере и всегда находит способ заинтересовать читателя необычными сравнениями, характерными для яванской старины. Роман интертекстуально связан с яванскими хрониками XVII в., хранящими предание о яванской предприимчивой девушке Роро Мендут, которой удалось создать свое производство сигарет с гвоздикой. В истории соперничества за женщину между двумя заклятыми врагами возникают сравнения с героями Махабхараты: Румайса словно Друпаци, которую злодей Курава хочет забрать у ее мужа Юдистирь³. Отдельного внимания заслуживает оформление романа художником Иксака Бану: каждая глава иллюстрируется стилизованной пачкой сигарет. Ретро-плакат с девушкой в национальной яванской одежде – в кебае и саронге, с зажженной сигаретой в руках – на обложке романа. Критики и читатели единодушны во мнении, что Ратих Кумале удастся передать дух Индонезии, запахи индонезийской еды и старых домов, запахи сигаретной фабрики, китайских складов

ей денежную компенсацию, примиряя враждующие дома.

Дженар Маэса Айю высоко оценивает творчество Ратих Кумалы, акцентируя внимание на том, что она «показывает силу женщины в мире, где, как считается, правят лишь мужчины»¹.

Трехуровневая композиция и интрига, которая закручивается вокруг фигуры Дженг Ях, – секрет успеха романа Ратих Кумалы. Действие романа начинается в голландской Ост-Индии и продолжается в настоящем времени. История предпринимательницы Дженг Ях значительно отличается от общего потока женской прозы, хотя и затрагивает актуальную тему положения женщины в мире бизнеса, стойкости женского характера, «женского мужества». Благородный характер женских персонажей словно противопоставлен не лишенным слабостей мужским образам, которые сильно проигрывают по своим моральным качествам слабому полу. «Идруса Мурия больше не беспокоило то, что

¹ Kumala Ratih. *Gadis Kretek*. Jakarta: Gramedia Pustaka Utama, 2012. Н. 277.

² Kumala Ratih. *Gadis Kretek*. Н. 176.

³ Kumala Ratih. *Gadis Kretek*. Н. 196.

и маленьких магазинчиков варунгов, терпкие и пряные ароматы улиц яванских городов и запах дыма неизменных сигарет с гвоздикой¹.

Индонезийская литература, ранее «законсервировавшаяся» в своем патриархальном укладе, создававшаяся на протяжении многих веков мужчинами, пережила серьезные изменения. Новый политический и социальный этап в жизни страны способствовал возникновению большого количества произведений, созданных индонезийскими писателями-женщинами и ставших популярными, получившими большой общественный резонанс, собравшими вокруг себя поклонников и последователей идей своих произведений.

С точки зрения поэтики женская литература Индонезии преимущественно развивается в русле постмодернизма, являясь одновременно элитарной и массовой. Глубина проблематики некоторых значимых и признанных произведений састра ванги позволяет охарактеризовать женскую прозу как важный и яркий этап в процессе ее современного развития молодой литературы республики Индонезии.

ЛИТЕРАТУРА

Банит С.В. Современная женская литература в Индонезии: кризис или прорыв // Проблемы литератур Дальнего Востока. Т. III. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 91–102 (www.ifel.spbu.ru/arhiv/pdlv-2010/).

Гендерная проблематика в современной литературе (Теория и история литературоведения): Сб. науч. трудов / ИНИОН РАН. М., 2010. 215 с.

Жеребкина И.А. Прочти мое желание... Постмодернизм, Психоанализ, Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 256 с.

Хрестоматия феминистских текстов / Пер.; под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000 (philos.nsu.ru/study/Xrest_fem_texts.pdf).

ИНТЕРВЬЮ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Айю Утами. О вере и грехе. Энди Будиман. Интервью для «Немецкой волны» 21.05.2013 (www.dw.de/ayu-utami-tentang-iman-dan-dosa/a-16768358).

Выступление Айю Утами 06.03.2015 (www.youtube.com/watch?v=9YW2nJxvirk)

Hera Diani. Some straight talking with author Ayu. 11.11. 2001 (www.thejakartapost.com/news/2001/11/11/some-straight-talking-with-author-ayu.html).

REFERENCES

Banit S.V. Modern Female Literature in Indonesia: Crisis or Breakthrough. Issues of Far Eastern Literatures. S.-Petersburg State University Publ. 2010. Vol. III, pp. 91–102 (www.ifel.spbu.ru/arhiv/pdlv-2010/).

Gender Problem in Modern Literature. Anthology. Moscow, 2010. 215 p.

Zherebkina I.A. (2000) Read my Desire... Postmodernism, Psychoanalysis, Feminism. Moscow. 256 p.

Selections of feminist literature. Anthology. S.-Petersburg, 2000.

REVIEWS AND CRITIQUE (INDONESIAN)

Katrin Bandel. Sastra, Perempuan, Seks. Jogyakarta, Jalasutra, 2006. 166 p.

¹ См. рецензию Сильвии Галикано от 23–29.04.2012 «Интрига вокруг сигареты кретека» в журнале «Детик» (ratihkumala.com/blog/intrik-dari-selinting-kretek-905.php).

Khristianto. Beberapa aspek seputar sastra wangi. *Leksika*. 2008. Vol. 2. Agustus. No 2, hh. 11–20 (download.portalgaruda.org/article.php?article=9873&val=631).

Peter Janssen, Juliana Wilson. Indonesian Literary Ladies. *Newsweek International*, 20.10.2003 (www.highbeam.com/doc/1G1-108919792.html).

Silvia Galikano. Intrik dari selinting kretek. *Журнал «Детик»*. 23–29.04.2012 (ratihkumala.com/blog/intrik-dari-selinting-kretek-905.php).

THE ORIGINAL TEXTS

Utami Ayu. (1998) *Saman*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 195 h.

Utami Ayu. (2001) *Larung*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 263 h.

Utami Ayu. (2008) *Bilangan Fu*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 536 h.

Utami Ayu. (2013) *Si Parasit Lajang*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 201 h.

Utami Ayu. (2013) *Pengakuan Eks Parasit Lajang*. Jakarta. Kepustakaan Populer Gramedia. 307 h.

Dee (Dewi Lestari). (2001) *Supernova*. Ksatria, Putri dan Bintang Jatuh. Bandung. Trudee books. 226 h.

Djenar Maesa Ayu. (2002) *Mereka bilang, saya monyet!* Jakarta. Gramedia Pustaka Utama, 136 h.

Rahayu Dinar. (2002) *Ode untuk Leopold von Sacher Masoch*. Jakarta. Pustaka Jaya. 148 h.

El Shirazy Habiburrahman. (2003) *Ayat-ayat cinta*. Jakarta. Republika Pesantren Basmala Indonesia. 418 h.

Ratih Kumala. (2012) *Gadis Kretek*. Jakarta. Gramedia Pustaka Utama. 274 h.

TEXTS IN ENGLISH

Suryakusuma Julia. (2013) *Julia's Jihad*. Tales of the politically, sexually and religiously incorrect: living in the chaos of the biggest Muslim democracy. Jakarta. Komunitas Bambu. 500 p.

Hiroyuki Takahashi & Jeanette Voss. 'Parasite Singles' – a Uniquely Japanese Phenomenon? *JEI report*. 2000. No 31 (11.08.2000; www.jei.org/Restricted/JEIR00/0031f.html).

Torchia Chr., Djuhari L. (2007) *Indonesian Slang*. Singapore. Tuttle Publishing. 278 p.

Сведения об авторе:

Марина Владимировна Фролова,
старший преподаватель
Институт Стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова

MarinaV. Frolova,
Senior Lecturer
Institute of Asian and African Studies
Lomonosov Moscow State University
m.v.frolova@gmail.com

О.В. Розинская

О Борисе Савинкове – человеке, писателе, террористе (по воспоминаниям современников)

Аннотация: В статье Борис Савинков представлен в разных аспектах своей деятельности: как руководитель Боевой организации партии эсеров, ярый противник Советов, – и как писатель, поэт, публиковавший свои произведения под псевдонимом Ропшин. Неоднозначный, сложный характер Савинкова раскрывается в воспоминаниях его современников, с которыми он общался в эмиграции: Д. Философова, Д. Мережковского, З. Гиппиус, М. Волошина, А. Амфитеатрова, К. Вендзягольского. Опираясь на эти материалы, автор статьи выстраивает свою концепцию личности Савинкова-Ропшина, в судьбе которого, как и в судьбе героев его произведений, отразилась история России.

Ключевые слова: Савинков-Ропшин, Боевая организация партии эсеров, эмиграция, воспоминания, Д. Философов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Волошин, А. Амфитеатров, К. Вендзягольский

Abstract: In the article Boris Savinkov is presented not only as the head of the fighting squad of Socialist-Revolutionary Party, an ardent opponent of the Soviets, but as a writer, a poet, who published his works under the pseudonym of Ropshin. The complex personality of Savinkov disclosed in the memories of his contemporaries with whom he communicated in the emigration: D. Filosofov, D. Merezhkovsky, Z. Gippius, M. Voloshin, A. Amfiteatrov, K. Vendzyagolsky. Based on these materials, the author builds his concept of Ropshin-Savinkov, in whose fate, as in the fate of the characters of his works the history of Russia was reflected.

Key words: Savinkov-Ropshin, the fighting squad of Socialist-Revolutionary Party, emigration, memories, D. Filosofov, D. Merezhkovsky, Z. Gippius, M. Voloshin, A. Amfiteatrov, K. Vendzyagolsky

О Борисе Савинкове (1879–1925) – террористе и писателе – написано много, однако оценка его личности неоднозначна. Это объясняется как противоречивостью характера Савинкова, так и сложностью тех событий, участником которых он становился.

До революции он подпольщик, революционер, член боевой организации эсеров, неудачливый царевубийца. Во время Февральской революции – политический деятель Временного правительства, мечтавший о стремительной карьере

видного государственного деятеля. После Октябрьской революции он становится непримиримым противником Советской власти, сторонником белого движения, мечтающим о единой и неделимой России, членом Боевой организации партии социалистов-революционеров, участником многих террористических актов, ярким антисоветчиком. Как уполномоченный лидеров белого движения Савинков в начале 1918 г. создает в Москве конспиративный «Союз защиты Родины и свободы» с участием эсеров, меньшевиков, монархистов – по образцу масонских организаций (этот период деятельности описан им в книге «Борьба с большевиками», Варшава, 1920). Являлся организатором восстания в Ярославле, Муроме и Рыбинске в 1918 г.

Вот как писали о нем в советской печати в 1920-е гг.: «Б.В. Савинков был главным, быть может, единственным значительным в среде эмиграции врагом Советской России. Деятельность его была исключительной по масштабу... Савинков продолжает свою помощь русскому народу тем, что становится против него на сторону поляков. Это то знаменитое паломничество в Варшаву эмигрантских вождей всех мастей и оттенков, которое положило конец легенде об их патриотизме и навсегда оторвало их от русского народа... Приковать к себе взоры всей эмиграции, всей России, всего мира – вот это давало удовлетворение темпераменту Савинкова, этого громадного честолюбца, вот что влекло его в революцию, вот что спаяло его с ней... Б. Савинков должен был также признать, что и “Конь бледный”, как впоследствии “Конь вороной”, тоже были для него только ступени к алтарю славы. Эти романы – не средства политической борьбы и не средства художественного или нравственного совершенствования. Они тоже “цель в себе” для честолюбца»¹.

В середине января 1920 г. для переговоров с Ю. Пилсудским он приезжает в Варшаву, здесь создает Русский политический комитет, в состав которого вошли Д. Философов и генерал Станислав Булак-Булахович. Все они были сторонниками создания «третьей силы» – антибольшевистской и антицарской, находящейся в союзе с Польшей. Термин «третья сила» ввел Б. Савинков в одной из своих политических статей в газете «Свобода». Он был убежден, что в новой России не будет «ни царя, ни губернаторов, ни дворян, ни комиссаров, ни “ревкомов”, ни “чрезвычайек”». Россия станет страной более свободной, более сильной и более богатой, чем она была до сих пор: «За эту третью Россию я и борюсь»². «Рыцарем третьей России» называл Б. Савинкова в своих публицистических статьях, появлявшихся на страницах газеты «За свободу», один из лидеров русской эмиграции в Польше Д. Философов.

Русский политический комитет не представлял всю русскую эмиграцию в Польше, авторитет его держался в основном на популярности Б. Савинкова и относительно широкой известности Д. Философова. Б. Савинков поддерживал связь с польской интеллигенцией. Он хорошо знал Ежи Стемповского, Юзефа и Марию Чапских (Стемповский познакомил Савинкова с польскими масонами). Этому, безусловно, способствовало свободное владение польским языком (он окончил гимназию в Варшаве в 1897 г.; там до 1905 г. жили его родители).

Во время советско-польской войны 1920 года он помогает созданию Русской народной добровольческой армии, формирует вооруженные отряды, руководит русским политическим комитетом в Варшаве. В январе 1921 г. рождается новая

¹ Загадка Савинкова: Сб. / Под ред П.А. Арского. Л., 1925. С. 3.

² Савинков Б.В. Накануне новой революции: Сб. статей. Варшава, 1921. С. 7.

военная организация – «Народный союз защиты Родины и свободы», занимающаяся формированием вооруженных отрядов для борьбы с большевиками на советской территории. В 1921 г., разорвав с белым движением, он называет себя вождем «зеленых» – и против красных, и против белых.

Б. Савинков активно сотрудничает с газетой «Свобода», публикует здесь воспоминания из петербургского дневника 1918–1919 гг. о своей террористической деятельности. В 1921 г. в польско-русском издательстве «Россика» (Варшава) был опубликован сборник статей Савинкова «Накануне новой революции». Автор размышляет о крестьянской революции, о будущем России, о власти, о пассивности русской интеллигенции. «Страшны мы себе сами и мы сами виноваты в бедствиях наших...»¹ – пишет он в одной из статей. Себя и себе подобных он называет слугами России, утверждает, что лучше умереть с оружием в руках, чем признать советскую власть, примириться с «поруганием свободы»². В Русском политическом комитете публикуется политическая брошюра Б. Савинкова «Борьба с большевиками», сборники его статей «На пути к третьей России», «За Родину и свободу». М.П. Арцыбашев в одном из писем Б. Савинкову признавался, что он приехал в Польшу с твердым намерением сотрудничать с газетой «Свобода» только потому, что она была «савинковской»³. Он же отмечал, что Савинков – это «единственное и последнее из имен прошлого, которое произносится с интересом и некоторым упованием»⁴.

«Целью Савинкова было показать, – писал один из его варшавских соратников К. Вендзягольский, – что борьба молодой Польской республики с большевизмом – это борьба за судьбу и свободу Европы, а может быть, и демократии всего мира. Указание на оборонную войну давало Савинкову возможность говорить о проблеме русско-польского согласия как об историческом вопросе, чрезвычайно важном и неотвратимом ввиду большевицкой агрессии»⁵.

Вендзягольский с уважением относился к своему политическому единомышленнику, однако характеризовал его как «опытного игрока, знаменитого артиста, симулятора и художника всяческих жестов и подделок»⁶. Он же восхищался Савинковым-оратором. Так, побывав на его выступлении на собрании русской эмиграции и французских журналистов в Париже в 1919 г., в первую очередь Вендзягольский отмечал, что это речь «тонкого психолога»⁷, который «умел увлекать сердца и мысли слушателей, умел это делать на высокой ступени психологического и ораторского искусства»: «В своем выступлении он излагает основы борьбы с большевизмом. <...> Его речь, аргументы, голос, кажущийся зловещим шепотом, на всех производил впечатление, а пронзительный блеск его напряженных глаз приковывал взгляды присутствующих и врагов в одинаковой степени»⁸.

Савинков «утверждал, что борьба молодой польской республики с большевизмом – это борьба за судьбу и свободу Европы. Своими речами он умел всех увлечь. Многим не верилось, что этот типичный варшавяк по наружности, по ак-

¹ Савинков Б.В. Накануне новой революции. С. 4.

² Там же.

³ Арцыбашев М.П. Письма к Савинкову (1923–1924) // De visu. 1993. № 4. С. 51.

⁴ Арцыбашев М.П. Письма к Савинкову (1923–1924). С. 55.

⁵ Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. 1963. № 72. С. 152.

⁶ Вендзягольский К. Савинков. С. 137.

⁷ Вендзягольский К. Савинков. С. 149.

⁸ Там же.

центу произношения, по духу языка и по характерному варшавскому юмору – не коренной поляк, а самый настоящий природный русский»¹.

Политическая деятельность Савинкова в Варшаве не принесла ожидаемого результата. Он не получает должной поддержки у Пилсудского, неудачей заканчивается также попытка создания народного Союза защиты свободы и отчизны.

«В самом сознании необходимости вывести русско-польские отношения из трагического бездорожья прошлого на разумные пути мира, взаимной дружбы и свободы Савинков пользовался каждой возможностью для реализации этого. Стремясь, с одной стороны, искоренить в сознании русских принципы насилия во имя собственного государственного благоденствия и величия, с другой, он старался разрушить боевое недоверие поляков ко всему русскому. Среди тех и других он искал единомышленников»² – так писал об этом периоде его жизни К. Вендзягольский.

Савинков обращается за помощью к англичанам, французам и чехам. З. Гиппиус, в своих воспоминаниях рассказывая об этой лихорадочной деятельности Савинкова, отмечала его непоследовательность в принятии решений, неразборчивость в выборе знакомых, чрезмерную резкость и надменность. Она отзывалась о Савинкове как о «плохоньком организаторе»³.

Из-за «внутренних дрызг, чепухи, общего неумения» ничем не закончилась деятельность Савинкова по формированию русских отрядов в составе польской армии. Остро переживал он сам факт польско-советского перемирия, а также решение польского правительства о высылке русских эмигрантов за границу. В результате им было принято решение уехать в Прагу, а затем и в Париж.

Но в 1924 г. для продолжения борьбы с большевиками Савинков нелегально вернулся в Россию, где и был арестован.

Существует и иная версия возвращения Савинкова – обязательство возвратиться на Родину для возрождения там масонства (подобное обязательство было возложено на всех русских членов масонской ложи в Париже).

В августе 1924 г. в Москве состоялся открытый судебный процесс. Савинкова приговорили к десятилетнему заключению. К всеобщему удивлению, Савинков признал себя виновным почти по всем пунктам предъявленного ему обвинения. Эти признания были подобны взрыву бомбы. Сразу после процесса советские газеты опубликовали статьи о «деле Савинкова». Так, 5 сентября 1924 г. в газете «Правда» появилась статья А.В. Луначарского «Артист авантюры». Им же написана вводная статья к книге Б. Савинкова «В тюрьме», изданной в 1925 г. Луначарский признает писательский талант Савинкова, его тонкую наблюдательность, способность живо откликаться на события. Он называет его летописцем революционной борьбы и контрреволюции. В мае 1925 г. советская печать сообщила о его самоубийстве. В 1924 г. газета «Свобода» напечатала текст обвинительного заключения и признания Савинкова на процессе в Москве. В этом же году в Харькове было опубликовано открытое письмо Савинкова Д. Философому, в котором он писал: «Я боролся как никто. Я прошел белое движение, я участвовал в зеленом, я занимался подпольной работой. И, в результате, – я глубоко разочаровался во всем... Бороться нельзя, да и не нужно. Раз не нужно – нужно признать Советскую власть»⁴.

¹ Вендзягольский К. Савинков. С. 150.

² Вендзягольский К. Савинков. С. 195.

³ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 340.

⁴ Письмо Б. Савинкова Д. Философому. Харьков, 1924. С. 13.

После подобных известий «Свобода» поместила подборку статей, авторы которых с возмущением говорили об отречении Савинкова. Так, Арцыбашев, тяжело переживавший случившееся, посвятил савинковскому делу и реакции на него русской эмиграции несколько статей, вошедших в цикл «Записки писателя»: «Гады ползучие», «Фельетонная совесть», «Письмо Савинкова», «Гоголевский чёрт и эсеровские ангелы». В последней статье он писал о Савинкове как о представителе партии эсеров и их пораженческой политике.

Три года спустя Д. Философов в своем дневнике записал: «История не так всевластна, как память. Давайте будем помнить Бориса Викторовича как человека, который хотел расширить человеческую свободу и исправить, так или иначе, то, что человек сотворил из человека»¹.

Савинков был сложной, крайне противоречивой фигурой. В нем как бы жило два человека: один яростно боролся с большевиками, отдав этой борьбе все свои духовные и физические силы (даже Уинстон Черчилль, лично знавший Б. Савинкова, вспоминает о нем в своей книге «Великие современники»), другой – тонкий, изломанный человек, писатель и поэт, создавший роман «То, чего не было» (1912), повести «Воспоминания террориста» (1909), «Конь бледный» (1909), «Конь вороной» (1924), сборник рассказов, стихи. Имя этого человека – В. Ропшин.

Английский дипломат и разведчик Р. Локкарт писал о нем: «...Савинков так долго прожил среди шпионов и провокаторов, что, подобно герою одного из его романов, в конце концов сам не мог разобраться толком, кого он, в сущности, обманывает – своих врагов или самого себя»².

Максимилиан Волошин познакомился с Савинковым в Париже в 1915 г. Он воспринял его как уникальную личность, как человека, отмеченного особым знаком судьбы: его судьба связана с высшими силами, хранима «волей звезд». Возникает тема трагического существования человека, на плечи которого легла непомерная тяжесть определять собственную судьбу. Находясь под впечатлением этой встречи, он написал стихотворение «Ропшин»:

Холодный рот. Щеки бесстрастной складки
И взгляд из-под усталых век...
Таким тебя сковал железный век
В страстных огнях и бреде лихорадки.
Таким ты был. Бесстрастный и мятежный –
В руках кинжал, а в сердце крест;
Судья и меч... С душою снежно-нежной,
На всех путях хранимый волей звезд³.

«Савинков – организатор “Большого террора”. Ропшин – автор романов, нанесших сокрушительный удар по “подпольной России”. Две России – подпольная и легальная – сошлись в одном человеке. Савинков-Ропшин – символ раздвоенной России, их судьбы неразделимы»⁴ – такую характеристику Савинкову дала одна из наших современниц, подчеркнув неразрывность судеб его и России.

Можно с полным основанием утверждать, что произведения Савинкова-Ропшина во многом автобиографичны. Как никто другой он мог рассказать в сво-

¹ Дюррант Д.С. По материалам архива Д.В. Философова // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. С. 459.

² Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933. С. 167.

³ Волошин М. Облики // Русская мысль. 1917. Кн. 11–12. С. 135.

⁴ Могильнер М. Б. Савинков: «подпольная» и «легальная» Россия в перипетиях одной судьбы // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 81.

их книгах о кошмарной жизни революционера-террориста, с такой поразительной глубиной и откровенностью передать душевное состояние человека, идущего на убийство.

Литературную известность Савинкову принесла повесть «Конь бледный», напечатанная в «Русской мысли» в 1909 г. Известно, что название повести было предложено Зинаидой Гиппиус, так же как и литературный псевдоним – В. Ропшин. Проявил интерес к этой повести Л.Н. Толстой. В его библиотеке хранился экземпляр книги с пометками на полях.

Это сильная, правдивая книга, повествование о жизни террориста, целиком посвятившего себя одному делу – убийству очередной жертвы. Форма дневниковых записей позволяет автору раскрыть внутренний мир героя, его страшную разочарованность в жизни. Савинков делает своего героя трагической личностью, бесконечно одиноким человеком, которого гнетут разочарование и усталость, ненужность собственного существования. Он готов принять смерть, пожертвовать своей жизнью ради убийства генерал-губернатора – и в то же время постоянно и мучительно раздумывает над тем, может или нет человек пролить кровь другого. Толстовская позиция «не убий» находит здесь свое своеобразное преломление. В каждом террористе, по мысли автора, есть два начала: религиозно-жертвенное и расчетливо-профессиональное.

Рядом с ненавистью, ожесточением, фанатизмом в достижении цели в сердцах героев повести живут любовь, жалость, искренняя вера в бога. Один из них пишет в письме: «Я верю: не мечом, а любовью спасется мир, как любовью он и устроился. Но я не знал в себе сил жить во имя любви и понял, что могу и должен во имя ее умереть... Люди будут судить меня, и я жалею их. Кроме их суда, будет – верю – суд Божий. Мой грех безмерно велик, но милосердие Христа не имеет границ»¹.

Путем постоянного самоанализа, бесконечных мучительных размышлений главный герой приходит к выводу о бессмысленности, иррациональности своего существования, всей своей жизни. А рядом существует другой мир, полный красоты, любви, гармонии. Этот мир зовет, манит, привлекает своей прелестью и чистотой. Герой сознательно подавляет в себе желание нормально жить, наслаждаться жизнью, но иногда это прорывается наружу – и мир наполняется любовью к женщине, ощущением счастья от соприкосновения с природой. В повести много удивительно проникновенных, красочных описаний природы, тонких психологических наблюдений, но главное для автора – как можно полнее раскрыть нравственное состояние, внутренний мир человека, полный душевного надлома и мучений совести. Герой – мученик, изгой, страдалец за идею и одновременно убийца. Он утверждает, что нет любви, нет мира, нет жизни: «Есть только смерть, Смерть-венец и смерть – терновый венец». Герой воспринимает себя марионеткой на огромной сцене жизни. Марионетка сыграла свою роль и уходит из «скучного балагана». В одном из своих стихотворений Савинков определил свое душевное состояние словами: «Душа убита кровью». Это, безусловно, относится и к героям повести.

Многие литераторы восприняли повесть как своеобразный удар по революционному террору. Отрицательная рецензия А.В. Амфитеатрова на «Коня бледного» была опубликована в его сборнике «Заметы сердца» (Москва, 1909 г.). Позже в газете «За свободу» автор объяснял свое отношение тем, что «повесть, вышедшая

¹ Савинков Б.В. Конь бледный // Савинков Б.В. Избранное. М., 1990. С. 356.

из-под пера знаменитого террориста и, однако, почти отрицавшая смысл и моральную допустимость террора, показалась опасной бестактностью всем, кто в терроре видел необходимое ко времени средство борьбы с царским правительством»¹.

А Д. Мережковский в своей книге «Большая Россия» (1910) назвал повесть Ропшина «самой русской книгой современности, по какой можно судить о будущем России»². «Коня бледного» он оценивает так же высоко, как и произведения Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Тема бессмысленной братоубийственной войны, мучительного осознания собственной страшной вины перед Россией нашла отражение и в следующей повести Б. Савинкова «Конь вороной». Выход в свет этой повести в польском издательстве «Оссолинеум» в 1924 г. стал, безусловно, событием литературной жизни эмигрантской Варшавы.

В предисловии к русскому изданию повести (написано в тюрьме) Савинков писал: «Повесть эта написана мной за границей в 1923 году. Я описывал либо то, что пережил сам, либо то, что мне рассказывали другие»³. Эта повесть не биография, но она и не художественный вымысел. Книга написана в форме дневниковых записей белого офицера, полковника Юрия Николаевича (Жоржа), возглавившего отряд для борьбы с большевиками во время Гражданской войны. Герой повести имеет много общего со своим создателем, являясь во многом и проекцией его личности, но и художественным обобщением.

Всё произведение строится на сопоставлении двух планов: прошлого и настоящего. Прошлая жизнь – это счастье, светлые человеческие лица, родной очаг, стихи Пушкина и Баратынского. Герой живет в двух мирах, в мире воспоминаний и в мире действительности, причем второму он отдается весь, подчиняя ему первый. Настоящее – это кровь, жестокость, человеческие страдания. Этот план постепенно вытесняет всё светлое в душе героя. Становятся расплывчатыми лица, исчезают из памяти события. Замыкается круг жизни героя повести. «Чего я достиг? – восклицает он. – Позади свежевырытые могилы. Впереди... Что ожидает меня впереди? Труден путь и далек, и не видится и не предчувствуется конца»⁴.

Самым частым знаком повести является вопросительный. Ради чего умирают люди? Ради чего все костры, пытки, расстрелы? Ради России, ради будущего. Но какого будущего? Этого не знают герои повести, не знает и сам автор. Полковник Юрий Николаевич живет в мучительном разладе с самим собой, сжигаемый ненавистью к врагам, которых называет «бесами». Это чувство ненависти толкает героя на самые страшные поступки, делает его жестоким и бесстрастным. Но часть его души все же остается способной воспринимать музыку, чувствовать красоту мира, любить «синеву далекого леса, оттепель и болотный туман».

У героя острый взгляд, его трогает любой штрих в окружающей природе, всё вызывает в нем ответное чувство. И есть еще любовь, которая относится к «вечной», благословенной жизни, оставленной им в далеком прошлом. Жорж любит и ненавидит одновременно. Он любит свои воспоминания и ненавидит настоящее, в котором любимая женщина оказывается его идейным врагом.

Не менее трагичной личностью, чем полковник Жорж, является и другой герой книги – ординарец Федя. Трагедия этого человека в том, что он не знает, почему

¹ Амфитеатров А.В. Два коня // За свободу. 1924. 21 июня. С. 2.

² Мережковский Д. Большая Россия. СПб., 1910. С. 43.

³ Савинков Б.В. Конь вороной. Л., 1924. С. 46.

⁴ Савинков Б.В. Конь бледный // Савинков Б. В. Избранное. М., 1990. С. 249.

он борется против большевиков, и в то же время люто их ненавидит. Этот человек одинаково легко вешает коммунистов и идет под пули, а в свободное время он рисует «картинки», воплощая в них свои нереализованные мечты.

Интересен образ Ивана Лукича, из коммуниста превратившегося в бандита. Для своих повестей «Конь бледный» и «Конь вороной» писатель выбирает два эпиграфа из Евангелия; один из них повторяется: «...кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза». В произведении отражена трагедия гражданской войны, когда брат убивал брата, когда рушились нравственные устои жизни. Герои повести Ропшина находятся во тьме. Они трагически одиноки и несчастны от безысходности избранного ими пути. Образ всадника на вороном коне в конце повести, имеющий «меру в руке своей», воспринимается как символ приближающегося конца. Это мера ответственности человека за свои поступки, определение своего истинного пути.

Хотел этого писатель или не хотел, но каждая страница произведения кричит о том, что убийство – это тяжкий грех, что в мире относительных ценностей есть одна высшая – это человек. Во имя сохранения человека и написана эта повесть.

Большое значение Савинков придавал языку произведения: «Над языком надо работать, языку надо учиться, как художник учится технике, рисунку. Хотят писать для масс. Это правильно. Но массы, как и отдельный человек, скорее воспримут ясную речь, чем несвязное бормотание»¹. Писатель признавался, что каждую страницу он переписывал и исправлял не менее 15 раз. «Можно сказать, – отмечал он в письме к Амфитеатрову, – высидел повесть горбом»². Он был чрезвычайно требователен к себе, поэтому считал, что все им написанное не выдерживает никакой критики.

Находясь в тюрьме, Б. Савинков пишет рассказы, опубликованные в Москве в 1924 г., под общим названием «Последние помещики», «Посмертные рассказы». В них он рассказывает о серой, неприглядной жизни русской эмиграции на чужбине, подробно описывает быт, нравы, взаимоотношения людей. Все эти «ответственные» военные, бывшие чиновники живут иллюзией вернуть прошлое, упорно не желая разглядеть настоящее, понять бессмысленность, бесплодность подобных мечтаний. Савинков критикует русскую эмиграцию, но одновременно и жалеет ее, понимая, что она обречена.

Первое время после гибели Савинкова его книги выходили и в Советской России. Так, в 1926 г. были изданы статьи и письма, а также книга его воспоминаний. Позже в Советском Союзе произведения Савинкова-Ропшина уже никогда не издавались.

Но, пожалуй, настоящим открытием писателя В. Ропшина явилось посмертное издание книги стихов с предисловием Зинаиды Гиппиус, вышедшее в Париже в 1931 г.³ В этой книге холодный, властолюбивый, замкнутый в себе человек с сухим, каменным лицом «не то актера, не то иезуита», расчетливый профессионал от терроризма, предстает перед читателем легко ранимым, страдающим, непомерно несчастным человеком.

Зинаида Гиппиус в предисловии к книге писала: «Не много из отмеренного ему времени мог уделить он стихотворчеству, однако и в нем сумел как-то отразиться весь, со всей жизнью, с ее центральным трагическим острием. Это острие почти всегда обнажено, лишь порою бывает прикрыто сложностями жизни и души, а в

¹ Дневник Бориса Савинкова. 15.4.1925 г. // Гласность. 1990. № 2. С. 38.

² Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 // Минувшее: Альманах. М.; СПб., 1993. С. 123.

³ Гиппиус З.Н. Предисловие // Ропшин В. (Савинков Б.). Книга стихов. Париж, 1931. С. VIII.

ней было, кажется, от всего, что только бывает в человеческой душе, но всего в непомерностях: тьмы и света, слабости и силы»¹. В этих стихах отразилась вся трагедия души Савинкова: «Так близко, что даже ее видения и кошмары кажутся нам плотью»².

Гиппиус отмечала необыкновенную наблюдательность Ропшина, умение «угадать и схватить то, что оказывалось ему в данный момент нужным, и мгновенно претворить в собственную действенную силу»³.

Основными темами стихотворений Ропшина становятся тоска по утраченной Родине, одиночество героя, оказавшегося в страшном и чуждом ему мире:

Нет Родины – и все кругом неверно,
Нет Родины – и все кругом ничтожно,
Нет Родины – и вера невозможна,
Нет Родины – и слово лицемерно...⁴

Лирика Савинкова – своеобразная исповедь, которая покоряет искренностью и неподдельным страданием, герой жаждет «забвения», представляя свою жизнь как сплошное «искушение». Лирический герой его стихотворений – одинокий путник, сбившийся с пути, страдающий за свои грехи, за всё содеянное в жизни. Он беззаветно и мучительно любит Россию, ненавидит ложь, фальшь и притворство, старается напомнить в стихах об ответственности человека пред самим собой. Настрадавшаяся душа поэта ищет мира, успокоения, веры:

Железные люди бьются
И алая кровь струится
Я бы хотел проснуться
И помолиться...⁵

Называя стихи Ропшина «необычными стихами», З. Гиппиус писала, что и подходить к ним надо не с обычными требованиями и судом: «Тому, кто не ищет в стихах только эстетического наслаждения, книга Ропшина дает больше: она может открыть ему новое о душе человека, о трагедии жизни – и смерти»⁶:

Я не верю, я не знаю
Я камин свой зажигаю,
Освещаю темный лик...
Где пугливый мой двойник?
Я один. Нет никого.
Эта комната пустая...
Никого нет... Никого
Это сердца моего
Фотография живая...⁷

Лирический герой осознает свои грехи, пытается подавить в себе чувство обреченности:

Никогда не свершится божье чудо,
Никогда не простится мой грех Исава,

¹ Гиппиус З.Н. Предисловие. С. VIII.

² Гиппиус З.Н. Предисловие. С. IX.

³ Там же.

⁴ Ропшин В. (Савинков Б.). Книга стихов. Париж, 1931. С. 78.

⁵ Там же.

⁶ См.: Гиппиус З.Н. Предисловие // Ропшин В. (Савинков Б.). Книга стихов. Париж, 1931. С. I–XII.

⁷ Там же.

Голубая отравка
Сразу
Меня убила...
Пожалей меня, мальчик мой милый...¹

Лирике Ропшина-Савинкова не чужды также интимные переживания, любовь как главное проявление духовной жизни человека:

Ее жемчужное кольцо
Играет тенью перламутра.
Я в это пасмурное утро
Увижу милое лицо.
Полуласкающие руки,
Полувлюбленные уста,
В глазах предчувствие разлуки,
Пресыщенность любовной скуки,
Восторг любовного креста².

Сложный и во многом противоречивый мир героев книг Савинкова открывается читателю. Исчезает стереотип, сложившийся в сознании не одного поколения. Место фанатичного и жестокого врага Советской власти, известного террориста занимает другой человек, очень сложный, часто ошибающийся, обладающий несомненным писательским даром. В судьбе Ропшина-Савинкова, а также в судьбе героев его произведений отразилась многострадальная история России.

ЛИТЕРАТУРА

- Загадка Савинкова: Сборник / Под ред. П.А. Арского. Л., 1925. 96 с.
- Савинков Б.В. Накануне новой революции. Варшава, 1921. 57 с.
- Арцыбашев М.П. Письма к Савинкову / Предисл., подгот. текста и примеч. Д.И. Зубарева // *De visu*. 1993. №4. С. 49–69.
- Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. 1963. № 71. С. 133–155; № 72. С. 168–197.
- Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Т. 2. Тбилиси, 1991. 382 с.
- Письмо Б. Савинкова Д. Философову. Харьков, 1924.
- Дюррант Д.С. По материалам архива Д.В. Философова // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. С. 44–459.
- Локкарт Р. Буря над Россией: исповедь английского дипломата / Пер. с англ. В. Гольденберга. Рига: Жизнь и культура, 1933. 346 с.
- Волошин М. Облики // Русская мысль. 1917. Кн. 11–12. С. 135–138.
- Могильнер М. Б. Савинков: «подпольная» и «легальная» Россия в перипетиях одной судьбы // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 79–89
- Савинков Б.В. Конь бледный // Савинков Б.В. Избранное. М., 1990.
- Амфитеатров А.В. Два коня // За свободу. 1924. 21 июня.
- Мережковский Д. Больная Россия. СПб., 1910. 280 с.
- Савинков Б.В. Конь вороной. Л., 1924. 46 с.
- Дневник Бориса Савинкова. 15.4.1925 г. // *Гласность*. 1990. № 2.

¹ Крылов Г. Загадка поэта-террориста // *Поэзия: Альманах*. 1990. № 55. С. 195.

² Савинков Б.В. Стихи // *Поэзия: Альманах*. 1990. № 55. С. 13.

Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 // Минувшее: Альманах. М.; СПб., 1993. С. 73–158.

Гиппиус З.Н. Предисловие // Ропшин В. (Б. Савинков). Книга стихов: (Посмертное издание). [С предисл. З. Гиппиус.] Париж: [Родник], 1931. С. I–XII.

Ропшин В. (Савинков Б.). Книга стихов: (Посмертное издание) [С предисл. З. Гиппиус]. Париж: [Родник], 1931. XII, 84, [6] с., 1 л. портр.

Крылов Г. Загадка поэта-террориста / Г. Крылов; вступ. ст.: Б. Савинков // Поэзия: Альманах. 1990. № 55. С. 190–194.

Савинков Б.В. Стихи // Поэзия: Альманах. 1990. № 55.

REFERENCES

- The Enigma of Savinkov. Ed. P.A. Arsky. Leningrad. 1925. 96 p.
- Savinkov B.V. (1921) On the Eve of a New Revolution. Warsaw. 57 p.
- Artsybashev M.P. Letters to Savinkov. Preface, comments by the production editor D.I. Zubarev. *De Visu*. 1993. No 4, pp. 49–69.
- Vendzyagolsky K. Savinkov. *Novyj Zhurnal*. 1963. No 71, pp. 133–155; No 72, pp. 168–197.
- Gippius Z. (1991) The Lively Faces. Memories. Vol. 2. Tbilisi. 1991. 382 p.
- A Letter of B. Savinkov to D. Filosofov. Kharkov, 1924.
- Durrant D.S. On the Materials from the Archive of D.V. Filosofov. In: *Litsa. Biographical Almanac*. Moscow; St.-Petersburg. 1994, pp. 444–459.
- Lockhart R. (1933) Storm over Russia. Confessions of a British Diplomat / Translation from English of B. Goldenberg. Riga. *Zhizn i Kultura Publ*. 346 p.
- Voloshin M. Obliki. *Russkaya Mysl*. 1917. Vol. 11–12, pp. 135–138.
- Mogilner M. B. Savinkov: «Underground» and «Legal» Russian in the Twists and Turns of Fate. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 1995. No 4, pp. 79–89.
- Savinkov B.V. Kon Blednyj. In: Savinkov B.V. (1990) Selected Works. Moscow.
- Amfiteatrov A.V. Dva Konya. *Za Svobodu*. 1924. June 21.
- Merezhkovsky D. (1910) Morbid Russia. St.-Petersburg. 280 p.
- Savinkov B.V. (1924) Kon Voronoy. Leningrad. 46 p.
- The Diary of Boris Savinkov. 15.4.1925. *Glasnost*. 1990. No 2.
- Amfiteatrov and Savinkov: Correspondence 1923–1924. *Minuvsheye: Almanac*. Moscow, St.-Petersburg. 1993, pp. 73–158.
- Gippius Z.N. Foreword. In: Ropshin V. (Savinkov B.) The Book of Poems. Paris. 1931, pp. I–XII.
- Ropshin V. (Savinkov B.) (1931) The Book of Poems: (Posthumous ed.) [With a foreword of Z. Gippius]. Paris. Rodnik Publ. XII, 84, [6] p., and portrait.
- Krylov G. The Enigma of Poet-terrorist [Introductory article: B. Savinkov. Poems]. In: *Poetry: Almanac*. 1990. No 55, pp. 190–194.
- Savinkov B.V. Poems. In: *Poetry: Almanac*. 1990. No 55.

Сведения об авторе:
Ольга Валерьевна Розинская,
канд. филол. наук
старший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga Rozinskaya,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Moscow State Lomonosov University
o.rozinskaya@mail.ru

David Krasovec

La basilique San Pietro di Castello, antichambre de la Biennale de Venise

Abstract: This essay on the 56th Venice Biennale examines the problem of technical know-how and the creation of artists. These problems are not new. Therefore, in the church San Pietro di Castello, we find some answers to these questions. We also discover beautiful works, including a painting by Francesco Solimena, or intriguing frescoes, those of Girolamo Pellegrini. All the artists, antique or contemporary, are questioning the theme of death, recurring motif in the Biennale.

Key words: Venice, 56th Venice Biennale, contemporary art, San Pietro di Castello, Girolamo Pellegrini, Francesco Solimena

Аннотация: В статье, посвященной 56-й Венецианской биеннале, рассматривается проблема технического знания и творчества художников. Эти вопросы вовсе не новы, именно поэтому в базилике Сан-Пьетро-ди-Кастелло мы находим несколько ответов на них. Здесь мы видим прекрасные произведения искусства, среди которых полотно Франческо Солимены или завораживающие фрески Джироламо Пеллегрини. Все художники, прошлых веков или современные, по-своему интерпретируют тему смерти, частый мотив и на биеннале.

Ключевые слова: Венеция, 56-я Венецианская биеннале, современное искусство, Сан-Пьетро-ди-Кастелло, Джироламо Пеллегрини, Франческо Солимена

Venise a la réputation d’être une ville musée, quittée inexorablement de ses habitants “authentiques”, les “vrais Vénitiens”, mais combien de gens nés à Venise n’y habitent plus, et combien de personnes venues à Venise pour y rester et dûment enregistrées auprès de l’administration pourraient revendiquer cette appellation qui ne serait nullement usurpée¹?

Les Vénitiens, pour le passant d’un jour ou d’une saison, sont ceux qui habitent la cité sans avoir les yeux rivés sur un plan, qui savent où aller d’un pas assuré pour se livrer à une Venise qui essaie de rester populaire, à la quotidienneté réelle, avec ses fêtes d’aujourd’hui, bon enfant et musique rock, grillades, Moretti pression et excellent Prosecco blanc à petits prix dans des bouteilles en plastique. Ces endroits, ou ces mani-

¹ Cet essai prolonge celui publié en décembre 2015 dans la même revue, « La 56e Biennale de Venise, quand l’Angelus Novus est privé de ses ailes... » (« The 56th Biennale of Venice, when the Angelus Novus is Deprived of its Wings... »), Stephanos 6 (14), филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва 2015, p. 139–147.

III. 1

III. 2

festations d'un jour, loin des masques et costumes de Carnaval qui envahissent la ville en hiver et polluent vitrines et photos toute l'année, on peut retrouver de la vivacité d'un Canaletto, d'un Guardi ou d'un Longhi si l'on sait se mêler aux jean's et T-shirts qui font l'intemporalité de nos jours d'aujourd'hui.

Par un soir de fin juin, sous la pluie, quiconque sort de l’Arsenal, poussé par les gardiens qui ferment les salles de la Biennale, est invité au Campo San Pietro, attiré par les sons et les effluves des cuisines improvisées sous des tentes. La pluie oblige les gens à se serrer sous les tentes, offrant l’image d’un camp de réfugiés devant la façade de la basilique San Pietro di Castello, dessinée par Andrea Palladio (1508–1580) en 1568 et élevée bien plus tard, dans un quartier aujourd’hui moins peuplé que d’autres et peu habitué à cette agitation. Des vigiles, des volontaires qui n’ont qu’un brassard pour faire montre d’autorité, ouvrent les grands battants de la cour de l’ancien couvent, reconverti en poudrière en 1807, pour qu’une partie de la foule puisse se mettre à l’abri dans l’ancien cloître. Quelques baies vitrées éclairées offrent le spectacle de l’intérieur modeste de quelques appartements à la limite de l’insalubrité, dont les habitants s’empressent de tirer les rideaux sans fermer les fenêtres (ill. 1–2).

Les portes de la basilique aussi sont grandes ouvertes, mais peu osent s’y aventurer, soit parce que tenant un verre ou une assiette, soit intimidé par cette masse de marbre. Pourtant, à la journée tombante, l’intérieur sobre n’a rien d’austère, il est aussi accueillant que la bonne humeur de la place (ill. 3). Après l’agitation, on y ressent de la sérénité.

III. 3
68

nité et du réconfort et on commence à y déambuler avec curiosité et respect. Après tant d'art contemporain dans les pavillons des Giardini et les salles en enfilade de l'Arsenal, ce qui surprend le plus dans la Basilique c'est la quiétude des œuvres d'art en nombre, et leur actualité. On aurait pu être blasé de tant de choses vues dans la journée, ici, au contraire, les œuvres d'art reposent, elles respirent, elles ont une histoire, ce qui n'avait pas été ressenti plus tôt dans la journée. Et l'histoire qui est perçue, ce n'est pas celle du passé, c'est celle du déroulement des événements qui entraînent encore le présent; la distinction "contemporain" / "ancien" devient absurde, tout a été contemporain au moment de sa création, et tout devient fatalement ancien.

Au fur et à mesure que l'on se concentre sur les œuvres "exposées" on est surpris par la concentration de noms célèbres et de peintures de qualité d'artistes moins célèbres pour ne pas dire quasi inconnus. Bien des musées pourraient envier cette "collection" constituée pendant quelques siècles, et même si certains musées ont pu rassembler plus de "noms célèbres", il n'est pas certain qu'il y ait autant de qualité. De plus, les musées et les cimaises sont conçus pour les petits formats, il est rare qu'on y ait assez de place pour les longues toiles qui remplissent les chœurs des basiliques, encore moins pour les fresques qui recouvrent les coupes. Sans parler de l'éclairage qui fait partie de l'œuvre, plaie des salles d'exposition. Trop de peintures et de sculptures sont perdues dans les musées, amputées de ce qui fait leur sens, sans l'écrin d'un palais, d'une église, d'un appartement ou d'un jardin qui donnaient du sens, qui avait conditionné tel ou tel choix d'un artiste, qui avait imaginé un ensemble d'harmonie de formes et de couleurs avec l'éclairage du jour, de bougies ou de flambeaux. On a parfois l'impression de traverser une maladroitement danse macabre de toiles claudicantes ou carrément estropiées. Le Caravage est l'un des artistes les plus chanceux, beaucoup de ses œuvres sont encore à leur place d'origine et qui a pu admirer ses tableaux dans les chapelles de Rome peut comprendre leur génie tandis que ces mêmes tableaux sur un mur blanc avec un éclairage électrique ne sont que de bons produits culturels, comme c'était le cas dans la dernière exposition du Musée Pouchkine à Moscou sur le Caravage et ses suivants¹. Les muséographes et les artistes peuvent tenter tout ce qu'ils veulent, on ne se réapproprie pas facilement des œuvres anciennes, ce sont comme des animaux sauvages qu'on veut placer dans un zoo: une cage ne sera jamais un milieu naturel, et une installation artistique ou muséale ne sera jamais la scénographie originelle.

Si l'on prolonge cette pensée, après avoir vu tant d'installations lors de cette Biennale (même des tableaux, des sculptures ou des vidéos autonomes sont exposés comme s'ils devaient imiter les installations), on se demande où est le sens de tout cela. Le sens des installations en 2015 est-il à rechercher dans une recherche d'interactions avec l'environnement proche? Avec le monde? Avec les spectateurs? Veut-on amener le spectateur à entrer en interaction avec le monde de l'œuvre et à sortir du sien propre? Il y a bien sûr une combinaison de tous ces éléments, mais il n'y a là rien de bien nouveau. Ce qui est même navrant, c'est que beaucoup d'œuvres anciennes ont une complexité de relation avec leur environnement beaucoup plus difficile à saisir qu'aujourd'hui car elles n'étaient pas juste transposées dans un espace, mais devaient s'intégrer à de nombreux réseaux sociaux, intellectuels et spirituels.

Dans la basilique San Pietro di Castello, après la Biennale, on pourrait avoir l'impression d'avoir changé de lieu, mais il n'en est rien, si ce n'est d'avoir retrouvé le

¹ "Караваджо и последователи. Картины из собраний Фонда Роберто Лонги во Флоренции и ГМИИ им. А.С. Пушкина", commissaires: Mina Gregori, Maria Cristina Bandera, Viktoria Markova, Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Moscou, du 15.09.2015 au 10.01.2016.

sentiment de liberté. Nous sommes toujours dans les intérieurs intimes de Venise, il y a juste que ce que nous voyons ne fait pas partie du programme officiel et est conçu par les commanditaires anciens pour être une exposition permanente, et non temporaire, en l'honneur de saints célébrés, et avant tout d'eux-mêmes. Pourtant, tous ces lieux sont des espaces d'exposition dans une même ville, ils ne s'excluent pas. Après tout, de célèbres églises comme la basilique San Giorgio Maggiore se veulent des lieux incontournables de Biennale en Biennale, et pour la 56e édition cette dernière a accueilli des œuvres de l'artiste catalan Jaume Plensa (*1955). Sa formidable tête en treillis d'acier inoxydable s'intègre discrètement, il faut du temps pour comprendre

III. 4

qu'il y a un visage venu d'un autre continent, yeux fermés, qui n'interfère pas avec notre propre regard (ill. 4). Comme le dit Clare Lilley, la commissaire de l'exposition: *«Les œuvres de Plensa destinées à l'île de San Giorgio Maggiore montrent que l'artiste maîtrise parfaitement l'espace et l'échelle. Ses sculptures ne supplantent pas ces espaces historiques. Au contraire, elles captent et reflètent la lumière et les ombres*

qui s’y trouvent pour communiquer dans un langage métaphorique¹. «Quelle lumière et quelles ombres? Ces rayons qui varient avec la course du soleil et ne pénètrent pas certains recoins, ou ces territoires inconnus de secrets ensevelis par le temps, d’anecdotes passagères, de spiritualités inatteignables aux yeux écarquillés? Et quels «*espaces historiques*»? Lilley le pense-t-elle au sens des sciences historiques, ou n’utilise-t-elle qu’un «*langage métaphorique*»? Ces questions sont intéressantes, et légitimes, car trop souvent commissaires et artistes affectionnent une rhétorique qu’ils ne maîtrisent pas, ou ne maîtrisent que trop bien, on aimerait être sûr qu’ils n’en abusent pas.

L’église de San Pietro ne fait pas partie du programme annexe qui profite de la Biennale. Non, c’est juste une église souvent reconstruite, là depuis plus d’un millénaire.

III. 5

Lorsqu’on s’avance vers l’autel, le regard perdu dans la hauteur et la largeur de la nef se recentre sur l’endroit le plus sacré, puis explore à nouveau l’au-delà de cet autel. On cherche une direction vers la voûte et on découvre la fresque de *Saint Laurent Justinien en gloire*, Lorenzo Giustiniani (1380–1456) ayant été le premier patriarche de Venise et dont les reliques sont conservées ici. Nous devons cette œuvre à Girolamo Pellegrini, qui est monté sur des échafaudages vers 1695 pour recouvrir de couleurs cette abside nue née de la pensée et du travail de Baldassare Longhena (1596/1597–1682)² (ill. 5).

Qui est ce Girolamo Pellegrini? On ne sait presque rien de sa biographie, si ce n’est qu’on considère qu’il fait du caravagisme à Rome vers 1674, et qu’on le retrouve ensuite à Venise. Nous disons “on considère”, car il faut se méfier des étiquettes qu’on aime appliquer, rien ne le prouve, tant de suiveurs du Caravage ayant emprunté d’autres

¹ Propos rapportés dans «Une installation de Jaume Plensa à la Biennale de Venise 2015», fr.artmediaagency.com/108793/une-installation-de-jaume-plensa-a-la-biennale-de-venise-2015/

² Beaucoup de dates contradictoires circulent sur la naissance de l’architecte, pourtant cela a été élucidé par Lionello Puppi, «*Le case, e il testamento, di Baldassare Longhena*», *Interpretazioni veneziane. Studi di storia dell’arte in onore di Michelangelo Muraro*, éd. D. Rosand, Venezia 1984, p. 387–391.

voies pour qui sait les observer. Quelques études récentes lèvent un bout du voile, par exemple celle de Sergio Claut en 1986, mais nous préférons les formulations pleines du mystère des clairs / obscurs du savoir mêlé de jugements¹. Un certain Périès, érudit français membre d'une société savante qui a compilé une biographie universelle antique et moderne (*Opera affatto nuova compilata in Francia da una società di dotti*), a dû récupérer quelques éléments dans un livre italien, et lorsque l'encyclopédie a été traduite en italien avec quelques mises à jour et corrections (*ed ora per la prima volta recata in italiano con aggiunte e correzioni*), on a pu y lire en 1827:

«*Girolamo PELLEGRINI, pittore, nacque a Roma, e fioriva nel 1674. Imitò la maniera del Carravagio, ed è nominato più d'una volta con lode nella Guida di Roma. Dopo di aver dipinto de'grandi quadri in quella città, dipinse diversi freschi vasti a Venezia. Tali pitture non sono osservabili nè per la scelta, nè per la varietà, nè per lo spirito; ma hanno un carattere di grandezza e di pompa che abbaglia gli occhi di meno intendenti*»².

Et c'est tout. Lorsque nous regardons Lorenzo Giustiniani en gloire, ce qui interpelle ce sont ces corps schématisés, ronds sans être opulents, ces présences évidentes qui rejettent le tourbillon de la virtuosité chérie des traités de peinture, comme si Pellegrini refusait une mode qu'aucun théoricien ne contestait par écrit. Pas plus qu'il n'y a les habituels jeux d'accords de couleurs, fortement contrastés en contrepoint (comme chez Nicolas Poussin, 1594–1665; dans une mesure moindre chez Simon Vouet, 1590–1649, qui avait aussi eu sa période de caravagisme), il y a ici de vastes espaces en tons chauds qui prennent les verts, une bande bleue tranche l'ensemble, nous sommes dans une autre conception de la peinture. Que se racontaient alors les peintres entre eux? Contestaient-ils? Que professait Pellegrini? Que lui répondait-on? Est-on sûr qu'il a le style lourd? N'était-il pas simplement l'un de ces nombreux artistes qui voulaient s'affranchir des conventions et qui trouvent toujours un commanditaire pour les soutenir? Car même si le jugement de Périès est un peu dépréciateur, il lui reconnaît des qualités: «*Ces peintures ne sont remarquables ni par le choix, ni par la variété, ni par l'esprit; mais elles ont un caractère de grandeur et de pompe qui éblouit les yeux moins entendants.*» Et c'est l'évidence de la grandeur qui interpelle aujourd'hui, cette capacité à éblouir les moins "instruits", cela devrait nous amener à repenser ce que nous savons sur la fin du XVIIe siècle au lieu de regarder ces fresques avec condescendance. C'est comme s'il avait voulu explorer des solutions qui son récurrentes mais furtives dans l'histoire de la peinture, lorsque les proportions sont plus monumentales sans montrer les muscles, cela est mieux assumé à partir de la fin du XIXe siècle chez un Georges Seurat (1859–1891), puis chez Fernand Léger (1881–1955).

Il ne s'agit pas de réhabiliter un artiste, mais d'essayer de comprendre une époque qui nous échappe complètement, cette fresque en est la preuve. Son style ne s'intègre pas à l'histoire officielle aujourd'hui brossée, peu de textes nous permettent d'envisager et d'apprécier les choix de Pelligrini et de ses commanditaires. Car cette basilique étant prestigieuse, les artistes sollicités célèbres, alors pourquoi aurait-on confié la décoration du chœur à un artiste qui n'aurait pas été estimé par ses pairs? Et que dire du fait qu'il a peint une voûte circulaire dans la Scuola Grande di San Rocco vers 1700?

¹ Sergio Claut, «*Girolamo Pellegrini: i dipinti a San Pietro di Cadore e nel convento di SanVittore a Feltre*», *Arte veneta* 40, Alfieri Edizioni d'Arte, Venezia 1986 (non consulté).

² Périès (P.-s.), *Biografia universale antica e moderna ossia Storia per alfabeto della vita pubblica e privata di tutte le persone che si distinsero per opere, azioni, talenti, virtù e delitti*, vol. XLIII, Presso Gio. Batista Missiaglia, Venezia 1827, p. 189.

L'argument économique, qu'il était "moins onéreux qu'un bon peintre" ne tient pas pour qui connaît bien l'époque, rémunérations et talents n'étaient pas corrélés.

Pour ce qui est de cette allusion à la prestigieuse Scuola, on la retrouve chez l'abbé Filippo de Boni en 1840:

«PELLEGRINI (Girolamo), pittore, nacque a Roma e fiortiva nel 1674. Imitò la maniera del Carravagio, ed operò molto e con lode in patria. Poi venne a Venezia, dove condusse alcuni affreschi assai vasti come a s. Pietro di Castello la cupola della cappella di s. Lorenzo Giustiniani, la gran vòlta della scuola di s. Rocco, ec. Egli usò d'una maniera assai grande, ma non graziosa nè nobile»¹.

Ailleurs, rien, même dans les ouvrages sur la Scuola c'est à peine si on peut trouver le nom du peintre romain. Pour tout dire, son nom n'existe pas, c'est seulement sur le blog internet d'un amateur éclairé, Jean-Claude Syre, qu'il a été possible de trouver une image et la mention du peintre². C'est comme si on s'acharnait à l'oublier, car n'étant pas au panthéon des artistes, pourquoi perdre son temps à citer cet obscur praticien de la peinture? Cette dépréciation de Girolamo Pellegrini commence très tôt, et à Venise même. Si Périès avait encore pu louer des vertus malgré les défauts, l'abbé de Boni reprend ouvertement un reproche probablement exprimé bien avant lui, c'est-à-dire que Pelligrini ne transmet ni la grâce ni la noblesse. Qu'importe ce jugement, il faut l'ignorer comme tant d'autres; l'œuvre est là et elle a un pouvoir d'émotion même si ce n'est pas un grand chef-d'œuvre. Laurent Justinien est plus absorbé par son apothéose que par nos réflexions. Une croix discrète le suit, portée par un angelot, c'est à peine si on veut l'évoquer elle et sa signification: souffrance sur terre, pardon et rédemption, promesse d'un avenir éternel s'il est subordonné à la morale. Curieusement, on y retrouve une partie du programme de la Biennale, *All the World's Futures*: cataclysmes terrestres et avenir. Il ne s'agit pas des mêmes avènements, des mêmes futurs, des mêmes éternités, c'est néanmoins les mêmes entrelacs d'actualités, de faits, de vanités des choses, de fatuité; les notables en étaient bien conscients puisqu'ils s'empressaient de commander des œuvres d'art avec noms et armoiries; l'immense majorité des commissaires et des artistes de cette 56e Biennale se veulent plus modestes, mais tout n'est pas conçu pour la beauté de l'art, l'éternité demeure une quête inavouée et égocentrique, celle de la postérité, non une promesse. Dans tout cela, une pointe d'angoisse, qui appelle à son secours symboles et allégories, tantôt ceux de la rédemption et du pardon; tantôt ceux de l'engagement et du questionnement.

La Croix véhémement, impatiente, qui refuse d'abdiquer malgré les déconvenues terrestres, nous la retrouvons chez Francesco Solimena (1657–1747). Il a d'abord fallu la retrouver, ce qu'a fait l'impératrice Hélène (c. 247/250 – c. 329/330) dans l'Invention de la Croix; cette toile, toujours dans la basilique San Pietro di Castello, est attribuée à Solimène vers 1730³, mais il y a peu de raison de douter de cette attribution. Il est vrai que cette toile est faible pour le peintre fantastique, Solimène est mal à l'aise avec les compositions posées, mais son pendant en face, en revanche, en est digne: c'est l'Exaltation de la Croix, la fougue est libérée, l'élan porté par les anges – ce ne sont plus les humains qui aspirent à aller vers la croix – va vers un centre désintégré. Car la force de cette toile c'est que les lignes géométriques et les regards vont soit vers le haut soit

¹ Filippo de Boni (abbé), *Emporeo biografico metodico, ovvero biografia universale ordinata per classi: Biografia degli artisti*, Venezia, Co' del tipi Gondoliere 1840, p. 762.

² Jean-Claude Syre, Parcours originaux dans Venise, <https://sites.google.com/site/parcoursoriginauxavenise/>

³ Mille sources plus touristiques que scientifiques hésitent sur le nom et la date, l'ensemble donne l'impression qu'on ne peut se fier à aucune affirmation.

Ill. 6

vers le bas, les personnages importants de la narration sont sur les marges, les forces se dispersent et éclatent hors du cadre; le centre de la toile est occupé par l'ange de la mort avec sa trompette baissée, comme s'il abdiquait, mais derrière lui tout est sombre, le centre est ténèbres (ill. 6).

Ici, on peut en douter: la mort est-elle désincarnation et pourrissement des chairs, mise à nue du corps, de l'âme, de la vérité? Question individuelle aux réponses collectives. Ce thème a beau avoir été souvent étudié, surtout après les essais de Philippe Ariès sur la mort¹, les explications générales sont encore et toujours invalidées par le particulier. C'est maladroitement qu'on recycle des représentations éculées, dont celle du squelette.

Pour qui a des doutes sur la destinée humaine, il y a la Vierge de Miséricorde qui intercède pour les âmes du Purgatoire – étonnante invention que les théologiens ont réussi à fabriquer à partir de versets nébuleux de la Bible. Dans la chapelle consacrée au patriarche Francesco Vendramin (1555–1618), sur le tableau de Luca Giordano (1634–1705) c'est une simple Vierge à l'enfant qui veille. Le patriarche, plein de confiance et élevé aux honneurs de la hiérarchie du clergé par le pape Paul V (1550–1621), sur le relief de l'autel de gauche, préfère se placer sous la protection du *Triomphe de la Croix* (ill. 7). En bas de cette composition, un squelette porte l'inscription: «*Francesco Vendramin creato da Paolo V degno e pio patriarca della città di Venezia e cardinale della chiesa d'inclito lignaggio e di purissimi costumi porge all'evangelista il simbolo della Croce. La morte ha in quella mano il vessillo di Cristo*». Formule ambiguë, «*La mort a dans cette main la bannière du Christ*», car qui détient les clefs du destin, la Mort ou le Christ? Est-ce une mort menaçante ou une mort vaincue?

Ces deux beaux autels en marbre, nous les devons à Melchior Barthel (1625–1672) et à un mystérieux Michele ou Michelangelo Ungaro. Pour tout connaisseur de l'Europe centrale, et on peut presque considérer que Venise en fait partie, il est évident

¹ En particulier Philippe Ariès, *L'Homme devant la mort*, Le Seuil, Paris 1977.

III. 7

qu'*Ungaro* n'est pas un patronyme, comme souvent c'est une indication géographique, en l'occurrence la Hongrie. La capitale en était alors Bratislava, où est né notre "inconnu", Michele Fabris (c. 1644–1684)¹. *Il n'est donc pas étonnant qu'il ait travaillé avec le célèbre sculpteur de Dresde, et ces rencontres improbables ont lieu à Venise plus souvent qu'ailleurs, car c'est une constante de la région. Aujourd'hui encore, les délimitations entre les régions voisines aux identités mouvantes ne sont pas claires: la basilique San Pietro di Castello, elle-même, a été tiraillée entre deux destins, entre deux territoires, sans pourtant s'être déplacée d'un centimètre. «Au tournant des VIIIe et IXe siècles, Venise était le centre de luttes politiques qui ont vu le patriarche de Grado Jean Ier (764–804), en opposition avec le doge de Venise Maurizio Galbaio (764–787) et son fils Giovanni; le premier en faveur d'une alliance avec l'Empire byzantin, les seconds en faveur de l'alliance avec l'Empire Franc»². Cela démontre que la région était les deux empires à la fois.*

¹ Paola Rossi, «Fabris, Michele», *Dizionario Biografico degli Italiani*, vol. 43, Istituto dell'Enciclopedia Italiana, Roma 1993; www.treccani.it/enciclopedia/michele-fabris_%28Dizionario_Biografico%29/

² «Basilique San Pietro di Castello», *Wikipédia*, fr.wikipedia.org/wiki/Basilique_San_Pietro_di_Castello (consulté le 21.03.2016).

III. 8

*Cette lutte pour tout englober, et la conscience de cette richesse et de cette diversité, se retrouve chez Francesco de Grisogono (1861–1921), écrivain de Grado qui voulait condenser le monde entier et ses mystère dans quelques formules. Qu'on retrouve aussi dans les *Microcosmi* de Claudio Magris (*1939), et lorsqu'il évoque Grado dans les «Lagunes» de ce livre, voilà ce qu'il dit de Francesco de Grisogono et qui pourrait s'appliquer aux souvenirs des barques échouées sur les îlots inhabités de Venise: «Cette hybris totalisante, qui manie l'omnipotence, met à nu la petitesse et la fragilité de l'individu perdu entre les infinis et plus encore parmi les énigmes du fini, son amour poignant pour la vie, dont il voudrait s'emparer comme un pêcheur rêvant de ramener toute la mer dans ses filets»¹.*

C'est avec ces mots qu'on quitte le Campo di Castello, pour faire quelques pas rétrospectifs vers l'Arsenal et les Giardini. Les os et les squelettes y sont nombreux,

¹ Claudio Magris, *Microcosmi*, Garzanti Editore S.p.A., Milano 1997; traduction française de Jean et Marie-Noëlle Pastureau: *Microcosmes*, éditions Gallimard, Paris 1998, p. 106 dans la collection Folio.

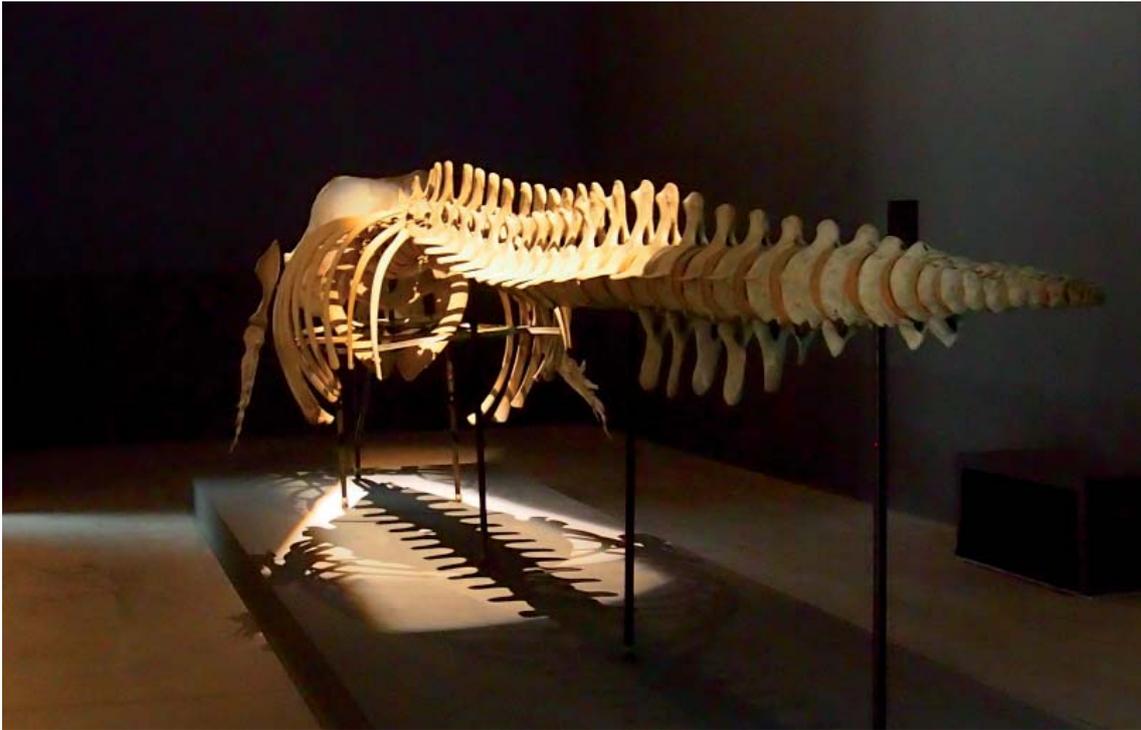
ils sont le sujet d'installations parmi les plus réussies. A commencer par *M'Fumu* de l'italienne Elisabetta Benassi (*1966) dans le pavillon belge (ill. 8). Elle a fait un arrêt de tram en os d'animaux sauvages (ici en matières synthétiques, mais d'après les collections de Bruxelles). Cet «*arrêt fantôme est un abri métaphorique prenant 'les autres' sous sa protection – ceux qui ont disparu dans les marges de l'histoire coloniale – et permettant à leurs fantômes de retourner dans le monde duquel ils ont été exclus*»¹.

Dans l'installation du pavillon australien, *Wrong Way Time*, les ossements de Fiona Hall (*1953) sont partout, sur les murs, suspendus dans l'espace, la mort est sur les objets de consommation, parmi des embryons, il y a multitude de symboles du temps et de la sexualité qui se croisent dans cette version 2015 du cabinet de curiosités et des vanités; pulsions de vie et de mort à la Freud et référence à la *Wunderkammer* que Fiona Hall assume complètement (ill. 9). Même si elle prétend évoquer «*la politique globale, le monde de la finance et l'environnement*» et «*la paranoïa née de la profonde*

III. 9

¹ «*The ghost stop is a metaphorical shelter, taking 'the others' under its protection – those who are disappeared into the margins of colonial history – and letting their ghosts return to the world from which they were once excluded.*», in Vincent Meessen & Guests, *Personne et les autres*, Belgian Pavilion, Biennale Arte 2015, p. 10–11 (livret sans éditeur, ni date, ni ISBN). Voir aussi Giulia Grechi, «*“Colonial Hauntology” o delle potenzialità del vivere fra spettri*», *Roots & Routes: Research on Visual Cultures*, www.roots-routes.org/?p=5785

III. 10

incertitude et de la peur de notre époque»¹, c'est un discours de circonstance qui n'est pas le thème qu'elle traite réellement.

L'Albanais Armando Lulaj (*1980) expose trois œuvres, *Albanian Trilogy: A Series of Devious Stratagems*, dont *It wears as it grows*, pauvre cachalot *Physeter macrocephalus* tué en 1971 car on l'a pris pour un sous-marin d'une force hostile (ill. 10). Lulaj dénonce la traite l'absurdité des années du culte de la personnalité, et qui n'empêche pas son effacement².

III. 11

¹ «global politics, world finance and the environment», «paranoia born of the deep uncertainty and fear of our times», dépliant dans le pavillon australien; nombreuses illustrations sur www.roslynnoxley9.com.au/artists/17/Fiona_Hall/1615/

² www.albanianpavilion.org/

Enfin, la Sud-Africaine Marlène Dumas (*1953), dans sa série *Skulls* (2013–2015), reprend le motif du crâne¹. Nous le signalons juste pour compléter notre liste, mais ces toiles ne méritent pas qu'on s'y attarde (ill. 11).

III. 12

Dans le pavillon serbe, des drapeaux d'empires et d'Etats disparus jonchent le sol, ils constituent les *United Dead Nations*; ce ne sont pas des ossements, mais c'est tout comme, ce sont des oripeaux, peut-être peut-on y voir des linceuls colorés (ill. 12). C'est en tout cas tout ce qui reste après la mort et c'est un avertissement pour les Etats encore vivants. Nous sommes donc bien là dans le prolongement des précédentes installations. Mais ici, la métaphore est trop évidente. Qu'en dire de plus? On peut y adjoindre tout un discours, et l'auteur Ivan Grubanov (*1976) ne s'en prive pas parlant de son «*approche post-conceptuelle*», mais l'installation elle-même que dit-elle de plus? Absolument rien².

Avec l'installation de Natalia Pershina Yakimansakya (*1969), *Clothes for the demonstration against false election of Vladimir Putin*, on reste dans le même ordre d'idées (ill. 13). Sauf que les oripeaux ne sont plus des drapeaux, mais les vêtements de gens libres dont la liberté a été tuée par le contrôle et la répression. Composition en hommage à la liberté d'expression défunte, certes plus complexe qu'au pavillon serbe parce qu'on y retrouve la dénonciation, la résistance, et – d'un point de vue proprement

¹ craniumcorporation.org/2015/12/10/skulls-2013-15-by-artist-marlene-dumas/

² «*post-conceptual approach*», eng.msub.org.rs/serbian-pavilion-at-56th-la-biennale-di-venezia

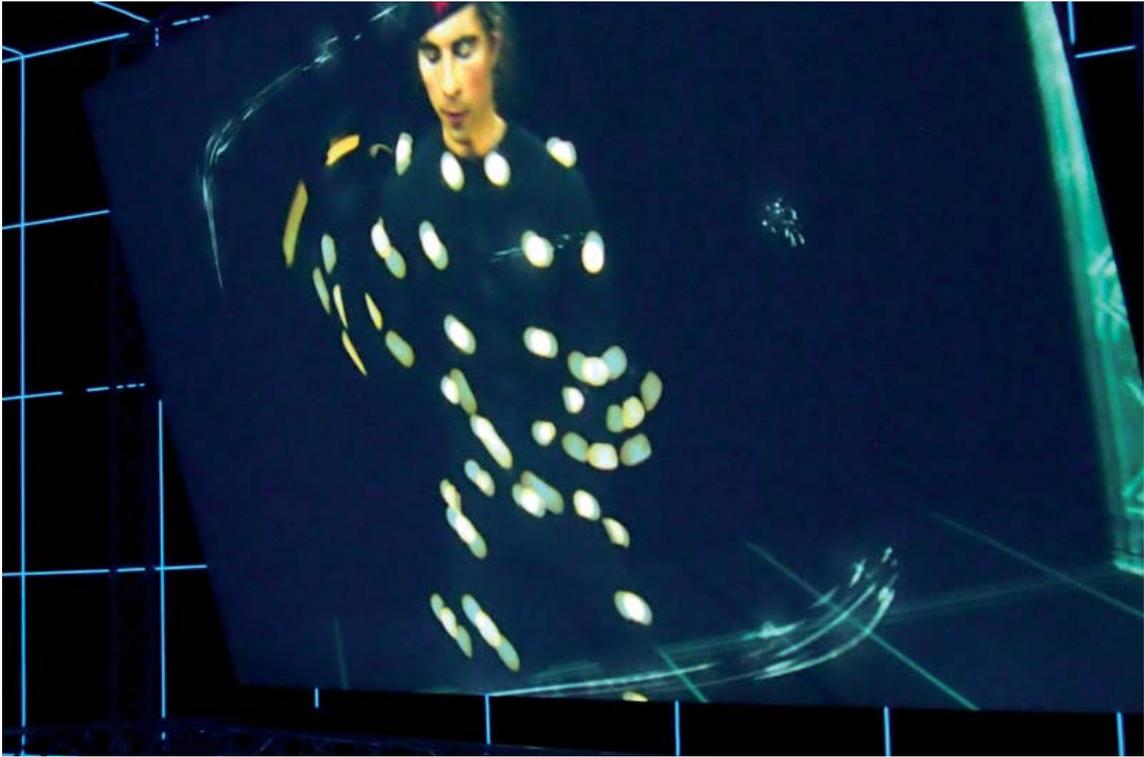
plastique – la technique du réemploi; pourtant, tout compte fait, c'est la même pauvreté conceptuelle, c'est tout aussi simpliste.

III. 13

*Finale­ment, tout cela rappelle les amas de gilets de sauvetage que les réfugiés abandonnent sur les plages de Grèce, composant des cénotaphes beaucoup plus riches que ceux sortis des mains et de l'imagination des artistes, beaucoup plus esthétiques aussi, plus poignants. Des témoignages, des symptômes, des plaies, non des installations. Les photographes du monde entier ne s'y trompent pas. C'est même très révélateur d'un malaise dans les arts plastiques qui refusent l'ancien débat de l'imitation de la nature alors que la photographie s'y engage et s'y investit sans états d'âmes. Sans faire d'installations, ils en font en réalité de bien plus complexes et bien plus belles. Il faut être Ai Weiwei (*1957) pour que ces gilets deviennent les matériaux d'une œuvre forte.*

Nouvelle époque, nouveaux médias. Nouvel art? Rien n'est moins sûr, mais cela permet d'explorer des territoires qui pour sûr sont encore vierges. Serait-ce dans les pavillons coréen et allemand qu'on trouvera de nouvelles voies pour l'art contemporain (*ill. 14–15*)? Il faut concéder une chose aux nouveaux médias, au film et aux outils numériques: il y a un effort réel d'utiliser au mieux ces techniques, à tous les niveaux, de la conception jusqu'à la touche finale, à aucun niveau on ne peut se permettre d'être médiocre. En cela, ils sont dans la continuité de la basilique San Pietro di Castello.

III. 14

III. 15

Pour le fond, les mêmes écueils guettent toujours. L'installation vidéo du pavillon allemand (Hito Steyerl (*1966), *Factory of the Sun*) a l'air bien naïve avec son acteur / danseur en train de s'agiter avec une étoile rouge sur son couvre-chef, on dirait plus la nostalgie du Kreuzberg et du *Friedrichshain* du Berlin des années 1990 que de l'art "contemporain"¹; en tout cas, on n'est pas tourné vers *All the World's Futures*...

Peut-être que si on veut proposer un futur, il ne faut pas seulement proposer de nouvelles techniques, mais aussi de nouveaux motifs. La virtuosité ferait l'une des qualités de l'œuvre d'art, ce qui la rendrait unique ce serait l'impossibilité de la reproduire. Et on ne pourrait la reproduire en raison du génie, de la dextérité et de la technique de l'artiste – et il y a là de nombreux malentendus. Premièrement, avec l'idée de reproductibilité par les médias, idée si bien exploitée par le pop-art, puis idée détournée par certains mouvements antitotalitaires qui ont utilisé la reproduction d'une iconographie défendue par les journaux officiels qui voulaient dénoncer les œuvres incriminées (on l'a vu avec la *Neue Slowenische Kunst* en Yougoslavie). Reproduire l'œuvre et reproduire son image, ce n'est pas la même chose, et ce processus existe depuis très longtemps, bien avant l'invention de l'imprimerie par Johannes Gutenberg. Rien de bien nouveau déjà à l'époque de Walter Benjamin. Deuxièmement, si on exploite une nouvelle technique au service de l'expression artistique mais qu'on recycle d'anciens motifs sans les avoir pensés et compris, qu'a-t-on apporté? On veut faire "moderne" avec des matériaux intellectuels qu'on ne comprend pas parce qu'on les a réduits à de simples formes géométriques et des agencements de couleurs? Que faire ensuite de ces artistes qui justifient la pauvreté de leur savoir-faire technique par la profondeur de leurs pensées et de leurs productions? Il y a parfois le génie de l'instant et de l'inspiration. Mais si intellectuellement c'est tout aussi faible, que reste-t-il? A cette Biennale, presque rien si on oublie de pousser les portes anciennes qui abritent de réelles méditations sur le futur.

Сведения об авторе:

Давид Красовец,
доктор искусствоведения
ИГСУ РАНХиГС
(Москва)

David Krasovec,
Docteur en Histoire de l'art
Académie russe d'Economie nationale et d'Administration publique
auprès du Président de la Fédération de Russie
(Moscou)

David Krasovec,
PhD of Art History
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
(Moscow)
davidkrasovec@yahoo.fr

ILLUSTRATIONS

1. Fête populaire sur le Campo San Pietro, sous la pluie (photographie D. Krasovec, 2015).
2. Ancien cloître du couvent de la basilique San Pietro di Castello (photographie D. Krasovec, 2015).
3. Intérieur de la basilique San Pietro di Castello (photographie Didier Descouens, s.d.).

¹ www.deutscher-pavillon.org/2015/en/

4. Jaume Plensa, tête en acier inoxydable, 2015, basilique San Giorgio Maggiore (photographie D. Krasovec, 2015).
5. Lorenzo Giustiniani, *Saint Laurent Justinien en gloire*, c. 1695 (photographie D. Krasovec, 2015).
6. Francesco Solimena, *L'Exaltation de la Croix*, c. 1730 (?) (photographie D. Krasovec, 2015).
7. Michele Fabris et Melchior Barthel, *Le Triomphe de la Croix*, 1675 (photographie D. Krasovec, 2015).
8. Elisabetta Benassi, *M'Fumu*, 2015, pavillon belge (photographie Alessandra Bello, 2015).
9. Fiona Hall, *Wrong Way Time*, 2015, pavillon australien (photographie D. Krasovec, 2015).
10. Armando Lulaj, *It wears as it grows*, 2011, pavillon albanais (photographie D. Krasovec, 2015).
11. Marlène Dumas, *Skulls*, 2013–2015, pavillon central des Giardini (photographie D. Krasovec, 2015).
12. Ivan Grubanov, *United Dead Nations*, 2015, pavillon serbe (photographie D. Krasovec, 2015).
13. Natalia Pershina Yakimansakya, *Clothes for the demonstration against false election of Vladimir Putin*, 2011–2015, Arsenal (photographie D. Krasovec, 2015).
14. Hito Steyerl, *Factory of the Sun*, 2015, pavillon allemand (photographie D. Krasovec, 2015).
15. Moon Kyungwon et Jeon Joonho, *The Ways of Folding Space & Flying*, 2015, pavillon coréen (photographie C. A. Xuan Mai Ardia, 2015).

Материалы и сообщения

Communications and Materials

С.И. Кормилов

Китаистика с административным ресурсом (взгляд теоретика литературы)

Аннотация: Теория литературы практически совершенно игнорирует древнейшие и богатейшие литературы Востока, которые во многом отличаются от западных, но все-таки подвержены и общим закономерностям мировой литературы, а российские востоковеды часто не ориентируются даже в основных понятиях теории своего предмета. Характерный образец такого положения в науке – сборник работ переводчика и популяризатора китайской литературы Ильи Смирнова, который не мог быть издан без использования административного ресурса.

Ключевые слова: теория литературы, И.С. Смирнов, китайская литература, монография, перевод, предисловие, стих, ритмическая проза, автор и издатель, административный ресурс

Abstract: Theory of literature in Russia almost completely ignores the ancient and rich literature of the East. Though it differs from the western, but still develops according to the general laws and world literature. Russian orientalists often do not understand even in the basic concepts of the theory of their subject. A typical sample of such situation is a collection of the works of Ilya Smirnov, who is a translator and popularizer of Chinese literature. This work could not be published without the using of the administrative resources.

Key words: literary theory, I.S. Smirnov, Chinese literature, a monograph, translation, introduction, verse, rhythmic prose, the author and the publisher, the administrative resource

Теория литературы никак не преодолевает европоцентризм. Например, в вузовском учебнике И.Н. Сухих «Теория литературы», изданном Санкт-Петербургским университетом в 2014 г. и обладающем незаурядными достоинствами, не упоминается, однако, ни один восточный автор. Между тем в работах лучших российских востоковедов можно найти немало ценного для теоретика литературы. По логике, к таким работам должна бы была принадлежать книга, превосходящая по листажу книги любых представителей данной отрасли филологии, в том числе и ее классиков. Но далеко не всё в ней может удовлетворить даже неспециалиста. Речь идет о 640-страничном сборнике работ И.С. Смирнова, опубликованном Российским государственным гуманитарным университетом как очередной вы-

пуск Трудов Института восточных культур и античности (подразделения РГГУ)¹. Нам уже случалось писать о том, что уровень подготовки самой большой антологии корейской классической поэзии «Осенние клёны» (2012) доказывает его несоответствие ученой степени кандидата филологических наук, которой обладает составитель этой антологии Л.Р. Концевич [Кормилов, Аманова: 31–37]. «Случай Смирнова» – доказательство того, что и в современной китаистике отнюдь не всё обстоит благополучно.

Издатель том большого формата объемом 53 печатных листа мог себе позволить из числа востоковедов лишь обладатель максимального административного ресурса – директор названного в подзаголовке Института РГГУ. В нем преподавали крупнейшие ученые, не стремившиеся к руководящим должностям. «Руководить» академиком привык кандидат филологических наук, переводчик, автор отнюдь не монографий², а по преимуществу вступительных статей к более или менее популярным изданиям китайской поэзии. Оттого он «с Пушкиным на дружеской ноге»; первые же слова в его книге после «содержания»: «Когда-то, еще в 70-е годы, С.С. Аверинцев, к слову и, возможно, в шутку, посоветовал мне начинать всякую работу объяснением с читателями по поводу ее названия <...>» (с. I). И.С. Смирнов определенно не принял дельный совет всерьез, во всяком случае, постеснялся объяснить, почему в заглавии его книги, где больше всего переводов, а также присутствуют компилятивные комментарии, юбилейные заметки и воспоминания о китаистах, в общем, смесь чего угодно, как раз *исследования* (первое слово заглавия) на самом деле отнюдь не преобладают. Просто автор хочет *выглядеть* прежде всего исследователем, которого если кто и может редактировать, то как минимум академик Б.Л. Рифтин.

Только вот на обороте титульного листа фамилия «ответственного редактора» дана в траурной рамке (умер 3 октября 2012 г.), а И.С. Смирнов в предисловии «Немая речь» признается, что его книга сложилась в последние два года (с. VI), т. е. в 2012–2014 (подписана в печать 1 ноября 2014 – как раз через два года после смерти Рифтина). Надо сказать, слишком долго складывалась, поскольку автор не сделал ничего, чтобы подготовить действительно цельную книгу, а не конгломерат разновременных публикаций, не изменил ни одного слова для хотя бы простейшей «подгонки» их друг к другу. И если на стр. 81 он вспоминает, как много они «разговаривали об антологиях в Китае с покойным Б.Л. Рифтиным», то на с. 513 бестактно повторяет написанное в 2002 г. к его 70-летию: «<...> к нашей радости, можно надеяться, что впереди у юбиляра десятки лет трудов и дней <...>». Во второй статье о Рифтине, к его 75-летию (вошла в сборник Института восточных культур и античности РГГУ, опубликованный через три года после

¹ Смирнов И.С. Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М.:РГГУ, 2014 (Orientalia et classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. LV). Далее страницы этого издания указываются в тексте.

² На сайтах РГГУ (http://www.rsuh.ru/who_is_who/detail.php?ID=5293), ИВКА РГГУ (<http://ivka.rsuh.ru/article.html?id=245095>), ИВ РАН (http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=158), в Википедии (http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Смирнов,_Илья_Сергеевич&oldid=72798272) «монографиями» И.С. Смирнова названы сборники переводов, необязательно принадлежащих только ему, но с его вступительными статьями и комментариями: «Прозрачная тень. Поэзия эпохи Мин. XIV–XVII вв.» (СПб., 2000), «Небесный мост. Поэзия Гао Ци (1336–1374)» (СПб., 2000), «Яшмовые ступени. Поэзия эпохи Мин» (М., 1989) и «Шедевры китайской поэзии X–XVII веков» (М., 2010), – а также рассматриваемый здесь сборник разножанровых работ, не в большей степени отвечающий критериям монографического исследования.

юбилея, в 2010-м), – снова прогноз: «Кажется, кто-то уже намеревается писать у Рифтина диплом о Пу Сун-лине, глядишь, и диссертации воспоследуют, а там и рифтинская школа синологической фольклористики возникнет...» (с. 520). Получается, и через два года с лишним после смерти академика его начальнику в РГГУ все еще «кажется», что делают или чего не делают (написан ли хоть один упомянутый диплом?) подведомственные ему студенты или аспиранты покойного. В воспоминаниях о другом синологе, В.С. Таскине (1917–1995), аналогичным образом в книге повторено заявление, что после его смерти Смирнову написать этот текст «за минувшие восемь лет так и не удалось» (с. 509). Даты под статьями не стоят. Правда, немало их перечислено в списке «Литература», причем статья к 70-летию Рифтина обозначена на стр. 605 с опечаткой: «Смирнов 2000а». Как это «ответственный редактор» не заметил, что «редактируемый» отпраздновал его юбилей одной публикацией и в 2002 г., и парой лет раньше? Но вот чего он совсем не мог не заметить, так это того, что в библиографическом списке его, Рифтина, труды представлены всего лишь одной монографией и одной статьей. Как он мог согласиться редактировать книгу китаиста, уделявшего его работе столь мало внимания? Неужели только из-за того, что тот опубликовал о нем, несмотря на такое поверхностное знакомство, целых две юбилейных статьи? Сомнительно и то, чтобы академик, пусть не русист, пропустил в редактируемой им книге орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки: «дымку, умиряющую излишнюю резкость линий» (с. 48) вместо «умеряющую», «плетеная из веток дверца» (с. 248) вместо «плетенная», «лишь с пятой попытки, стал *цзиньши*» (с. 95), «Не раз, и не два за десятилетия...» (с. 519), «о назначении которого становится ясным» (с.23), «в уже в раннем среднекитайском языке» (с. 91), «морские пираты» (с. 238) – а сухопутные пираты бывают? – и т. д.; это только отдельные примеры.

Не один «ответственный редактор» оказался скудно представленным в библиографическом списке И.С. Смирнова. Названы хотя бы четыре публикации (правда, две из них – переводы) Л.З. Эйдлина, в статье о котором сообщается, что в молодости он написал очень хорошую кандидатскую диссертацию, защитил ее гораздо позже и в гораздо худшем варианте, а докторскую писать не стал, ушел в переводы (как и крупнейшие поэты сталинской эпохи). Такое «внимание» к Эйдлину наверняка обусловлено аналогией с собой, но аналогией нескромной и необоснованной: И.С. Смирнову достались времена несравненно более благоприятные, чем он не сумел воспользоваться как исследователь, а его переводы отнюдь не пользуются столь широким признанием, как эйдлинские. У автора намек на то, что тот именно к нему благоволил, слишком прозрачный: «О своих коллегах (а его окружали, как правило, младшие коллеги и ученики), приверженных науке, обуреваемых идеями, которые в 60–70-е годы переполняли гуманитарное сообщество, говорил с плохо скрываемой иронией и неудовольствием. Зато мало пишущие китаисты, но, по его мнению, знающие предмет, вызывали его неизменное одобрение» (с. 538). Эйдлин оказался «редактором» составленной Смирновым антологии «Яшмовые ступени» даже не через два, а через четыре года после своей смерти. Дело не в том, что книги в советское время печатались долго: И.С. Смирнов работал в издательстве, выпустившем эту книгу, и публикацию своих работ он бы не задерживал.

Правда, есть оговорка: поначалу «Л.З. был привычно скрытен, явно осторожен и уж никак не собирался допускать слишком близко меня, тогда мальчишку, легкомысленного, не сдержанного на язык выпивоху» (с. 522). Но в рассказе о знаком-

стве с современным поэтом Ян Лянем автор книги, аттестуемой как прежде всего научная, пытается доказать, что со временем он стал выпивохой глубокомысленным и на язык сдержанным: «...На прощание мы зашли в уютный ресторанчик. Под хорошую закуску наш графин довольно быстро опустел. И тогда этот рафинированный китаец, этот гражданин мира жестом родным и знакомым, почти не глядя и продолжая разговор, опустил руку в стоящую у его ног сумку, на ощупь свинтил пробку с подаренной ему на фестивале бутылки “Поэтической” водки и с необыкновенной ловкостью, незаметно для официантки (“приносить и распивать...”)) наполнил графин. Потом мы купили ему записи струнных квартетов Бородина, о которых он давно мечтал. Теперь в его лондонском доме звучит русская музыка. Надеюсь, и графин наполняется исправно...» (с. 491). Судя по приложенным переводам стихов, это действительно так.

Другим талантливым китаистам – кроме Эйдлина – в книге повезло гораздо меньше. В списке названа единственная публикация Ю.К. Шуцкого и также единственная статья шести авторов с участием Б.А. Васильева, причем статья постыдная: И.С. Смирнов рассказывает о том, каким неожиданным стало для академика В.М. Алексеева предательство в 1932 г. его любимого ученика. Рассказ о трагической судьбе наиболее сильного синолога XX в. – пожалуй, самое ценное в рецензируемой книге. Это неудивительно, ведь Смирнов опирается на книгу об отце М.В. Баньковской, дочери Алексеева, цитируя ее «по неопубликованной рукописи» без указания страниц, хотя тут же сам сообщает, что книга вышла в 2010 г. после смерти автора (с. 593).

Благополучнее алексеевской сложилась жизнь академика Н.И. Конрада (в наследии которого уже многое устарело) – и все-таки две его публикации в смирновскую библиографию попали: посмертная книга «Неопубликованные работы. Письма» и неназванная публикация в «Известиях РАН» 1992 г. (в ссылке на нее, помещенной на стр. 531, цитируется письмо Конрада к Б.Б. Вахтину). Оригинальность манеры И.С. Смирнова как мемуариста и историка синологии состоит в том, чтобы писать о коллегах, всячески избегая цитирования их работ.

В.М. Алексеев на этом фоне тоже представляет исключение. О нем не только рассказывается довольно подробно: в библиографии *целых восемь* публикаций (правда, одна – двухтомные «Труды по китайской литературе» – в основном переиздание). И тем не менее даже о нем говорится, очевидно, не без задней мысли. Если в тексте книги Алексеев – фигура номер один вне всякого сомнения, то в библиографии его подавляет уникальный гигант синологии – И.С. Смирнов с *восемнадцатью* публикациями (на десять больше, чем у самого почитаемого академика), хотя у того в основном фундаментальные книги, а у этого – умеренного объема статьи, ссылаясь на которые автору нет смысла, так как большинство из них в этой же книге перепечатано. Разве можно иначе, если ее главное жанровое обозначение – «исследования»? Вдруг невнимательный читатель и никакие не исследования, а всего лишь вступительные статьи для относительно широкой публики примет за солидные научные труды? Если же какая-то статья в книге не перепечатана, автор не прочь процитировать ее в подтверждение им же самим сказанного, как в послесловии к публикации довольно обширной переписки С.П. Боброва с В.М. Алексеевым (огромный объем издания достигнут и за счет чужих текстов): «Дело в том, что “...китайский поэт <...> в первую очередь, есть выразитель своей начитанности, так что, если представляется, вообще, важную задачей историко-литературного исследования отделить собственные мысли данного по-

эта от его, так сказать, почвенных образований, то тем более важно это сделать при разборе творчества китайского поэта, который весьма часто, по выделении всех заимствований, сводится к малозаметному для нас новому элементу» [Смирнов 2008: 9]» (с. 568). Столь авторитетная для И.С. Смирнова цитата берется из одного маленького предисловия [Смирнов 2008: 3–12].

В том, что все-таки можно назвать исследованиями, немало буквальных повторений, которые особенно препятствуют восприятию книги как хоть какого-то целого. Про короткие китайские стихотворения на стр. 49 говорится: «Профанный взгляд без труда проходит сквозь прозрачную форму и либо не обнаруживает за ней почти никакой сущности, либо, поддавшись самообольщению, принимает эту форму за сущность и полагает ее ничтожной и недостойной внимания». И вскоре, на стр. 68, – похвала знатоку, угадывающему подлинное содержание за «иероглифическим фасадом стихотворения, даже нарочито прозрачным, сквозь который легко проникает профанный взгляд и либо не обнаруживает за ним почти никакой сущности, либо, поддавшись самообольщению, принимает форму за сущность и полагает ее ничтожной и недостойной внимания». На стр. 40 автор сообщает, «что по старинному поверью (откуда и пошло выражение *линъян гуа цзяо*) антилопа во сне подвешивает себя за рога на ветке дерева, чтобы ее невозможно было отыскать по следам. Столь же “бесследны” должны быть и творческие усилия поэта». Яркий, запоминающийся образ, не нуждающийся даже в кратком намеке, чтобы вернуться к этой мысли. Нет, на стр. 131 И.С. Смирнов повторяет дословно: «По старинному поверью (откуда и пошло выражение *линъян гуа цзяо*) антилопы во сне подвешивают себя за рога на ветке дерева, чтобы ее невозможно было отыскать по следам. Столь же “бесследны” должны быть и творческие усилия поэта». Ново только отсутствие согласования: *они подвешивают*, чтобы *ее* не нашли. Не совсем дословное, но по смыслу идентичное повторение может встретиться даже на одной странице. О разделах некой антологии сказано, что они «составлены не по стихотворным формам, а по хронологии. Исключение составляют два раздела, завершающие сборник: “Стихи женщин-поэтов” и “Стихи поэтов-инородцев”, что удивительным образом никак не оговаривается в предисловии». Удивительным образом всего через восемь строк читатель получает, как откровение: «Структурно книга делится на два тома по 6 *цзюаней* в каждом. Последний, 12-й, *цзюань* имеет два небольших и “нехронологических” подраздела: “Поэты-инородцы” (12) и “Женщины-поэты” (9). Принципы группировки поэтов по *цзюаням* не вполне отчетливы (составитель и его соавтор в своих предисловиях об этом вообще умалчивают)» (с. 103).

Единственное упоминание о повторениях автор сделал на стр. 72, когда механически объединил две статьи, в сущности, на одну и ту же тему: «Неизбежные повторы оставлены в неприкосновенности, дабы не утратить логику рассуждений». Речь идет о разных переводах стихотворения Ли Бо «Сетования на яшмовых ступенях». В результате, например, почти рядом оказываются повторенные полные, записанные столбиком, переводы Ю.К. Шуцкого (с. 70 и 73–74), В.М. Алексеева (с. 70 и 74), А. Гитовича (с. 70 и 75), Арк. Штейнберга (с. 70–71 и 75). Скомбинировать тексты и свои повторяющиеся комментарии к ним автор не потрудился. Казенной бумаги не жалко – сам себя издает без каких-либо ограничений за счет университета. Зато есть видимость обширного научного труда.

Недалеко друг от друга отстоят и выводы. На стр. 71 говорится, что эти переложения «сделаны переводчиками разных дарований, в разное время и с разными

ми целями: от чисто научных до художественно-просветительских, но объединяет их одно: стремление прояснить все грамматические и смысловые связи». На стр. 77 формально той же статьи «вдруг» оказывается, что «представленные переводы сделаны переводчиками разных дарований, в разное время и с разными целями: от чисто научных до художественно-просветительских; <...> но объединяет их одно: стремление прояснить все грамматические и смысловые связи». Насколько надо не уважать читателя, чтобы так навязывать ему подобные «смысловые связи»!

Собственно, и неясно, к какому читателю эта книга обращена. К русским китаистам? Тогда зачем заявленный тираж в 600 экземпляров? Такого количества узких специалистов у нас нет. Тексты по-китайски не приводятся, иероглифы используются только в прилагаемых указателях (впрочем, нет ни одного иероглифа и в автореферате диссертации Смирнова [Смирнов 1978]), и лишь в мемуаре «Случай Эйдлина» (уже заштампованный тип заглавия) дважды сделана специальная оговорка – во вставке в письмо Л.З. Эйдлина к В.М. Алексееву: «...дома я тоже не *хозяин* а скорее *гость* (вместо курсивных слов в оригинале иероглифы. – И.С.) <...>» (с. 527) – и в пояснении к дарственной надписи Алексеева Эйдлину на оттиске его статьи: «“<...> большое удовольствие беседовать с ним о сих сложных и нас обоих восхищающих вещах, которые, как и полагается всем “бесчисленным вещам”, в беседах наших “обретали каждая свое место”. В. Алексеев». (Взятое в кавычки написано в оригинале иероглифами.)» (с. 539). Значит, читатель предполагается определенно не китайский, если вообще предполагается какой-нибудь. В принципе не только специалистов, но и специализированных изданий у нас так мало, что синологи должны бы были иметь всё перепечатанное И.С. Смирновым в первых публикациях. Книга издана в просветительских целях? Мемуарная ее часть, переводы, отчасти комментарии к ним – пожалуй. Но для понимания неспециалистами столь традиционалистской литературы, как китайская, необходимо иметь о ней сколько-нибудь целостное представление, а И.С. Смирнов более или менее обстоятельно занимался ею лишь начиная с эпохи Мин (XIV–XVII вв.). Это все равно что писать историю русской литературы начиная с Горького и Брюсова, не упоминая Пушкина и Достоевского, уж «Слово о полку Игореве» и подавно. Автор книги попытался связать начало и завершение классической китайской традиции только в первом разделе: одна из двух статей посвящена ее истокам, но все-таки представленным выборочно (название «О некоторых особенностях становления и эволюции лирической традиции в Китае»), другая – «На пути к закату». А огромная «середина»?¹ Наивысшие шедевры ведь были тогда, а не в эпоху Мин².

В статье «Шэнь Дэ-цзянь и антологическая традиция в Китае» И.С. Смирнов пишет, что китайские антологисты были по-разному избирательны. Так, Шэнь Дэ-цзянь в антологии «Источник древней поэзии» (1719) «хотел проследить эволюцию стихов *ши*, выделить наиболее значительные поэтические достижения, показать жизнеспособность дотанских поэтов, ибо не разделял исключительно “протан-

¹ Наивысший расцвет китайской поэзии пришелся на эпоху Тан (618–907). Тем не менее И.С. Смирнов счел возможным дать общее название «Китайская классическая поэзия» составленной им антологии [Китайская классическая поэзия 2008], включающий стихи начиная с X в., т. е. как раз созданных после эпохи Ли Бо и Ду Фу.

² Констатируя высокие достижения культуры эпохи Мин в разных областях и поэзии в том числе («Минская поэзия безусловно сохранила чрезвычайно высокий уровень, свойственный предшествующим эпохам»), И.С. Смирнов не может обойти мнение специалистов: «Но и в самых подробных перечнях высоких достижений не встретится нам классическая поэзия» (с. 238).

скую» ориентацию критиков и поэтов Мин и Цин, которые в поисках образцов для подражания пренебрегали поэтической продукцией почти десяти веков до Тан. В свое собрание Шэнь не включил стихи из “Книги песен” и “Чуских строф”, зато постарался представить множество иных произведений» (с. 98–99). В любом случае у китайцев была та или иная мотивировка, была логика. У нашего китаиста – никаких «зато». Чем самому случилось заниматься, тем и читатель должен довольствоваться. Значит, с просветительской задачей тоже не очень получается, тем более что трудно представить неспециалиста, даже филолога, который свое саморазвитие захотел бы начать с тяжелого и неудобного по формату тома.

Комментарии к содержащимся в ней публикациям тоже иногда непонятно на кого рассчитаны. Например, к словам поэта и переводчика С.П. Боброва в письме к В.М. Алексееву по поводу Дао – в книге на стр. 547: «С удивлением сличал мои стихи с Вашими дословными переложениями, стараясь выяснить, как я этот “даотический Элемент” вытащил». В комментарии приводится лишь первичное буквальное значение столь многозначного слова, что специалист может посвятить ему целую книгу [Григорьева 1992]: «Речь идет об одном из главных понятий китайской мудрости – Дао (букв. ‘путь’)». Востоковедам (необязательно китаистам) и даже просто начитанным людям такое «объяснение» не нужно, но и профанам ничего не дает. В отношении одного из профанов, талантливый и по-своему добросовестный Бобров, искренне стремившегося узнать побольше, чтобы поточнее переводить с подстрочника, комментатор презрительно добавил: «В исследовании В.М. Алексеева выяснению значения этого понятия для Сыкун Ту отведено важнейшее место, так что “вытаскивать” “даотический Элемент” не было никакой нужды» (с. 549). В послесловии к публикации переписки выхвачен один из аспектов проблемы, но теперь и начитанный человек из «разъяснения» Смирнова не поймет, чем же хороша для китайцев пустота: «Различение густого и пресного продолжает противопоставление ложного подлинному, явленного скрытому, полноты пустоте («Суть Дао – пустота. Люди, им пользующиеся, также должны быть пустотны, но не переполняться. Раз переполнятся – это не Дао»), столь важное для китайской мысли и для “Поэмы”» (с. 571). Трудно понять, на какого читателя рассчитан витиеватый вывод в статье «На пути к закату»: «Поэзия, существовавшая в единстве противоречивых тенденций самоестественности, освобождения творческого акта от сознательных усилий и настойчивого волевого самовоспитания творца с постоянным совершенствованием стихотворческой техники и только в таком единстве бывшая живым организмом, начинает испытывать разрывающие ее центробежные движения. Самоестественность тешилась иллюзией мастерства – и исчезала, ибо вне мастерства не существует вовсе, а мастерство, умение слагать стихи, имитировало свободу озарения – и столь же безрезультатно» (с. 52). Если безрезультатно, то зачем именно поэзии этого времени И.С. Смирнов как переводчик и литературовед уделяет преимущественное внимание?

Автор всячески подчеркивает дискуссионность синологических проблем, например проблемы значимости антологий для китайской поэзии: «На нескольких конференциях <...> мои доклады об антологиях вызвали серьезные дискуссии. Мне не удалось убедить оппонентов, они не переубедили меня» (с. 81). Во введении к разделу «У истоков и на склоне поэтической традиции» – и того «скромнее»: «Предлагаемые нами ответы более чем гипотетичны. Скорее, это – смутные догадки, не нашедшие покуда убедительного подтверждения» (с. 11). Поскольку «отдельное стихотворение, за редчайшими исключениями, не воспринимается и не рассматрива-

ется традиционной поэтической критикой вне поэтического цикла, даже вне всего творческого наследия поэта, а чаще и вовсе – вне собрания произведений разных поэтов» (с. 57), роль циклов и антологий чрезвычайно велика; при этом «весь цикл оказывался не просто суммой составляющих его элементов, а неким отчетливо новым художественным единством» (с. 91). Правда, единство сборника, например антологии Шэнь Дэ-цяня и Чжоу Чжуня «Минские стихи в самочинном отборе» (1739), могло быть испорчено: «Похоже, что сборник – за редкими исключениями <...> – составлялся весь целиком, и только уже готовый его корпус достаточно произвольно был разделен на двенадцать свитков, примерно равных по объему» (с. 103). Сомнения оппонентов Смирнова понятны. Например, в России тип поэтической книги именно как художественного единства вполне сложился и распространился только в Серебряном веке. Неужели в Китае издавна антология была чуть ли не единым произведением? Не провоцируется ли такое мнение просто ограниченностью традиционной лирической тематики? Эту ограниченность не раз подчеркивает сам Смирнов. «Так, каждое второе китайское стихотворение – о тоске поэта на чужбине» (с. 43); «Века, прошедшие с эпохи Тан, мало что изменили в поэтической тематике. Новых тем не появилось, ни одна из старых не была забыта. Так что в минскую эпоху поэзия имеет дело с почти нерасторжимым тематическим единством <...>» (с. 44); «<...> постепенно поэтическая традиция становилась не только арсеналом художественных средств, но и источником поэтического вдохновения, причем едва ли не единственным» (с. 48).

Но читатель должен знать, что И.С. Смирнов не хуже всех специалистов: «Впрочем, как представляется автору, другие, устоявшиеся в синологии объяснения не более доказательны, да и к тому же малопродуктивны с точки зрения понимания главнейших особенностей китайской поэзии <...>» (с. 11). Если главнейших, получается, что такой науки – синологии – вообще нет. Оттого и ссылок на предшественников мало. На самом деле сложность предмета и степень его изученности сами по себе не препятствуют научности, хотя, конечно, сказываются на мере точности данной дисциплины. Точность научного знания – «это отнюдь не исчерпывающая осведомленность о предмете. Она являет собой соответствие суждений (их адекватность) определенному комплексу свойств изучаемого объекта. Точность в этом, можно сказать, строгом значении слова не только не исключает, но, напротив, предусматривает неполноту и приблизительность знаний о предмете. Она всегда относительна, может быть большей или меньшей. Задача науки – сокращать, сужать зону приблизительности» [Хализев и др. 2015: 24], – пишут современные теоретики литературы. Но И.С. Смирнов нигде не обнаруживает осведомленности в общей теории литературы, поэтому столь настойчиво оправдывается, по сути принижая свою научную дисциплину, как и имеющуюся переводческую практику: «Все русские переводы – в общем и целом – на одно лицо. Мы различаем скорее руку переводчика, а не своеобразие поэтов: они существуют для нас словно бы вне времени и неотличимо говорят с нами на современном общелитературном русском языке в его интеллигентном московском изводе» (с. 147). Но ведь и в жизни для среднего европейца все китайцы «на одно лицо», как и для китайца – все европейцы. Профессионалу, однако, таким «средним» быть не полагается. И действительно, даже только в отношении стиховых приемов переводчики различаются и степенью художественности их текстов, что уже приближает переводы к высокохудожественным оригиналам, и более или менее удачными, пусть условными, «намекками» на их национальное своеобразие, причем профессионалы-китаисты могут сильно прои-

грывать талантливым поэтам, переводившим с подстрочников [Кормилов, Аманова 2014: 41–73]. Абсолютная же точность недостижима отнюдь не только в переводах с китайского и не только в стихах. «Полного тождества между оригиналом и переводом достичь нельзя, – писал испанист В.С. Виноградов в книге о переводах прозы. – Оригинал остается единственным и неповторимым материальным результатом индивидуального творчества художника слова и частью национального словесного искусства. Перевод может быть лишь адекватным, относительно равнозначным оригиналу литературным произведением, может бесконечно сближаться с подлинником, но никогда не сольется с ним, ибо у перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника» [Виноградов 1978: 8]. В.Я. Брюсов в 1907 г. совсем уже категорически заявлял: «Переводы в литературе то же, что копия в живописи» [Брюсов 1907: 81–82]. Однако двумя годами раньше он определил миссию переводчика точнее: «Передать сознание поэта с одного языка на другой – невозможно; но невозможно и отказаться от этой мечты» [Брюсов 1975: 105]. Переводчик в идеале стремится всё больше и больше приближаться к оригиналу, как ученый – всё больше и больше приближаться к адекватному пониманию произведения.

Относительно переводов И.С. Смирнов в разных местах своей книги настроен по-разному. Статью «Китайская поэзия: к проблеме понимания» он заканчивает боевым настроем: «Чтобы двинуться в глубь великой поэтической традиции Китая, нужно искать нехоженые переводческие дороги» (с. 78). Но согласно вводным заметкам к большому разделу «Попытка перевода» – «здесь и в самом деле представлена череда не более чем попыток, в подавляющем большинстве, увы, не слишком успешных, передать по-русски то, что восхищает автора – и не его одного – в китайской поэзии» (с. 147). Народная мудрость гласит: «Мастер находить оправдания редко бывает мастером в чем-нибудь еще» [Анекдоты 2012: 48]. Поза самоумаления у него не выдержана. В начале подраздела «Эпоха Мин» сказано, что об обращении к этой эпохе «начиная с юношеской диссертации о знаменитом минском поэте Гао Ци» переводчику «ни разу не пришлось <...> пожалеть. Надеюсь, такой интерес оказался небесполезным и для синологии» (с. 236). Вскоре выясняется, что для него и этнические различия между китайцами и русскими не столь уж важны: «Без преувеличения, современный китайский читатель нуждается в таких же подробных разъяснениях, что и русский, ибо отделен от своей классики не только временем, но и языком, старинным, непохожим на нынешний, языком средневековой поэзии» (с. 240). Как видим, огромный том не отличается цельностью даже в отношении принципиальных установок автора.

Нельзя сказать, чтобы в переводах он был более аккуратен, чем в статьях или комментариях. Еще чаще, чем в них, пропускаются и ставятся не там, где надо, запятые: «Как годы длинны, / ночи мои и дни» (с. 176), «Кругом вода, как посуху ходят / я и забыла» (с. 216), «все что ли отдать!» (с. 223), «Хоть ты и насквозь промок // Людей не тревожь, щенок!» (с. 227). Весьма сомнительны многие стилистические решения, особенно в пьесе (единственной в книге) Ян Сян-чжи «На почтовой станции Линь-цзян близ реки Сяосян осенней ночью льет дождь». Ее героиня, воспитанная средневековая девушка, почему-то говорит о себе языком современного военного: «Но двинулись в путь, и снова промокла / и с фронта, и с тыла» (с. 216). Соответственно ее «сопровождающий» вдруг начинает именоваться конвоиром (верно по содержанию, но стилистически неудачно), причем в ее песне также звучат и торжественный слог, и русский фольклор, и просторе-

чие: «Все поведала конвоиру, / развеяла грусть-тоску, // От голода исстрадалась, / рада любому куску» (с. 223), тут же слова «хвороба», «докука» (с. 218) и сомнительно народное «ни разку» (с. 224), почти совсем неупотребительный архаизм «вчуже» (с. 230), наоборот, слишком современная «симпатия» вкупе с книжным «не проявлю» и устаревающим «нынче»: «Даже симпатии / к нему не проявлю, // А уж тем более / нынче его не люблю» (с. 232). «Вэй», т. е., согласно перечню амплуа, «мужской персонаж, не исполняющий вокальных партий» (с. 190), – один раз он по ошибке предстал как «вай» (с. 193) – выражается подобно трактирному половому XIX в.: «Премного благодарен!» (с. 221), – а заблудший, но исправившийся молодой человек Цуй Дяньши и вовсе цитирует грибоедовского Молчалина: «Позвольте мне, хоть в чинах я небольших, заколоть барашка, приготовить вино для угощения и выпить чарку вместе с тестем» (с. 234). Неожиданная неточная рифма в последних словах напоминает речь скоморохов, между тем как звучит в финальной сцене, традиционно не просто серьезной, но и подчеркнута нравоучительной.

О стиховедческих аспектах книги надо сказать особо. И.С. Смирнов полагает, что «можно считать решенным вопрос о стихотворном размере переводов, ибо однообразие китайских размеров, ограниченных для классического стиха только двумя разновидностями, оставляет переводчику широкий выбор – от различных комбинаций классических размеров в доцезурной и послецезурной частях до дольника» (с. 242). Интересная логика: однообразие в оригиналах почему-то определяет разнообразие в переводах. Из характеристики этого разнообразия выпал обычный, не полиметрический русский классический стих, которым наиболее талантливо переводили китайскую поэзию А.А. Ахматова и А.И. Гитович и который вообще преобладал в переводах поэзии дальневосточных стран до 1970-х гг., когда поколение Смирнова сделало ставку на ее модернизирующий перевод в форме расштанного дольника. «Комбинации классических размеров в доцезурной и послецезурной частях» на практике означает печатание полустихий отдельными строками, подобно стихам, с варьированием анакруз.

В отличие от большинства своих предшественников, переводивших «Печаль на яшмовых ступенях» Ли Бо¹, Смирнов вместо классического стиха использовал дольник с вариациями всех трех анакруз, употребительных в трехсложниках. Преобладают амфибрахические анакрузы (пять полустихий из восьми), но вторая и третья дактилические, а шестая анапестическая: «На яшму ступеней / пали белые росы. // Ночь бесконечна, / намокли чулки кружевные. // К себе возвратилась, / опустила хрустальный полог // И взор устремила / на ясный осенний месяц» (с. 246). Этот разнобой, как и разнобой в метрике (чистая силлабо-тоника вперемешку с дольником) и в слоговом заполнении цезурных пауз, вовсе не производит впечатления воссозданного китайского классического стиха, тем более такого уровня, о котором «китаец – знаток поэзии – сказал, что эти два десятка слов стоят двух тысяч» (там же). Дольник, а не силлабо-тоника представляется И.С. Смирнову «предпочтительным потому, что достигаемое разнообразие ритмических рисунков строки в пределах одного стихотворения позволяет хотя

¹ Название знаменитого стихотворения в подразделе об эпохе Мин не согласовано с названием в статье «Китайская поэзия: к проблеме понимания», где были «Сетования...»; на одной и той же стр. 103, цитировавшейся выше для демонстрации повторения только что сказанного, вместе с тем варьируется перевод названия двух разделов антологии 1739 г.: «Стихи женщин-поэтов», «Стихи поэтов-инородцев» и просто «Поэты-инородцы», «Женщины-поэты».

бы намекнуть на музыкально-тоновое строение китайской стихотворной строки» (с. 242). Но в русских двусложниках ритмика тоже разнообразна за счет как слов разной длины, так и метрически допустимых вариаций в числе и расположений ударений, а равенство стоп по объему аналогично господству одинаково односложных китайских слов. Дольниковое же строение строки, как и стопное, никоим образом не «намекает» на высоту тона, которым произносятся слова.

Своеволие в рифмовке И.С. Смирнов мотивирует тоже странно. Лишь некоторые его переводы соответствуют в ней оригиналам. Он считает, что «крайне приблизительная рифма оригинала, едва заметная из-за происшедших со временем канонизации рифм фонетических изменений, придавала переводному стихотворению – особенно четверостишию, если соблюдена рифма оригинала *a a b a*, – завершенность и категоричность, вовсе китайскому стихотворению не свойственные. Поэтому, – вводит переводчик читателя в свою “кухню”, – постепенно я заменил рифму созвучием, потом в четверостишии оставил рифмующимися только первую и последнюю строки, а позднее и совсем отказался от рифм», полагаясь на единство ритма и движение поэтической мысли (там же). Но точность рифмы и ее положение в строфе – вещи абсолютно разные. Если точность в результате эволюции китайской фонетики и изменения чтения иероглифов утратилась, то почему бы ее не восстановить в переводе, чтобы он в этом соответствовал оригиналу, каким тот был изначально? И почему неточная рифма (созвучие) «категоричнее» точной? По этой логике нерифмованные стихи должны быть еще «категоричнее». Кстати, во всех публикуемых рифмованных переводах начала подборки стихов минской эпохи до стихотворения Цзинь Чэна «Путешествую по реке» рифмы точные, а в этом последнем – йотированная (*иней – чужбине*), что было вполне допустимо в русской классической поэзии. Упрощение схемы рифмовки в строфе и затем отказ от нее никак нельзя поставить в связь с изменением качества самих китайских рифм. Предложена надуманная и непрофессиональная мотивировка просто для того, чтобы сделать процесс перевода более легким.

И.С. Смирнов даже специфическую запись стиха часто не выдерживает. Так, в важнейшей для него статье «Китайская поэзия: к проблеме понимания» он явно произвольно выделяет стихи в народной песне *юэфу* древней эпохи Хань: «*Как быстро исчезла роса // со стрелок дикого лука! Исчезла, но поутру ляжет опять. // А человек, в могилу сойдя, разве вернется?»* (с. 63). Очень уж разными по длине и ритму получаются эти три (три ли?) стиха. Нормы записи стихов и полустихий столбиком вообще нередко нарушаются, как они ни просты: стих начинается с прописной буквы, его второе полустихие – обычно со строчной и сдвигается на странице вправо, образуя по отношению к первому полустихию уступ. А вот, например, как выглядит в книге *цюй* («ария») поэта XIII – начала XIV в. Гуань Хань-цина (с. 176), выше цитировавшаяся для примера ошибка в пунктуации:

Выпил вина –
 грустью душа полна,
 почему всё печаль одна?
Редкий бамбук шумит-шелестит,
 западный ветер свистит.
Как годы,
Как годы длинны,
 ночи мои и дни.
Сумеркам ранним радуюсь я,
 окутали сад они.

И без обращения к оригиналу очевидно, что первые три и следующие две рифмующиеся строки не могут считаться частями только двух стихов, начинающихся с прописных букв, и что три строки «Как годы, / Как годы длинны, / ночи мои и дни» составляют один стих (рифмующийся с *они*), а значит, печатать его серединную часть «как годы длинны» нужно было со строчной буквы и с отступом вправо для образования трехчастной «лесенки».

В переводы стихов поэта XX в. Ай Цина, выполненные свободным стихом, иногда внезапно и немотивированно врываются «пучки» совершенно или почти чистой силлабо-тоники. В главке V поэмы «Гимн свету» особенно заметен пассаж о Прометее, скрепленный единством анакруз и клаузул: «Гнева небесного не убоялся, // Громов и молний не утратился, // Выкрал огонь из чертогов небесных» (с. 477). В начале главки VIII после первого стиха подряд идут три в привычном для классического европейского стиха ямбе (два – в 5-стопном), да и первый можно считать тем же ямбом с наращением: «Я так ничтожен, что недостойн слов, // Я лишь пылинка в мирозданье, // А жизнь моя исчезнет, как роса, // Она – прибрежная песчинка Ганга» (с. 479). Заданная ритмическая инерция потом обрывается, а значит, художественно неоправданна. То же можно сказать о многострочном начале главки IX, выполненном трехсложником с вкраплениями дольника (с. 480); ближе к концу главки еще и появляется пассаж, скрепленный анафорой, интонационным параллелизмом и единством клаузул, для чего понадобилось использовать неполногласную форму *бесстрашья*: «Да будет полет наш быстр небывало! // Да будет нам спутником дух бесстрашья! // Да будет наш путь – из сегодня в завтра! // Да будут в грядущем новые старты!» (с. 481). Большое стихотворение «Цирк в древнем Риме» тоже задает ложную ритмическую инерцию – по первым строкам чуткий к ритму читатель настроится не на верлибр, а на вольный ямб: «Возможно, вам случалось наблюдать // Такую сцену <...>» (там же). Как видим, переводчик не может последовательно выдержать даже свободный стих.

В статье «Шэнь Дэ-цин и антологическая традиция в Китае» говорится, что, «анализируя с точки зрения требований своей теории пятисловные “регулярные стихи” *люй ши*», Шэнь диктовал им от стиха к стиху строго определенный тип содержания и настроения, но не подтверждал свои «вполне умозрительные построения» примерами. «Скажем, превозносимые Шэнь Дэ-цянем строки из стихотворения минского поэта Лю Юн-си *Син лу нань* – “Тяготы странствий”:

Тучки собою заполнили все,
холодно белое солнце;
Небо – в преградах, в препонах – земля,
тягостны тяготы странствий, –

вряд ли соответствует приведенной <...> схеме» (с. 96). Только данный перевод, кстати, не дольниковый, а чисто дактилический, соответствует вовсе не пятисловным китайским стихам, о которых только что было сказано, а семисловным (полустушия 4+3), и Смирнов тут же сам удостоверяет, что в оригинале именно так: «Но Шэнь особенно отмечает начало второй строки “Небо – в преградах, в препонах – земля” (*тянь цзин ди цзи*), утверждая, что “всего четыре знака, а превосходят десять тысяч слов” <...>» (с. 96–97). Китаист запутался всего лишь в двух основных размерах тогдашнего китайского стиха.

Неоднократно в книге упоминается ритмическая проза, но нигде нет ее определения или описания¹ – ни вообще, ни применительно к китайской словесности², хотя тут очевидного поменьше, чем в отношении стиха. Зато Смирнов-переводчик неоднократно прибегает к *метризованной* прозе, когда демонстрирует читателю предисловия составителей поэтических антологий. Жанр предисловия он ставит очень высоко в надежде, что и его статьи, предваряющие сборники стихотворных переводов, читатель сочтет по значимости равными монографиям: «В китайской традиции предисловия, послесловия и прочие на европейский взгляд служебные тексты вовсе не воспринимаются как малозначительный, второстепенный довесок к основному опусу. Они имеют вполне самостоятельную ценность и нередко занимают в истории словесности место никак не ниже тех сочинений, которые они сопровождали» (с. 111), – сказано в начале раздела «Предисловия, послесловия и иные формы поэтической критики». Далее со ссылкой на исследовательницу антологий Полин Ю заявлено также, что они «были гораздо известнее современникам, чем специальные теоретические трактаты или *ши хуа* – “рассуждения о стихах”, а потому сыграли в становлении китайской словесности более важную роль, и именно в них (добавим: и в составе антологий) следует искать ответы на многие вопросы истории жанров, теории стиха и т. п.» (с. 115–116). Правда, почти сразу оказывается, что, хотя они должны были бы «соответствовать разнообразию изборников», все-таки «структурно предисловия очень похожи и различаются скорее частностями» (с. 117).

К метризованной прозе в переводах из дальневосточных литератур первым обратился Н.И. Конрад. Она широчайше использована им как в двусложниковом, так и в трехсложниковом вариантах уже в переводе японской книги X в. «Исэ-моногатари», изданном в 1923 г. и переизданном в 1979. В.М. Алексеев в 1910–1930-е гг. переводил китайскую литературу обычной прозой [Китайская классическая проза 1959: 8–16, 20, 25], но в 1940-е заявил об этих переводах как подлежащих «замене ритмическими». Далеко не полностью они были опубликованы посмертно. В них осуществлена попытка «передать трудный, меняющийся ритм оригинала» [Китайская классическая проза 1959: 36]. Есть чисто прозаические отрезки текста, но преобладают трехсложниковые и двусложниковые пассажи, нередко чередующиеся друг с другом на уровне предложений.

И.С. Смирнов в своих переводах столь ценимых им предисловий явно пробовал подражать Алексееву, но не осмыслив принципов использования метризации, которыми руководствовался. Во-первых, обычная проза у него преобладает; в предисловии Чжоу к антологии «Минские стихи в самочинном отборе» метризованы лишь самое начало и самый конец (с. 123). Во-вторых, метризация исключительно двусложниковая, только в одной фразе предисловия Шэнь Дэ-цяня к наново выпущенному сборнику «Танские стихи в самочинном отборе» эклектически соединены в одной фразе элементы обычной прозы, дольника и двусложника: «Вплоть до того, что можно внушить: в поэзии прежде всего доискивайся до основной идеи, потом суди о плоти стиха и ее облачении, потом – о звучанье и ритме, а следом – о “духе и рифме” – *шэнь юнь*, – так, чтобы было беспристрастно, справедливо, равно-

¹ Л.З. Эйдлин в предисловии к переводам В.М. Алексеева, отметив, что «трудно в классической китайской литературе отделить поэзию от прозы» [Китайская классическая проза 1959: 19], сообщал про давнюю попытку противодействовать этому: еще в VIII–IX вв. было движение против стиля «пьяньли», требовавшего чередования фраз по четыре и шесть знаков, за допущение самого разного числа иероглифов [Китайская классическая проза 1959: 26, 28].

² Названа также рифмованная проза (в числе *жанров*), но без примера (с. 264).

гармонично» (с. 130). Здесь начало чисто прозаическое, от первого слова *потом* до *шэнь юнь* – дольник с перебоем из-за дактилического окончания слова *облачении* (если считать от второго *потом*, получается семь стоп чистого амфибрахия, сохраненных благодаря намеренному использованию неполнозвучной формы *о звучанье*, а не *о звучании*), окончание двусложниковое. В-третьих, приемы, призванные поддерживать метр, часто употребляются всеу, так как этой функции в данном контексте все равно не выполняют, например: «Придворный евнух Чэнь Во-цзы составил *Хуан Мин ши сюань* – “изборник стихотворений правленья Минов”, но затруднился сделать справедливый выбор из поэтов, живших до лет Истинной Добродетели, а после лет Счастливого Успокоенья представил одной лишь форме приверженных» (предисловие Шэня к «Минским стихам в самочинном отборе», с. 118–119). Здесь неполнозвучные формы *правленья* и *Успокоенья* из-за других слов метризации не создают, а инверсия, нередко допускаемая именно ради метра, на этот раз, наоборот, уничтожает его возможность в случае отсутствия инверсии – если бы было «приверженных одной лишь форме». В нескольких случаях, добываясь метризации, переводчик ради нее калечит русские слова: «И не было среди многообразных надежд и чаяний житейских <...>» (тут искажение совсем напрасное, ведь правильное словосочетание *среди многообразных* тоже поддерживало бы метр), «оспорить строгость устава стихового» (слово *стиховой* – антоним *прозаического* – употреблено неправильно, ведь не имеется же в виду, что этот устав написан стихами: он написан о стихах), «или глядеть на воду, а Куньлунь обминуть взглядом» (предисловие «Танские стихи в самочинном отборе» Шэнь Дэ-циня с общими соображениями Фань Ли, с. 134, 136, 138) – почему не обычное правильное *окинуть*, точно такое же ритмическое слово, как лишенное смысла и вообще не существующее в языке *обминуть*?¹

Переводчик стихов и метризованной прозы, не имеющий языкового чутья, ритмического слуха и стиховедческой подготовки, – все равно что балерина без ног.

Стиховеды обычно хорошо умеют считать. И.С. Смирнов убедительно доказывает, что такое умение, внимание к цифрам необходимо и китаистам: «<...> редчайшие поэты фигурируют в истории китайской литературы “в одиночку” – как правило, даже крупнейшие литераторы волею критиков образуют пары: Ли – Ду (Ли Бо и Ду Фу); триады: три Се (три поэта V в. из семейства Се: Се Лин-юнь, Се Хуэй-лянь и Се Тяо); бесчисленные “четверо талантливых”, “пятеро выдающихся”, “семеро поздних” и “семеро ранних”, “восемь знаменитых”, “десять друзей” буквально переполняют словесность любой эпохи» (с. 88–89); «Нигде, пожалуй, за пределами Китая не встречаются так часто именованья вроде: “девятнадцать древних стихотворений”, “восемь стансов об осени”, “триста танских стихотворений”, “стихи тысячи поэтов” – ряд этот поистине бесконечен. То, что категорий поэтического наития оказывается именно 24, конечно же, тоже не случайность» (с. 567). Но первые слова предисловия к «Минской антологии» таковы: «Перед читателем стихи почти ста поэтов из антологии *Мин ши бе цая* – “Минские стихи в самочинном отборе”» (с. 239), – а подсчет выявляет 73 имени. «По-китайски» ли это – приписка «всего лишь» процентов на 25? В статье «Шэнь Дэ-цинь и антологическая традиция в Китае» названо количество стихотворений разных поэтов в одной из антологий (Ду Фу – 120, Ван Вэй – 42, Ли Бо – 31, Лю Чан-цин – 31,

¹ По В.И. Далю, не *обминуть*, а *обминуть* значит «миновать, обойти, объехать, перегнать, пройти мимо идущего, едущего, и идти или ехать дальше, вперед; // обойти или объехать кругом, вокруг, окоелицей, минуя что» [Толковый 1881: 602].

Ли Шан-инь – 31, Мэн Хао-жань – 23, Бо Цзюй-и – 22) и заявлена проблема: «Более чем двойное “превосходство” Ду Фу поразительно» (с. 102). Не менее поразительно то, что не сказано, «превосходство» над кем. Над ближайшим «соседом» Ван Вэем оно практически тройное, над остальными и совсем уж подавляющее, а не двойное. Говорится, что в антологию Дун Гао «Вся проза Тан» (1814) вошло «более 18 тыс. произведений 3000 тыс. авторов VII–X вв.» (с. 533), т. е. трех миллионов. Почти по миллиону прозаиков на каждый век? Синолог явно вписал три лишних нолика. На этом фоне какая мелочь – заявление, будто Шэн Дэ-цин (1673–1769) «умер в 97 лет» (с. 95), ошибка всего в один год! Мы уже видели, что в пределах ста у И.С. Смирнова со счетом особенно плохо.

Внушив читателю в статьях, что китайская поэзия непонятна без тщательных разъяснений, синолог неизменно снабжает свои переводы стихов переписанными из китайских источников биографиями поэтов, как правило не имеющими прямого отношения к содержанию публикуемых произведений, но с комментариями к текстам дело обстоит гораздо хуже. Например, в комментарии к первой из «Оборванных строк» поэта XII в. Люцзы Хуэя («С одного гуся глаз не спускаю...») поясняется, что речь идет, скорее всего, о чиновнике с севера, которого дела службы привели на дальний юг: «Остается только следить взглядом за гусем, дожидаясь весточки с родины <...>» (с. 158). Не всякий поймет эту логику, так как не всякий знает, что для китайцев гусь – отдаленное соответствие почтовому голубю для европейцев. Об этом будет сказано, только через пару сотен страниц, в примечании к стихотворению Хан Ся «Слушая крики гусей» (XVII в.): «В традиционной китайской поэзии гусь издавна символ весточки с чужбины». Но все-таки, конечно, не чужбины, как явствует из следующего предложения: «Поэтому крики гусей и навевают путнику печаль о родном крае и мысли о письме домой» (с. 358). Не мешало бы здесь напомнить читателям стихотворения Люцзы Хуэя о том, что «оборванные строки» (а не строфы) – не обозначение содержательной недоговоренности, а китайский стиховедческий термин – *цзюэцзюй*; об этом в книге говорилось намного раньше (с. 57). «Это как бы половинка обычного 5- или 7-сложного стиха, построенная по тем же законам, – писал квалифицированный синолог. – Нерифмованной в нем, как правило, остается только предпоследняя строка, она как бы подчеркивает следующую за ней концовку» [Лисевич 2001: 355]. И.С. Смирнов, впрочем, в этом случае, как и во многих других, обошелся совсем без рифм.

В подборках переводов Смирнова нет необходимых комментариев по мифологии к строкам «нефритовый заяц-луна» и «Яшмовой плетью <...> Гнать-торопить / доброго скакуна» (с. 174), «Точно два лотоса, / ныне разлучены» (с. 175), «Солнце-ворон и заяц-луна» (с. 179) и многим другим, не пояснено, что это за деревья – мэй (с. 176) и т. д. Статья «Китайская поэзия: к проблеме понимания» тут никак не помогает.

Убежденный в практически абсолютной «особости» китайской культуры директор Института восточных культур и античности только один раз упомянул древнегреческого историка, «поскольку в китайской исторической традиции, как и у Плутарха, приняты параллельные жизнеописания» (с. 534). Ранее в книге говорилось: «<...> разработанный Сыма Цянем жанр жизнеописаний, *ле чжуань*, <...> активно эксплуатирует принцип со-поставления, сравнения, постановки в ряд, что подчеркивается не только композицией самих биографий, часто парных <...>» (с. 90), – без параллели с Плутархом. Философское осмысление цифр было больше свойственно пифагорейцам, да и христианским богословам [Гуре-

вич 1984: 300–301], чем китайским «критикам», о которых говорилось выше. Если «в китайской традиции небесные явления были тесно увязаны с музыкальной скалой из двенадцати нот, а потому всякое наблюдаемое астрологом положение светил может быть соотнесено с определенной музыкальной тональностью» (с. 29), то это достаточно близко к музыке небесных сфер у только что упомянутых пифагорейцев. Если «для обозначения музыкантов использовался иероглиф 聵 – «слепой», поскольку большинство из них были слепыми, что, как известно, чрезвычайно обостряет слух» (там же), то нельзя не вспомнить о древнегреческих слепых певцах-аэдах, в том числе главном из них – Гомере. Греки считали, что, утратив «внешнее» зрение, человек становится способен к углубленному внутреннему познанию жизни [Аверинцев 1972: 100–102].

Не проводится в огромной книге никаких напрашивающихся параллелей и со средневековой словесностью Западной Европы и Руси. На стр. 88 цитируются слова Ю.Л. Кроля о том, что согласно мировоззрению Сыма Цяня, определенному конфуцианством, «человек не рассматривается как самодовлеющая личность; он мыслится лишь в своих взаимосвязях с социальными группами – как член рода или семьи, как член общества, правитель или подданный государства» [Кроль 1970: 62]. Для современной науки это общее место, равно относящееся к древнему и средневековому конфуцианству и мировоззрению средневековой Европы: «Человек не осознает себя как автономную индивидуальность, он принадлежит к целому и должен выполнять в его рамках отведенную ему роль. Социальные роли в феодальном обществе строго фиксированы и целиком поглощают человека» [Гуревич 1984: 309]. Много и, конечно, справедливо говорится об иносказательности китайской поэзии: поэтическое слово «нуждалось в толковании и, более того, – “прямое” слово попросту не воспринималось как “поэтическое”» (с. 39), в отдельном случае обнаруживается «типическое сочетание якобы конкретной детали – реальный поэт в реальном городе – с аллегорическим толкованием» (с. 41) и т. д. Но ведь и европейское христианское мышление, не только художественное, сплошь аллегорично и, главное, символично¹. Не только явная символика делает средневековые произведения недостаточно «ясными». Так, «Слово о полку Игореве» пронизано упоминаниями всевозможных исторических событий и намеками на них, названиями разных стран и народов. «Многие из этих указаний и намеков могут быть понятны только с помощью летописей, но часто и летописи не помогают: большая часть намеков “Слова” остается для нас совершенно недоступной» [Трубецкой 1995: 576], – писал в 1920-е гг. Н.С. Трубецкой. Современники «Слова» понимали его «подтексты» тоже лишь при условии основательной образованности. Так было и с читателями традиционной китайской поэзии, в которой огромное количество географических названий, мифологических и исторических имен. Если обратиться на север от Древней Руси, то «определенное сходство» со «Словом о полку Игореве» «выявляется в древнескандинавской риторике; пристрастие к указаниям и завуалированию повествования в форме за-

¹ «То, что для нас – не более чем метафора, которую было бы нелепо понимать буквально, представало осознанию средневековых людей в качестве символа, видимого образа незримых сущностей. Символ в средневековом его понимании не простая условность, но обладает огромным значением и исполнен глубочайшего смысла. Ведь символичны не отдельные акты и предметы: весь посюсторонний мир не что иное, как символ мира потустороннего; поэтому любая вещь обладает двойным или множественным смыслом, наряду с практическим применением она имеет применение символическое» [Гуревич 1984: 301–302]. Разумеется, китайская и европейская символика при важнейших элементах сходства далеко не тождественны, но для выявления специфики той и другой их нужно сопоставлять.

гадок находит параллели и в нордической поэзии» [Трубецкой 1995: 578]. «“Слово” – это произведение не народной, а княжеской придворной поэзии, многое в нем свидетельствует об известной утонченности; в нем нет и следа живой, непосредственной безыскусности» [Трубецкой 1995: 577]. Многие китайские поэты были придворными и крупными чиновниками. Их стихи, конечно, чрезвычайно далеки от простого самовыражения. Но так было и в античности. Например, «не нужно преувеличивать в Катулле “естественность”, “непосредственность”, с которой он выплескивал в стихи любой мгновенный порыв души. <...> Сочинять стихи значило: пропускать разгул буйного чувства через фильтр обдуманного слова. Здесь Катулл ругательный уступает место Катуллу ученому» [Гаспаров 1997: 95]. «Приверженность традиционной китайской мысли к антропоморфным метафорам» (с. 26) – тоже не ее специфическое свойство, классификация метафор в русской учебной литературе закономерно начинается с метафоры олицетворяющей [Введение... 2010: 428–429]. «Наименование поэтов и писателей по месту рождения широко распространено в Китае» (с. 131). Опять-таки не только там. Ион Хиосский, Григор Нарекаци, Гильем Аквитанский, бургграфы фон Регенбург и фон Ритенбург, Шота Руставели, Низами Гянджеви, Корнелиус Викторин из Вшегрд, Маргарита Наваррская, Эразм Роттердамский, Максим Грек, Леся Украинка китайцами не были. Особенно показательны Армения, Франция, Германия, культуры которых чрезвычайно далеки от китайской. В китайской классической поэзии «обычно строка представляет собой законченное синтаксическое целое, а переносы редки» (с. 64). Но точно так же, например, в русском фольклоре.

Отсутствие сопоставлений ставит под вопрос характеристику тех или иных признаков поэзии как специфически китайских. Равным образом малое количество ссылок на работы предшественников¹ (естественное в научно-популярном жанре предисловий, но странное в книге, претендующей на статус монографического исследования) не позволяет даже востоковеду, но не китаисту понять, насколько положительное содержание книги может быть отнесено на счет личных научных достижений И.С. Смирнова и насколько оно является повторением того, что сообщено достигнуто синологами. Сведения о значении для китайцев того или иного цвета (с. 30–31, 62–63), безусловно, восходят к большой традиции, но не всякому читателю ясна мера научной новизны таких, например, сообщений, что традиция столетиями после «Шицзина» молчит о какой-либо художественности (с. 35), что применительно к частям «Шицзина» «русские эквиваленты китайских названий, скорее, дань переводческой и исследовательской традиции – отечественной и западной, чем реально соответствующие формальной и содержательной стороне конкретных песенно-поэтических форм памятника поэтологические термины» (с. 17), а между тем в антологиях «такая, казалось бы, формальная вещь, как название, существенным образом меняла статус жанра, отрывая его от музыки и включая в число жанров словесности» (с. 94); что поэзию Тао Юань-мина (III в.) «современники, да и несколько последующих поколений не заметили именно из-за ее сравнительной простоты, склонности к прямому выражению смысла» (с. 39), «а потомки если выбирают или отвергают что-то из прошлого, то скорее выражают какой-то общий дух

¹ Необходимо оговорить, что это особенность не всей книги. Можно выделить аналитическую статью «О некоторых особенностях становления и эволюции лирической традиции в Китае», особенно рассмотрение вопросов о том, почему в Поднебесной не развился эпос (с. 14), и о том, как мог складываться и по-разному осознаваться древнейший и важнейший памятник китайской поэзии «Шицзин» (с. 15–39).

эпохи, ибо люди разных художественных пристрастий оказываются в таких случаях на удивление единодушными» (с. 46); что «каждое второе китайское стихотворение – о тоске поэта на чужбине» (с. 43); что в китайской поэтической критике «рассуждения о стихах почти обязательно облакаются в стихотворную же форму (или, на худой конец, в форму ритмической прозы) и наделяются теми же свойствами художественного текста, что и разбираемые стихи» (с. 47) и т. д. «Ни китайскому художнику, ни китайскому поэту и в голову не могло прийти писать что-нибудь с натуры, хотя и поэзия, и живопись до предела насыщены пейзажами с точным указанием, какая это гора, река или озеро. Едва глазам поэта открывался изумительный горный вид, как почти автоматически на память приходили строки кого-нибудь из знаменитых предшественников, а может быть, и не одного. Причем поэзия оказывалась более мощным стимулом вдохновения, чем реальная природа, слишком яркая, режущая глаз буйством красок или причудами форм. Всего этого нет в великих стихах – в них та же природа, но уже гармонизированная, увиденная как бы сквозь легкую дымку <...>» (с. 48). Формулировки, конечно, оригинальные, однако, поскольку речь идет и о художниках, в связи с ними можно вспомнить комментарий И.С. Лисевича к творчеству Ван Вэя (701–761), великого поэта, живописца и музыканта танской эпохи: «Именно он заложил основы одной из школ китайского пейзажа, отвергнувшей краски и стремящейся мазками черной туши на белом шелке передать главное и существенное» [Китайская пейзажная... 1984: н.ум.]. Может быть, и сказанное в последней цитате И.С. Смирновым не абсолютно универсально по смыслу, во всяком случае, выиграло бы от некоторой конкретизации и уточнений? В старинной поэзии, до III в. н. э., малоизвестной И.С. Смирнову, не было необходимости и в осторожных иносказаниях. «Лу Синь назвал литературу III в. – конца ханьской эпохи и начала эпохи Вэй – “свободной, не скованной”, “чистой и высокой”, “прекрасной”, “сильной и мужественной”. Но наступило время еще более противоречивых и сложных в своих переживаниях и в отношениях к миру поэтов. <...> Поэты из школы “Семи мудрых мужей” еще смели говорить то, что думали; те, кто шел вслед за ними, уже были лишены такой возможности; любое неосторожное слово могло окончиться трагически для смельчака. Поэты вынуждены были скрывать свои мысли, писать туманно, скованно и неясно. Так выработывался новый стиль» [История всемирной... 1984: 99, 100]. Ничего подобного нет в собрании трудов И.С. Смирнова.

Разумеется, в такой огромной книге человека, освоившего «китайскую грамоту», не может не быть значительного объема важной и ценной информации. Но насущно подчеркнуть другое: разнородные части книги выглядели или выглядели бы более органично по отдельности, а не в конгломерате. Отсутствие монографической цельности, как и ряд недостаточно профессионально реализованных существенных «частностей», небрежная подготовка книги к печати, несколько завуалированная, но фактически явно завышенная самооценка автора (он же издатель) и другие недостатки этого тома не должны пройти мимо внимания научной общественности. Конечно, административный ресурс может этому препятствовать. Способен он породить и необъективно завышенные оценки. В 1941–1952 гг., когда раздавали Сталинские премии в прямой зависимости от административного ресурса, за произведения литературы и искусства их получили 1735 персон. И сколько имен награжденных по заслугам мы можем припомнить сейчас?

Впрочем, наука имена своих антигероев и их пособников не всегда забывает.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность. М., 1972. С. 90–102.

Анекдоты // Комсомольская правда. Еженедельник <тверской вып.>. 2012. №28-т (25915-т). 11–18 июля. С. 48.

Брюсов В. Ответ Волошину // Весы. 1907. № 2. С. 81–82.

Брюсов В. Фиалки в тигеле // Брюсов Валерий. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 103–109.

Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. 3-е изд., испр. и доп. М., 2010. 720 с.

Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978. 173 с.

Гаспаров М.Л. Катулл, или изобретатель чувства // Гаспаров М.Л. Избр. труды. Т. I: О поэтах. М., 1997. С. 82–110.

Григорьева Т.П. Дао и Логос. Встреча культур. М., 1992. 424 с.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. 352 с.

История всемирной литературы: В 9 т. Т. 2. М., 1984. 672 с.

Китайская классическая поэзия. М., 2008. 480 с. («Всемирная библиотека поэзии»).

Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева. 2-е изд. М., 1959. 388 с.

Китайская пейзажная лирика. Стихи. Поэмы. Романсы. Арии. М., 1984. [Без нумерации.]

Кормилов С.И., Аманова Г.А. Стих русских переводов из корейской поэзии. М., 2014. 208 с.

Кроль Ю.Л. Сыма Цянь – историк. М., 1970. 448 с.

Лисевич И.С. Китайская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стлб. 352–361.

Смирнов И.С. В.М. Алексеев и «Поэма о поэте» Сыкун Ту // Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 3–12.

Смирнов И.С. Жизнь и творчество Гао Ци (1336–1374): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 22 с.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 2. СПб.; М., 1881. 782 с. (репринт: М., 1995).

Трубецкой Н.С. Лекции по древнерусской литературе (пер. с нем. М.А. Журиной) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Вступ. ст. Н.И. Толстого и Л.Н. Гумилева; Сост., подгот. текста и коммент. В.М. Живова. М., 1995. С. 544–616.

Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В. Русское академическое литературоведение. История и методология (1900–1960-е годы). М.; СПб., 2015. 176 с.

REFERENCES

Averincev S.S. On the Interpretation of the Symbols in the Myth about Oedipus. In: Antiquity and Modernity. Moscow. 1972, pp. 90–102.

Anecdotes. *Komsomolskaya Pravda. Weekly* <Tver's issue>. 2012. No 28-t (25915-t). July 11–18, p. 48.

Brusov V. To Voloshin. *Vesy*. 1907. No 2, pp. 81–82.

Brusov V. Violets in the Crucible. In: Brusov V. Collected Works.: In 7 vv. Vol. 6. Moscow. 1975, pp. 103–109.

Introduction to History and Criticism of Literature. Ed. L.V. Chernets. 3rd ed., revised and updated. Moscow, 2010. 720 p.

Vinogradov V.S. (1978) Lexical Problems of Translation of Fiction. Moscow. 173 p.

Gasparov M.L. Catullus, or the Inventor of Sense. In: Gasparov M.L. (1997) Selected works. Vol. I: About Poets. Moscow, pp. 82–110.

Grigorieva T.P. (1992) Tao and the Logos. The Meeting of Cultures. Moscow. 424 p.

Gurevich A.Ya. (1984) Categories of Medieval Culture. 2nd ed., revised and updated. Moscow. 352 p.

History of World Literature: In 9 vv. Vol. 2. Moscow. 1984. 672 p.

Chinese Classical Poetry. Moscow. 2008. 480 p. (World Poetry Library)

Chinese Classical Prose in Translations of the Academician V.M. Alekseev. 2nd ed. Moscow. 1959. 388 p.

Chinese Landscape Poetry. Verse. Poems. Romances. Arias. Moscow. 1984. [Without numbering].

Kormilov S.I., Amanova G.A. (2014) Verse in Russian Translations of Korean Poetry. Moscow. 208 p.

Krol Yu.L. (1970) Sima Qian – a Historian. Moscow. 448 p.

Lisevich I.S. Chinese Poetics. In: Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. Moscow. 2001, columns 352–361.

Smirnov I.S. V.M. Alekseev and Poem of the Poet Sykun Tu. In: Alekseev V.M. (2008) Chinese Poem about the Poet. The Stances of Sykun Tu. 2nd ed., revised and updated. Moscow.

Smirnov I.S. (1978) Life and Work of Gao Qi (1336–1374). Abstract. Moscow. 22 p.

Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language of Vladimir Dahl. 2nd ed., revised and greatly extended according to the manuscript of the author. Vol. 2. St.-Petersburg, Moscow. 1881. 782 p. (reprint: Moscow. 1995).

Troubetzkoy N.S. Lectures on Old Russian Literature. In: Troubetzkoy N.S. (1995) History. Culture. Language. Moscow, pp. 544–616.

Khalizev V.Ye., Kholikov A.A., Nikandrova O.V. (2015) Russian Classic Literary Studies. History and Methodology (1900–1960-ies). Moscow, St.-Petersburg. 176 p.

Сведения об авторе:

Сергей Иванович Кормилов,
докт. филол. наук
профессор

кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey I. Kormilov,
Doctor of Philology
Professor

Department of the History of Newest Russian Literature and Contemporary Literary Process
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
profkormilov@mail.ru

М.В. Михайлова

Нина Петровская: *Historia morbi*

Публикуемое ниже письмо находится в РГБ-НИОР. Ф. 386 (В.Я. Брюсов). Карт. 103. Ед. хр. 16. Л. 29–31.

В папке – 24 письма Сергея Алексеевича Соколова (псевд. Кречетов) к Валерию Яковлевичу Брюсову

Данное письмо воссоздает подробности жизни за границей Нины Ивановны Петровской (1879–1928), писательницы и мемуаристки, до недавнего времени интересовавшей литературоведов только интимными подробностями своих романов с Андреем Белым и В.Я. Брюсовым. Однако после публикации ее творческого наследия¹ стало ясно, что она была и незаурядным литератором, тонко чувствующим время и воссоздавшим его в своих воспоминаниях с потрясающей проникновенностью (хочется в связи с этим привести наиболее частый отзыв в соцсетях после прочтения тома «Разбитое зеркало»: «Очень удивил <...> сам факт, что от Нины Петровской, оказывается, остались какие-то литературные плоды – а я-то думала, что продуктивностью на этом поприще она не отличалась. Я о ней знаю из “Некрополя” Ходасевича и еще из чьих-то воспоминаний, и у меня сложилось впечатление, что она была законченной истеричкой. Похоже, это тот случай, когда легенда об авторе достигла меня прежде его произведений»).

Однако и после появления подготовленной Н.А. Богомоловым и А.В. Лавровым ее многостраничной переписки с Брюсовым 1904–1913 гг. (2004) многое в биографии Петровской остается непроясненным. Известно, что глубокая личная драма заставила ее покинуть Россию, и в 1908 г. она уезжает в Германию, Францию, Польшу, Италию. По сути, с тех пор она живет за границей, лишь изредка приезжая в Москву, откуда в 1911 г. уезжает, как оказалось, навсегда. Сыграл роль обозначившийся в ее отношениях с Брюсовым кризис. После любовного единения в середине 1900-х, незабываемой поездки в Финляндию в их отношениях наступает период резких конфликтов и разногласий. Брюсов многое делал для того, чтобы она не истолковывала новую форму их отношений как разрыв и конец. Большие надежды он возлагал на творчество, которое, как он надеялся, способно было бы ее захватить, «переключить» и отвлечь, в письмах убеждал Петровскую вернуться, доказывая, что только на родине она сможет творчески себя реализо-

¹ См.: *Петровская Н.И.* Разбитое зеркало. Проза. Мемуары. Критика / Сост. М. В. Михайловой; вступ. статьи М.В. Михайловой и О. Велавичюте; коммент. М.В. Михайловой и О. Велавичюте при участии Е.А. Глуховской. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. 976 с.

вать. Но, как она подчеркивала, «мотивы сложные и чисто интимные»¹, а отнюдь не политические или социальные заставили ее принять решение о невозвращении. Она много скиталась по Европе, сильно нуждалась. Об этих годах остались самые смутные сведения. Так, существует версия, что в 1913 г. в Париже Петровская совершила попытку самоубийства, выбросившись из окна гостиницы, однако осталась жива, но сломала ногу, которая плохо срослась; и с тех пор Нина Ивановна прихрамывала.

Думается, что приводимое письмо частично выявляет и другую причину хромоты: тяжелый туберкулез колена, потребовавший серьезного лечения. Также оно позволяет поставить под сомнение и факт попытки самоубийства: если в ноябре 1912 г. она еще практически не может двигаться, прикована к постели, то вряд ли можно предположить, что спустя год она взбирается на сколько-нибудь высокий этаж, чтобы выброситься из окна. Кроме того, следует помнить, что на ее попечении остается сестра Надя, ответственность за которую она несла всю жизнь: как раз решение ее оборвать приходит к Нине Ивановне в Париже после смерти сестры.

Кроме того, письмо отчетливо указывает на поддержку, которую оказывал ей бывший муж Соколов-Кречетов, а также Брюсов. Ибо, если бы не было никакой надежды на его помощь, вряд ли бы Сергей Соколов обратился к Брюсову с просьбой о деньгах. Мы узнаем и о готовности врача Генриха Койранского прийти ей на помощь. Важна также фиксация Соколовым факта ее освобождения от наркотической зависимости. Конечно, можно предположить, что он специально пишет об этом Брюсову, дабы подчеркнуть «исправление» Петровской, но описание сложности процедур, несовместимых с употреблением наркотиков, говорит об обратном.

Текст 22 письма приведен в соответствие с нормами русского языка настоящего времени.

Подготовка текста и комментарии М.В. Михайловой и Е.Е. Пажитнова.

Моховая 10 кв. 17
24 ноября 1912

Дорогой Валерий Яковлевич!

Считаю долгом сообщить Вам о положении Нины, что долгое время не доводилось мне сделать за редкими нашими встречами и частыми моими отъездами в Петербург, куда нынче я еду опять до середины будущей недели.

В начале пребывания Нины в Мюнхенской клинике Красного Креста (ее адрес: Frau Nina Sokoloff. Hospital Rothes Kreuz. Nymphen-burgerstrasse. München) мюнхенский профессор подавал надежду на благополучный и сравнительно скорый исход ее болезни (туберкулез колена) при правильном лечении. Но когда лечение стало, как обычно бывает, несколько затягиваться, течение его осложнилось одним непредвиденным обстоятельством. Дело в том, что за время болезни, как это весьма понятно, нервы Нины пришли в крайнее расстройство. Между тем лечение требует частых прикосновений к ноге (надо разгибать ее, помещать в особый аппарат с высокой температурой воздуха и т. д.). Обычно для подобных случаев применяют наркотические вещества в виде соответственных инъекций, но в данном случае по причинам понятным их применять нельзя, дабы не причинить общего вреда организму, с трудом от них освобожденному. Таким образом, боль приходится выносить без наркоза. Боль до крайности велика. Первое время Нина терпела, но потом отказалась и при малейшей попытке сделать что-нибудь с ногой стала поднимать, как она сама пишет, «звериный вой», почему все доктора отступили. Винить ее, конечно, за это бесцельно, ибо выносливость ее очень

¹ *Петровская Н.* Воспоминания / Публ. Э. Гарэтто // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 8. М.: Феникс, 1992. С. 17.

ослаблена и пределы ее очень теперь ограничены. В связи с этим положением вещей она стала умолять меня письмами и телеграммами (мне и Генриху Койр<анскому>¹), чтобы ее перевезли в Москву.

Хотя в лечебном смысле в Москве, несомненно, мне не удалось бы создать ей тех условий врачебного комфорта, который сейчас ее окружает, но я все же выполнил бы ее желание в единой надежде, что здесь, быть может, совместное мое и Генриха воздействие принудило бы ее подчиниться лечению. Но к этому я не имею ни малейшей практической возможности, ибо денежные дела мои пришли к большому расстройству в сильной связи с теми очень значительными расходами, какие приходится нести по пребыванию Нины за границей. В частности, сентябрь месяц с поездкой Генриха в Париж и перевозкой Нины и Нади³ в Мюнхен стоили мне 1000 руб., что потребовало, как легко представить, очень больших напряжений при полном отсутствии у меня заработков. Поэтому я вынужден был отказать Нине в ее мольбах, причем я послал ей несколько умоляющих писем и телеграмм, прося потерпеть и подчиниться лечению. С тех пор (прошло недели 2) я получил от нее лишь одно короткое письмо, где ни слова о здоровье. Генрих спросил профессора, в течение какого срока нога, если Нина продолжает отказываться от лечения, еще способна к лечению и после какого срока лечить будет поздно и нога будет обречена на неподвижность. В связи с ответом профессора (если только Нина упорствует в отказе) выяснится, когда ее должно уже безотлагательно перевезти в Москву, что нельзя не сделать ради надежды, что здесь мы заставим ее лечиться. Когда этот срок выяснится, я сделаю все, чтобы перевезти Нину. Не знаю как, но это будет сделано. Прошу Вас ответить мне, поможете ли Вы как-либо и в какой-либо мере в этом, или же обстоятельства таковы, что для Нины Вами сделано ничего не будет. Полагаю, что перевозка ее в Москву (за ней согласен опять съездить Генрих, – его доброты и бескорыстной нежности не забуду ему никогда) обойдется рублей в 600, примерно. Ответьте к среде будущей недели.

Этим очень обяжете
Вашего Сергея Соколова

P.S. Не могли ли бы Вы прислать мне деньги по квартире за июль и сентябрь, которые я уплатил своевременно по Вашей просьбе. За октябрь уплатил я самолично, ибо все еще не сумел сдать. С конца же октября квартира передана с обстановкой помесечно, в знакомые все же руки (Б. Ивинский³), без надбавки, за квартирную плату, – с августа она = 45 руб.

Примечания

¹ Койранский Генрих Ааронович (Арнольдovich) (1883–?) – литератор, врач, выпускник медицинского факультета Московского университета. Печатался под псевдонимом Г. Тверской. Брат писателя А.А. Койранского.

² Надя – сестра Н.И. Петровской Надежда Ивановна Петровская (1880-е (?)–1927).

³ Ивинский Борис Иванович (1881–1943) – литератор, журналист. Отец А.Б. Ивинского. Печатался в газетах «Тамбовский голос», «Столичное утро», «С.-Петербургские ведомости» и др. Сотрудничал в издательстве И.Д. Сытина. Эмигрировал в Болгарию. Редактировал сборник «Русские в Болгарии» (1922), софийские газеты «Знамя России» (1923) и «Русское эхо» (1923). Во Франции с 1926. Работал в редакции и публиковался в газете «Возрождение». Входил в инициативную группу по учреждению во Франции Объединения русских деятелей литературы и искусства (1940). Автор книги рассказов (под псевд. Борский). Во время Второй мировой войны сотрудничал в газетах «Парижский Вестник», «Новое Слово» (Берлин). Псевдонимы: Б.Б.; Борский Б.; Гагазовский; Икар. Умер 11 июля 1943 в Париже.

Сведения об авторах:
Мария Викторовна Михайлова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhaylova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru

Евгений Евгеньевич Пажитнов,
Председатель Московского краеведческо-генеалогического общества

Evgeny E. Pajitnov,
Chairman of the Moscow-Local History Genealogical Society
cronos-74@mail.ru

Продолжаем публикацию статей, подготовленных участниками научной конференции «XII Поспеловские чтения. Литературоведческий тезаурус: обретения и потери», состоявшейся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 15–16 декабря 2015 г. (ред.-сост. Л.В. Чернец, проф. кафедры теории литературы). Начало публикации см.: Stephanos. 2016. № 1(15).

Г.И. Романова

Концепт «минувшее» в рассказе И.А. Бунина «Косцы»

Аннотация: В статье рассмотрена специфика термина «концепт», используемого в литературоведении в ходе изучения художественной речи и других аспектов произведения. Проведен анализ художественного (метафорического) концепта «минувшее» в контексте пространственно-временной организации в автобиографическом рассказе Бунина. Рассмотрены лексический, грамматический план выражения концепта, его образная форма; связь с концептами ‘красота’, ‘счастье’; подчеркнуты периферийные значения; литературные и фольклорные реминисценции. Выявлено, что основное понятийное значение концепта прошлого (часть видового концепта «время»), его историко-географический смысл, связанный с обозначением исторических событий, вызвавших смену пространственно-временных координат, оставлен на периферии. Автором актуализировано метафорическое поле концепта «минувшее».

Ключевые слова: концепт, время, пространство, литературные и фольклорные реминисценции

Abstract: The article describes the specificity of the term «concept» as used in studies of artistic speech and other aspects of the literary work. The analysis of the artistic (metaphorical) concept of «minivschee» in the context of space and temporal organization in Bunin’s autobiographical story was done. The article deals with lexical, grammatical expressing aspect of the concept, its plastic image, the connection with the concepts of beauty, happiness, underlined peripheral meanings, literary and folklore reminiscences. It is revealed that the basic meaning of the concept of the past (part of the concept «time»), its historical and geographical sense, designation of historical events that changed the space-time coordinates, remained at the periphery. The author updated the metaphorical field of the concept «minivschee».

Key words: concept, time, space, literary and folklore reminiscences

Термин *концепт*, по-разному понимаемый в различных областях знания (лингвистика, философия, культурология), в литературоведении часто используется

как синонимичный терминам *мотив, тема, образ, тип, мифологема* и др., что объясняется действительно существующей частичной общностью между данными понятиями. Но наиболее адекватным представляется использование термина концепт в ходе анализа художественной речи, т. е. той стороны литературного произведения, к изучению которой данные лингвистики (в том числе когнитивной и психолингвистики, разрабатывающих теорию концепта) привлекаются традиционно. Исследование определенных концептов становится частью анализа художественной речи, в которой соединяются иносказательность (образность) и понятийность, чувственное и рациональное, традиционное и оригинальное.

Языковая картина мира динамична и незавершена – этим объясняется специфика ее исследования лингвистами. Художественный мир произведения (предмет исследования литературоведов) завершен и обозрим, что позволяет и раскрыть потенциал концепта, и охарактеризовать своеобразие стиля и образности писателя.

В литературном произведении привлекают внимание концепты, соответствующие компонентам внесловесной (предметной) сферы произведения, его миру; например, концепты, указывающие на пространственно-временные условия. Концепт времени, – который, по мнению Ю.С. Степанова, «труден уже сам по себе, да к тому же столь запутан различными точками зрения и научными спекуляциями», что имеет смысл говорить «не о времени вообще, а о “времени мира”»¹, – обладает широким кругом значений и ассоциативных связей. Речевая семантика очевидно связана с пространственно-временной организацией произведения. Более того, в разных родах и жанрах, сосредоточенных на воссоздании прошлого, настоящего или будущего, соответствующие временные формы приобретают значение самостоятельных концептов. Так, например, воспоминания, мемуары, произведения с чертами автобиографизма предполагают определяющее значение концепта прошлого².

Задача настоящей работы – анализ художественного (метафорического) концепта «минувшее» в контексте пространственно-временной организации произведения. Благоприятным материалом для этой задачи представляется автобиографическая миниатюра, которую представляет собой рассказ Бунина «Косцы»³.

Здесь воссоздан эпизод из прошлого: рассказчик вспоминает о тех ощущениях, которые пережил однажды, увидев в березовой роще работу косцов и услышав их песню. Он вспоминает об испытанном в тот момент чувстве единения с народом, о счастье жить на родине. Традиционное для автобиографических жанров повествование позволяет выявить две сферы: «мы там тогда» и «я здесь теперь», которые различны по тону и смыслу. Противопоставлены начало текста («Это было давно...», «глушь серединной, исконной России») и его конец («Париж, 1921 г.»). Хронотоп, который условно можно назвать «прошлая жизнь дома», выражен в сочувственной обрисовке героя, простодушного, воспринимающего настоящее как само собой разумеющееся, уверенного в постоянстве своего места в мире. Ему соответствует изображение «домашнего мира», внимание к обыденному, повседневному. Соответственно, в общей картине акцентирована роль пейзажных и портретных деталей, подробностей всего того, что казалось вечным и неизменным.

¹ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 114.

² Романова Г.И. Автобиографические жанры // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 15–16.

³ Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Воскресенье, 2006. С. 192–196. Далее это издание цитируется в тексте с указанием страниц в скобках.

В финале рассказа внезапно обнаруживается принципиально иная точка зрения, свидетельствующая о существовании другого мира. Герой постигает, что время конечно, привычное пространство исчезло: «и настал конец, предел божьему прощению» (с. 196). Идиллическая картина приобретает значение эпического абсолютного прошлого: «та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки» (с. 192).

Два мира, бывший и теперешний, два пласта повествования связаны единством речевого строя, чем объясняется необходимость его пристального анализа. Связующим звеном между двумя пластами повествования является, в частности, концепт «минувшее» – один из наиболее частотных в рассказе, являющийся основным предикатом. Он выражен в тексте *лексически*:

- использованием глагола *миновало*;
- употреблением наречий и прилагательных с временной семантикой: *бесконечно давно, давний, старинный, первобытный, вечный, невозвратимый, древние, вовеки*;
- существительных со значением завершенности: (подошел) *срок, конец, предел*.

Как *грамматический план* выражения концепта можно рассматривать повторение формы прошедшего времени глагола *быть* – всего 32 раза.

Образными формами воплощения концепта «минувшее» являются некоторые детали пейзажа (завершение дня, предвечернее время, заход солнца), являющиеся иносказательным обозначением завершения эпохи. Как знак приближающейся «погибели» и легкомысленного к ней отношения воспринимается и эпизод с похлебкой из мухоморов: «...приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись: – Ничего, они сладкие, чистая курятина!» (с. 193)

В концепте *минувшее* воплощено представление о национальных истоках (со «следами давней жизни наших отцов и дедов», с. 192), о *прошлом* как о свободном, вольном, родном мире. Прошлое связано с концептами *красота* (прелесть, прекрасное) и *счастье* (счастье пребывания на родине). Концепт *минувшее* вобрал в себя фольклорную семантику «необыкновенного, всепрощающего великодушия»: прощания, синонимичного прощению: «Ты прости-прощай, любезный друг, / И, родимая, ах да прощай, сторонущка!» Звучащая в цитируемых строках народной песни просьба о прощении, традиционная при расставании, подчеркивает периферийное для концепта *минувшее* значение вины (вольной или невольной) и раскаяния в ней.

Слово «минование» в словаре русского языка Д.Н. Ушакова дается с пометой «книжное устаревшее», поэтому использование именно этого слова можно рассматривать как отсылку к литературной традиции. В «Косцах» литературные связи подчеркнуты автором. Эпический смысл концепта актуализирован в настоятельных обращениях к старине, оживающей в русском фольклоре, представленном как знак национальной культурной традиции. Бунин рисует минувший мир, обильно уснащая описания фольклоризмами (устойчивые формулы, постоянные эпитеты, образный параллелизм, цитирование текста лирической песни). Эпический взгляд на крестьянскую работу, выполняемую «с какой-то *былинной* свободой и беззаветностью», перечисление атрибутов волшебной сказки («ковры-самолеты, шапки-невидимки, реки молочные, клады самоцветные», с. 196), исполнение косцами народной лирической песни – все это являет картину ушедшего мира. Именно эта картина является центральной в рассказе.

Апелляция к традиции, к литературному прошлому как безусловной ценности объясняет смысл аллюзий и реминисценций. Автор обращается к древнерусской книжности, в частности «Слову о погибели Русской земли...»¹, что ощущается не только в сходном перечислении красот, довольства и благодати родной земли в незапамятные времена перед гибелью, но и в особенностях художественной речи (особой риторичности стиля, характерной для жанра проповеди, сочетании умиления и угрозы, использовании риторических фигур, повышенной эмоциональности). Таким образом, актуализируется периферийный смысл концепта и основная ассоциация: прошлое – это культура давних времен. Литературные ассоциации усиливаются благодаря напоминанию об идиллии и элегии. В рассказе воссозданы ощущения героя, находящегося, если использовать слова Ф. Шиллера, «в состоянии невинности, то есть в состоянии гармонии и мира с самим собой и с внешней средой»². Пасторальные мотивы радостного труда на земле («Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы...»), прикреплённости к земле дедов и отцов сочетаются с элегическим сожалением о прошедшем времени – утраченной стране, культуре, счастье.

Резким диссонансом в описание радостной идиллической картины, в переживание родства с окружающим миром вторгается мысль о неизбежности конца и наказания – все то, что можно рассматривать как периферийные смыслы концепта *минувшее*. Последние слова рассказа («и настал конец, предел божьему прощению») звучат апокалипсически, являя собой неточную цитату из Откровения Иоанна Богослова (I Послание ап. Иоанна Богослова 2: 18), где наступление «последних времен» связывается с концом мира, с приходом антихриста. От фольклорного циклического времени, с его вечным повтором, порождающим, по мнению рассказчика, беспечность, совершается переход к библейскому «линейному времени», которое, в отличие от циклического времени, «имеет обязательные точки “начала” и “конца” мира»³.

Таким образом, в рассказе Бунина концепт *прошлое* шире по своей семантике, чем обозначение темпоральности. Ценностный слой концепта связан с понятиями родины, родной земли, России. Он выражен не только в речи, но и в мире произведения, подчеркнут композиционно. Основное понятийное значение концепта *прошлое* как части концепта *время*, его историко-географический смысл, связанный с обозначением исторических событий, вызвавших смену пространственно-временных координат, оставлен на периферии. Автор актуализировано метафорическое поле концепта *минувшее*, его фольклорно-литературное значение, представляющее духовную сторону жизни человека, его отношение к миру и жизни. В этом проявляется субъективность восприятия пространства и времени писателем. Ушел в прошлое некий идеальный образ, закреплённый в словесности и в личных воспоминаниях, мир, который недостаточно осмыслен. Потребность его осознания определила не только хронотоп анализируемого рассказа, своеобразие стиля и образности, лиризм, но и, в конечном счете, устойчивые черты мировоззрения писателя, изображавшего «путешествие в воспоминаниях»⁴.

¹ Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т.: XIII век. / Под ред. Д.С. Лихачёва и др. Т. 5. М.: Наука, 2005.

² Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 385–476, 440.

³ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. С. 117.

⁴ Михайлов О.Н. Строгий талант. М.: Современник, 1976. С. 140.

ЛИТЕРАТУРА

Бунин И.А. Косцы // Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Воскресенье, 2006. С. 192–196.

Михайлов О.Н. Строгий талант. М.: Современник, 1976. 280 с.

Романова Г.И. Автобиографические жанры // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 15–17.

«Слово о погибели...» // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т.: XIII век / Под ред. Д.С. Лихачева и др. Т. 5. М.: Наука, 2005. 528 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1957. С. 385–476.

REFERENCES

Bunin I.A. Mowers. In: Bunin I.A. The Complete Works: In 13 vv. Vol. 4. Moscow. Voskresen'e Publ. 2006, pp. 192–196.

Mikhajlov O.N. (1976) Austere Talent. Moscow. Sovremennik Publ. 280 p.

Romanova G.I. Autobiographical Genres. In: Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. Moscow. Intelvak Publ. 2001, pp. 15–17.

«Slovo o pogibeli...» In: The Library of the Old Russian Literature: In 20 vv.: the XIIIth century / Eds. D.S. Likhachyov and others. Vol. 5. Moscow. Nauka Publ. 528 p.

Stepanov Y.S. (2004) Constants: Dictionary of Russian Culture. 3rd ed. Moscow. Akademicheskij proekt Publ. 992 p.

Schiller Friedrich. Über naiv und sentimentalische Dichtung. In: Schillers Sämmtliche Werke. Erster Band. Stuttgart. J.G. Cotta'sche Buchhandlung. 1879, pp. 653–719.

Сведения об авторе:

Галина Ивановна Романова,

докт. филол. наук

доцент,

профессор кафедры русской литературы

МГПУ

Galina I. Romanova,

Doctor of Philology

Associate Professor,

Professor of the Department of Russian literature

Moscow State Pedagogical University (MSPU)

galinroma@mail.ru

К.М. Захаров

К поэтике русской реалистической комедии

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы игры как прием, определяющий своеобразную эстетику русской комедии. Количество мотивов Игры оказывается обратно пропорционально эмоциональной заостренности драматического действия русских комедий.

Ключевые слова: игра, комедия, мотив, пьеса, Сухово-Кобылин

Abstract: The article examines the motives of the game as a means for determining a kind of aesthetics of Russian Comedy. The number of Game motives is inversely proportional to the emotional sharpness dramatic actions of the Russian comedies.

Key words: play, comedy, motive, play, Suhovo-Kobylin

В XIX в. русская драматургическая традиция обновляется под влиянием художественных открытий Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя, формируется принципиально новый для отечественной культуры жанр – «общественная комедия»¹. Ее манифестом стала небольшая пьеса Н.В. Гоголя «Театральный разъезд после представления новой комедии». В финале этого «ревью» драматург-комик – alter ego самого Н.В. Гоголя – декларировал основные постулаты сатирической пьесы, направленной на осмеяние и искоренение человеческих пороков. Сатирическое и воспитательное содержание вышли на первый план, подчинив себе развлекательный элемент.

Причем этот процесс стал результатом собственно отечественного развития драматургического искусства, а не заимствования. К XIX в. комедия Просвещения уже перестала занимать центральное место на европейской сцене, уступив место более развлекательным жанрам, в первую очередь – водевилю. Самое яркое произведение просветительской комедии – «Безумный день, или Женитьба Фигаро» Бомарше – было создано в 1784 г. современником и русским проводником этой традиции стал Д.И. Фонвизин. И Грибоедов, и Гоголь действовали уже в принципиально иных условиях, не подпитываясь европейской модой, делавшей упор, в первую очередь, на продвижение водевиля.

Концепция очищающего смеха сделала категории Сострадания, Стыда и Негодования такими же неотъемлемыми элементами зрительского восприятия пьесы, как и непременный эффект Комизма. Высокая драматичность и нередко даже тра-

¹ Покусаев Е.И. Статьи разных лет. Саратов, 1989. С. 242.

гедийность становились в этих условиях отличительными качествами русской комедии, ее новой и принципиальной традицией, оказывающей значительное влияние на весь строй русской литературы и определяющей ее место в мировом литературном процессе. Драматургия «гоголевского направления», прославленная пьесами И.С. Тургенева, А.В. Сухова-Кобылина, А.Н. Островского и других драматургов, на долгие десятилетия стала «визитной карточкой» русского театра.

Это связано с еще одной проблемой. Ориентированная на сопереживание и негодование (не говоря уже о желанном для Гоголя самоанализе), обличительная комедия выходила из привычных рамок комедийного жанра. А при переходе от комедийного жанра к иным формам невозможно было поддержать сатирическую составляющую на том уровне, который был бы необходим для решения художественной и идейной задачи.

В этих обстоятельствах комедийный жанр нуждался в дополнительных средствах, позволяющих ему сохранить свою самостоятельность, не возвращаясь к «слезности», широко распространенной в конце XVIII в., и при этом не обнаруживая широко понимаемой водевильности.

Причем увеличение удельного веса собственно комических моментов в этом отношении не могло помочь – они шли бы вразрез с высокой задачей произведений в целом. Так, в «комедии-шутке» «Смерть Тарелкина» А.В. Сухова-Кобылин пытался снизить остросатирический градус своего памфлета против полицейского произвола введением частых побоев, которые наносят персонажи друг другу. Заимствованный из арсенала средств народного театра или мольеровской комедии, этот прием в зрелой, выполненной по лекалам «гоголевского направления» пьесе выглядел анахронизмом и воспринимался достаточно искусственным «вставным номером» в нее.

Одним из таких приемов, определяющих своеобразную эстетику русской комедии, стало частое использование мотивов игры во всем многообразии их палитры.

Феномен игры особенно вольготно себя чувствует в комедии – жанре, который самой своей природой расположен к широкому спектру игровых приемов, каламбурному жонглированию словами, травестированию социальных ролей, пародированию важнейших общественных примет и культурных знаков, десакрализации авторитета власти и карнавализации бытового поведения человека. Интрига с театрализацией действительности исконно стоит в основе традиционной трагедии. Хитроумный слуга-дзанни в комедии дель арте обманом устраивает счастье влюбленной пары, подрывая кажущееся незыблемым всемогущество властных стариков – хозяев жизни. Обаятельные герои шекспировской комедии упражняются в каламбурах и игре словами, пряча за островами подлинное чувство.

Прибавим к этому тему карточной игры, получившую широчайшее распространение в русской литературе XVIII – первой половины XIX вв. Согласно Ю.М. Лотману, карточная игра на определенном историческом рубеже становится негласной моделью русского общества, где рок и произвол находятся в самом фундаменте здания¹. П.А. Вяземский отмечал, что «нигде карты не вошли в такое употребление, как у нас: в русской жизни карты – одна из непреложных и неизбежных стихий. <...> Страстные игроки были везде и всегда. Драматические писатели выводили на сцене эту страсть со всеми ее пагубными последствиями. Умнейшие люди увлекались ею. <...> Карточная игра имеет у нас свой род остроумия

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 341.

и веселости, свой юмор с различными поговорками и прибаутками»¹. Описывая литературную ситуацию конца XVII – начала XIX в., современный исследователь Е.Г. Падерина констатирует, что «карточная тема лидировала в русской литературе по времени и широте распространения»², и описывает наметившуюся в XIX в. тенденцию постепенного выхода карточной игры на первый план бытовой и общественной жизни. Все это делало тему игры желанным элементом комедийного сюжета, а игровые мотивы – востребованными в построении сюжета пьес.

В этом своем последнем качестве категория Игры оказалась способна выступить как средство преодоления жанровых и контекстуальных противоречий, как умиротворяющий элемент, сохраняющий позиционирование русских «высоких комедий» в рамках жанра. При этом ее изображение также способствовало усилению обличительного пафоса, оно заостряло сатиричность образов действующих лиц, вскрывало неорганичность и искусственность ситуаций, в которых они оказывались.

В ситуации, когда внутри комедийного текста уже проросла высокая трагедийность, способная изменить первоначальную природу пьесы, Игра с готовностью сглаживала остроту восприятия. Так, именно безусловная соотнесенность гоголевского Хлестакова с игровой стихией позволяет не обнаружить в нем (прозябающем в каморке под лестницей, лишившемся будущности в обожаемом им Петербурге, возвращающемся в нелюбимое саратовское имение) типичного «маленького человека» русской литературы, вызывающего сочувствие. Хлестаков ничтожен и жалок, но многочисленные роли, разыгрываемые им перед обитателями уездного города и даже самим собой, делают его своего рода «другим Юрием Милославским», пародийной модификацией нового литературного типа.

В комедиях А.В. Сухово-Кобылина подобный путь проходят Тарелкин и Расплюев, чью низость и мелочность зрители понимали и осознавали. При этом любимец публики Расплюев не вызывал ужаса и отвращения, а самопровозглашенный страдалец Тарелкин – сочувствия. Инспирированные ими игры выводили этих персонажей за пределы «бытового» отношения к ним публики, утверждали особые, игровые критерии зрительской оценки. Нетрудно проследить, как отличается подача одной и той же истории о разрушении рода Муромских в *комедии* «Свадьба Кречинского» и *драме* «Дело». «Свадьба Кречинского» представляет широкий спектр игровых мотивов, сама категория Игры вводится в проблематику произведения, где действует яркий ансамбль «игровых» персонажей. В «Деле» же действует только один игрок (генерал Варравин), и единственная реализация мотива Игры – его вымогательская интрига – уже не способна нейтрализовать ужас окружающей действительности, определявший сам творческий пафос драматурга.

В целом, в сатирических комедиях количество мотивов Игры оказывается обратно пропорционально эмоциональной заостренности, аффектации драматического действия русских комедий. Эта категория, сглаживая «риски спора», позволяла доносить до читателя основные противоречия эпохи, минуя традиционные элементы трагедии, которые в силу определенной выработанности ресурса уже не отвечали историческим и социальным вызовам XIX в.

Обращение к категории Игры позволяет увидеть специфику отечественного культурного кода, прочитываемого в уникальном по своему национальному своеобразию феномене русской сатирической комедии.

¹ Вяземский П.А. Старая записная книжка / Ред. и примеч. Л. Гинзбург. Л., 1929. С. 85–86.

² Падерина Е.Г. К творческой истории «Игроков» Гоголя: история текста и поэтика. М., 2009. С. 191.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ драматического произведения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. 367 с.
2. *Аникст А.А.* Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М.: Наука, 1972. 644 с.
3. *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы: Избр. труды. М.: Наука, 1976. 511 с.
4. *Вяземский П.А.* Старая записная книжка / Ред. и примеч. Л. Гинзбург. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929. 348 с.
5. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994. 670 с.
6. *Манн Ю.В.* Диалектика художественного образа. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
7. Мотивы в сюжете русской литературы. От Жуковского до Чехова. К 50-летию научно-педагогической деятельности Ф.В. Кануновой: Сб. статей. Томск: Знамя мира, 1997. 192 с.
8. *Падерина Е.Г.* К творческой истории «Игроков» Гоголя: история текста и поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 448 с.
9. *Покусаев Е.И.* Статьи разных лет. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1989. 242 с.
10. *Прозоров В.В.* Другая реальность: очерки о жизни в литературе. Саратов: Лицей, 2005. 272 с.
11. *Хёйзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.

REFERENCES

1. Analysis of a Drama. Leningrad: Leningrad University Press, 1988. 367 p.
2. Anikst A.A. (1972) Theory of Drama in Russia from Pushkin to Chekhov. Moscow. Nauka Publ. 644 p.
3. Vinogradov V.V. (1976) The Poetics of Russian Literature: FAV. works. Moscow. Nauka Publ. 511 p.
4. Vyazemsky P.A. (1929) An Old Notebook. Leningrad: The Publishing House of Writers in Leningrad. 348 p.
5. Lotman Yu.M. (1994) Essays on Russian Culture. St.-Petersburg. Iskusstvo. 670 p.
6. Mann Yu.V. (1987) Dialectics of the Artistic Image. Moscow. Sovetsky pisatel. 320 p.
7. The Motives in the Plot of the Russian Literature. From Zhukovsky to Chekhov. To the 50th anniversary of scientific and pedagogical activity V.F. Kanunova. Tomsk: Znamya mira, 1997. 192 p.
8. Paderina E.G. (2009) On the Creative History of the «Players» by Gogol: History of Text and Poetics. Moscow. Institute of World Literature Russian Academy of Sciences. 448 p.
9. Pokusajev E.I. (1989) Articles of Different Years. Saratov. Privolzhskoe Publishing House. 242 p.
10. Prozorov V.V. (2005) A Diverse Reality: Essays on Life in Literature. Saratov. Licei Publ. 272 p.
11. Huizinga J. (1955, originally published in 1938). Homo Ludens: A Study of the Play Element in Culture. Boston. Beacon Press. 220 p.

Сведения об авторе:
Кирилл Михайлович Захаров,
канд. филол. наук
доцент
кафедра общего литературоведения и журналистики
Институт филологии и журналистики
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

Kirill M. Zakharov,
PhD
Docent
Department of General Literary Studies and Journalism
Institute of Philology and Journalism
Saratov Chernyshevsky State University
zahodite@mail.ru

«Музыкальный код» и «музыкальный экфрасис»

Аннотация: В статье рассматриваются два литературоведческих понятия, связанные с обозначением «музыкальности» литературно-художественных произведений, – музыкальный код и музыкальный экфрасис. Музыкальный код, термин интермедиальной поэтики, в современных отечественных исследованиях трактуется двояко: во-первых, как использование писателем образов, мотивов, понятий, связанных с музыкой как искусством в качестве значимых единиц создаваемого текста; во-вторых, как внедрение в художественную ткань произведения акустических знаков, которые призваны передать гармонически или дисгармонически звучащий мир. Понятие «музыкальный экфрасис» находится в стадии формирования. Оно происходит от названия риторического приема и означает словесное описание музыкальных произведений. В статье рассматриваются варианты использования понятия современными исследователями.

Ключевые слова: интермедиальная поэтика, семиотика искусства, музыкальный код, музыкальный экфрасис, вербальная музыка

Abstract: The article concerns with two notions connected with music in fiction. It is a system of signs, for example, musical titles, images, notions. Some scholars interpret it as a system of acoustic signs in literary texts, for example, natural sounds, harmony of nature and so on. The notion of ‘musical ekphrasis’ is now forming in Russian literary criticism. It derives from definition of rhetoric device and means of verbal description of music, including performance of musical compositions. The article presents different interpretations of the notion by contemporary scholars and analyses some problems of definition. There are compared ‘musical ekphrasis’ and ‘verbal music’.

Key words: intermedial poetics, semiotics, musical code, musical ekphrasis, verbal music

Литература и музыка – их взаимодействие, притяжение и взаимонепроницаемость, переводимость с одного языка на другой, синтетические формы искусства – всё это является предметом давнего интереса исследователей. «Музыкальность» и «музыкальное», «синтез искусств», «полифонизм», «ритмико-мелодические особенности», «интонация» и т. д. – множество терминов употребляется для описания взаимодействия двух искусств. С точки зрения семиотики, это – проблема соотношения двух знаковых систем. Именно сложные взаимодействия знаковых систем, использующих различные коды, и провоцируют активность творче-

ских поисков на границе музыки и литературы. Как писал Ю.М. Лотман о подобной ситуации «взаимной непереводаемости»: «Комбинация переводимости-непереводимости определяет креативную функцию»¹. В этом контексте рассмотрим использование терминов «музыкальный код» и «музыкальный экфрасис» в отечественном литературоведении.

Понятие «музыкальный код» возникло на базе термина «художественный код». Именно рассмотрение художественного текста как знаковой системы породило понимание художественного кода как особого рода сигналов. «Код, – пишет У. Эко, – это структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми»². О.Н. Леута характеризует функции кода так: «Код приписывает элементам текста и тексту в целом определенные значения, задает правила построения текста и условия его понимания»³. При этом художественный код отличается тем, что передаваемая информация и получаемая в процессе дешифровки адресатом нетождественны. На эту особенность художественного кода указывал Ю.М. Лотман, пишет о ней и У. Эко: «Сообщение с эстетической функцией оказывается неоднозначным, прежде всего, по отношению к той системе ожиданий, которая и есть код»⁴. Ю.М. Лотман ссылается на Р.О. Якобсона в представлении об авторефлексии художественного кода: «Направленность сообщения на код, в которой Р.О. Якобсон видел основной признак художественного текста»⁵.

Исходя из названия термина можно предположить, что музыкальный код (МК) литературы – система знаков, представленных в литературном художественном тексте, так или иначе связанных с музыкой как искусством. Именно в таком аспекте рассмотрен МК в диссертации А.Г. Сидоровой. Она анализирует использование современными писателями для названий своих произведений музыкально-жанровых номинаций (рапсодия, симфония, ноктюрн), обращение к культурно значимым музыкальным текстам («текст Баха»), насыщение литературного текста музыкальными метафорами для описания природы, архитектурных форм и т. д., а также композиционные аналогии с музыкальными жанрами⁶.

В диссертации А.А. Манскова проанализированы «музыкальные претексты» новелл Сигизмунда Кржижановского, символика музыкальных образов⁷.

Однако в ряде исследований мы видим расширение понятия музыкального кода за счет «звучащего». Т.В. Мельникова анализирует музыкальные названия «как семантический конструкт», значение музыкальных символов (музыкальные инструменты, мотив пения), а также «простейшие» знаки (звук, звон, гул)⁸.

¹ Лотман Ю.М. Три функции текста // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб., 2000. С. 159.

² Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 67.

³ Леута О.Н. Ю.М. Лотман о трех функциях текста // Юрий Михайлович Лотман / Под. ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2009. С. 298.

⁴ Эко У. Отсутствующая структура. С. 79.

⁵ Лотман Ю.М. Три функции текста. С. 160.

⁶ Сидорова А.Г. Интермедиаальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка): Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006 (www.asu.ru/files/documents/00002748.pdf).

⁷ Мансков А.А. Поэтика «Музыкальных новелл» С.Д. Кржижановского: интертекстуальный аспект. Автореферат дисс. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2007 (www.dissercat.com/content/poetika-muzykalnykh-novell-sd-krzhizhanovskogo-intertekstualnyi-aspekt#ixzz3uCfOeVd5).

⁸ Мельникова Т.В. Система кодов искусства в поэзии Даниила Андреева: Автореферат дисс. ...канд. филол. наук. Краснодар, 2011 (www.dissercat.com/content/sistema-kodov-iskusstva-v-poezii-daniila-andreeva#ixzz3uCcJQ3B1).

А.Г. Савинова показывает «включение музыкального кода в организацию го-голевского текста» (литературно-критические статьи Н.В. Гоголя), анализируя «мотивы тишины и молчания, мотив музыки, смеха, звона». Причем к мотиву звона автор относит и бытовые звуки (бряканье монет), и звуки природы (гром), и даже различные вибрации, называя всё это «семиотикой прозванивающегося пространства»¹.

Также и А.О. Санаа пишет не столько о музыке как искусстве, сколько об «акустической парадигме» Чехова, отмечая характерную для прозы Чехова музыкальную метафорику пейзажа: «В хаосе природы Наде дано услышать музыку»².

Н.А. Иванова, обращаясь к произведениям Бориса Зайцева, отмечает их «музыкальность» (следует, видимо, понимать – мелодичность самой прозы и внимание автора к звуку: «“Семиотическими узлами” МК выступают звук, концепты тишины и молчания, которые формируют диалог человека с вечностью»³.

Таким образом, в современных работах можно выделить два основных понимания «музыкального кода» литературного произведения:

1. использование писателем образов, мотивов, понятий, реалий, связанных с музыкой как искусством в качестве культурно и эстетически значимых единиц создаваемого текста;

2. внедрение в художественную ткань произведения акустических знаков, которые призваны передать гармонически или дисгармонически звучащий мир.

В последние годы в ряде работ по филологии и искусствознанию возрождается понятие «экфрасис» (или «экфразис») – термин византийской риторики, который раньше применялся по отношению к описаниям произведений искусства. «Экфразис [ἔκφρασις] (от *phrazô* [φράζω], «объяснять, делать понятным», и *ek* [ἐκ], «из, от») – конструкция из фраз, которая должна исчерпать предмет. Терминологически это слово означает детальные и полные описания произведений искусств»⁴.

По определению Н.В. Брагинской, экфрасис, как его понимали в античной риторике, – это «словесное описание какого-либо рукотворного *ergon* – храма, дворца, картины, чаши, щита, статуи и т. д.». Поскольку экфрасис – это «“перевод” с языка изобразительного на язык словесный», для него характерны описательность, иллюстративность, нередко аллегоричность. При этом важным признаком является сюжетность описания. Исследовательница ограничивает предмет описания произведениями искусства и указывает на сюжетность как на необходимое свойство описания. Н.В. Брагинская отделяет экфрасис как тип текста от экфрасиса как жанра («описания, включенные в какой-либо жанр, т. е. выступающие как

¹ Савинова А.Г. Музыкальный код в художественной прозе Н.В. Гоголя: образы колокола и колокольчика // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. № 333. С. 17–20 (cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-kod-v-hudozhestvennoy-proze-n-v-gogolya-obrazy-kolokola-i-kolokolchika).

² Санаа А.О. «Невеста» А.П. Чехова: Музыкальный код // Культура и текст: сетевое издание / Алтайский гос. пед. унив-т. Барнаул. 2011. № 12. С. 439–444; 440; 443 (www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2012/09/%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B02011.pdf).

³ Иванова Н.А. Музыкальный код в произведениях Б.К. Зайцева // Вестник Брянского государственного университета. 2013. Вып. № 2 (cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-kod-v-proizvedeniyah-b-k-zaytseva).

⁴ Европейский словарь философии: Лексикон непереводимостей / Рук. проекта Б. Кассен, К. Сигов; Пер. с фр. Д. Ардамацкая и др. Т. 1. Київ: Дух і Літера, 2015.

тип текста, и описания, имеющие самостоятельный характер и представляющие собою некий художественный жанр»¹.

Первым итогом переосмысления (и расширения) понятия в наше время стал Лозаннский симпозиум. Инициатор этого научного мероприятия Л. Геллер свой доклад назвал «Воскрешение понятия». Во вступительной статье он сразу задает широкие возможности для интерпретации: «Распространим первичный, риторико-литературный смысл “экфрасиса” на всякое воспроизведение одного искусства средствами другого <...>. Назовем экфрастичными словесные описания не только “застывших” пространственных объектов, но и “временных”: кино, танца, пения, музыки <...>»².

В трудах Лозаннского симпозиума наметилась тенденция к изменению предмета описания – не только произведения пластических искусств, но и другие визуальные объекты, а также природные явления и состояния; кроме того, словесное описание других искусств или сфер человеческой деятельности (например, Е.А. Меднис вводит понятие «религиозный экфрасис»). Сам Л. Геллер, базируясь на принципах интермедиальной поэтики, отказывается от словесности экфрасиса: «Пусть экфрасисом называются и несловесные воспроизведения визуальности – пластические (например, знаменитый некогда жанр “живых картин”, возрожденный кинематографом, вплоть до фильмов Годара, Ромера, Гринэвея) или музыкальные». Исследователь различает литературный музыкальный экфрасис (словесное описание музыки) и живописно-музыкальный экфрасис (изображение музыкантов, музыкальных инструментов и т. д. в живописи и других визуальных искусствах, использование музыкальных названий и приемы «музыкализации» картин, например у Чюрлениса). Таким образом, Л. Геллер задает очень широкий спектр возможностей для термина «музыкальный экфрасис», который при этом утрачивает такие свои признаки, как словесность, описательность, сюжетность, описание произведений искусства.

В современной компаративистике под экфрасисом, в основном, понимают описания произведений пластических искусств, а также различные визуальные образы в литературных текстах, о чем свидетельствуют материалы конференции «Изображение и слово: формы экфрасиса в литературе», проходившей в июне 2008 г. в Институте русской литературы РАН³, а также исследования Е.Н. Третьякова⁴, Ю.В. Шатина⁵, Е.В. Яценко⁶ и др. О популярности термина в приложении к изобразительно-словесным сопоставлениям свидетельствует и выставка видео-арта «Экфрасис», устроенная в Государственном Эрмитаже в ноябре 2014 г.⁷

¹ Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283.

² Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума / Под ред. Л. Геллера. М.: Изд-во «МИК», 2002. С. 13, 15.

³ «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

⁴ Третьяков Е.Н. Экфрасис как матричная репрезентация образных знаков: Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009 (www.dissercat.com/content/ekfrasis-kak-matrichnaya-reprezentatsiya-obraznykh-znakov).

⁵ Шатин Ю.В. Ожившие картины: экфрасис и диегезис // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 217–226.

⁶ Яценко Е.В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57 (vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=427&Itemid=52).

⁷ Экфрасис. Государственный Эрмитаж. 28.11.2014 (www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/news/news-item/Press+Releases/hm16_14_10_06/?lng=ru).

К отличительным признакам экфрасиса в его традиционном понимании относятся описательность, модальность зримого, экспрессивность, перекодирование с языка одного искусства на язык другого, присвоение символических, аллегорических смыслов не символическому, в сущности, и не аллегорическому описанию в контексте целого текста, относительная завершенность и автономность от остального текста. Экфрасис, по сути, риторический или – шире – художественный прием, который, как отмечает Р. Ходель, может «незаметно открывать перспективу будущих событий»¹. На обязательность фигуры или сюжета у описываемого произведения указывает М.Г. Уртминцева: «Словесному описанию поддается лишь такое художественное произведение, у которого есть денотируемая им фигура»². Важным является и объем экфрасиса. Е.Н. Третьяков подчеркивает, что экфрасис именно «детальное, “живое” описание рукотворного реального или фиктивного, воображаемого ПИИ (произведения изобразительного искусства. – Е.С.)»³. Е.В. Яценко указывает на существование и свернутых экфрасисов (одно-два предложения), и даже нулевых (не описание, а название произведения)⁴. Ж. Хетени подразделяет экфрасисы на миметические (описывающие реальные произведения искусства) и немиметические (описывающие вымышленные или воображаемые произведения искусства)⁵.

Термин «музыкальный экфрасис» (МЭ) употребляется довольно редко. Существуют два противоположных значения этого понятия.

З. Брюн в своих работах рассматривает МЭ как обращение композиторов к художественным образам из произведений литературы или изобразительных искусств: «Музыкальный экфрасис передает сюжеты или изображает сцены, созданные писателями и художниками, иными художественными средствами; отсылает не только к содержанию поэтического или живописного текста-источника, но обычно и к какому-то аспекту первичной репрезентации, выраженному в стиле, форме, настроении, выразительных деталях и т. д.»⁶

Л. Геллер и вслед за ним В.А. Миловидов трактуют МЭ как словесное описание музыки⁷. Осторожно применяет термин А.Г. Сидорова – как «особого типа экфрасис», сочетающий звуковую и визуальную образность: «Экфрасис пытается сохранить интермедийную структуру в восприятии читателя, подключая как его звуковую рецепцию номинацией инструментов (фигура за фортепиано, жалобы скрипок, клавишин наигрывает, вступает пианистка), так и зрительную, отсылая к жанровым образам картин – графика, живопись»⁸.

¹ Ходель Р. Экфрасис и демодализация высказывания // Экфрасис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума. С. 24.

² Уртминцева М.Г. Экфрасис: научная проблема и методика ее исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. Межкультурная коммуникация. 2010. – № 4(2). С. 975.

³ Третьяков Е.Н. Экфрасис как матричная репрезентация образных знаков.

⁴ Яценко Е.В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель.

⁵ Хетени Ж. Экфраза о двух концах – теоретическом и практическом. Тезисы несостоявшегося доклада // Экфрасис в русской литературе. С. 164.

⁶ Bruhn S. A Concert of Paintings: «Musical Ekphrasis» in the Twentieth Century (www-personal.umich.edu/~siglind/ekphr2.htm).

⁷ Миловидов В.А. Нарратология экфрасиса // Нарраториум. Междисциплинарный журнал. 2011. № 1–2. Весна-осень. (narratorium.rggu.ru/print.html?id=2027587).

⁸ Сидорова А.Г. Интермедийная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка). С. 162.

А.А. Хамина разводит понятия «экфрасис» и «музыкальный код», используя первый по отношению к словесному описанию живописи и второй – к словесному описанию музыки¹.

Совершенно иное понимание МЭ находим в работах Е.Н. Третьякова – «музыкально-поэтический экфрасис»: «...экфрастическое освоение литературного произведения, включающего также рисунки автора, произведения изобразительного искусства или иные артефакты, на основе которых могут быть сформированы поэтические и музыкальные экфрасисы, включенные в жанр музыкального спектакля, мюзикла и др.»²

В моей статье «Музыкальный экфрасис как возможность» МЭ рассматривается как словесное описание музыки, исполнения музыкальных произведений и их восприятия³.

В отличие от живописного экфрасиса, в котором происходит разворачивание картины во времени, в МЭ музыкальный процесс трансформируется в другой, литературный, имеющий свой темп, свой ритмический рисунок, что приводит к конфликту.

МЭ может рассматриваться в рамках семиотики, поскольку является системой знаков. Его можно охарактеризовать как текст в тексте, поскольку он актуализирует интертекстуальные и интермедиальные связи. МЭ обладает относительной автономностью, потому что можно установить его границы в тексте.

Экфрасис – риторический прием, причем весьма сильный. В художественной литературе, в том числе и русской, насыщенной народной песенной культурой, словесное описание музыкальных произведений является традиционным эффективным средством выразительности. Казалось бы, использование термина МЭ напрашивается само собой.

Однако существует не одна, а, по крайней мере, две проблемы, связанные с использованием термина МЭ.

Во-первых, изучение словесного описания музыкальных произведений, как реальных, так и вымышленных, их исполнения и восприятия – в литературоведении и музыковедении – не ново. Стивен Пол Шер называет подобные явления «вербальной музыкой» (*verbal music*), в отличие от «словесной музыки» (*word music*), т. е. музыкализации художественного слова⁴. О «трансмюзикальном» размышляет в своей монографии А.Е. Махов («комплекс идей и представлений о музыке <...> распылен по огромному массиву текстов»⁵). В обзоре И. Борисовой также уделяется внимание вербальной музыке⁶. Существует множество конкретных исследований о музыкальной образности художественной литературы, среди кото-

¹ Хамина А.А. Роман В.Ф. Одоевского «Русские ночи» в аспекте интермедиального анализа // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 24.

² Третьяков Е.Н. Музыкально-поэтический экфрасис в аудиоспектакле «Маленький принц» (сюжетологические и нарратологические аспекты) (www.cultureurope.com/Chanson.htm).

³ Соловьева Е.Е. Музыкальный экфрасис как возможность // Искусство как феномен культуры: Традиции и перспективы: Сб. статей по материалам Международной научной конференции Гос. классич. академии им. Маймонида. 13–19 апреля 2015 г. / Под общ. науч. ред. Я.И. Сушковой-Ириной. М.: ГКА им. Маймонида, 2015. С. 234–242.

⁴ Scher S.P. *Verbal Music in German Literature*. New Haven: Yale University press, 1968. P. 149.

⁵ Махов А.Е. *Musica Literaria: Идея словесной музыки в европейской поэтике*. М.: Intrada, 2005. С. 5.

⁶ Борисова И. Перевод и граница: перспективы интермедиальной поэтики // *Toronto Slavic Quarterly*. University of Toronto. 2004. Winter. № 7 (sites.utoronto.ca/tsq/07/borisova07.shtml)

рых следует отметить труд Л.Л. Гервер, в котором собрано и проанализировано описание музыки русскими поэтами начала XX в.¹

На этом фоне возникает вопрос об уместности введения еще одного термина. Может быть, достаточно уже имеющихся: музыкальный код, вербальная музыка? Появление новых терминов невозможно запретить. Тенденция к новому прочтению риторики воскресила и полузабытое понятие об экфрасисе.

Во-вторых, номинация обладает двусмысленностью. Исходя из классического понимания экфрасиса как словесного описания произведений искусства МЭ можно трактовать как описание музыкальных сочинений в художественной литературе. Барбара Кассен, основываясь на риторической природе экфрасиса, подчеркивает его априорную словесность³⁵. З. Брюн трактует прямо противоположным образом – как интерпретацию литературных произведений в музыке, например, «Послеполуденный отдых Фавна» С. Малларме в сочинении К. Дебюсси². Видимо, дальнейшее функционирование термина внесет некоторые коррективы в номинацию.

По сравнению с музыкальным кодом, термином достаточно устойчивым и базирующимся на основательно разработанной базе интермедиальных исследований, музыкальный экфрасис выглядит еще недостаточно обоснованным. Своим появлением он обязан воскрешению интереса литературоведов к риторике, в частности к проблемам словесного описания искусств.

«Она еще не родилась, / Она и музыка и слово...»³ – писал О.Э. Мандельштам о том изначально, что рождает и поэзию, и музыку. Тяготение двух искусств друг к другу изучается давно, и на этом поле рождаются все новые и новые концепции и термины. Жизнеспособность их, как мне кажется, связана с методологической обусловленностью, с тем, насколько они представляют новые теории, концепции, подходы. Только время покажет, являются ли термины «музыкальный код» и «музыкальный экфрасис» ценным приобретением.

ЛИТЕРАТУРА

Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283.

Борисова И. Перевод и граница: перспективы интермедиальной поэтики // Toronto Slavic Quaterly. University of Toronto. 2004. Winter. № 7 (sites.utoronto.ca/tsq/07/borisova07.shtml).

Гервер Л.Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). М.: Индрик, 2001. 248 с.

Иванова Н.А. Музыкальный код в произведениях Б.К. Зайцева // Вестник Брянского государственного университета. 2013. Вып. № 2 (cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-kod-v-proizvedeniyah-b-k-zaytseva).

Европейский словарь философий: Лексикон непереводаемостей / Рук. проекта Б. Кассен, К. Сигов ; Пер. с фр. Д. Ардамацкая и др. Т. 1. Київ : Дух і Літера, 2015. 452 с.

¹ *Гервер Л.Л.* Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). М.: Индрик, 2001. 248 с.

² *Кассен Б.* «Экфразис»: от слова к слову. С. 380–381.

³ *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост.: П. Нерлер, А. Никитаев. Т. 1. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 50.

Леута О.Н. Ю.М. Лотман о трех функциях текста // Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2009. С. 294–309.

Лотман Ю.М. Три функции текста // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб., 2000. С. 155–162.

Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. / Сост.: П. Нерлер, А. Никитаев. Т. 1. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. 598 с.

Мансков А.А. Поэтика «Музыкальных новелл» С.Д. Кржижановского: интертекстуальный аспект: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007 (www.dissercat.com/content/poetika-muzykalnykh-novell-sd-krzhizhanovskogo-intertekstualnyi-aspekt#ixzz3uCfOeVd5).

Махов А.Е. Musica Literaria: Идея словесной музыки в европейской поэтике. М.: Intrada, 2005. 224 с.

Мельникова Т.В. Система кодов искусства в поэзии Даниила Андреева: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011 (www.dissercat.com/content/sistema-kodov-iskusstva-v-poezii-daniila-andreeva#ixzz3uCcJQ3B1).

Миловидов В.А. Нарратология экфрасиса // Нарраториум. Междисциплинарный журнал. 2011. № 1–2. Весна-осень (narratorium.rggu.ru/print.html?id=2027587).

«Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 572 с.

Савинова А.Г. Музыкальный код в художественной прозе Н.В. Гоголя: образы колокола и колокольчика // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. № 333 С. 17–20 (cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-kod-v-hudozhestvennoy-proze-n-v-gogolya-obrazy-kolokola-i-kolokolchika).

Санаа А.О. «Невеста» А.П. Чехова: Музыкальный код // Культура и текст: сетевое издание / Алтайский гос. пед. унив-т. Барнаул, 2011. № 12. С. 439–444 (www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2012/09/%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B02011.pdf)

Сидорова А.Г. Интермедиаальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка): Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006 (www.asu.ru/files/documents/00002748.pdf).

Слово и музыка: Материалы науч. конференций памяти А.В. Михайлова. Вып. 2. М.: МГК им. П.И. Чайковского, 2008. 256 с.

Слово и музыка. Памяти А.В. Михайлова: Материалы научных конференций / Науч. труды МГК им. П.И. Чайковского. Сб. 36. М.: МГК, 2002. 358 с.

Соловьева Е.Е. Музыкальный экфрасис как возможность // Искусство как феномен культуры: Традиции и перспективы: Сб. статей по материалам Международной научной конференции Гос. классич. академии им. Маймонида 13–19 апреля 2015 г. М.: ГКА им. Маймонида, 2015. С. 234–242.

Третьяков Е.Н. Музыкально-поэтический экфрасис в аудиоспектакле «Маленький принц» (сюжетологические и нарратологические аспекты) (www.cultureurope.com/Chanson.htm).

Третьяков Е.Н. Экфрасис как матричная репрезентация образных знаков: Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009 (www.dissercat.com/content/ekfrasis-kak-matrichnaya-reprezentatsiya-obraznykh-znakov).

Хаминова А.А. Роман В.Ф. Одоевского «Русские ночи» в аспекте интермедиаального анализа // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 23–26.

Уртминцева М.Г. Экфрасис: научная проблема и методика ее исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. Межкультурная коммуникация. 2010. № 4(2). С. 975–977.

Шатин Ю.В. Ожившие картины: экфразис и диегезис // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 217–226. (www.nsu.ru/education/virtual/cs7shatin.htm).

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

Экфразис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума / Под ред. Л. Геллера. М.: Изд-во «МИК», 2002. 216 с.

Яценко Е.В. «Любите живопись, поэты...»: Экфразис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. Цит по: (vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=427&Itemid=52).

Bruhn S. A Concert of Paintings: «Musical Ekphrasis» in the Twentieth Century (www-personal.umich.edu/~siglind/ekphr2.htm)

Scher S.P. Verbal Music in German Literature. New Haven: Yale University Press, 1968. 256 p.

REFERENCES

Braginskaya N.V. Ekphrasis as a Type of Text (to the problem of structural classification). In: Slavianskoye i Balkanskoye Yazykoznanie. Karpato-vostochno-slavianskie Paralleli. Moscow. Nauka Publ. 1977, pp. 259–283.

Borisova I. Translation and Border: Perspectives of Intermedial Poetics. *Toronto Slavic Quarterly*. University of Toronto. 2004. Winter. No 7 (sites.utoronto.ca/tsq/07/borisova07.shtml).

Bruhn S. A Concert of Paintings: “Musical Ekphrasis” in the Twentieth Century (www-personal.umich.edu/~siglind/ekphr2.htm).

European Dictionary of Philosophy. Lexicon of Untranslatable terms Vol. 1 / Eds. B. Cassin, K. Sigov; Translation from french of D. Ardamatskaya et al. Kiev: Dukh i litera Publ. 2015, pp. 380–381.

Eco U. (1977) A Theory of Semiotics. London, etc. The MacMillan Press. 354 p.

Ekphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lozanna Symposium / Ed. L. Geller. Moscow. MIK Publ. 2002. 216 p.

«Expressible Beyond Expression»: Ekphrasis and Problems of Representations of Visual in Fiction: Coll. of articles / Ed. D.V. Tokarev. Moscow. Novoje literaturnoje obozrenije Publ. 2013. 572 p.

Gerver L.L. (2001) Music and Musical Mythology in the Works of Russian Poets (the beginning of the 20th century). Moscow. Indric Publ. 248 p.

Ivanova N.A. Musical Code in B.K. Zaitsev’s Works. *Bryansk State University Bulletin*. 2013. No 2 (cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-kod-v-proizvedeniyah-b-k-zaytseva)

Jatsenko E.V. «Love art, poets...»: Ekphrasis as philosophical and art model. *Voprosy Filosofii*. 2011. No 11. Quoted from (vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=427&Itemid=52).

Khaminova A.A. The Novel “Russian Nights” by V.F. Odojevsky in Intermediate Aspect. *Tomsk State University Journal*. 2011. No 343, pp. 23–26.

Leuta O.N. Ju.M. Lotman on Three Functions of Text. In: Jurii Michailovich Lotman / Ed. V.K. Kantor. Moscow. ROСПEN Publ. 2009, pp. 294–309.

Lotman Ju.M. Three Functions of Text. In: Lotman Ju.M. (2000) Semiosphere. S.-Petersburg. Iskusstvo – S.-Petersburg Publ., pp. 155–162.

Mandelstam O. The Collection of Works: In 4 vol. / Eds. P. Nerler, A. Nikitajev. Vol. 1. Moscow. Art-Bisness-Tsentr Publ. 1993. 598 p.

Manskov A.A. (2007) Poetics of S.D. Kryzhanovski's "Musical Novellas": Intertextual Aspect. Abstract (PhD). Barnaul (www.dissercat.com/content/poetika-muzykalnykh-novell-sd-krzhizhanovskogo-intertekstualnyi-aspekt#ixzz3uCF0eVd5).

Makhov A.E. (2005) *Musica Literaria: The Idea of Verbal Music in the European Poetics*. Moscow. Intrada Publ. 224 p.

Melnikova T.V. (2011) The System of Artistic Codes in D. Andrejev's Poetry. Abstract (PhD). Krasnodar (www.dissercat.com/content/sistema-kodov-iskusstva-v-poezii-daniila-andreeva#ixzz3uCCJQ3B1).

Milovidov V.A. Narratology of Ekphrasis. *Narratorium. Interdisciplinary Journal*. 2011. No 1–2. Spring-Autumn (narratorium.rggu.ru/print.html?id=2027587).

Savinova A.G. Musical Code in N.V. Gogol's Prose: Images of Bells. *Tomsk State University Journal*. No 333, pp. 17–20 (cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-kod-v-hudozhestvennoy-proze-n-v-gogolya-obrazy-kolokola-i-kolokolchika).

Sanaa A.O. "The Bride" by A. Chekhov: Musical Code. *Culture and Text / Altaj State University*. Barnaul. 2011. No 12, pp. 439–444 (www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2012/09/%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B02011.pdf).

Shatin Ju.V. Revived Pictures: Ekphrasis and Diegesis. In: *Criticism and Semiotics*. Vol. 7. Novosibirsk. NSU Publ. 2004, pp. 217–226 (www.nsu.ru/education/virtual/cs7shatin.htm).

Scher S.P. (1968) *Verbal Music in German Literature*. New Haven. Yale University Press. 256 p.

Sidorova A.G. (2006) *Intermediate Poetics of Contemporary Russian Prose (Literature, Art, Music)*. Dissertation (PhD). Barnaul (www.asu.ru/files/documents/00002748.pdf).

Solovyova E.E. Musical Ekphrasis as a Possibility. In: *Art as a Phenomenon of Culture: Traditions and Perspectives: Coll. of Articles*. M.: GKA Majmonides Publ. 2015, pp. 234–242.

Tretjakov E.N. Musical-verbal Ekphrasis in Audio performance "The Little Prince" (plot and narrative aspects) (www.cultureurope.com/Chanson.htm).

Tretjakov E.N. (2009) *Ekphrasis as Matrix Representation of Symbols: Dissertation (PhD)*. Tver (www.dissercat.com/content/ekfrasis-kak-matrichnaya-reprezentatsiya-obraznykh-znakov).

Urtmintseva M.G. Ekphrasis: The Problem and Methods of Study. *Lobachevsky University of Nizhni Novgorod Bulletin. Philological Sciences*. 2010. No 4(2). pp. 975–977.

Word and Music. In memory of A.V. Mikhailov. Proceedings of conferences. *Works of Moscow State Conservatory*. 2002. Vol. 36. Moscow. 358 p.

Word and Music: Proceedings of Conferences. Vol. 2. Moscow. Moscow State Conservatory Publ. 2008. 256 p.

Сведения об авторе:

Елена Евгеньевна Соловьёва,

канд. филол. наук

доцент

кафедра отечественной филологии и прикладных коммуникаций

Череповецкий государственный университет

Elena Ye. Solovyova,

PhD

Associate Professor

Department of Russian Philology and Applied Communications

Cherepovets State University

esk63@mail.ru

Модификации эпистолярного жанра: на материале «письма властителю»

Аннотация: В статье предпринимается попытка систематизации имеющегося у нас в настоящий момент материала по особому эпистолярному жанру – жанру «письма властителю». Это письмо представителей русской интеллигенции властям (мы ограничились изучением писем литераторов). Представлены два варианта – «письмо царю» (XIX – начало XX века) и «письмо вождю» (XX век). Анализируемые письма можно рассматривать в контексте биографии писателя, в контексте истории нашей страны, как особый эпистолярный жанр со своими отличительными признаками и разновидностями. Перечисляя конкретный фактический материал, мы обосновываем выделение в «письме властителю» несколько жанровых разновидностей (письмо-инвектива, письмо-декларация, письмо-памфлет, письмо-жалоба / просьба / оправдание, письмо-дифирамб / благодарность / творческий отчет), прослеживаем качественную и количественную динамику развития каждой разновидности, а также кратко суммируем свои наблюдения над образом адресата писем.

Ключевые слова: эпистолярная литература, письмо властителю, литература и цензура, литература и власть

Abstract: In the article an attempt is made to systematize the information we have on the special epistolary genre (genre of «letter to a ruler») is available. «Letter to a ruler» is a letter of the Russian intelligentsia to power (we limited ourselves by the study of the writers' letters). «Letter to a ruler» is represented by two invariants – «letter to the tsar» (the 19th – the beginning of the 20th century) and «letter to the leader» (the 20th century). Analyzed letters can be viewed in the context of writer's biography, in context of Russian history and as special epistolary genre with its own distinctive characteristics and modifications. Listing specific evidence, we excrete in the «letter to ruler» several varieties of the genre (letter-invective, letter-declaration, letter-pamphlet, letter-complaint / request / justification letter-praises / gratitude / creative report), trace qualitative and quantitative dynamics of development of each species, as well as provide a brief summary of my observations over the addressee of letters.

Key words: epistolary literature, letter to ruler, literature and censorship, literature and power

Основная тема наших исследований – «письмо властителю», представленное двумя вариантами – «письмом царю» (XIX – начало XX века) и «письмом вождю» (XX век). Анализируются письма русских писателей во властные структуры и доказывается, что тексты, относящиеся к этому жанру, можно рассматривать под несколькими углами зрения: 1) в контексте биографии и/или мировоззрения их авторов; 2) в контексте истории нашей страны, в частности истории цензуры и взаимоотношений властей с писателями и – шире – с представителями творческой интеллигенции; 3) как литературный факт, как особый жанр со своими жанровыми признаками и разновидностями¹.

В настоящий момент мы располагаем **следующим составом писем** (в ходе работы над темой их количество будет увеличено; за рамками данной статьи осталась тема литературного доносительства и переписка М. Горького с большевистскими и советскими вождями).

В рамках анализа жанра «письма царю» в XIX – начале XX века рассматриваются письма А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Герцена, Ф. Достоевского, Ф. Тютчева, Л. Толстого, Н. Чернышевского, В. Короленко, А. Чехова, А. Грина Александру I, Александру III (в том числе – в его бытность цесаревичем), А. Булыгину, И. Горемыкину, М. Дондукову-Корсакову, Е. Ковалевскому, Д. Набокову, Николаю I, Николаю II, Н. М. Романову, императрице Марии Александровне, В. Муравьеву, В. Олсуфьеву, А. Орлову, К. Победоносцеву, К.К. Романову, П. Столыпину, Д. Толстому, С. Уварову, Ф. Филонову, а также в III Отделение. Общее количество писем – около 50.

В рамках анализа жанра «письма вождю» на материале русской литературы первой половины XX в. анализируются письма А. Аверченко, А. Ахматовой, А. Богданова, М. Булгакова, Е. Замятина, М. Зощенко, Я. Ларри, В. Маяковского, А. Корнейчука, В. Короленко, Б. Пастернака, Ф. Раскольникова, А.Н. Толстого, А. Фадеева, М. Шолохова, адресованные таким представителям власти, как В.И. Ленин, Х. Раковский, А. Луначарский, И. Сталин, Н. Бухарин, Ф. Держинский, А. Енукидзе, Е. Маленков, Е. Ярославский, а также Правительству СССР, ЦК КПСС. В общей сложности проанализировано около 70 писем.

В рамках анализа жанра «письма вождю» на материале русской литературы второй половины XX в. рассматриваются письма Г. Владимова, В. Войновича, В. Высоцкого, С. Злобина, В. Некрасова, Б. Пастернака, А. Солженицына, А. Твардовского, М. Шолохова, а также коллективное письмо 62 писателей таким представителям власти, как Н. Хрущёв, Л. Брежнев, Е. Фурцева, Г. Воронов, В. Степаков, П. Дёмичев, Ю. Андропов, А. Косыгин, Н. Щёлоков, а также ЦК КПСС, ССП, «вождям Советского Союза» – в общей сложности около 30 писем.

Можно говорить о нескольких жанровых разновидностях **«письма властителю»**. Мы предлагаем выделить следующие из них: письмо-инвектива, письмо-жалоба / просьба / оправдание, письмо-дифирамб / благодарность / творческий отчет.

Письмо-инвектива содержит обвинения и даже вызов властям или более сдержанную по тону, но решительную критику существенных сторон деятельности властных органов и лиц. В большинстве случаев авторы не затрагивают обстоя-

¹ Подробно обстоятельства создания писем, их стилистический анализ, а также полное библиографическое описание используемых нами источников см.: *Суровцева Е.В.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. М., 2011; *Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950–1980-е гг.). М., 2010; *Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920–1950-е гг.). М., 2008; *Суровцева Е.В.* Писатели и властители: на материале их переписки: Сб. статей. Saarbrücken, 2013.

тельств собственной частной жизни, во всяком случае, не сосредоточены на них. Их позиция – принципиальное инакомыслие, следствием которого может быть демонстративный разрыв некогда тесных связей, осознанный адресантом как трагический, но неизбежный. Другая разновидность писем, которую мы условно назвали *письмом-декларацией*, содержит в достаточно развернутом виде разъяснение позиций автора по важнейшим мировоззренческим и/или творческим вопросам (обычно это ответ оппоненту, отзыв на критику и т. д.); декларирует его политическое или писательское кредо, является для автора как бы программным документом. Нередко такие письма содержат также критику позиций оппонента или имеют целью отклонить навет, привлечь внимание к судьбе адресанта. *Письмо-памфлет* – редкая жанровая разновидность. Традиционная для памфлета экспрессия (в данном случае ирония и сарказм), легкость и краткость (почти лозунговость) слога, открытая тенденциозность близки дарованию сатирика. *Письмо-жалоба / просьба / оправдание* обращено, как правило, к высшей инстанции, иногда – к ее ближайшим соратникам; в таких письмах обычно рисуется картина крайне трудных жизненных обстоятельств автора письма или тех, за кого он просит. *Письмо-дифирамб / благодарность / творческий отчет* содержит славословие адресата.

В качестве промежуточного итога проследим динамику развития **жанровых разновидностей** «письма властителю».

Согласно нашим подсчетам, в рамках «писем царю» было создано 22 *письма-жалобы / просьбы / оправдания* 5 авторами, в рамках «писем вождю» – 36 писем 11 авторами (и 1 письмо коллективное). На первую половину XX в. приходится 20 писем 6-ти авторов, на вторую – 15 текстов 6-ти авторов, а также коллективное письмо. Пастернак и Шолохов обращались «наверх» и в первой, и во второй половине XX столетия. В XIX в. преобладают заступничества за других, в веке XX – жалобы на несправедливости по отношению к самим авторам писем. Таким образом, можно говорить не только о количественном преобладании писем-жалоб в советскую эпоху, но и о различиях в тематике текстов. На наш взгляд, полученные данные обогащают представления о взаимоотношениях писателей и властителей в России и подтверждают существующую точку зрения, что советская цензура была значительно жестче царской.

В рамках «писем царю» было создано 22 *письма-декларации* 5-ю авторами, в рамках «писем вождю» – 13 писем 5-ю авторами (2 автора с 5-ю текстами – это первая половина века, 3 автора с 8-ю текстами – вторая). Количество авторов, обращавшихся к властителям с декларациями, в XIX в. и в XX в. одинаково, количество же самих писем в XIX в. превышает количество писем в веке XX. Обращает на себя внимание то, что в первой половине XX в. количество писем-деклараций и авторов, их создававших, меньше, чем в XIX в. и во второй половине XX в. Думается, это можно объяснить тем, что возможность разговаривать с властями в сталинскую эпоху в подобном ключе была минимальной за всю историю русской литературы XIX–XX вв. Кроме того, в XX в., в отличие от века XIX, письма-декларации всегда были связаны с необходимостью защитить себя от наветов.

Письмо-жалоба / просьба / оправдание.

	Адресант	Адресат	Дата	Кол-во писем
XIX век	Гоголь Н.В.	Уваров С.С.	1842	1
	Гоголь Н.В.	Дондуков-Корсаков М.А.	1842	1
	Гоголь Н.В.	Николай I	1846, 1847	2
	Гоголь Н.В.	Петровский Л.А. / Ширинский-Шихматов П.А. / Орлов А.Ф.	1850	1
	Гоголь Н.В.	наследник Александр Николаевич	1850	1
	Гоголь Н.В.	Олсуфьев В.Д.	1850	1
	Пушкин А.С.	Александр I	1825	1
	Пушкин А.С.	Николай I	1826	1
	Лермонтов М.Ю.	<Объяснение корнета лейб-гвардии гусарского полка Лермонтова>	1837	1
	Лермонтов М.Ю.	великий князь Михаил Павлович	1840	1
	Достоевский Ф.М.	Александр II	1858, 1859	2
	Толстой Л.Н.	Александр II	1862	1
	Толстой Л.Н.	Толстой Д.А.	1872, 1874	2
	Толстой Л.Н.	Набоков Д.Н.	1879	1
	Толстой Л.Н.	Александр III	1894	1
	Толстой Л.Н.	Победоносцев К.П.	1881	1
	Толстой Л.Н.	Горемыкин И.Л.	1896	1
	Толстой Л.Н.	Муравьев Н.В.	1896	1
	Толстой Л.Н.	Николай II	1897, 1900	3
	Толстой Л.Н.	Булыгин А.Г.	1905, 1907	2
Толстой Л.Н.	Столыпин П.А.	1908	1	
Грин А.С.	Николай II	1910	1	
Грин А.С.	Булыгин А.Г.	1910	1	
1920– 1950-е годы	Булгаков М.А.	Сталин И.В., Каганович Л.М., Свидерский А.И., Горький М.	1929	1
	Булгаков М.А.	Енукидзе А.	1929	1
	Шолохов М.А.	Сталин И.В.	1931, 1932, 1933, 1938, 1950	6
	Булгаков М.А.	Сталин И.В.	1931, 1934, 1938	3
	Замятин Е.И.	Рыков А.И.	1931	1
	Замятин Е.И.	Сталин И.В.	1931	1
	Пастернак Б.Л.	Сталин И.В.	1935, 1945	2
	Цветаева М.И.	Берия Л.П.	1939, 1940	2
	Зощенко М.М.	Сталин И.В.	1943, 1946	2
	Зощенко М.М.	Щербаков А.С.	1944	1
	Зощенко М.М.	Жданов А.А.	1946	1
	Зощенко М.М.	Маленков Г.	1946	1
	Ахматова А.А.	Сталин И.В.	1935	1

	Адресант	Адресат	Дата	Кол-во писем
1950–1980-е годы	Пастернак Б.Л.	Хрущёв Н.С.	1962	1
	Некрасов В.Н.	Владыкин Г.И.	1962	1
	Некрасов В.Н.	Суслов М.А.	1964	1
	Катаев В.П.	ЦК	1962	1
	Твардовский А.Т.	ЦК	1954	1
	Твардовский А.Т.	Президиум ЦК	1954	1
	Твардовский А.Т.	Хрущёв Н.С.	1954	1
	Твардовский А.Т.	Фурцева Е.А.	1960	1
	Письмо 62 писателей	Президиум XVIII съезда КПСС	1965	1
	Шолохов М.А.	Воронин Г.И.	1963, 1970	1
	Шолохов М.А.	Совет министров РСФСР, председатель Совмина т. Полянский	1962	1
	Шолохов М.А.	Брежнев Л.И.	1968	2
	Высоцкий В.С.	Степаков В.И.	1968	1
Высоцкий В.С.	Демичев П.Н.	1973	1	

Письмо-декларация

	Адресант	Адресат	Дата	Кол-во писем
XIX век	Тютчев Ф.И.	Николай I	1843, 1845	2
	Герцен А.И.	Александр II	1855, 1857, 1865	3
	Герцен А.И.	Императрица Мария Алексеевна	1858	1
	Чернышевский Н.Г.	Коллективное письмо А.А.Суворову	1861	1
	Чернышевский Н.Г.	Записка редакции журнала «Современник» (о преобразовании цензуры)	1862	1
	Чернышевский Н.Г.	Письма без адреса	1862	5
	Достоевский Ф.М.	наследный цесаревич Александр Александрович	1873, 1876	2
	Толстой Л.Н.	Александр III	1879	1
	Толстой Л.Н.	Николай II	1901, 1902	2
	Толстой Л.Н.	Столыпин П.А.	1907, 1908, 1909	4
1920–1950-е годы	Богданов А.А.	Луначарский А.В.	1917	1
	Богданов А.А.	Бухарин Н.И.	1921	1
	Богданов А.А.	Дзержинский Ф.Э.	1923	1
	Богданов А.А.	Ярославский Е.	1923	1
	Булгаков М.А.	Правительство СССР	1930	1

	Адресант	Адресат	Дата	Кол-во писем
1950–1980-е годы	Злобин С.П.	Хрущёв Н.С.	1954, 1963	3
	Солженицын А.И.	IV Всесоюзный съезд союза писателей	1967	1
	Солженицын А.И.	Член СП СССР	1968	1
	Солженицын А.И.	Открытое письмо Секретариату СП РСФСР	1969	1
	Солженицын А.И.	Письмо вождям Советского Союза	1973	1
	Владимов Г.Н.	Андропов Ю.В.	1983	1

Основной корпус *писем-дифирамбов / благодарностей / творческих отчетов* приходится на XX в. (5 авторов с 7-ю письмами), точнее, на его первую половину (в XIX в. написан только один текст данной жанровой разновидности; отметим, что в этом письме выражалась благодарность за конкретное действие адресата и не содержалось ни философских обобщений о природе власти, ни мифологизации адресата; во второй половине XX в. не было создано ни одного подобного письма). Кроме того, в глаза бросается то, что почти все (а из проанализированных нами – все) письма-дифирамбы XX в. адресованы И.В. Сталину. Нам представляется, что это связано с особенностями восприятия личности вождя. Он воспринимался как вождь партии, хозяин страны, вершитель судеб, высший судья, наделённый мистическими качествами, великий человек, мудрый правитель, чья миссия сближается с миссией поэта, добрый, справедливый человек.

	Адресант	Адресат	Дата	Кол-во писем
XIX век	Чехов А.П.	К.Р.	1901	1
1920–1950-е годы	Пастернак Б.Л.	Сталин И.В.	1936	1
	Корнейчук А.Е.	Сталин И.В.	1942	1
	Шолохов М.А.	Сталин И.В.	1939	1
	Ларри Я.Л.	Сталин И.В.	1940	1
	Толстой А.Н.	Сталин И.В.	1943	3

В жанре «письма царю» было создано два *инвективных текста* двумя авторами. «Расцвет» писем-инвектив пришелся на XX в. (3 автора с 43-мя письмами в первой половине и 4 автора с 10-ю письмами во второй половине столетия). Видимо, причина этого в том, что Царь воспринимался как помазанник Божий: независимо от политических пристрастий и отношения к личности конкретного правителя к властям писали чаще в жанре писем-деклараций (с изложением несогласия в каких-то вопросах, с разъяснением своей позиции), нежели в жанре инвектив (с обвинением). В XX в. содержательный и эмоциональный спектр писем-инвектив меняется: от критики действий властей начала 1920-х гг. авторы писем переходили к обвинительной речи в адрес главного властителя в открытом письме ему конца 1930-х гг. и 1960–1980-х.

	Адресант	Адресат	Даты	Кол-во писем
XIX век	Цебрикова М.К.	Александр III	1889	1
	Короленко В.Г.	Филонов	1906	1
1920–1950-е годы	Короленко В.Г.	Раковский Х.Г.	1919 – 1921	34
	Короленко В.Г.	Луначарский А.В.	1920	1 + 6
	Раскольников Ф.Ф.	Сталин И.В.	1931	1
	Фадеев А.А.	ЦК	1956	1
1950–1980-е годы	Владимов Г.Н.	Президиум IV Съезда писателей СССР	1967	1
	Владимов Г.Н.	Правление Союза писателей СССР	1977	1
	Солженицын А.И.	Секретариат правления СП	1967	1
	Солженицын А.И.	Секретариат СП	1967, 1968	2
	Солженицын А.И.	Андропов Ю.В.	1971	1
	Солженицын А.И.	Косыгин А.Н.	1973	1
	Солженицын А.И.	Щелоков Н.А.	1973	1
	Солженицын А.И.	КГБ, экспедитор Полякова	1973	1
	Войнович В.Н.	СП	1974	1

Письма-памфлеты вождю были созданы на заре советской власти (4 текста, написанные 2 авторами), когда цензура еще была относительно мягкая, и на закате коммунистического режима, когда строгости сталинского периода были уже давно позади (1 текст 1 автора). Кроме того, наше исследование показало, что писем-памфлетов царю написано не было. Видимо, причина этого в восприятии царской власти, о чем мы писали выше: царь воспринимался как помазанник Божий и поэтому откровенно высмеивать власть было не принято.

	Адресант	Адресат	Даты	Кол-во писем
1920–1950-е годы	Аверченко А.Т.	Ленин В.И.	1918, 1921	2
	Маяковский В.В.	Луначарский А.В.	1919, 1920	2
1950–1980-е годы	Войнович В.Н.	Брежнев Л.И.	1981	1

Отдельная тема наших исследований – **образ адресата** писем. Коротко суммируя наши наблюдения, отметим следующее.

В XIX в. существовал особый канон, особые правила создания писем на монаршее имя. Эти правила предполагали, в частности, верноподданический тон текстов с каскадом смиренных извинений за дерзость и смелость и выражений «беспредельной любви» и «благоговеющего уважения» к императорскому величеству со стороны «благодарного и преданнейшего слуги». Целый ряд писателей в своих обращениях царям следовали этим канонам (А.С. Пушкин – Александру I и Николаю I, Н.В. Гоголь – Николаю I, Ф.М. Достоевский – Александру I, А.П. Чехов – К.К. Романову). Следует особо отметить, что для Пушкина, Гоголя и Достоевского соблюдение канонов не было лишь данью определенным правилам – тре-

бованиям слога, вежливости или чего-то еще. Так, исследователи небезосновательно утверждают, что Пушкин и Гоголь были убежденными монархистами¹. На наш взгляд, именно в текстах Пушкина (в первую очередь), Гоголя и Достоевского отражен религиозный взгляд на природу власти. В случае с Чеховым мы не можем с уверенностью судить о его политических воззрениях, поэтому осмелимся предположить, что Антон Павлович при написании письма следовал существующей традиции, чтобы подчеркнуть свое уважение к адресату. Принципиально иная картина в письмах А.И. Герцена Александру II и Н.Г. Чернышевского Александру II. В представлении Чернышевского император – это политический оппонент, а не помазанник Божий. Это отношение к адресату выражено, в частности, и на формальном уровне посланий Чернышевского: не соблюдены существующие правила составления такого рода текстов. Не соблюдались правила и в письмах Герцена, для которого император то персона, равная Христу, то кровавый деспот. Не следовал правилам и Л.Н. Толстой – потому, что он обращался к царям с официальными записками (мы имеем в виду письма-просьбы Александру III и Николаю II); если же говорить о собственно письмах, он относился к царю то как к подозреваемому, который должен оправдываться (Александр II), то как к простому человеку (пусть и высокопоставленному) и христианину (Александр III), то как к сотоварищу, христианину и брату, которого обманывает лживое окружение и которому необходимо напомнить о христианском призвании (Николай II).

Анализируя первую половину XX в., мы получаем следующую картину. Можно условно отметить два психологических «полюса» образа адресата, персонифицированные соответственно Луначарским и Сталиным; с одной стороны, нарком просвещения, интеллигент, представитель «ленинской гвардии», писатель и критик; с другой – вождь партии, хозяин страны, вершитель судеб, лицемерный тиран. Однако отметим, что восприятие и Луначарского, и Сталина довольно разнообразно: Луначарский – большевистский министр, отвечающий за культуру и просвещение, а значит, проводящий политику огосударствления, – и писатель, человек, интеллигент; вместе с тем он «свой». Бесконечно многолик в письмах писателей «наверх» образ Сталина: это тиран, сатрап, высший судья, наделенный мистическими качествами, просто высокое официальное лицо, великий человек, достойный иметь личного писателя, мудрый правитель, чья миссия сближается с миссией поэта, добрый, справедливый человек, рачительный хозяин и дальновидный руководитель. Кроме того, среди адресатов писем есть и образ оппонента иного рода – это недоброжелательный оппонент, подающий идеи или личность автора письма в заведомо извращенном виде (Н. Бухарин и Е. Ярославский); образ Ленина, создающийся в письмах Аверченко, близок персонажу сатирической литературы.

Материал второй половины XX в. дает нам следующую картину: официальное лицо, последняя надежда на восстановление справедливости; официальное лицо, глава компартии (Хрущёв); человек, позорящий свою страну; бездарный графоман; человек, уклоняющийся от принятия решения (Брежнев); властолюбивое, держащееся за марксизм «лицо» (вожди Советского Союза).

В XX в. исчезает религиозное измерение власти, адресат – что и понятно – уже не мыслится как помазанник Божий. Зато с наступлением советской эпохи адресат мог восприниматься как тиран (чего не было в XIX в., хотя отношение к кон-

¹ *Непомнящий В.С.* Пушкин. Русская картина мира. М., 1999; *Воронаев В.А.* Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. М., 2002.

кретному царю могло быть самым разным). В XX в. появилось также отношение к адресату как к недоброжелательному оппоненту (в XIX в. адресат мог восприниматься как оппонент, но без отрицательной оценки), стало допустимо сатирическое осмеивание адресата. К царям значительно реже, нежели к вождям, обращались как к исключительно официальному лицу.

ЛИТЕРАТУРА

Воропаев В.А. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки. М., 2002. 208 с.

Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира. М., 1999. 542, 1 с.

Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920–1950-е гг.). М.: АИРО-XXI, 2008. 168 с.

Суровцева Е.В. Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2011. 164 с.

Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950–1980-е гг.). М.: АИРО-XXI, 2010. 128 с.

Суровцева Е.В. Писатели и властители: на материале их переписки: Сб. статей. Saarbrücken, 2013. 132 с.

REFERENCES

Voropaev V.A. (2002) Gogol's pondering over the Pages of Spiritual Books: Popular-scientific Essays. Moscow. 208 p.

Непомнясчы V.S. (1999) Pushkin. Russian Picture of the World. Moscow. 542, 1 p.

Surovtseva E.V. (2008) Genre of «letters to the Leader» in the Totalitarian Era (1920s – 1950s). Moscow. AYRO-XXI Publ. 168 p.

Surovtseva E.V. (2011) Genre of «letters to the Tsar» in the XIXth – early XXth century. Moscow. AYRO-XXI Publ. 164 p.

Surovtseva E.V. (2010) Genre of «letters to Chief» in Soviet Era (1950s – 1980s). Moscow. AYRO-XXI Publ. 128 p.

Surovtseva E.V. (2013) Writers and Rulers: based on the material of their Correspondence. Collection of articles. Saarbrücken. 132 p.

Сведения об авторе:
Екатерина Владимировна Суровцева,
канд. филол. наук
научн. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Surovtseva,
PhD
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
surovtseva-ekaterina@yandex.ru

Word Formation Patterns of Academic Discourse in the Literary Genre of Science Fiction

Аннотация: Автор рассматривает проблему продуктивного словообразования на пересечении языка науки и художественной литературы, в частности, то, как авторы научно-фантастических произведений создают собственные окказионализмы, намеренно используя словообразовательные модели, характерные для языка академической прозы. В ходе изучения словообразовательных процессов были исследованы неологизмы и окказионализмы из художественных произведений Ф.К. Дика и О. Хаксли, определена их коммуникативная функция и связь с естественными науками, изучены механизмы взаимодействия продуктивного словообразования и научного типа дискурса.

Ключевые слова: научный английский язык, словообразование, научная фантастика, сложные слова, суффиксация, окказионализмы, словообразовательные модели, псевдотермины

Abstract: The article deals with the problem of dynamic word-formation in academic and literary discourse, in particular, unique neologisms and occasionalisms that were intentionally created by science fiction authors to resemble scientific and technical terms. Lexemes and word-combinations from the works of P.K. Dick and A. Huxley were analysed, as well as their communicative function and their connection with scientific disciplines and the relationship between dynamic word-formation and academic discourse.

Key words: academic English, word-formation, science fiction, compound nouns, suffixation, occasionalisms, word-formation patterns, pseudo-terms

The study of the interaction between academic language and the language of fiction is becoming increasingly more important in the light of the growing popularity of the *science fiction* genre. Dynamic word-formation is actively used in fiction as well as in academic prose. However, the functions it performs in each case are rather different: a wide-spread use of scientific neologisms serves as a mode for describing new ideas and concepts, whereas the new lexical formations used in the *belles-lettres* style generally contribute to the creation of 'believable' fiction.

The importance of studying word-formation as item-and-process can be explained by the historical development of morphological processes. The types of discourse with-

in which certain affixes and word-formation patterns regularly function have considerable influence on their correlation, productivity and frequency of occurrence.

The literary genre of science fiction deals with a description of situations that can be presented as non-existent, although hypothetically possible in objective reality. It should be remembered that one of the goals of science fiction authors is the creation of the so-called '*probability illusion*' [4], and that there are many different ways of creating and maintaining this effect, including linguistic means. Creating new lexical items on the basis of well-known word-formation patterns, which are often used to form new scientific terminology, contributes to the desirable stylistic effect. The '*pseudo terminology*' introduced by the author may often be used alongside actual scientific terms, however, terms proper, when used in a fictional text, undergo an *aesthetic transformation* [2: 288].

The effect known as 'probability illusion' plays a vital role in the genre of science fiction. Here is a particular mode of introducing fantastic elements into the text outline. According to E.N. Kovtun, «Rational fantastic fiction tries to 'hide' fictional elements, to present fantastic events as 'hypothetically possible', to convince the reader that all characters are 'ordinary people'» [4: 198]. The fictional element of fantastic texts is raised to the premise of rational character. The 'impossible' is explained through fictional 'natural' laws or technical inventions [4: 61].

Academic prose, conversely, establishes the verbal environment required for active production of neologisms. «New concepts, which emerge as a result of academic research, demand special terms to denote them. <...> Academic style can always be regarded as a source of new lexemes, word combinations and new meanings of existing words» [2: 352]. As for science fiction, it should be regarded as a secondary field of term functioning. In this genre, as well as in popular scientific literature, terms are only used alongside non-terminological vocabulary for «decoration or embellishment» [5: 82].

Although scientific terminology is, to a certain extent, a 'prototype' of neologisms and occasionalisms created in science fiction, it manifests a different communicative intent. '*Pseudo terms*' emerge and function within a genre that is primarily associated with the speech function of aesthetic impact and not the function of message. Their main objective is to imitate a certain message, to create an effect of verisimilitude, while 'terms proper' perform a different function – to adequately deliver the essence of a described phenomenon in all diversity of its characteristics. While '*pseudo terms*' follow the same word-formation patterns as academic terminology, their ultimate goal is to create an effect of emotional impact.

One of the most frequent word-formation patterns in academic writing is the 'Noun + Noun Compound' model: most lexemes found in modern terminological dictionaries have been created on the basis of this pattern. Compounds like '*brain death*' (medicine), *language laboratory* (linguistics), *aversion therapy* (psychology) play an important role in academic disciplines. A variant of this model, the 'Proper Noun + Common Noun' pattern, is extremely productive in modern English. It is especially common in academic discourse, where many of these formations function as terms. We can adduce numerous examples, such as *Duchenne dystrophy* (a medical term for a type of muscular dystrophy), *Eaton agent* (a biological term meaning a microorganism that is the causative agent of primary atypical pneumonia), *Lie algebra* (a term from the domain of mathematics: Lie algebras are algebraic structures which were introduced to study the concept of infinitesimal transformations), *Markov chain* (another mathematical term, a mathematical system that undergoes transitions from one state to another on a state space), etc. The

‘common noun’ part of the lexical item often goes back to the name of the researcher who described or invented the phenomenon denoted by the term. It is not surprising, therefore, that this pattern is also frequent in literary texts if the author’s objective is to create the effect of scientism. In the world of science fiction ‘pseudo terms’ can go back to names of real scientists as well as names of fictional characters. For example, «**Penfield mood organ**», the first ‘pseudo term’ found in Philip K. Dick’s novel «Do Androids Dream of Electric Sheep?» (1966), is a complex compound where ‘Penfield’ functions as a modifier and ‘mood organ’ as a compound head of the whole structure: «*A merry little surge of electricity piped by automatic alarm from the **mood organ** beside his bed awakened Rick Deckard*» [8: 1].

The ‘Proper Noun + Common Noun’ pattern can be found throughout the text of P.K. Dick’s novel. Examples include such terms as ‘**Voight Empathy Test**’ and ‘**Voight-Kampff Empathy Test**’: «*But then the **Voigt Empathy Test** had been devised by the **Pavlov Institute** working in the Soviet Union*» [8: 23]. The fictional tests described as psychological methods of distinguishing people from ‘androids’ contributed to the leitmotif of empathy, which is one of the central ideas of the novel. In order to develop a believable fictional reality, the author chooses to describe scientific methodology as well as scientific progress. Thus, Lurie Kampff, the co-designer of the ‘Empathy Test’, is said to be the author of several other works: «*The consensus of police opinion is known to you in **Lurie Kampff’s article**, written eight years ago. “Role-taking blockage in the Undeteriorated Schizophrenic*» [8: 36].

Suffixation is another word-formation pattern that is known as one of the most productive techniques in modern English. It is widely used to create **eponyms**, which makes it essential for term development. Terminological studies have revealed the popularity of this model in various disciplines. Thus, the verb ‘**to pasteurize**’ was formed in 1881 from the name of Louis Pasteur, a French chemist and microbiologist, with the help of the suffix *-ize*. The noun ‘**Darwinism**’ originates from the name of Charles Darwin. It came into the language in 1864 and was formed with the help of the suffix *-ism*.

Suffixation is also extremely productive in literary texts, for example, it is extensively used to create ‘*pseudo eponyms*’ in science fiction. In Aldous Huxley’s novel «*Brave New World*» fictional names serve as a supposed source of several pseudo terms. The name of **Bokanovsky** and the biotechnological breakthrough that was stimulated by the character’s discovery are seen as an important part of the novel’s world. The nominative complex ‘**Bokanovsky’s process**’ becomes the basis for new lexemes, created with the help of suffixation: «“**Bokanovsky’s Process**”, repeated the Director, and the students underlined the words in their little notebooks. <... > One egg, one embryo, one adult – normality. But a **bokanovskified** egg will bud, will proliferate, will divide. <...> “Essentially,” the D.H.C. concluded, **bokanovskification** consists of a series of arrests of development» [9: 7].

The suffix *-fy* and its variant, *-ify*, can also be regarded as quite productive: recent formations include such verbs as **detoxify**, **gentrify** and **webify**. The suffixal element *-fication* is widely used to create new terminology, for example, such nouns as **reification** (1846) and **desertification** (1973). Huxley prefers the word-formation patterns which appear familiar and ‘scientific’ to the reader – however, the author makes the structure of his occasionalisms extremely complex, introducing deliberate grotesque elements into the lexeme.

As can be observed, dynamic word-formation is marked by the function of impact in different styles and genres. However, the communicative intent that it realises is re-

markably different in each type of text. In literary texts, metaphoric word play is often used for creating an aesthetic impact or an effect of unexpectedness and originality. In academic literature, neologisms function as elements responsible for the function of message. The genre of science fiction combines the two intents and brings in a new perspective – a science-like believable description with an enhanced ‘intellectual factor’. The multi-functionality of word-formation patterns creates an opportunity for expanding their productive potential.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 447 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка: Опыт систематизации выразительных средств. 2-е изд., испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 376 с.
3. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения: Вопросы методологии. 2-е изд., испр. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 276 с.
4. Ковтун Е.Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000. 304 с.
5. Лейчик В.М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. 1990. № 3. С. 80–87.
6. Мухортов Д.С. Вариативность значения слова в функционально дифференцированной речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 207 с.
7. Bauer L. English Word Formation. Cambridge University Press, 1983. 311 с.
8. Dick P.K. Do Androids Dream of Electric Sheep? Gollancz, 2010. 208 с.
9. Huxley A. Brave New World. Vintage, 2004. 229 с.

References

1. Britikov A.F. (1970) Russian Soviet Science-Fiction Novel. L.: Nauka Publ. 447 p.
2. Galperin I.R. (2012) Essays On English Stylistics: an Attempt to Systematize Figures of Speech. 2nd ed. Moscow. Knizhnyj dom LIBROKOM. 376 p.
3. Gvishiani N.B. (2008) The Language of Academic Communication: Methodological Problems. 2nd ed. Moscow. LKI Publ. 276 p.
4. Kovtun E.N. (2000) Types and Functions of fictional conventionality in European Literature of the First Half of the XXth c.: PhD thesis. Moscow.
5. Leichik V.M. On the Peculiarities of Terms' Function in the Text. *Philological Disciplines*. 1990. No 3, pp. 80–87.
6. Mukhortov D.S. (2003) The Variability of Word Meaning in the Functionally Differentiated Speech: PhD thesis. Moscow. 207 p.
7. Bauer L. (1983) English Word Formation. Cambridge University Press. 311 p.
8. Dick P.K. (2010) Do Androids Dream of Electric Sheep? Gollancz. 208 p.
9. Huxley A. (2004) Brave New World. Vintage. 229 p.

Сведения об авторе:
Наталья Сергеевна Берсенева,
Аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia S. Berseneva,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natalijaberseneva@yandex.ru

С.А. Кожина

Полемика с соцреалистическим канонем в ранней прозе Б. Грабала и Й. Шкворецкого

Аннотация: В статье анализируются коренные изменения, характерные для поэтики произведений 1960-х гг., в сравнении с произведениями предшествующего периода господства метода соцреализма. Материалом послужили рассказы Б. Грабала (сборник «Жемчужинки на дне» 1963 г.) и роман Й. Шкворецкого («Малодушные» 1958 г.). Данные тексты, написанные в конце 1940-х – начале 1950-х гг., позволяют увидеть, какие особенности литературного процесса 1960-х гг., не получившие последовательного выражения в текстах 1950-х гг. в связи с процессом политизации культуры, начали развиваться уже сразу после 1948 г. Анализ проведен по ряду критериев, в которых, на наш взгляд, наиболее отчетливо проявилась полемика с канонем социалистического реализма: модальность повествования (поэтика и композиция), образ героя и язык.

Ключевые слова: История зарубежной литературы, чешская литература, XX век, соцреалистический метод, 60-е годы, Б. Грабал, Й. Шкворецкий

Abstract: The article examines some fundamental changes which can be found in the poetics of works of the 60s in comparison with the works of the previous period of Socialist Realism. The material of this article is based on a story by B. Hrabal (collection „Pearls of the Deep“ 1963) and the novel by J. Škvorecký („The Cowards“, 1958). The fact that these texts were written in the late 40's and early 50's, helps us to trace what kind of processes began immediately after 1948, but didn't get a consistent maturity in the texts of 50's because of culture politicization. The analysis was carried on a number of criteria in which, in our opinion, more obviously the controversy with the canon of socialist realism was shown. They are modality of narration (poetics and composition), the image of the hero, and language.

Key words: History of foreign literature, Czech literature, XX century, socialist realism, 60's, B. Hrabal, J. Škvorecký

Многие исследователи чешской литературы 1960-х гг., анализируя изменения, происшедшие в проблематике, композиции и в поэтике текстов, отмечали, что в это время чешская литература продолжила развивать многие процессы, актуальные для межвоенного периода и первых лет после Второй мировой войны, но прерванные революцией 1948 г. (см. [Zlatá šedesátá 1999]). В этой связи кажется симптома-

тичным и то, что многие произведения, написанные в середине – конце 1940-х гг., были не только опубликованы в 1960-е гг., но и приобрели невероятную популярность у читателя. Одними из них были отобранные нами для анализа произведения Б. Грабала (сборник «Жемчужинки на дне» 1963 г.) и Й. Шкворецкого («Малодушные» 1958 г.). Точную дату написания каждого произведения установить трудно. Так, например, сборник Грабала, в котором были собраны произведения 1940-х гг., в том числе рассказ «Жаворонки на нитке» (1959 г.) был рассыпан в печати. Рассказы из этого сборника и были опубликованы в «Жемчужинке на дне», но установить точную датировку каждого из них достаточно проблематично. Что касается романа Шкворецкого, то известно, что автор начал работу над ним уже в 1948 г. Рукопись была окончена в сентябре 1949 г. [Jak vznikali Zbabělci 2008].

В своей статье мы хотели бы показать не только те изменения, которые привнесли в литературу произведения 1960-х гг., но и закономерности поэтики тех лет, которые свидетельствовали о восстановлении естественного литературного процесса и возвращении чешской литературы в общеевропейский контекст. Для этого мы хотели бы провести сравнительный анализ произведений 1960-х гг. с произведениями социалистического реализма по ряду критериев, в которых, на наш взгляд, наиболее ярко проявилась полемика с каноном. Конечно, предложенная нами для этого попытка систематизации соцреалистической эстетики схематична и не охватывает весь арсенал метода, однако анализ произведений 1960-х гг. по этим аспектам поможет определить, какие именно качественные сдвиги произошли в композиции, системе персонажей и общей поэтике текстов.

1. Модальность повествования

Новая эстетика конца 1940-х гг. основывалась на классическом реализме XIX в. Однако за реалистичностью действия скрывалось выражение совершенно определенных идей. Соцреализм стремился к созданию образца для действительности – того, «как должно быть». По своим стилистическим особенностям и средствам выразительности произведения возвращались к уже сконструированному прошлому: народным мотивам в поэзии и изобразительном искусстве, «неоклассицистическим», историческим элементам [Соцреалистический канон 2000: 11]. Подобные установки превращали произведения в выверенный до мелочей конструкт.

Коренные изменения стали возможны только после перемен в политической сфере. В ответ на это уже в 1953–1954 гг. развернулась критика схематизма и догматизма в литературе. Восстановленное жанровое многообразие способствовало принесению в литературу ранее запрещенных тем и расширило влияние субъективных пристрастий авторов. Начался процесс поиска новых художественных средств и приемов, которые бы смогли зафиксировать сменяющие друг друга с невероятной скоростью события. С 1960-х гг. в произведениях входит прием коллажа и монтажа.

Именно этот прием, заимствованный у сюрреалистов, лег в основу поэтики Б. Грабала 1960-х гг. В эти годы в свет выходят сборники ранних произведений автора, 1940-х гг., которые в свое время не были допущены к печати. Главным в использовании приема коллажа для Грабала оставалось стремление передать картину «живой», бесконечно изменяющейся жизни. Рассказы Грабала становились «карнавалом», где тесно переплетаются, дополняя друг друга, мотивы радости и печали, смерти и рождения.

Это естественным образом находило отображение в композиции произведений. Так, рассказ «Обманщики» полностью лишен авторских ремарок и состоит целиком из диалога двух действующих лиц, которые рассказывают друг другу разрозненные воспоминания их прошлой жизни. Один из героев выдает себя за известного оперного певца, второй – за популярного журналиста. Грабал как будто просто записывает реплики персонажей, не делая никаких ремарок. Это попытка полного отстранения автора от повествования. Каков мир вокруг героев, мы можем представить, основываясь только на их абсурдном и болезненном восприятии:

– Дружище, может, медсестру позвать?

– Нет-нет, что угодно, но только не это. «Принцесса чардаша» – вот где у меня была коронная роль! Я ведь и женился так же, как Бони. Когда после войны мясо было только по карточкам, одна знатная дама предложила мне карточек на шесть килограммов, и я, как только вообразил себе всю эту мясную грудку, тут же при свидетелях написал на бумажной салфетке обещание жениться на этой даме. И таки сдержал свое слово! «Сотни райских ангелочков, я влюблен, я влюблен!..» [Грабал Б. 2010: 92]

Для Грабала примечательным остается то, что истина жизни открывается именно в абсурдном сочетании, казалось бы, несочетаемых явлений. Однако за видимой хаотичностью расстановки разрозненных элементов сюжета скрывается продуманное их выстраивание с целью создания общей картины мира.

В контексте 1960-х гг. коллаж приобрел еще один специфический оттенок: Грабалу удалось путем дробления действия на сегменты лишить произведение однозначности, единственно правильного понимания. Это противоречило общей установке соцреалистической эстетики на дидактизм и создание единственно верной инструкции к жизни.

В сравнении с рассказами Грабала роман Й. Шкворецкого «Малодушные» (1958 г.) кажется классическим по композиции и поэтике: повествование охватывает 8 дней народного восстания против фашистской оккупации в мае 1945 г., в котором каждый день образует отдельную главу. В целом, можно сказать, что по выбранной автором типичной тематике борьбы против фашистских оккупантов и классической композиции роман мог считаться лишь примером реформ в каноне социалистического реализма. Однако первое его издание в 1958 г. обернулось настоящим скандалом. Роман был назван «оскорбляющим священные для общества понятия и оскверняющим честь Красной армии» [Škvorecký J. 1964: 7]. Он вскоре был запрещен и изъят с рынка. Роман вернулся к читателю в сильно измененном варианте только в 1964 г.

Основным объектом критики стало то, под каким углом преподносятся великие исторические события. Шкворецкий сделал повествователем молодого, двадцатидвухлетнего идеологически не подкованного юношу, увлекающегося английским языком, девушками и джазом. Отдавая все повествование своему «неидеальному» с точки зрения официальной идеологии герою (роман написан в *ich-forme*), Шкворецкий полностью исключает из текста фигуру объективного повествователя. Всеведущий повествователь конца 1940-х – начала 1950-х гг. не только формировал портреты персонажей, но и вел всё действие к определенному, однозначно желаемому финалу. Под углом зрения главного героя Дании повествование превращается в калейдоскоп отдельных индивидуальных судеб, частных элементов, обрывков. Шкворецкому удалось благодаря такому неявному, но все же дроблению сюжета на отрывки, выхватываемые из общего потока жизни про-

стым, не лишенным изъянов человеком, превратить текст в обобщение. Разрозненные элементы объединяются в образ городка в конце войны и, что еще более важно, собирательный образ юношества [Kosková H. 1996: 70].

Переход к персонифицированному рассказчику, непосредственному участнику событий, способствовал демифологизации произведения. Появлялась возможность существования нескольких точек зрения на происходящие события, и, как следствие, неоднозначность трактовки. Таким образом, и в рассказах Грабала, и в романе Шкворецкого обнаруживается общее стремление к преодолению дидактизма в литературе, отказ от создания «образца», переход к созданию коллажа из элементов реальности, утверждению возможности существования множества точек зрения.

2. Образ героя

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. неотъемлемым атрибутом персонажа являлся героизм в прямом смысле этого слова: герой – человек, совершающий героические поступки [Соцреалистический канон 2000: 13]. Во многом именно на этом зиждился открытый дидактизм соцреалистических произведений: следуя своему стремлению создавать образец для действительности, они находили в портрете персонажа реализацию такого образца. В герое соцреалистического произведения изначально заложены все необходимые и «правильные» черты.

Герои Грабала, напротив, многоплановы, они лишены изначально заданных характеристик. Они – дети, наблюдающие за миром отстраненным взглядом, лишенным навязанных оценок и суждений. Уже в продемонстрированном нами отрывке наблюдается комичное несовпадение ожидаемой оценки событий с оценкой, которую дают персонажи. Они как будто живут в ином пространстве, где действуют другие законы. В некотором смысле это действительно так: в портретах грабаловских героев словно сливаются воедино все мелкие черточки, составляющие сущность каждого реального человека, гиперболизируются и творят некую «над-личность».

Возвращаясь к портрету Данни в романе Шкворецкого, нужно отметить его молодость. Шкворецкий сделал главным героем молодого человека не случайно. Конечно, сыграла свою роль фигура самого автора, которому на момент написания романа исполнилось двадцать четыре. Но всё же главным остается то, что молодость дает Данни преимущество, объединяющее его с героями Грабала: он не имеет изначально заложенной в него центральной идеи. Автор не наделил его знанием «как нужно», а дал полную свободу искать себя. При выборе пути или принятии решения Данни руководствуется эгоистичными мотивами. Как все молодые люди, он подсознательно сопротивляется любому моральному давлению со стороны взрослых. Инстинкт молодого человека дает ему возможность наблюдать за тем, что делают «взрослые» со стороны, обнаруживая комичные, а иногда и просто фальшивые моменты их поведения: «Они выглядели, скорее, как клуб туристов, приготовившийся к общему турпоходу. Но это была армия. Это были повстанцы. Ничего не поделаешь. Во главе армии стоял полковник Чемелик, а главнокомандующим был доктор Шабата. Это была армия» [Škvorecký J. 1964: 91].

3. Язык

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. на передний план вышел нейтрально-книжный стиль. До середины 1950-х гг. использование обиходно-разговорного языка в произведении служило созданию, как правило, негативной характеристики персонажа (см. [Соцреалистический канон 2000: 556–557]). Однако уже с сере-

дины 1950-х гг. произошло резкое изменение отношения авторов к нелитературным формам существования языка.

Стирание границы между высоким и низким, литературной нормой и разговорными элементами позволило Грабалу создавать в своих рассказах причудливые языковые контрапозиции. Язык становится способом «фотографирования» действительности, передачи «живой жизни» во всей ее полноте.

Несколько большую нагрузку несут элементы обиходно-разговорного языка у Шкворецкого. Язык для него становится средством разрушения идиллической картины мира, фальшивого героизма – способом открытия истины. Таким «борцом за истину» и становится Данни. Инстинкт молодого человека помогает ему обнаружить внутреннюю пустоту слов, ощутить, что большая часть из них не более чем маски: «Я вспомнил о несчастном Гробе, который так послушно стоял в очереди на запись в армию, а потом остался неподвижно лежать в траве. Если кто-нибудь, так только он чего-то стоил. Но мне не хотелось говорить о нем только как о патриоте. Он этого не заслужил. Патриоты были Юнгвирт и Махачек, и Калдон, и те, другие. Те, у кого был патент, позволяющий им это. Но Гроб не был. Он был что-то лучшее» [Škvorecký J. 1964: 330]. По сути, герой не имеет ничего против того, чтобы быть патриотом: он лишь видит, что под видом одного слова скрывается совершенно иное понятие.

Описывая специфику литературы 1960-х гг., мы обращались к некоторым приемам и средствам, заимствованным из литературы межвоенного периода, таким как сюрреализм, и связанным с ними технике коллажа и монтажа, нарушению традиционной схемы композиции и т. д. Трансформации, которые претерпели эти элементы в 1960-е гг., могут стать материалом для дальнейшего исследования. На наш взгляд, нельзя прямо провести параллель между произведениями, написанными, но не изданными в конце 1940-х гг., и произведениями, рожденными уже в 1960-е гг., однако определенное сходство в них довольно легко обнаружить. Объясняется это именно тем, что эти произведения были как бы законсервированы более чем на десятилетие, а ворвавшись в поток каноничных произведений 1950-х гг., привнесли в литературный процесс многие сохраненные в них тенденции, которые будут развиваться в течение последующего десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

Грабал Б. 2010 – *Грабал Б., Bambini di Praha 1947: Повесть, рассказы* / Пер. с чеш. И. Безруковой. М.: Калганов, 2010. 122 с.

Соцреалистический канон 2000 – Соцреалистический канон: сб. науч. ст. / Общ. ред.: Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Jak vznikali Zbabělci 2008 – *Jak vznikali Zbabělci* [elektronický přístup: <http://dejinyasoucasnost.cz/archiv/2008/12/jak-vznikali-zbabelci/>] // *Dějiny a současnost*. Praha, č. 12. 2008.

Kosková H. 1996 – *Kosková H. Hledání ztracené generace*. Praha: Nakladatelství a vydavatelství Komenského, 1996. 223 s.

Škvorecký J. 1964 – *Škvorecký J. Zbabělci*. Praha: Československý spisovatel, 1964. 356 s.

Zlatá šedesátá 2000 – *Zlatá šedesátá. Česká literatura, kultura a společnost v letech tání, kolotání a... zklamání: materiály z conference pořádané Ústavem pro českou literaturu AV ČR 16. – 18. Června 1999 v Praze*. Praha: ÚČL AV, 2000. 420 s.

REFERENCES

Hrabal B. 2010 – Hrabal B. *Bambini di Praha 1947: Tale, Stories / Translate from Czech* I. Bezrukova. Moscow. Kalganov Publ. 2010. 122 p.

Canon of Socialist realism 2000 – *Canon of Socialist realism: collected articles / (Eds.)* H. Hunter, J. Dobrenko. St.-Petersburg. Academic project Publ. 2000. 1040 p.

Kosková. H. 1996 – Kosková H. (1996) *Hledání ztracené generace*. Praha. Nakladatelství a vydavatelství Komenského 223 s.

Jak vznikali Zbabělci 2008 – *Jak vznikali Zbabělci* [elektronický přístup: <http://dejinyasoucasnost.cz/archiv/2008/12/jak-vznikali-zbabelci/>] // *Dějiny a současnost*. – Praha, č. 12. 2008.

Škvorecký J. 1964 – Škvorecký J. (1964) *Zbabělci*. Praha. Československý spisovatel. 356 s.

Zlatá šedesátá 2000 – *Zlatá šedesátá*. Česká literatura, kultura a společnost v letech tání, kolotání a... zklamání: materiály z conference pořádané Ústavem pro českou literaturu AV ČR 16. – 18. Června 1999 v Praze. Praha. ÚČL AV. 2000. 420 s.

Сведения об авторе:
Светлана Анатольевна Кожина,
студентка
ИФИ ИФФ РГГУ

Svetlana A. Kozhina,
Student
Russian State University for the Humanities
lana-0391@mail.ru

А.В. Лукина

Морская топонимия в олонхо

Аннотация: Автор анализирует названия морей в олонхо П.А. Ойунского «Ньургун Боотур Стремительный»; выявляет способ возникновения топонимов, их место и роль в тексте. На основании анализа сделан вывод, что названия морей возникли в результате психологического переноса своего восприятия на объект, а морские топонимы являются частью тирады «Описание моря», которая входит в состав разных типических мест и выполняет различные функции.

Ключевые слова: олонхо, топонимия, топонимы, пелагонимы, эпос

Abstract: The article contains the analysis of names of the seas in olonkho P.A. Oyunsky's 'Nurgun Bootur Swift'. We identified the origins of names, its place and role in the text. The article leads to the conclusion that the names of the seas are originated in psychological transference by the people from their perception to the subject, marine names are part of the tirade 'Description of the Sea', which is element of the different typical places and it performs various functions.

Keywords: olonkho, toponymy, place names, pelagonimy, epic

Значение олонхо для якутского народа неизмеримо. Народный писатель Якутии Суорун Омоллоон определил олонхо как энциклопедию мудрости, искусства и поэзии якутского народа. Ценность олонхо как постулата творчества заключается в том, что оно представляет истоки литературы, а его образная система в творческом процессе определяется как неиссякаемый «живой родник» национальной поэзии [Сивцева-Максимова: 302].

Олонхо переживает сейчас небывалый подъем интереса: появляются все новые и новые направления изучения. Большое внимание уделяется чрезвычайно богатому языку олонхо: рассматривают эпитеты, сравнения и т. д. Но несмотря на это топонимы в олонхо не становились предметом специальных исследований.

В нашем проекте исследуются морские топонимы, встречающиеся в олонхо П.А. Ойунского «Ньургун Боотур Стремительный». Следует уточнить, что под морскими топонимами мы подразумеваем названия морей, существующих в мифологическом сознании создателей, исполнителей и слушателей олонхо. Ценность таких названий в том, что они хранят в себе образы архетипического порядка.

В отличие от других эпосов, например кыргызского Манаса, в котором около 6000 топонимов, в олонхо их встречается сравнительно мало, а в названном про-

изведении мы находим описания 6 морей. В представлении якута ложем Земли было море Одун (сильное, жестокое), оно же море Сюнг (суровое). В Среднем Мире на западе располагается Араат байкал, а на севере – Ньудулу (бездонное, ненасытное) Уот (огненное) байкал. В Нижнем мире два моря – Уот Кудулу (ненасытное) байкал и Муус (ледяное) Кудулу Байкал. Кроме того, есть море Энсиэли-Кулахай (завывающее-кружащееся), которое описывается в тексте как находящееся вне всех миров.

Анализ морских топонимов показывает, что названия морей имеют ярко выраженный описательный характер. В отличие от других топонимов они построены по четкой формуле: «определение + (определение) + море (байкал)». Их можно назвать пояснительными эпитетами [Веселовский: 59]: в основе лежит один (иногда два) признак, считающийся существенным в предмете. Веселовский предполагает, что «формулы» появляются благодаря культурным механизмам (из хорошей поэзии, элегии и мифов), иногда срабатывает психологический механизм: некоторые «простейшие поэтические формулы могли зародиться самостоятельно», вызванные «психическими процессами» [Веселовский: 101].

В случае морских топонимов в олонхо сработал второй механизм. Моря не являются на самом деле ни «суровыми», ни «огненными», люди невольно переносят на природу свое самоощущение жизни. Таким образом, мы видим, что древние якуты воспринимали море как грозную, суровую стихию. Но впоследствии данные эпитеты превратились в топонимы. Названия морей в олонхо являются примером «окаменения», т. е. «забвения реального смысла эпитета» [Веселовский: 65]. Этот процесс характерен для древнего эпоса.

Названия морей встречаются в тирадах (тирада = формула + формула [Илларионова: 106]), где уточняется их расположение, описываются свойства. Моря представляют враждебные явления: «дышащий бедой», «море мук» и т. д. Моря всегда шумные: «Слышное за девять дней». Моря всегда бескрайние: «Над которым не пролетал никто». В тирадах, посвященных морям, встречаются одни и те же формулы, например «кипящий соленой водой». Свойства, кажущиеся противоположными, – Уот – огненный, Муус – ледяной – часто приписываются одному и тому же морю. Например, на берегу моря Уот Ньудулу «ломает прибой припай ледяной». Таким образом, у разных морей сходный набор свойств, нет четких отличительных черт. Описание образа единого моря представляет собой постоянно повторяющийся элемент. Из чего можно заключить, что эта тирада является повтором (заготовкой). Вариативность формулы «название моря» объясняется устной природой фольклора.

Данные тирады в свою очередь являются составляющим элементом типических мест. Чаще всего описание моря входит в состав типического места «Описание времени и пространства» [Кузьмина: 1266] (Море Одун, Море Араат). Море Муус Кудулу входит в состав типического места «Расправа с противниками (способы уничтожения, укрощения, наказания)». Морские топонимы входят в состав разных типических мест и выполняют разные структурные и семантические функции.

Анализ морских топонимов приводит к следующим выводам. Эпические названия морей являются пояснительными эпитетами. Данные эпитеты-метафоры возникли путем психологического переноса человеком своих мироощущений на восприятие моря. Затем эпитеты утратили свой изначальный смысл. Данный факт свидетельствует о древности этапа создания олонхо. Также отметим, что морские

топонимы входят в состав тирады, условно назовем – «Описание моря». Являясь стабильным набором формул, данная тирада предстает в различных образах: «описание места боя», «описание преграды, встающей на пути» и т. д. Веселовский пишет, что прием повтора обладает конститутивным характером и конструктивными функциями. Таким образом, тирада, содержащая морской топоним, является повтором, а сам топоним – вариативной его частью. Топонимы в качестве формулы в составе тирад являются важными структурно-семантическими элементами текста олонхо.

В дальнейшем интересно было бы рассмотреть названия морей в других олонхо, составить классификацию способов образования, ролей и функций, которые они несут в тирадах и типических местах. Возможно сопоставление с названиями морей в эпохах тюрко-монгольских народов.

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. 408 с.

Илларионова Т.В. Вариативность эпических формул и типических мест в олонхо // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Якутск, 2010. № 4. Т. 7. С. 106–115.

Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест. Новосибирск, 2005. 1383 с.

Сивцева-Максимова П.В. Олонхо и якутская литература // Материалы Международной научной конференции «Якутский героический эпос олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народа мира». Якутск, 2013. С. 299–303.

REFERENCES

Veselovskiy A.N. (1989) Historical Poetics. Moscow. 408 p.

Illarionova T.V. The Variability of Epic Formulas and Typical Places in Olonkho. *Vestnik of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*. Yakutsk. No 4. Part 7, pp. 106–117.

Kuzmina E.N. (2005) The Index of the Typical Places. Novosibirsk. 1383 p.

Sivtseva-Maksimova P.V. Olonkho and Sakha Literature. In: Proceedings of the International scientific conference “Yakut heroic epos Olonkho – a masterpiece of oral and intangible heritage of humanity in the context of the epics of the people of the world”. Yakutsk. 2013. pp. 299–303.

Сведения об авторе:
Айсена Васильевна Лукина,
ассистент
кафедры восточных языков и страноведения
Институт зарубежной филологии и регионоведения
Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова

Aisena V. Lukina,
assistant
Department of Oriental languages and Regional studies
The Institute of Foreign philology and Regional studies
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
aisenalukina@gmail.com

Ю.В. Роговнева

Элементы информативного регистра в репродуктивных текстах-описаниях

Аннотация: Статья посвящена анализу и классификации информативных включений в репродуктивно-описательные тексты, созданные говорящим при прямом наблюдении действительности: описание человека и места.

Ключевые слова: репродуктивный регистр, информативный регистр, описание, наблюдение

Abstract: The article is devoted to the analysis and classification of informative inclusions in reproductive-descriptive texts created by the speaker in direct observation of reality: a description of the person and the place.

Key words: reproductive register, informative register, description, observation

Теория коммуникативных регистров, созданная Г.А. Золотовой, была разработана в основном на материале художественных текстов. В статье предпринята попытка применить положения этой теории к текстам, созданным говорящим на основе прямого наблюдения действительности. Эти тексты были получены в результате нескольких экспериментов, проведенных со студентами различных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова и филологического факультета Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. Студентам предлагалось описать 1) своего соседа по парте; 2) одну из фотографий, на которой изображен человек; 3) станцию метро «Университет»; 4) вход в первый корпус гуманитарных факультетов МГУ. Во всех экспериментах задание формулировалось одинаково: «Опишите то, что вы видите, не выходя из области актуального наблюдения в область знания». Таким образом, сама формулировка задания требовала от говорящего создание текста в репродуктивном регистре, который предполагает воспроизведение сенсорно воспринимаемых признаков, действий, состояний, а говорящий при этом находится в одном хронотопе с изображаемым. Полученные нами тексты отвечают основным критериям репродуктивности.

1) Высокий уровень детализации: описываемый субъект делится на части и с разной степенью подробности описывается каждая часть: *На моем соседе черная футболка с надписью, а поверх нее – клетчатая рубашка в крупную клетку, синие, слегка потертые на коленях джинсы, белые кроссовки фирмы «Адидас».*

2) Актуальное время предиката с семантикой наблюдаемого качества: *У нее на голове цилиндр; На потолке висят люстры.*

3) Сенсорный способ восприятия действительности. В некоторых работах эксплицитно выражена модусная рамка «я вижу, что...»: *На фотографии я вижу девушку, которая одета в мужской костюм; Я спускаюсь по эскалатору и вижу перед собой большое длинное помещение.*

Таким образом, все анализируемые тексты можно считать репродуктивными. Однако на общем фоне репродуктивности в текстах встречаются элементы информативного регистра. «Информативный регистр предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах, поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленные к единому с перцептором хронотопу. Это сфера не прямого наблюдения, а знания, полученного либо в результате неоднократного наблюдения, опыта, узуса, либо в результате логических, мыслительных операций [Золотова и др. 1998: 29]. Если репродуктивный регистр – это непосредственное наблюдение, то информативный – это знание или многократное наблюдение, это больший уровень абстракции, при котором говорящий поднимается над наблюдаемым в данный момент. Время говорящего в информативных текстах не совпадает с событийным временем.

В анализируемых репродуктивных текстах встретились следующие включения информативного регистра.

1. Знание: *Моего соседа зовут Петя; На фотографии я вижу Марлен Дитрих; Станция метро «Университет» находится на юго-западе столицы, недалеко от МГУ.*

В данном случае речь идет о конструкциях, которые формируют канонический информативный регистр: ментальный способ восприятия действительности и пространственно-временная дистанцированность говорящего, который не просто фиксирует наблюдаемые объективные признаки, но и анализирует их, в результате чего в тексте, предполагаемом как репродуктивный, появляются элементы информативного регистра. К информативным следует отнести и следующие предложения, которыми начинается большинство текстов-описаний человека: *На фотографии изображена Марлен Дитрих; Моего соседа по парте зовут Петя.* Эти конструкции являются результатом не зрительного восприятия, а знания, их можно заключить в модусную рамку «я знаю, что...». Автор видит человека (живого или на изображении) и может сделать вывод, что это Марлен Дитрих или Мадонна в образе Марлен Дитрих. При этом предполагается, что он знает Марлен Дитрих или Мадонну и, вероятно, знает, что перед ним Мадонна, одетая так, как одевалась Марлен Дитрих. Интересно, что этих предложений нет у авторов, которые не знали, кто изображен на фотографии, их описания начинаются так: *На фотографии я вижу женщину...*

Таким образом, элементы знания встречаются в текстах, в которых описывается знакомый говорящему объект, и не встречаются при описании говорящим незнакомого объекта.

2. Многократное наблюдение: *Каждый день здесь собирается много студентов; Эскалатор, как правило, не работает; Моя соседка носит очки и предпочитает классический стиль в одежде.*

Эти информативные включения встречаются в текстах-описаниях соседа по парте и места, при этом объект описания должен быть знаком говорящему. Эле-

ментов многократного наблюдения нет в описании незнакомого говорящему объекта и в описании фотографий.

Важно отметить, что элементы многократного наблюдения вводятся в текст специальными информативными синтаксемами (*как правило, обычно, каждый день, всегда, редко, обычно*) с узуальным значением. Это узуальное значение может быть заложено не только в распространителе модели, но и в самой модели (предикаты *предпочитать, носить*).

3. Предположение: *Вероятно, она актриса, и эту фотографию сделали на съемках какого-нибудь фильма; Думаю, это какая-нибудь крайняя станция.*

Элементы предположения также вводятся информативными синтаксемами со значением предположения (*наверное, вероятно, видимо*) или модусной рамкой информативного регистра: *мне кажется, думаю* и т. д. Эти предложения появляются в текстах, в которых говорящий описывает незнакомого ему объект. Предположение встречается и при описании знакомого, но это единичные случаи: *У него короткие волосы, очевидно, недавно стриженные.*

Таким образом, тексты-описания знакомых и незнакомых объектов различаются типами информативных включений: при описании знакомых объектов в текстах присутствуют элементы знания и многократного наблюдения, при описании незнакомых – элементы предположения.

Следующие типы информативных включений встречаются в текстах независимо от степени знакомства говорящего с описываемым объектом:

4. Информативные признаки: *На ней мужской пиджак; На нем кожаный ремень; Стены выложены гранитной плиткой; На ногах туфли-оксфорды.*

Информативные признаки можно разделить на три группы.

1) Информативные признаки типа *мужской пиджак, женский фрак*, которые характеризуют предмет одежды по его половой принадлежности (появляются при описании человека).

2) Информативные признаки типа *шерстяной свитер, кожаный ремень, кирпичный дом, мраморная колонна*, характеризующие предмет по материалу, из которого он сделан.

3) Информативные признаки типа *туфли-оксфорды, ботинки-тимберленды, джинсы-бойфренды, брюки-сигареты*, которые появляются при описании человека.

Следует отметить, что информативные признаки 2-й группы появляются в каждой работе при характеристике материала, из которого сделан объект. Информативные признаки 3-й группы появляются в тех работах, автор которых знает, к какому классу вещей относится описываемый предмет одежды. Если автор этого не знает, то в его работе появляются описательные сочетания: *черные туфли на шнурках* (вместо *туфли-оксфорды*), *зимние рыжие ботинки со шнурками* (вместо *ботинки-тимберленды*).

Информативные признаки 1-й группы появляются при описании человека, если говорящий видит отклонение от нормы – женщина в мужском костюме (описание фотографии Марлен Дитрих). Если же говорящий не видит отклонения от нормы, то эти информативные признаки не появляются в его тексте (случаи *На ней женский пиджак* можно рассматривать как редкие исключения). «Возникает вопрос о возможности этих признаков выводить всю конструкцию, в состав которой они входят, за пределы репродуктивного регистра в информативный. С одной стороны, сочетания типа *мужской костюм* обозначают действительно наблюда-

емые предметы. Конструкцию *На ней мужской костюм* можно поместить в модусную рамку репродуктивного регистра «я вижу, что...». С другой стороны, подразумевается, что человек, описывая одежду и употребляя прилагательные типа *мужской, женский*, знает разницу между мужской и женской одеждой. Это информация-знание, соотнесение с определенными эталонами, с представлениями о норме, существующими в сознании говорящего, но не прямое наблюдение, предполагающее перечисление видимых признаков, по которым мужской костюм отличается от женского» [Роговнева 2015].

Таким образом, вопрос о способности информативных признаков выводить всю конструкцию в информативный регистр представляется спорным. Можно предположить, что такие конструкции находятся на периферии репродуктивного регистра.

5. Оценочные признаки: *На ней элегантный костюм; У нее на голове странный цилиндр; Я вижу уютное серое здание.*

Конструкции с этими признаками, появляясь в репродуктивном тексте, создают в нем информативный план. Эти признаки не характеризуют явление по наблюдаемым качествам, а вводят точку зрения говорящего, его реакцию на наблюдаемое.

При этом важно отметить, что информативные и оценочные признаки могут не входить в состав модели предложения, а являться ее распространителем, однако в любом случае они выводят всю конструкцию за пределы канонического репродуктивного регистра. Это наблюдение позволяет утверждать, что на регистровую принадлежность конструкции влияет не только ее модель, но и распространители этой модели (ср. *На ней черный костюм* – модель с наблюдаемым распространителем и *На ней элегантный костюм* – та же модель, но с оценочным распространителем).

Наш материал показывает, что характеристика объекта в репродуктивном регистре осложняется информативными включениями: знание, многократное наблюдение, предположение, информативные и оценочные признаки. Говорящий не может полностью исключить эти информативные включения из своего текста, хотя формулировка задания эксплицитно запрещает использовать их. При этом тип информативных элементов и степень информативности текста зависят от знакомства говорящего с объектом описания. Наличие этих информативных элементов в репродуктивных текстах подтверждает мысль психолога Дж. Гибсона: «То, что мы видим, не ограничивается тем, что мы видим сейчас. Последнее не может быть основой восприятия окружающего мира, оно связано с Я наблюдателя, а не с окружающим миром» [Гибсон 1988: 360]. Кроме того, «естественное желание автора – совместить несколько способов, например передать собственно сенсорное впечатление и эмоциональную реакцию на него, (свою или чужую), его оценку, объяснение или же «раздробить» это впечатление на перцептивные компоненты, сделать его более детальным» [Сидорова 1997].

ЛИТЕРАТУРА

Сидорова М.Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 6. С. 7–19.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. 465 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.

Роговнева Ю.В. Имена прилагательные при описании человека в репродуктивном регистре // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методологический аспекты. Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения», 19 мая 2015 года. М., Ярославль: Ремдер, 2015.

REFERENCES

Sidorova M.Yu. About the Means of Formation of Communicative Types of Discourse (reproductive register). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 1997. No 6, pp. 7–19.

Gibson J.J. (1979). *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston. Houghton Mifflin. 332 p., ill.

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. (1998) *The Communicative Grammar of Russian Language*. Moscow. 528 p.

Rogovneva Yu.V. Adjectives Used in the Description of the Person in the Reproductive Register. In: *Philological Education in Modern Research: Linguistic and Methodological Aspects. Proceedings of the International Scientific-practical Conference «Slavic Culture: Origin, Traditions, Interaction XVI Cyril and Methodius Readings»*, May 19, 2015. Moscow, Yaroslavl. Remder Publ. 2015, pp. 68–72.

Сведения об авторе:
Юлия Васильевна Роговнева,
Ассистент
Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

Yuliya V. Rogovneva,
Assistant
Pushkin State Russian Language Institute
vinnipuh61@yandex.ru

Программы

Programs

**Программа учебного курса
для направления подготовки магистров
«Филология»**

МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА
«ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ XX ВЕКА
(1900–1960-е годы)»
КВАЛИФИКАЦИЯ (СТЕПЕНЬ) «МАГИСТР»

1. Цели освоения дисциплины

Основной целью освоения дисциплины «История и методология русского литературоведения XX века (1900–1960-е годы)» является обсуждение вопросов, связанных с методологическим развитием русского литературоведения, как в научном, так и широком социокультурном контексте. Особое внимание при этом уделяется своеобразию отечественного литературоведения, его месту в мировой науке о литературе. Планируется обращение не только к академическим школам и их признанным лидерам, но и к *внеакадемическим* концепциям, а также к несправедливо забытым исследователям (в том числе – представителям русского зарубежья).

2. Место дисциплины в структуре ООП

Вариативная часть ООП. Общепрофессиональный блок.

Курс «История и методология русского литературоведения XX века (1900–1960-е годы)», рассчитанный на один семестр (1 семестр), является, с одной стороны, специальным при подготовке магистров-литературоведов, а с другой – занимает важное место в магистерской программе «Теория литературы и критика», так как закладывает необходимый фундамент для понимания современной литературоведческой мысли. Предполагается, что в бакалавриате учащиеся прослушали курс «Основы литературоведения» («Введение в литературоведение») и имеют общие представления о проблемах теории литературы. В рамках курса освещается один из важнейших и, пожалуй, самых драматичных периодов в развитии русской науки о литературе, неотделимый от общественно-политической истории страны. Дисциплина, таким образом, призвана не только интегрировать в сознании учащихся частные теоретико-методологические проблемы литературоведения первой половины XX в., но и рассмотреть их в связи с положением других гуманитарных наук (философии, искусствоведения, истории) в 1900–1960-е гг.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций: М-ОНК-1, М-ОНК-2, М-ОНК-3, М-СК-2, М-ПК-1, М-ПК-2, М-ПК-3, М-ПК-4, М-ПК-5, М-ПК-6, М-ПК-7, М-СПК-1, М-СПК-3, М-СПК-4, М-СПК-7.

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

ЗНАТЬ

специфику литературоведческой методологии (основные проблемы и пути их решения разными представителями научной мысли), которая сформировалась в России за 1900–1960-е гг., а также – особенности ее становления и развития в данный исторический период;

УМЕТЬ

в дальнейшем самостоятельно изучать историю науки и применять полученные знания при исследовании художественных произведений (на основе теоретико-литературного категориального анализа как фундамента для последующей интерпретации);

ВЛАДЕТЬ

навыками чтения, анализа и критики основных трудов русских литературоведов 1900–1960-х гг., а также выработанными в это время приемами известных научных методологий.

4. Структура и содержание дисциплины «История и методология русского литературоведения XX века (1900–1960-е годы)»

4.1. Структура дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа).

№ п/п	Раздел Дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)				Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра) Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
				лекция	с.р.с.	семинар	с.р.с.	
1	Академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского	1	1–2	4	4	–	–	Коллоквиум Рефераты
2	Парадоксы и «плодотворные крайности» русского формализма (методология / мировоззрение)	1	3–5	6	6	–	–	Коллоквиум Рефераты
3	Марксистски ориентированное литературоведение	1	6–8	6	6	–	–	Коллоквиум Рефераты
4	Отечественное литературоведение в атмосфере идеологической несвободы	1	9–11	6	6	–	–	Коллоквиум Рефераты
5	Становление русского структурализма и Тартуско-Московская семиотическая школа	1	12–13	4	4	–	–	Коллоквиум Рефераты
6	Вненаправленческое литературоведение	1	14–16	6	6	–	–	Коллоквиум Рефераты
7	Русское литературоведение 1900–1960-х как социокультурное явление (достижения и потери)	1	17–18	4	4	–	–	Коллоквиум Рефераты
	Итого	1	18	36	36	–	–	Зачет

4.2. Содержание дисциплины

РАЗДЕЛ 1. АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ НАЧАЛА XX ВЕКА И ТРАДИЦИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВСКОГО

Тема 1. Теоретико-методологические установки в поздних работах Александра Веселовского.

Тема 2. Принцип методологического плюрализма в работах младших современников и учеников Александра Веселовского.

Тема 3. Внимание к вопросу о личном авторском элементе и единичном литературном факте как формально-содержательной целостности в исследованиях 1900–1910-х гг.

Тема 4. Приближение академической науки начала XX века к литературной современности.

РАЗДЕЛ 2. ПАРАДОКСЫ И «ПЛОДОТВОРНЫЕ КРАЙНОСТИ» РУССКОГО ФОРМАЛИЗМА (МЕТОДОЛОГИЯ / МИРОВОЗЗРЕНИЕ)

Тема 1. Интерпретации и оценки русской формальной школы (от 1920-х гг. до наших дней).

Тема 2. Методологический редукционизм формализма и его плодотворность.

Тема 3. Понятие «парадокса» в науке и концепции формалистов.

Тема 4. Мировоззренческие установки лидеров формальной школы (В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон).

РАЗДЕЛ 3. МАРКСИСТСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Тема 1. Политические и государственные деятели как литературоведы (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский).

Тема 2. Академическое литературоведение марксистской ориентации (В.М. Фриче).

Тема 3. В.Ф. Переверзев и его «школа».

Тема 4. Д. Лукач и М.А. Лифшиц.

РАЗДЕЛ 4. ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В АТМОСФЕРЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСВОБОДЫ

Тема 1. Система репрессивных мер по отношению к ученым 1930–1960-х гг.

Тема 2. Официальная идеология советского периода в ее «развороте» к науке о литературе.

Тема 3. Редукционизм и его формы в советском литературоведении.

Тема 4. Вынужденные компромиссы в научной деятельности эпохи тоталитаризма.

Тема 5. «Оттепель» в литературоведении и послевоенное поколение ученых.

РАЗДЕЛ 5. СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА
И ТАРТУСКО-МОСКОВСКАЯ СЕМИОТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

- Тема 1.** Опорные понятия структурализма (знак, структура, модель).
- Тема 2.** Структурализм в литературоведении и Тартуско-Московская школа.
- Тема 3.** Ранние работы Ю.М. Лотмана.
- Тема 4.** Тартуско-Московская семиотическая школа глазами ее учеников.

РАЗДЕЛ 6. ВНЕНАПРАВЛЕННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Тема 1.** А.П. Скафтымов.
- Тема 2.** М.М. Бахтин.
- Тема 3.** Л.Я. Гинзбург.
- Тема 4.** Д.Е. Максимов.
- Тема 5.** Д.С. Лихачев.

РАЗДЕЛ 7. РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 1900–1960-х
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ (ДОСТИЖЕНИЯ И ПОТЕРИ)

- Тема 1.** Миф об «упадке» академического литературоведения начала XX века.
- Тема 2.** Синтетическое литературоведение русских символистов.
- Тема 3.** Советское литературоведение как многоуровневое явление.
- Тема 4.** Литературоведение русского зарубежья и «забытые» имена.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс предполагает широкое использование интерактивных форм обучения, в том числе с привлечением сетевых технологий. Часть материала для проведения занятий представлена на персональном сайте преподавателя: <http://kholikov.ucoz.ru/>. Запланирована подготовка магистрантами рефератов научных статей и монографий, относящихся к изучаемому периоду (1900–1960-е гг.) и включенных в «Список работ для реферирования» (см. далее).

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

В качестве основного оценочного средства текущего контроля используются коллоквиумы по прочитанной литературе и рефераты. Аттестация по итогам освоения дисциплины – зачет (ответ на теоретические вопросы с учетом качества и количества выполненных рефератов).

Вопросы к зачету

Теоретико-методологические установки в поздних работах Александра Веселовского.

Принцип методологического плюрализма в работах младших современников и учеников Александра Веселовского.

Внимание к вопросу о *личном авторском* элементе и *единичном литературном факте* как формально-содержательной целостности в исследованиях 1900–1910-х гг.

Интерес академической науки начала XX века к литературной современности.

Интерпретации и оценки русской формальной школы (от 1920-х гг. до наших дней).

Методологический редукционизм формализма и его плодотворность.

Понятие «парадокса» в науке и концепции формалистов.

Мировоззренческие установки лидеров формальной школы (В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон).

Политические и государственные деятели как литературоведы (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский).

Академическое литературоведение марксистской ориентации (В.М. Фриче, В.Ф. Переверзев и его «школа», Д. Лукач и М.А. Лифшиц).

Отечественное литературоведение в атмосфере идеологической несвободы 1930–1960-х гг.

Опорные понятия структурализма (знак, структура, модель).

Структурализм в литературоведении и Тартуско-Московская школа.

Ранние работы Ю.М. Лотмана.

Вненаправленческое литературоведение в советскую эпоху.

Работы А.П. Скафтымова 1920-х гг. с точки зрения исследовательской методологии.

М.М. Бахтин в 1920–1960-е гг.: литературовед и философ.

Л.Я. Гинзбург в кругу младоформалистов и за его пределами.

Д.Е. Максимов как историк русской литературы.

Д.С. Лихачев: сфера научных интересов.

Миф об «упадке» академического литературоведения начала XX века.

Синтетическое литературоведение русских символистов (Д. Мережковский, Вяч. Иванов, В. Брюсов, А. Белый).

Советское литературоведение как многоуровневое явление.

Литературоведение русского зарубежья: 1920–1960-е гг.

Список работ для реферирования

- Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.
- Белинков А.* Юрий Тынянов. М., 1960.
- Белый А.* Мастерство Гоголя: Исследование. М.; Л., 1934.
- Берковский Н.Я.* Статьи о литературе. М; Л., 1962.
- Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
- Гинзбург Л.Я.* О лирике. Л., 1964.
- Гуковский Г.А.* Реализм Гоголя. М.; Л., 1959.
- Евлахов А.М.* Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. 1–2. Варшава, 1910–1912; Т. 3. Р. н/Д, 1917.
- Лебедев А.А.* Чаадаев. М., 1965.
- Лежнев А.* Проза Пушкина: Опыт стиливого исследования. М., 1937.
- Лихачев Д.С.* Иван Грозный – писатель // Звезда. 1947. № 10. С. 183–188.
- Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1: (Введение, теория стиха). Тарту, 1964. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 160).
- Максимов Д.Е.* Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940.
- Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970. М., 2011.
- Переверзев В.Ф.* Необходимые предпосылки марксистского литературоведения // Литературоведение: Сб. статей. М., 1928. С. 9–18.
- Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922.
- Плеханов Г.В.* Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С. 165–187.
- Скафтымов А.П.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Учен. зап. Саратовского ун-та. 1923. Т. 1. Вып. 3. С. 54–68.
- Тынянов Ю.Н.* Вопрос о литературной эволюции // На литературном посту. 1927. № 10. С. 42–48.
- Тынянов Ю.Н.* О литературном факте // Леф. 1924. № 2. С. 101–116.
- Шкловский В.Б.* Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Вып. 2. Пг., 1917. С. 3–14.
- Эйхенбаум Б.М.* Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика. Пг., 1919. С. 151–165.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. (Гл. 4, 6, 7, 12)

Литературоведение на пороге XXI века / Отв. ред. П.А. Николаев. М., 1998.

Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX в. / Отв. ред. П.А. Николаев. М., 1982.

Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции / Под общ. ред. О.А. Клинга и А.А. Холикова. М.; СПб., 2012.

Сегал Д.М. Пути и вехи: Русское литературоведение в двадцатом веке. М., 2011.

Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы). М.; СПб., 2015.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009: Материалы к биографическому словарю. Саратов, 2010.

Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: В 5 т. М., 1989–2007.

Филологический факультет Московского университета: Энциклопедический словарь. М., 2005.

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета. СПб., 2008.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов, 2010.

Бибихин В.Б. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004.

Возникновение русской науки о литературе. М., 1975.

Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения. М., 2007.

Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: В 2 т. М., 2012.

Егоров Б.Ф. Воспоминания. СПб., 2004.

Егоров Б.Ф. Воспоминания-2. СПб., 2013.

Жирмунский В.М. Начальная пора: Дневники. Переписка. М., 2013.

Золотоносов М.Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов). М., 2013.

Кумпан Е. Ближний подступ к легенде. СПб., 2005.

Курилов А.С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981.

Левченко Я.С. Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. М., 2012.

Лихачев Д.С. Воспоминания. М., 2006.

Лоскутникова М.Б. Русское литературоведение XVIII–XIX веков: Истоки, развитие, формирование методологий. М., 2009.

Никандрова О.В., Хализев В.Е. Научные школы и внеакадемическое литературоведение в России XX века // Известия РАН. Сер. лит-ры и яз. 2014. Т. 73. № 5. С. 36–54.

Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М., 2009.

Поселягин Н.В. Ранний российский структурализм: «долотмановский» период // Новое литературное обозрение. 2011. № 109. С. 118–134.

Савицкий С. Частный человек. Л.Я. Гинзбург в конце 1920-х – начале 1930-х годов. СПб., 2013.

Тимофеев Л.И., Поспелов Г.Н. Устные мемуары. М., 2003.

Хализев В.Е. В кругу филологов: Воспоминания и портреты. М., 2011.

Хализев В.Е. О составе литературоведения и специфике его методологии // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс). М., 2001. С. 7–30.

Хализев В.Е. Отечественное литературоведение в эпоху господства марксизма-ленинизма // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. М., 2012. С. 108–138.

Хализев В.Е., Холиков А.А. Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 5. С. 116–139.

Холиков А.А. Плод занимательной науки. Из размышлений над жанром биографии литературоведа // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 341–354.

Эрлих В. Русский формализм: история и теория. СПб., 1996.

Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.

Якобсон Р.О. Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Аудитория, оснащенная интерактивной доской; рекомендуемая научная и учебная литература имеется в Фундаментальной научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова, Российской государственной библиотеке и др.; некоторые работы представлены в Интернете. См.: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ): <http://feb-web.ru/>

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ по направлению подготовки магистров «Филология».

Автор-разработчик:
Алексей Александрович Холиков,
докт. филол. наук
доцент
кафедры теории литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Kholikov,
Doctor of Philology
Docent
Department of Theory of Literature
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
aakholikov@gmail.com

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

Сила красоты

Марии Викторовне Михайловой – к юбилею

Заслуженный профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, академик РАЕН, член Союза писателей, Мария Викторовна Михайлова – один из авторитетнейших специалистов в области культуры и общественной мысли Серебряного века. Автор четырех монографий и почти 500 научных статей. Член редколлегии ряда научных изданий, редактор сборников. Под ее руководством защитили диссертации пятнадцать аспирантов, один докторант. Не счесть дипломников, подготовленных ею за 44 года преподавательской работы, как и количества докладов, сделанных в эти десятилетия на научных конференциях в нашей стране и за рубе-

жом. Разнообразны лекционные курсы, которые она читала и читает, разворачивая перед студентами выразительную картину социально-эстетических исканий русской литературы, критики рубежа XIX–XX веков.

Объективные данные (приведены даже не все) свидетельствуют сами за себя, внушая глубокое уважение к Марии Викторовне. За ними огромный труд, талант, воля, дисциплина, научные искания, творчество... В сумме они очень многое говорят о ее жизни и деятельности, однако многое из того, что существенно, остается невыговоренным.

Есть известный тест на ассоциативное мышление. Фрукт? – Яблоко. Часть лица? – Нос. Поэт? – Пушкин и т. д. Считается, что 98% людей спонтанно дают эти ответы. При имени М.В. Михайловой, уверен, у ста процентов тех, кто знает ее, в сознании вспыхивает – красивая!

Ведь это ее лицо помещали на обложки иллюстрированных журналов – подлинное воплощение русской красоты. Маша и красота неотделимы в наших представлениях так же, как Мастер и Маргарита, как Маленький Принц и Роза, как дед Мороз и Снегурочка...

Ее эксперименты над собой: бесчисленные вариации моделей одежды, обуви, причесок, которые не устает испытывать Мария Викторовна – со студенческой поры (а может, и более ранней) до нынешней – для чего? А это тоже поиск. Одна из эманаций поиска в эстетической сфере, свойственного человеку-художнику, человеку-артисту, о котором, кстати сказать, как об идеале будущего мечтали Рихард Вагнер и Александр Блок. Или вспомнить прозвучавшее до того с левого философского берега: «Прекрасное есть жизнь...»

Всё, за что берется, она делает на сто процентов.

Например, как и в других областях (будь то вязание на спицах или собирание раритетной тематической библиотеки), ей подвластно в кулинарии всё: от насыщенных блюд до деликатесов. И даже мужа-драматурга, стоя у кухонной плиты, однажды вдохновила на создание такой пьесы, которую потом пересмотрели все члены Политбюро без исключения, а он сам получил Государственную премию СССР. Кому еще удавалась подобная кулинария!

Да, это человек большой красоты – и силы.

Мягкой, но силы. Женской силы. Силы по-женски, покрепче иной мужской. Стойкой силы.

Одним из проявлений человеческой силы является отвага. Мария Викторовна наделена отвагой и способна сделать решительный шаг. Так, будучи всего-навсего аспиранткой первого года обучения, она ушла от заведующего кафедрой А.И. Метченко, которому это, понятно, совсем не понравилось, к прежнему руководителю, – только чтобы вновь заниматься любимой литературой конца XIX – начала XX веков.

Удивительно, но тема кандидатской диссертации, которую Алексей Иванович успел предложить до ее ухода (о литературной критике первых советских лет), через четверть века, уже после его кончины, стала – не буквально, но по существу – темой докторской диссертации Михайловой: литературная критика марксистской ориентации... Да, Метченко был крупной фигурой, мог увидеть (угадать, предчувствовать?) далекое.

Мария Викторовна тоже способна заглянуть за горизонт. Она умеет дружить со своими учениками и после того, как формально обучение закончено, их диссертации (дипломные сочинения) благополучно защищены. Эта дружба продолжается годами. Собственно, так же – только гораздо более крупными временными единицами – измеряется, не прерываясь, ее дружба с сокурсниками.

Одно из важнейших направлений, которым Мария Викторовна занимается давно, – публикация забытых авторов, забытых произведений, ввод в научный оборот ранее неизвестных фрагментов литературного наследия Серебряного века, русской эмиграции и отодвинутых на обочину литературного процесса советских писателей. Для нее это еще и акт человеческой справедливости. Оказывается, несмотря на удручающую массу новейших примеров обратного, порой справедливость можно восстанавливать.

Она это и делает. Компас ее природы ориентирован на полюс справедливости. Поэтому Мария Викторовна хорошо умеет понимать другие народы. Их особенности. Их боль.

Она вообще умеет сочувствовать другим, сострадать. Причем не только людям, хотя людям, бесспорно, в первую очередь и всегда.

Постоянна ее забота о братьях, сестрах меньших. Коты, кошки, собаки – тоже ее спутники, члены семьи и объект заботы. Жаль, говорить не умеют, – а сколько доброго они могли бы поведать нам о своей хозяйке! А ей сколько чувств высказать!

С течением лет лучше понимаешь строки Ахматовой об ужасе несущегося времени: «Но кто нас защитит от ужаса, который был бегом времени когда-то наречен?» Никто, если не мы сами. Но как? В этом суть. Кажется, Мария Викторовна из всех возможных путей защиты выбрала самый благородный – путь труда, творчества, любви.

Пожелаем же Марии Викторовне Михайловой еще многие-многие годы – как можно дольше, – не уставая, идти по этому пути!

Шамиль Умеров, сокурсник

По повод 90-годишнината на проф. д-р Радмила Угринова-Скаловска

Оваа година обединува два значајни јубилеи, судбински поврзани – одбележуваме 1100 години од упокојувањето на Климент Охридски (916) и 90 години од раѓањето на нашата ценета професорка Радмила Угринова-Скаловска, проучувач на кирило-методиевското и Климентовото дело, еден од врвните палеослависти во Македонија.

Проф. Угринова-Скаловска (6 февруари 1926) припаѓа кон првата генерација дипломирани македонисти на тогашниот Филозофски факултет (подоцна Филолошки факултет) во Скопје. Таа, заедно со акад. Божидар Видоески, биле првите асистенти на Катедрата за македонски јазик и јужнословенски јазици.

Да се потсетиме, по овој повод, за придонесите на професорката Угринова-Скаловска за македонистиката со коишто таа остави свој печат во филолошкиот и во културниот свет во Македонија, но и надвор од неа.

Пред сè проф. Угринова-Скаловска ние, нејзините студенти, ја паметиме како врвен професор. Таа во текот на својот работен век предаваше старословенски јазик, споредбена граматика на словенските јазици, разни курсеви од современ македонски јазик. И нејзиниот научен интерес го покрива широкото поле на овие дисциплини, но основниот научен интерес ѝ е палеославистиката. Како професор таа останува во трајно сеќавање на бројни генерации студенти на Филолошкиот факултет “Блаже Конески” при Универзитетот “Св. Кирил и Методиј” во Скопје. Овие, за студентите најтешки предмети, професорката ги предаваше со невидена леснотија и разбирливост. Од областа на современиот јазик таа вовеле и предмет наречен специјален курс по македонски јазик во кој се изучуваше практичната примена на стекнатото знаење. Од нејзината професорска дејност остануваат и двата учебници по предметите што ги предаваше; *Старословенски јазик*¹, којшто доживеа повеќе изданија и *Споредбена граматика на словенските јазици*². Во некои подобри времиња за образованието во Македонија и во средните училишта со културолошка насока се предаваше старословенскиот јазик, па за таа цел професорката изготви и учебник по старословенски за средно образование³. Во функција на наставата по овој предмет е и нејзиниот превод и издание на Панонските легенди⁴. Професорката беше и ментор на низа магистерски и докторски трудови што се однесуваа на историскојазична проблематика, со што се оформи научен кадар кој продолжи да работи во оваа област.

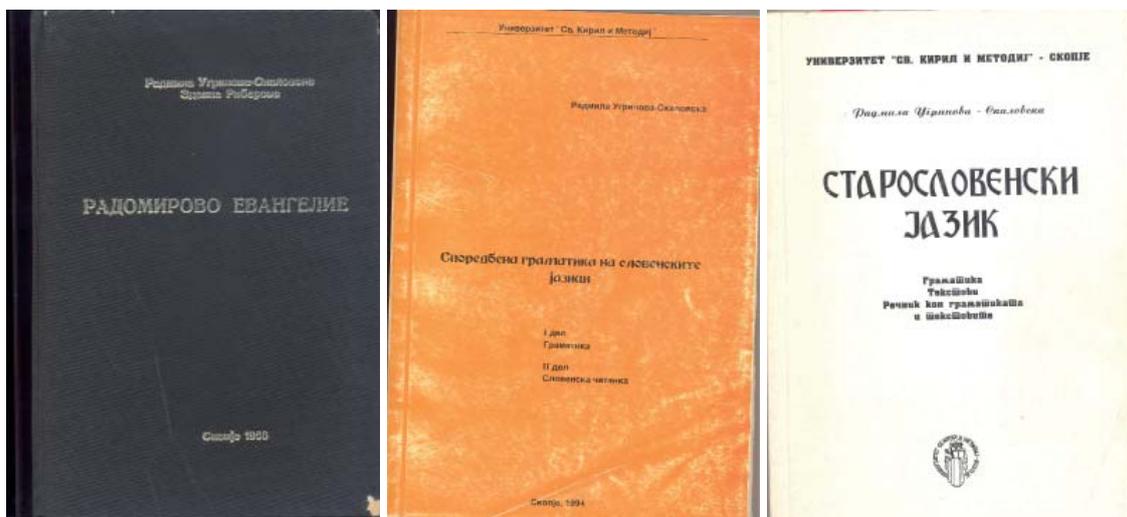
¹ *Старословенски јазик*. Скопје 1979, 168.

² *Споредбена граматика на словенските јазици*. Скопје 1994, 246.

³ *Старословенски јазик, за III и IV година културолошка струка*. Скопје 1986, 157.

⁴ *Панонски легенди*. Скопје 1970, 138.

Научната библиографија на нашиот јубилар брои околу сто и тринаесет единици, од кои голем број се книги. За научното дело на проф. Угринова-Скаловска пишувано е и претходно, по повод некои јубилеи, па така, нејзините колеги, соработници и студенти ѝ посветија зборник¹ со трудови. Во *Зборникот* е претставен и научниот опус на професорката², како и библиографија на нејзините трудови³. Во списанието *Македонски јазик*, по повод нејзината 80-годишнина беше објавен текст за нејзината дејност⁴.

Научниот интерес на проф. д-р Радмила Угринова-Скаловска се движи во неколку насоки: најстариот период на словенската писменост со посебен акцент на особеностите на текстовите од македонската редакција на црковнословенскиот јазик, современиот македонски јазик и споредбената граматика на словенските јазици. Во почетокот на својата научна дејност таа се занимава со проблемите на современиот македонски јазик и ја изработува докторската дисертација на тема *Значењето на глаголските префикси во македонскиот јазик*⁵, студија што претставува пионерски труд во славистиката во кој од семантички аспект се обработуваат глаголските префикси. Од областа на современиот македонски јазик се и низа нејзини трудови, а активно учествува, како соавтор (со Кр. Тошев, Б. Видоески, К. Конески и Т. Димитровски), во сите изданија на *Правописот на македонскиот литературен јазик*.

Од меѓународната активност треба да се истакне нејзиното учество на повеќе конгреси и конференции, како на пр. на VI меѓународен славистички конгрес во Прага⁶, на конгресот со кирилметодијевска проблематика во Рим⁷, во Хале, во

¹ *Зборник во чест на Радмила Угринова-Скаловска по повод седумдесетгодишнината*. Скопје 1997.

² Димитар Пандев. Лингвистичкиот профил на Радмила Угринова-Скаловска. *Зборник во чест на Радмила Угринова-Скаловска по повод седумдесетгодишнината*, 5–11.

³ Емилија Црвенковска. Библиографија на трудовите на проф. д-р Радмила Угринова-Скаловска. *Зборник во чест на Радмила Угринова-Скаловска по повод седумдесетгодишнината*, 13–23.

⁴ Емилија Црвенковска, Лилјана Макаријоска. По повод 80-годишнината на проф. д-р Радмила Угринова-Скаловска. *Македонски јазик* LVII, (2006), 2007, 15–18.

⁵ *Значењата на глаголските префикси во македонскиот јазик*. Скопје 1960, 126.

⁶ Улогата на црковнословенизмите во оформувањето на современиот писмен македонски јазик. *Реферати на македонските слависти за VI меѓународен славистички конгрес во Прага*. Скопје 1968, 65–70.

⁷ Sur l'unité de la tradition littéraire ecclésiastique chez les Slaves des Balkans. *Christianity among the Slavs. The heritage of Saints Cyril and Methodius. Orientalia Christiana Analecta*, 231. Acts of the Inter-

Краков и др. Професорката Угринова-Скаловска во текот на својата работна кариера била на студиски престои во Прага, Москва и во Загреб.

Придонесот на проф. д-р Радмила Угринова-Скаловска за афирмацијата на македонската црковнословенска писменост е повеќестран. Таа има приредено важни изданија на словенските ракописи: *Радомирово евангелие*¹ во коавторство со Зденка Рибарова, за кое во 1989 год. ја добија наградата „Гоце Делчев“, највисоката награда за наука во Македонија, и *Добромирово евангелие* заедно со Вангелија Десподова², потоа изданија на избор од делата на Климент Охридски³. Нејзините трудови во голем дел се однесуваат на јазичните особености на текстовите од Охридската школа и воопшто на македонските црковнословенски текстови.

Несомнено, мошне значен е придонесот на проф. Угринова-Скаловска во организирањето на Одделението за историја на македонскиот јазик во Институтот за македонски јазик “Крсте Мисирков” во Скопје. Под нејзино раководство во 1964 година започнува поставувањето на основната методологија за изработка на *Речникот на македонските црковнословенски ракописи* чијшто редактор е до денеска, кога веќе е излезен од печат првиот том од овој речник. Голем е нејзиниот придонес во иницирањето и востановувањето на заедничките начела за работата врз Речникот на црковнословенскиот јазик од одделни редакции во јужнословенските центри, особено во работата на Меѓународната комисија за црковнословенски речници при Меѓународниот славистички комитет. Таа го организира обезбедувањето микрофилмови, односно фото-снимки од македонските ракописи што се чуваат во разни библиотеки во светот и ја прави селекцијата на ракописите како резултат на проучувањето на јазичните и лексичките специфичности. Лексикографската обработка е нужно проследена со континуирани детални проучувања не само на лексичките, туку и на граматичките особености на текстовите. До ден денешен, и покрај длабоката возраст, но со остро око, насобрано знаење и извонредна луцидност, професорката Угринова-Скаловска трпеливо го редактира материјалот од Речникот.

Научните врски како и пријателствувањето со колегите од странство е особено значајно за личноста. Контактите со странските колеги проф. Угринова-Скаловска ги остваруваше, освен преку своите престои во странство и учества на меѓународни конференции, преку нејзината долгогодишна работа како лектор и како предавач на Семинарот за македонски јазик, литература и култура што веќе речиси пет децении се одржува во Охрид. Многумина од странските слависти беа нејзини ученици, на кои потоа таа им помагаше и во нивните научни македонистички трудови. Таа беше и е близок соработник и пријател со низа слависти од светот како Рина Павловна Усикова (Москва), Франтишек Вацлав Мареш (Прага, Виена), Аница Назор (Загреб), Јежи Русек (Краков), Херберт Галтон (Виена), како и со странските македонисти од помладите генерации како Виктор Фридман (Чикаго), Јуми Накацима (Токио) и др. Секако треба да се одбележи и дека Хорас Лант при собирањето на материјал за првата граматика на македонскиот јазик напишана на англиски јазик (издадена 1952 год.), бил чест гостин во нејзиниот дом каде што мајката на професорката му служела како информатор.

national Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome. October 8–11, 1985. Roma 1988, 381–387.

¹ *Радомирово евангелие*. Стари текстови IV. Скопје 1988, 571.

² *Добромирово евангелие II*. Скопје – Прилеп 1992, 320.

³ *Климент Охридски. Житија, слова, поуки*. Предговор Х. Поленаковиќ. Избор, превод и коментар Радмила Угринова-Скаловска. Скопје 1974, 165; *Климент Охридски. Похвали и слова*. Предговор, избор, превод и коментар. Скопје 1996, 164.

За научната љубопитност во следењето на сè што се објавувало од сферите на нејзиниот научен интерес, особено на странските изданија, сведочат и нејзините бројни прикази објавени во разни научни и стручни списанија.

Во оваа пригода малку и за уште нешто што го карактеризира широкиот профил на нашиот јубилар – таа е пасиониран љубител на убавата литература. Таа со несмален интерес секојдневно чита убава литература, а најмногу е воодушевена од руските писатели кои ги чита во оригинал. Така од Пушкин, Достоевски, Чехов, до Пелевин, Улицка и др., речиси нема автор што не ја привлекол нејзината читателска љубопитност. Извонредниот интерес и познавање на литературата, особено на словенските народи, дојде до израз и во нејзиниот учебник по споредбена граматика на словенските јазици чишто втор дел е читанка со избор од текстови од сите словенски литератури, придружен со речник за секој јазик.

Како личност со висок личен морал и чесност на вистински научник, професорката Радмила Угринова-Скаловска има искрено признание од колегите за нејзината научна и педагошка дејност. Таа е позната и почитувана во Македонија, а со својот авторитет придонесе за поширока афирмација на македонистиката во светот.

Сведения об авторе:

Емилија Црвенковска,
редовен професор
Катедра за македонски јазик и јужнословенски јазици
Филолошки факултет “Блаже Конески”
Универзитетот “Св. Кирил и Методиј” (Скопје)

Эмилия Црвенковска,
професор
кафедра македонскогo и јужнославјанских јазыков
филологический факультет «Блаже Конески»
университете Свв. Кирилла и Мефодия (Скопье)

Emilia Crvenkovski,
Professor
Department of Macedonian and South Slavic Languages
Faculty of Philology «Blazhe Koneski»
University Sts. Cyril and Methodius (Skopje)

Заметки. Впечатления

Notes. Impressions

Трапеза в Соловецком монастыре: от древности до наших дней

Аннотация: Повседневной жизни монашества, как правило, не уделялось внимание в житийной литературе, очень немного сведений можно было почерпнуть из воспоминаний паломников, относящихся к XIX в. В трагическом XX в. большинство монастырей было разорено, закрыто, превращено в склады и тюрьмы. Только в 1990-х гг. началось возрождение монастырей, монашеской жизни и традиций. Основное внимание в работе уделено монастырской трапезе XIX и XXI вв.: Уставу, интерьеру, постной и скоромной пище, посуде. В качестве источников использованы Устав Соловецкого монастыря, жития святых преподобных Зосимы, Савватия, Германа, святителя Филиппа; воспоминания паломников XIX и XXI вв., этнографические исследования XIX в. В качестве иллюстративного материала – фотографии XIX в. и авторские (2011–2016 гг.).

Ключевые слова: Соловецкий монастырь, трапеза, постная еда, скоромная еда, Устав, жития святых, паломники, воспоминания

Abstract: Everyday monastery life – is a topic, which has not received the proper attention in the hagiographic literature and in the memories of the pilgrims of the 19th c. In the tragic twentieth century most of the monasteries were destroyed, turned into warehouses and prisons. Only in the 1990s the revival of monasteries, monastic life and traditions has begun.

In the article the main attention is paid to the monastic meal in 19th and 21th cc.: the Charter, the interior, the lenten, meat days food, plates and dishes. The author uses the following sources: the Charter of the Solovetsky Monastery, hagiography of St. Zosima, Savvatij, Hermann, St. Filipp; memories of pilgrims of 19th and 21th cc., ethnographic studies of the 19th c.; as illustrative material – the photos of the 19th c. and made by author (2011–2016).

Key words: Solovetsky Monastery, the monastic meal, the lenten fare, meat days food, the Charter, hagiography of the saints, pilgrims, memories

Более пятисот лет назад на «крайсветнем» пустынном Соловецком острове в Белом море (в древности оно называлось Студеным, Дышащим, Пучиной) поселились два отшельника – преподобный Савватий и инок Герман¹. Выбор их был не случаен: по душе им пришлась не только величественная и суровая природа севера в

¹ Преподобные Савватий и Герман поселились на Соловецком острове в 1429 г.

Икона преподобных Савватия и Германа
(кон. XIX в.)

стороне от людей или живописное место («зело красно»), но и то, что остров сей «велик есть, имея в окружности яко сто верст, имат же в себе воды сладкие и езера рыбные, горы же и дебри, леса и боры, и иная к пребыванию человеческого угодыя» (Житие и чудеса 2001: 22). Как свидетельствует житие, старец и молодой инок выбрали близ озера место, которое «показалось им удобным для жительства. <...> водрузили крест, поставили келью» (Соловецкий патерик 1991: 20). Традиционно в агиографических произведениях менее всего уделяется внимание бытовой жизни подвижников, главным становится описание их духовных подвигов, путь ко спасению. Само слово «святой» предполагает, что человек этот свыше всего земного: радостей, привязанностей, благополучия; он принадлежит к миру иному – горнему. Греческое слово ἅγιος ('святой') состоит из отрицательной частицы α- и корня -γη ('земля'). Таким образом, ἅγιος – человек, живущий не земной

жизнью, а небесной, земля для него – место изгнания, Отечество его – на небе.

Как уже было отмечено, подробности быта в житии святого остаются «за кадром». В данной статье, обращаясь к истории Соловецкого монастыря, мы попытаемся восполнить этот «пробел», осветить и древнюю, и повседневную жизнь обители, так как у многих она вызывает неизбывный интерес, представляет собой важный, с культурологической точки зрения, материал, а главное, помогает понять всю красоту и сложность монашеского бытия.

Итак, первым делом, преподобные «водрузиша крест», т. е. освятили место, где никогда еще не звучала христианская молитва).

Их молитвенный подвиг продолжался шесть лет и сопровождался «скудным пропитанием трудами рук своих» (Соловецкий патерик 1991: 21). Что именно служило им пищей, мы не знаем. Скорее всего, грибы и ягоды (морозка¹, клюква², брусника, голубика, черника³, лесная малина, шикша⁴), которыми изобиловали эти места, ди-

¹ Морошку на Севере называют «царской ягодой», так как с древности ягода была излюбленным лакомством русских царей, но в народе бытует и иное мнение: царской называют потому, что ягоды по одной растут на небольшом стебельке. В пищу ее употребляли свежей, моченой или протертой с медом; также морошку добавляли в чай, в квас, начиняли ватрушки. Главное достоинство этой ягоды заключается в богатом содержании витаминов. В народе о ней говорили: «Морошка – ягода лечебная и старому, и малому».

² Клюкву на севере также называют «жаровницей» – «жаром по осени горит», «жаровница жар большой в человеке больном тушит». Из клюквы варили кисель; хранили замороженной в мешках.

³ Ягоды черники и голубики практически идентичны и, можно сказать, являются кладезем витаминов. Черникой начиняли пироги и ватрушки. Использовали как лечебное средство при желудочных заболеваниях. Кусты черники растут по 300–400 лет. Из голубики варили кисели, ею начиняли ягодники.

⁴ Шикша (водяника, вороника, *простореч.*) – вечнозеленый кустарник с веточками, покрытыми небольшими иголочками, и черными ягодами. Морс из шикши хорошо утоляет жажду. Для приготовления отваров и настоек из шикши используют как ягоды, так и побеги кустарника. Растение содержит очень большое количество витаминов, необходимых организму человека.

корастущие травы. Могли перетирать ягель (олений мох) с брусникой или клюквой и употреблять в пищу вместо хлеба, благодаря Богу за все, что Он им послал – «Господня земля и то, что наполняет ее» (1 Кор. 10: 31).

На озере множество озер (считается, что их около шестисот), богатых рыбой: окуни, плотва, щука, налим, стерлядь, ряпушка. Преобладающей породой озерных рыб считаются окунь и плотва. По мнению старожилов, озерная рыба была искусственно разведена монахами, иногда ее так и называют – монастырской (например, ряпушку). Это также подтверждают ихтиологические исследования, согласно которым некоторые ценные виды рыб были привезены с материка и заселены в озера еще в XVI в. (Алексеева Я.И. 1997: 32). Белое море изобилует треской, сельдью, навагой, корюшкой, зубаткой. Можно с уверенностью сказать, что в положенные Уставом дни (об Уставе будет сказано ниже) подвижники вкушали озерную или морскую рыбу. Это подтверждается и житием: преп. Герман привез на остров «мрежи для рыбной ловли» (Соловецкий патерик 1991: 26).

Кроме того, «своими руками они добывали себе пропитание, возделывая и засевая землю» (Соловецкий патерик 1991: 25). Опять-таки можно только предполагать, что именно сеяли и разводили на своих грядках отшельники. Как известно, с древних времен на Руси выращивали репу (*лат.* гара) и редьку. Уже в XV в. на Русском Севере заводили «капустные и репные огородцы». Репу варили, парили, сушили и «сырком потребляли». Хорошо известное всем выражение «проще пареной репы» указывает на простой, не требующий особого искусства, способ ее приготовления: овощ, порезанный на куски, парили в небольшом количестве воды в закрытом горшке.

«Второй хлеб» в крестьянском быту – редька. Овощ этот полезен и неприхотлив к почве, стойко переносит холод, является влаголюбивым и светолюбивым, что чрезвычайно важно для вызревания в суровых северных условиях. В шутку о нем говорили: «В редьке пять яств: редечка трихта, редечка ломтиха, редечка с маслом, редечка с квасом, да редечка так» и «редька зла, а всем мила». Чаще всего в крестьянских семьях она использовалась в составе тюри¹. Незаменимым продуктом редька была во время постов: «время поста – ешь редьку с хвоста».

С незапамятных времен – еще «при царе Горохе» – на Руси выращивали и ели «горох битой» или «цыженный» (гороховая гуща). Из него варили кашу и кисель, мололи муку и пекли блины, а Успенским постом готовили «горошницу»². Его питательная ценность – это «настоящий склад белка» (Растения 2005: 13), значительно выше, чем у других овощных культур. Не беремся судить, выращивали его на Соловецком острове преподобные или нет, но во всяком случае не исключаем и такой вариант.

Однако сколько трудов, соединенных с молитвой, нужно было положить пустынникам, чтобы на скудной каменистой почве вырастить «суровое зелие» (овощи) для пропитания: «Чтобы что-нибудь посадить на такой почве, нужно прежде всего убрать громадные камни, а на место их наносить хорошей земли. Какой же, спрашивается, требовался гигантский труд...» (Странички из дневника 1899: 102).

После смерти преп. Савватия преподобный Герман вернулся на остров с преп. Зосимой – «первоначальником Соловецким»³. Именно его трудами и усилиями будет

¹ Тюря – самая простая и повседневная крестьянская еда из хлеба и редьки, накрошенных в квас или воду.

² Горох сначала вымачивали, потом растирали, толкли, и только потом из этого пюре варили «горошницу».

³ Препп. Зосима и Герман поселились на острове в 1436 г.

устроен монастырь в честь Преображения Господня, по его прошению Марфа Борецкая передаст грамоту для обители с правом владения островами в Белом море.

Расцвет монастыря приходится на XVI в., когда в течение восемнадцати лет (1547–1566 гг.) во главе стоял святитель Филипп. Именно при нем возводятся каменные здания монастыря, строится кирпичный завод и мельница, озера соединяются каналами, прокладываются дороги, осушаются болота и многое другое. «Распорядительный хозяин, кроткий правитель, мудрый наставник духовной деятельности – вот главные черты св. Филиппа в качестве игумена» (Соловецкий патерик 1991: 49). Волнует его не только духовное состояние вверенной ему братии, но и физическое, которое во многом определяется питанием.

По завету преподобных на острове не разрешалось разводить плодящихся животных: коров, овец, коз. Дабы не нарушить этот запрет, игумен «устроил скотный двор в 10 верстах от обители, на Муксальском острове, Филипп улучшил братскую трапезу» (Соловецкий патерик 1991:50). В скоромные дни монахам к столу стали подавать молочные продукты: творог, молоко, масло, – содержащие кальций, фосфор, йод, полезные и необходимые для здоровья. Для содержания свежесвыловленной морской рыбы были устроены садки, для чего часть залива перегородили валунной грядой (длинной 150 м и высотой около 2 м). «Треска – свежая летом, соленая зимой – стала существенным добавлением к скромной братской

УСПЕНСКИЙ ХРАМЪ И ТРАПЕЗНАЯ.

Успенский собор

трапезе; хватало её и для трудников, и для многочисленных паломников» (Во отце океана 2007: 271). «Скромная братская трапеза» при заботливом игумене стала разнообразной и максимально полезной, что отмечает «Соловецкий летописец»: «При Филиппе Игумене прибыли: шти с маслом, да и разные масляные приспехи, блины и пироги и оладьи, и крушки рыбные, да и кисель, да и яичница. Да при Филиппе же Игумене прибыло: стали в монастырь возити огурцы и рыжики» (Летописец Соловецкий 2010: 31).

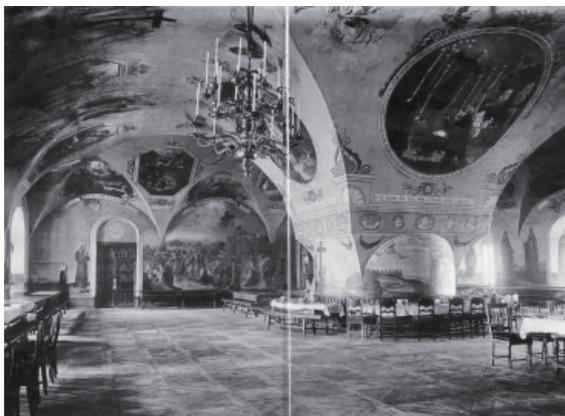
Особо прославился талантливый игумен монастыря Соловецкого грандиозным каменным строительством, которое началось с Успенской церкви с удивительной Трапезной и келарской палатами, о чем также сообщает «Летописец...»: «7060 (1552) Года при нем же Игумене Филиппе начаты строением: каменная церковь Успения Пресвятыя Богородицы с трапезою и келарскою в одной столпе, со сводами на погребях. <...> под алтарем и под церковию просвиренная, под трапезою погреба хлебный и квасной; а под келарскою хлебопекарная и мукосейная службы» (Летописец Соловецкий 2010: 26), также в подклетах находились печи, обогревавшие огромное по размеру здание.

Игумен Филипп, принадлежавший к знатному московскому роду Колычевых, наверное, не понаслышке знал о грандиозной Грановитой палате в Московском Кремле¹, в которой проводились царские приемы и царские пиры, на которых подавалось огромное количество блюд (от 150 до 200). Неудивительно, что такой «пир горой» мог продолжаться 6–8 часов, включая почти десяток перемен, каж-

¹ Грановитая палата построена в 1487–1491 гг. по указу царя Ивана III.

дая из которых, в свою очередь, состояла из двух десятков одноименных блюд: различных сортов жареной дичи, соленой рыбы, блинов и пирогов и проч.

Чуть меньших размеров палату (около 500 кв. м¹) святитель Филипп строит на Соловках, и вызывает она не меньшее восхищение, чем знаменитая московская: «А

Трапезная палата (фото XIX в. Я. Лейцингера)

Трапезная палата (современный вид)

трапезная каменная об одном столпе, чудна, светла и превелика» (Скопин В.В. 2007: 43). Здесь, как и в московской, не только совершался расписанный монастырским Уставом трапезный ритуал, но и обсуждались хозяйственные вопросы и принимались важные церковные решения, касающиеся жизни обители, при участии общего Собора братии.

Вход в Трапезную палату располагался с западной стороны, с восточной к ней примыкали Успенская церковь и Келарская палата, представляющие собой единый комплекс. На восточной же стене был устроен иконостас, – таким образом, трапезная сама как бы становилась церковью. Пища вкушалась с молитвой, благоговением и благодарностью к Богу, ибо Он Сам сотворил ее, «чтобы верные и познавшие истину вкушали их (разные виды пищи) с благодарением. Потому что всякое творение Божие хорошо, и ничто не должно быть отвергаемо, если принимается с благодарением; ибо оно освящается словом Божиим и молитвой» (1 Тим. 3: 3–5).

По мысли В.В. Скопина, «строительство на первых порах трапезного, а не соборного храма следует объяснить практическими потребностями – только в нем могла одновременно разместиться выросшая до двухсот человек монастырская братия» (Скопин В.В. 2007: 43). О численности братии Соловецкого монастыря подробно пишет архим. Ианнуарий (Недачин)². Как следует из названия постройки, палата предназначалась для общей монастырской трапезы, для многочисленной братии и почетных гостей обители.

О монастырской трапезе XVII–XVIII вв. нам мало что известно, зато XIX в. оставил множество записок, воспоминаний паломников и исследований ученых. В этот период Соловецкий монастырь почти полностью обеспечивал свои нуж-

¹ Площадь Трапезной палаты 483 кв. м – на 13 кв. м меньше, чем Грановитая. Высота стен 7 м, толщина – 3 м, диаметр столпа – 4 м. Восемь окон – по 4 с южной и северной сторон. Расписана была в 1840 г.

² «В конце XVI – середине XVII вв. (пик экономического могущества монастыря) братии было больше: в 1652 г., например, – 377 человек (включая послушников). Более 400 человек братии в монастыре, по-видимому, не было никогда. В иные периоды братия обители была очень малочисленной (например, после окончания осады монастыря в 1676 г. в нем оставалось 14 монахов; в XVIII в. братии бывало менее 30 человек)». См.: Ианнуарий (Недачин), игумен. Особенности устава Соловецкого монастыря (XV – нач. XX в.): Рукопись. – Соловецкий монастырь, 2010.

ды, так как обладал хорошо налаженным сельским хозяйством с фермой, огородами, теплицами. По словам писателя-этнографа С.В. Максимова, обитель мало в чем нуждалась: «Только пшеница, вино, рожь и некоторое количество соли для монастыря покупное, а все почти остальное он имеет свое» (Максимов С.В. 1984: 131). В оранжереях и парниках монахи выращивали арбузы и дыни, виноград и персики, яблоки, различные овощи и множество небывалых для северных широт растений, что приводило в изумление и восхищение многочисленных паломников. Чудо это объяснялось просто: по трубам, проложенным под землей от печей воскобелительного завода, расположенного в Макарьевой пустыни¹, тепло подавалось в парники. «Печи были устроены с теплопроводами под почвой, на которой росли плодовые деревья» (Немирович-Данченко В. 2000: 159). Следует отметить, что яблони Палласа, которым значительно более ста лет, до сих пор плодоносят. В открытом грунте, благодаря мягкому микроклимату, особому местоположению этого места, окруженного с трех сторон холмами, росли растения южных широт. По воспоминаниям паломника, «здесь растет малина, черная и красная смородина, клубника. Все подчищено, подвязано, всюду правильные дорожки, тщательно посыпанные желтым песком. Идешь и невольно забываешь, что это далекий и неприглядный нам родной север» (Странички из дневника 1899: 102).

Конечно же, овощи и плоды средней полосы России вкуснее и сильнее северных. Архимандрит Досифей по этому поводу грустно замечает, что «при всем успехе разведения овощей... вкус оных весьма уступает тем, которые под благорастворенным небом в других местах растут в изобилии» (Досифей (Немчинов), архим. 1836: 27).

После возрождения монастыря в 1992 г. на скромных грядках можно было встретить зелень, редис, морковь, лук, чеснок; все необходимые овощи приходится доставлять самолетом в зимнее время и на монастырских катерах – в летнее. Поэтому в монастырском меню (данные на 2015 г.) можно встретить такие блюда, как баклажаны запеченные, салат из цветной капусты, каша пшенная с тыквой. В описании монастырской «ествы» в XIX в. мы ничего подобного не найдем.

* * *

Вся жизнь в монастыре во все времена подчинялась Уставу, в том числе и вкушение яди². Самое подробное описание трапезы в Соловецком монастыре оставил П.Ф. Федоров³, встречается оно и во многочисленных записках и воспоминаниях паломников, побывавших во Святой обители. В большинстве своем они относятся к XIX в., когда Соловецкий монастырь, по меткому выражению В.Н. Немировича-Данченко, представлял собой «мужицкое царство», и не только потому, что со всей России стекались сюда крестьяне-богомольцы, но и потому, что основную часть братии составляли «простецы», люди некнижные⁴.

¹ Пустынь основана в 1822 г. соловецким архимандритом Макарием. Расположена примерно в 3,5 км от Соловецкого монастыря. Ныне – ботанический сад.

² Ядь – еда, пища, кушанье.

³ Федоров Петр Федорович – военный врач, исследователь истории Соловецкого монастыря, автор книги «Соловки» (Кронштадт, 1889. 344 с. Сер.: Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 19. Вып. 1), в которой подробным образом описывается как внешняя, так и внутренняя жизнь монастыря.

⁴ Братия монастыря была преимущественно из крестьянского сословия (в 1897 г. – 67%), преобладали выходцы из Вологодской (32%) и Архангельской (25%) губерний (среди трудников крестьян было более 80%). Грамотные из числа братии – 91% (умели читать и писать), образованными были очень немногие. Духовное образование (включая незаконченное) было только у 12% иеромона-

Правила поведения за общей трапезой предполагали всегда оставаться довольным предложенной «ествой»: «что ти поставят, о том не роптати» (Романенко Е. 2002: 227). Трапеза и в монастыре, и в любой крестьянской семье являла собой строгий ритуал, традицию. Так, «вся семья три-четыре раза в день чинно, без опозданий и разговоров, садится за стол, который в избе стоит, в большом углу. «Утреннее», или «утрешнее», подавалось на стол зимой в шесть-семь часов, а в летнюю страду в пять (иногда в четыре) часа. <...> Обед собирали в одиннадцать-двенадцать часов... Около пяти часов собирались все на полдник, или паужину, доедали то, что осталось от обеда, пили чай с молоком и хлебным. Ужинали после окончания работ; главная еда – что-либо молочное, кисель, ягоды. Каждый за столом знает свое место. Перед каждым на столе миска и деревянная ложка. <...> Никто не прикаснется к пище прежде, чем старший, дед или отец, не подаст к этому знак – постучит ложкой по краю миски или столешницы» (Гемп К. 2004: 99–100). Разговоры за столом среди детей не допускались.

Не менее строгий, чем «поморское харчевание», был ритуал трапезы в монастыре, что для крестьян – и монахов, и трудников, и паломников – было естественным и чем-то привычным. После предобеденных молитв и благословения снеди священником «все пришедшие, соблюдая строгое местничество, рассаживаются по скамьям вокруг столов, по 4 человека за каждое блюдо» (Федоров П.Ф. 1889: 170). То есть одна общая миска с едой полагается на четырех человек, как это бывает в крестьянских семьях.

В древности в монастыре использовалась деревянная посуда: миски, братыни¹ или ковши с расписными или украшенными резьбой ручками, также украшались и «хлебальные» ложки. На трапезе в Соловецком монастыре «у всех были деревянные ложки с вырезанною благословляющей рукою», некоторые были с надписями: «На трапезе благословенной / Кушать братии почитенной», «Во здравие братии». Сегодня в монастырской лавке можно купить деревянные ложки с пожеланием «Ангела за трапезой».

Ложка

В XIX в., по наблюдениям П.Ф. Федорова, «тарелки, блюда, в которых относится пища, стакан, разливная ложка – медные, полуженые с обеих сторон. Ни вилок, ни ножей нет. Вместо салфеток служат полотенца, идущая непрерывной полосой по коленям сидящих... В праздники на иеромонашеский стол вся посуда подается оловянная» (Федоров П.Ф. 1889: 171). К. Гемп также отмечает, что была оловянная посуда – «замечательные изделия Соловецкого монастыря – стаканы, чаши, миски, тарели и блюда. В монастыре такую посуду ставили на стол для трапезы. Приобрести ее было трудно, вырабатывали ее мало – разве что настоятель одарит богомольца, не покупившегося на вклад» (Гемп К. 2004: 109). Подтверждает наличие оловянной посуды и С.В. Максимов (Максимов С.В. 1984: 134), а вот о наличии вилок и ножей свидетельствуют Вас. Немирович-Данченко (Немирович-Данченко В. 2000: 94) и о. Николай Емельянов: «Повсюду у стен расставлены длинные столы с чистыми белыми скатертями и приборами, состоящими из тарелки, ложки, вил-

хов и 7% иеродиаконов, высшее образование – только у 1 человека. В XVI–XVII вв. большая часть братии была неграмотна (см.: *Ианнуарий (Недачин)*, *изум.* Указ. соч.)

¹ Братыня – большая деревянная чашка для питья.

ки, ножа и салфетки» (Вятские епархиальные ведомости 1893: 44). Данные различия объясняются, видимо, тем, что П.Ф. Федоров и С.В. Максимов описывают «нижнюю» или «рабочую» трапезы, а Вас. Немирович-Данченко (Немирович-Данченко В. 2000: 94) и о. Николай Емельянов – «верхнюю»¹.

Однако время вносит свои коррективы. Сегодня на трапезе в монастыре как в братской, так и для трудников из приборов используют только ложки, для еды – металлические миски-нержавейки и кружки из того же металла, что достаточно практично: такая посуда не бьется, хорошо моется, и она долговечна (если только трудники не уносят ее к себе в келье, что случается довольно часто). Впрочем, иногда на стол ставят разноцветные пластмассовые миски под салат и фарфоровые блюдца, что, следует признать, вносит некоторый «жанровый разноробой».

По замечанию П.Ф. Федорова, принятие пищи в трапезной своей торжественностью походило на «таинственное, полусвященное действие» (Федоров П.Ф. 1889: 170): с пением 144-го псалма братия входила в трапезную: «Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой, и благословлю имя твое в век и в век века...» – который относится к ряду прославляющих псалмов. Это благодарение за все дары, которые Господь дает человеку: «Очи всех уповают на Тебя, и Ты даешь им пищу их в свое время; открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению» (Пс. 144: 15–16).

Затем игумен, благословляя трапезу крестом, читал молитву: «Христе Боже,

Братская трапезная

Трапезная для трудниц

благослови брашно и питие рабом своим, ныне и присно, и во веки веков». Когда все чинно усаживались по своим местам, согласно монастырской иерархии, т. е. «по чинам»: за иеромонашеский передний стол у восточной стены – иеромонахи во главе с игуменом и наместником, за диаконский, стоящий вдоль всей правой стены до входа, – соответственно, иеродиаконы и рясофорные монахи; с левой стороны у стены – послушники; для трудников и паломников была устроена так называемая «нижняя» (богомольческая) трапеза.

Чередный иеромонах благословлял чтение жития святого, чья память совершалась в этот день. «Этот обычай издавна существует во всех монастырях для того, чтобы монахи слушали читаемое с гораздо большим удовольствием, чем вкушали

¹ «Верхняя» (братская) трапеза предназначалась только для братии и почетных гостей-паломников; «нижняя» (богомольческая) – для трудников и паломников; «рабочая» – для наемных работников.

пищу и питье, дабы “виден был ум, не озабочиваемый телесными удовольствиями, но увеселяющий более словесами Господними”» (Романенко Е. 2002: 245).

При первом ударе в «кандею» (подобие колокольчика) игуменом священник прочитывал положенные перед едой молитвы: «Отче наш», «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», дважды «Господи, помилуй» и «Господи, благослови». Все молились и затем садились, но за еду пока не принимались. Второй удар колокола предназначался для послушников, которые выходили из Келарской палаты и быстро начинали расставлять «вариво» и питье по столам.

Лишь при третьем ударе все принимались за трапезу. Каждое «брашно» – перемена блюд – благословлялось отдельно и также возвещалось колоколом. Трапеза, как в любой крестьянской семье, происходила безмолвно и тихо, разговоры вести никому не позволялось. «За обедом... все шло тихо, чинно и спокойно» (Немирович-Данченко В. 2000: 94).

Келарская палата (фото XIX в. Я. Лейцингера)

По окончании трапезы келарь собирал остатки хлеба, над которым игумен произносил молитву: «Христе Боже, благослови укрузи сия и умножи во святей обители сей...». Согласно Соловецкому уставу, «выносу из трапезы не бывает».

Затем братия вставала из-за столов, совершалось уставное последование Чина о Панагии¹: возношение Богородичной просфоры (верхней ее части) со словами «Велико Имя...» совершал диакон, снимая клобук (при этом держать просфору он должен был тремя пальцами обеих рук – двумя правой и одним левой руки), затем игумен раздроблял ее братии, сам вручая частицу келарю, после чего диакон разносил братии частицы в серебряной чаше. Священники и диаконы брали частицы сами, не состоящим в священном сане частицы из чаши подавал диакон. Келарь и чтец обедали после – не в общей трапезе, а в келарской палате (Ианнуарий (Недачин), игум. 2010).

¹ Сущность чина о Панагии (*παναγία* – «Всесвятая» или «Пресвятая») заключается в том, что братией из храма по окончании Литургии износится просфора, из которой на Литургии была вынута частица в честь Богородицы, в монастырскую трапезу; там ее полагают на особом блюде, и по окончании трапезы с прославлением Св. Троицы и молитвою Пресв. Богородице просфору возвышают (поднимают), и после раздробления все вкушают от нее. Цель чина – соединение трапезы с только что окончившейся Литургией, чтобы та и другая явились одним богослужением, и первая сообщила свою благодать второй. Свт. Симеон Солунский (кон. XIV – XV вв.), византийский литургист, писал: «Часть хлеба мы каждодневно приносим сущему в Троице Единому Богу нашему о имени Богородицы, потому что посредством Ее Божественного рождения мы познали Св. Троицу и потому что Она родила нам Хлеб животный». Благочинный Соловецкого монастыря архим. Ианнуарий, отмечает, что в XIX в. Чин о Панагии проходил иначе, чем сейчас. «В Успенскую трапезную из соборного храма шли с пением 144-го псалма. Порядок шествия был следующий: вначале шли певчие, затем иеромонах, несший высокое блюдо с большой Богородичной просфорой (по Соловецкому уставу XVII в. перед иеромонахом шел еще келарь), затем настоятель, а после него уже шла братия. В трапезной перед вкушением пищи раздроблялась и раздавалась присутствующим половина Богородичной просфоры («подножие»), вторая ее половина разделялась и раздавалась после трапезы, по возношении Панагии. При этом после того как братия садилась за столы, сперва начиналось чтение, затем разносилась пища (игумен в это время раздроблял «подножие»), затем игуменом (или чередным иеромонахом) пища благославлялась, потом разносилась раздробленная часть просфоры и только после этого начиналось вкушение пищи» (см.: *Ианнуарий (Недачин), игум. Указ. соч.*).

Благодаря чину о Панагии монастырский обед превращался в настоящее богослужение.

Этот обряд упоминается практически во всех воспоминаниях и записках паломников: «В конце трапезы разносились кусочки просфоры, или Богородичного хлеба, освященного в конце пением и разрезанного при том же пении и тогда же» (Максимов С.В. 1984: 134–135). Вас. Немирович-Данченко кратко замечает, что по окончании обеда была «раздача благословенного хлеба и вновь пение псалма» (Немирович-Данченко В. 2000: 95).

Как правило, воспоминания паломников о порядке проведения и самой монастырской соловецкой трапезе похожи одно на другое: подробно перечисляются кушанья и отмечается их замечательный вкус. Так, Вас. Немирович-Данченко описывает обед, который и в будни, и в праздники, и в посты состоял из четырех блюд: «При мне на обед было подано: соленая сельдь, окрошка из щуки со свежими огурцами, суп из палтуса, уха из свежих сельдей, пшенная каша с маслом и молоком. Кроме того, перед каждым лежал громадный кусок хлеба, фунта в два с половиною. Мяса, разумеется, не подается никогда, и монахи быстро привыкают к этому, тем более, что большинство – крестьяне и дома у себя редко видели мясо. Северный крестьянин питается трескою и прочими рыбами, хлебом, брусникой, морошкой, солеными грибами (волнухами) и у моря – сельдью.

– Хорошо едят монахи!

– Кажись, такую бы жисть – не ушел бы из монастыря!» (Немирович-Данченко В. 2000: 95).

Каши – самая привычная еда и в монастырях, и в крестьянских семьях, можно сказать, исконно русское блюдо. В Соловецком монастыре была своя «специфика»: каши подавались двух видов: «темная» (гречневая) – по будням, «белая» (пшенная) – по праздникам.

Ужин состоял из трех блюд, оставшихся от обеда. Вот как описывает ужин в обители паломник свящ. Николай Емельянов: «На ужине при мне было подано: соленая сельдь, окрошка из соленой трески с капустою и картофелем, суп из палтуса, просовая каша со скоромным маслом и кислое молоко. Кроме того, перед каждым лежал огромный ломоть черного хлеба весом приблизительно в 1,5 фунта» (Соловецкая обитель 2014: 411).

«Около половины монашествующих на ужин не ходили, по причине или воздержания от позднего приема пищи, или потому, что подкреплялись в келье (при этом пищу из трапезной брать в келью было нельзя, в келье употреблялись продукты, полученные из других источников, например, приобретенные в монастырской лавке за деньги). В братских корпусах (в XIX в.) в коридорах были очаги, на которых можно было подогреть или приготовить пищу» (Ианнуарий (Недачин), игум. 2010). Впрочем, некоторые монахи вовсе не ужинали, по той причине, что «легче вставать с тощим желудком» (Федоров П.Ф. 1889: 173).

В книге известного писателя-этнографа С.В. Максимова «Год на Севере» отмечается, что трапеза состояла из четырех блюд: «соленые сельди с луком, перцем и уксусом; треска со сметаной и квасом; уха, удивительно вкусная, из сегодня выловленных сельдей; и каша гречневая с коровьим маслом и кислым молоком» (Максимов С.В. 1984: 134). По оценке путешественника, побывавшего в Соловецком монастыре в 1828 г., «уха из здешних сельдей вкусом почти не уступает стерляжьей» (Московские ведомости 1828: 317).

Как видим, в основном к столу подавалась преимущественно рыба разных сортов. Соленая сельдь, приготовляемая по особым рецептам, считалась одной из лучших (она даже была блюдом царского стола со времен царя Ивана Грозного и святителя Филиппа). Сохранились описания монастырского посола сельди и ее хранения. Известны четыре сорта соленой соловецкой сельди:

– «архимандричья – особо крупная, посоленная с пряностями – с кориандром и Богородицкой травкой¹. Десятифунтовый бочонок такой сельди – подарок почетным гостям и щедрым вкладчикам;

– городовая – свежепросоленная для продажи в Архангельске, Онеге, Вологде;

– монастырская – для внутреннего обихода на год, крепко засоленная;

– богомольничья – для трапезной приезжих богомольцев, свежепросоленная, мелкая и помятая» (Гемп К.П. 2004: 40).

Жирная и нежная, сельдь засаливалась особым поморским способом: непотрошеную селедку помещали в бочки, заливали водой и оставляли отмачиваться на 3–4 часа. Для засола использовалась только морская беломорская соль, очень крупная и серая². «Так как засол этот совершается с большею опрятностью и вниманием, то соловецкие сельди почитаются самыми лучшими из всех беломорских (особенно выловленные в Троицком заливе Анзерского острова). Правда, что рыба эта, при изобилии корма у берегов островов Соловецких, делается жирною и даже светлеет телом» (Максимов С.В. 1984: 292).

Казалось бы, однообразие пищи – каждый день рыба (кроме постных дней) – может надоесть, «приестся». Но, по отзывам поморов-«трескоедов», «без запаха треска не треска, хлеб да треска никогда не надоедают» (Федоров П.Ф. 1889: 174). Любопытные наблюдения, касающиеся рыбной кухни, делает П.Ф. Федоров: «... нужно отметить еще следующий, всем потребителям трески и палтуса известный факт: свежие рыбы весьма быстро, в несколько дней, приедаются и вызывают отвращение; наоборот, соленые, с запахом, представляют ежедневную пищу монахов и всех поморских жителей Белого моря, причем запах этих рыб, конечно, только в известной, не чрезмерной степени, придает им своего рода нравящуюся пикантность, возбуждательность. Может быть, благодаря этой пикантности, а по всей видимости, благодаря присутствию большого количества поваренной соли, устраняет приедание обеих рыб» (Федоров П.Ф. 1889: 174).

Таким образом, чтобы не было «приедания» и, как следствие, потери аппетита, рыба часто обладала сильными «раздражающими свойствами», т. е. порой неприятным, отгалкивающим запахом (была «с душком»), и приправлялась острыми веществами: «...у непривычного человека, который бы вздумал попробовать пищу монахов прямо из их блюд, долго жжет во рту и глотке. <...> Палтус и особенно треска всегда издают более или менее сильный запах, указывающий на большую или меньшую степень их разложения и бывающий столь неприятным, что непривычные люди, приехавшие издалека, не только не могут их есть, но даже выносить этого запаха» (Федоров П.Ф. 1889: 173). Однако врач-исследователь отмечает, что монашеская пища вполне могла поддерживать силы человека; недо-

¹ Богородичная трава – чабрец, с пряным запахом, обладает целебными свойствами.

² Сегодня заядлые рыбаки предлагают следующий рецепт засолки соловецкой сельди: на дно высыпать слой соли, далее селедку в один ряд головами в одну сторону, как стрелки часов на 12 ч.; слой соли, селедка в один ряд, головами в одну сторону, как стрелки часов на 15 ч. Слой соли, селедка в один ряд, головами в одну сторону, как стрелки часов на 18 ч. Слой соли, селедка в один ряд головами в одну сторону, как стрелки часов на 21 ч. Далее круг начинается заново. Наполненную рыбой тару накрывают крышкой и ставят груз. Через 12 часов сельдь готова.

статок жиров восполнялся белками и углеводами. Тем не менее для столь грубой и однообразной пищи нужно было обладать крепким желудком. Больных с различными расстройствами кишечника среди братии было значительное число (от 16% до 25%). При этом не наблюдалось больных цингой или скорбутом (Федоров П.Ф. 1889: 177).

Удивляет, однако, что из паломников или исследователей соловецкой монастырской жизни почти никто не упоминает о таком продукте, как чеснок (лат. *alium*; праслав.**česnykъ* от **česny*: «чесать, скрести, рвать, драть» с этимологическим значением «расщепленная, расколота луковица»; см.: Срезневский И.И. 2912: 1503). Следует отметить, что чеснок упоминается еще в Ветхом Завете: «Пришельцы между ними стали обнаруживать прихоти; а с ними и сыны Израилевы сидели и плакали и говорили: кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и чеснок; а ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших» (Числ. 11: 4–6). На Руси, куда чеснок попал из Византии, он стал известен в IX в.

Острый на вкус, с резким запахом, чеснок является не только приправой к блюдам, но также обладает противочинготными и противовоспалительными свойствами. В народе говорили, что чеснок семь недугов изводит, а также «чеснок да редька, так и на животе крепко». Можно предположить, что чеснок все-таки привозили на Соловки из Архангельска и употребляли в пищу. В настоящее время его каждый

Тарелка с чесноком (совр.)

день подают на полдник вместе с луком и свежими овощами. Нарезанный и заправленный подсолнечным маслом чеснок не обжигает рот и желудок, и кроме того не дает сильного запаха.

В XIX в. на столах в трапезной обязательно стояли солонка, перечница, бутылки с уксусом и жидким хреном¹. Конечно, острая и соленая пища вызывали затем сильную жажду, поэтому монахи в большом количестве пили чай (два-три раза в день) и квас – не менее 10 стаканов в сутки (Федоров П.Ф. 1889: 178). Этому «народному напитку», столь любимому и в монастырях, и в деревнях, стоит уделить особое внимание.

Еще «Стоглавом»² квасы делились на «житные» (из ячменного и ржаного солода) и «медвяные»; в «Домострое» Сильвестра дается рецепт медового кваса³. В Соловецком монастыре приготавливали 15 видов кваса, для варения которого была построена особая квасоварная

¹ Свежий тертый хрен заваривали горячей водой на 3–4 часа, затем добавляли квас и разливали по бутылкам. Большая часть хрена закупалась в Архангельске. См.: Федоров П.Ф. Указ. соч. С. 171.

² Стоглавый собор – церковный и земский – проходил в Москве в 1551 г. при участии царя Ивана Грозного и Боярской Думы. Сборник решений собора состоит из 100 глав, что и дало ему название.

³ «А сытить простой квас медвяной просто: взять меду, патоки вчетверо да процедить через сито начисто, да положить в сосуд, а заквасить простым калачом свежим (без дрожжей) и лишь закиснет – сливать в бочки». См.: Шмелев Н.П. Сильвестр. Домострой. М.: Ассоц. «Книга. Просвещение. Милосердие», 1996. С. 327. (Историческая библиотека альманаха «Русская старина»)

Башни Квасоваренная и Поваренная (фотокон. XIX – нач. XX в. С.М. Прокудина-Горского)

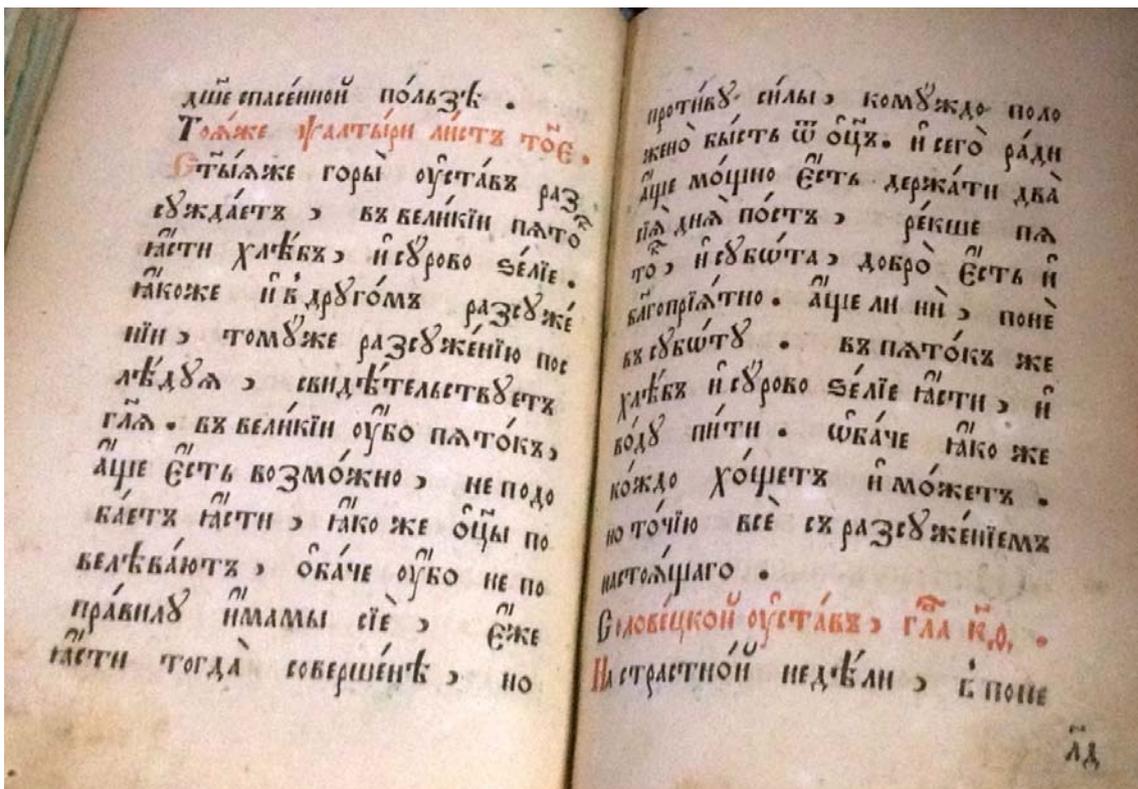
башня. В будние дни к трапезе подавался кислый («вырви глаз») с пеной хлебный квас из сухарей, который иногда подслащивали морошкой; яшный (ячневый) или овсяный квас; в праздничные дни – медовый (хмельной и обычный). Монастырский квас был не только вкусен, но и полезен, помогал поддерживать силы (своего рода средневековый «энергетический напиток»), а также «излечивал от самых невероятных болезней» (Романенко Е. 2002: 237, 245). Его варили в Квасоваренной башне, затем сливали в огромные бочки. «В погребе было шесть бочек, емкостью каждая 225 ведер. Они были подвешены на цепях. В бочках квас вызревал. От брожения кваса бочки медленно покачивались. Зрелище необычайное. Всем приезжим разрешалось им любоваться» (Гемп К.П. 2004: 53).

Однако медовый квас, заквашенный на дрожжах и хмеле (т. е. медовуха), как «пиянственное питье», был запрещен упомянутым Стоглавым собором, а на Соловках еще раньше – преподобным Зосимой: «Пиянственного питья в киновии имети никакоже». В 1591 г. царь Феодор Иоаннович своей грамотой напомнил о необходимости держаться древнего устава и запретил готовить в обители медовый квас. Царь Михаил Феодорович грамотами 1621 г. и 1636 г. снова подтвердил это, повелел «хмельное питье в монастыре по кельям вывести» и воспретил ввозить хмельные напитки в обитель (Ианнуарий (Недачин), игум. 2010). В период правления царя Алексея Михайловича (1637 г.) соловецкому игумену особой грамотой повелевалось искоренить пагубный обычай среди монахов держать хмельной квас в кельях, выносить из трапезной сыченый квас и доквашивать его в кельях дрожжами (Досифей (Немчинов), архим. 1836: 270), а тех, кто нарушает запрет, требовалось смирать «монастырским всяким смирением».

«Запрещение на ввоз горячительных напитков соблюдалось в монастыре до его закрытия в XX в.: каждое судно по прибытии в гавань осматривалось, хмель-

ные напитки отбирались и возвращались владельцам только тогда, когда они покидали остров, отправляясь в обратную дорогу. К трапезе вино в монастыре никогда не поставлялось, только в праздничные дни для старейшей братии благословлялось настоятелем употребление «винной порции» (в XIX в. – водки) в келарской комнате; в храмовые и высокаторжественные дни такое угощение имело место в покоях настоятеля. В середине XIX в. были заведены две таких порции: полиелейная (около 50-ти раз в год) для иеромонахов, иеродиаконов и клиросных и воскресная (во все воскресные дни) для всех вообще «заслуженных старцев-монахов». В конце XIX в. такой порядок был прекращен и в праздничные дни, в которые небольшое количество водки (от 1 до 3 рюмок) предлагалось перед общей праздничной трапезой настоятелем (в его покоях для части братии) или его келейником (для остальных монашествующих), избирались по своему усмотрению настоятелями (таких дней при разных настоятелях было от 20 до 35)» (Ианнуарий (Недачин), игум. 2010).

Как уже отмечалось, монастырский быт полностью подчинялся монастырскому Уставу, а распорядок дня – богослужебному, основу которого составлял Типикон (греч. *Тυπικόν* от *τύπος* – ‘образчик’, в пер. на русский – Устав Церковный). С богослужением самым тесным образом связана трапеза. По словам апостола, «едите ли вы, или пьете, или что делаете, – всё во славу Божию делайте» (1 Кор. 10: 31).

«Устав Соловецкого монастыря о употреблении пищи, то есть, когда и какая позволена быть может»

Ежедневная монашеская трапеза определялась Уставом и зависела от Церковного календаря. Подробнейшим образом ее описывает архим. Ианнуарий в своей работе «Особенности устава Соловецкого монастыря (XV – нач. XX в.)» (пп. 39–40).

В дни строгих постов – Великого и Успенского – рыба не полагалась, а также в понедельник, среды и пятницы Рождественского и Петровского постов¹ и некоторые другие дни (Воздвижение Креста Господня, Усекновение главы Иоанна Предтечи, Рождественский и Крещенский сочельники. Соловецкой особенностью был постный день 7 июля – накануне празднования Казанской иконы Божией Матери, в память об избавлении обители от нападения английской эскадры в 1854 г.). В скоромные дни разрешались молочные продукты.

По мнению древних святых подвижников, главное заключается не в постах и веригах, а в том, чтобы Дух Святой жил в сердце, чтобы оно было исполнено любовью. Так, преп. Нил Сорский утверждал, что важнее всего духовное, внутреннее строение, внутреннее созидание жизни. Этому должно подчиняться всё, в том числе и посты. Святой наставлял свою братию, что лучше пить и есть вдоволь, чем поститься, если у тебя нет любви, нет благодатного духовного состояния. «Бóльший вред от тех, кто постится и злится». По мнению преп. Нила, важнее пост духовный, а не телесный; монашество нуждается не в умерщвлении плоти (что приводит к слабости тела, не способствующей духовным подвигам, о которой говорит царь Давид: «Колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя изменися елеа ради», Пс. 108: 24), а во внутреннем духовном самосовершенствовании. Во всем подвижник следует учению великих отцов пустынников: «Сиди в своей келии; если голоден – ешь, если жаждешь – пей; никого не злословь и спасешься»; «Лучше есть мясо и пить вино, нежели злословием снестать плоть брата своего» (Скитский патерик 2001: 142). Таким образом, смысл православной аскезы значительно глубже, чем вопрос о том, что можно есть в пост, а что нет.

Однако и пост телесный необходим. Свят. Игнатий (Брянчанинов) учит: «Укрощенное постом тело доставляет человеческому духу свободу, силу, трезвенность, чистоту, тонкость» (Игнатий (Брянчанинов), еп. 1903: 210). В народе та же мысль выражалась короче и строже: «Сытое брюхо к молитве глухо». Соединение внешнего поста с внутренним, наверное, и является истинным и богоугодным. Соловецкий устав наставляет, что пост должен быть по силе, кроме «великаго и тяжкаго недуга» (Устав), но главное, о чем следует помнить, – «пост же истинный яко Божественные писания показывают нам не от брашен токмо, сиречь, пищи и пития удалятися, но и злых дел воздержатися и от всякаго греха всегда хранити себе» (Устав).

В Соловецком монастыре на 1-й седмице (неделе) Великого поста в понедельник, среду и пятницу трапеза не полагалась; во вторник и четверг, для поддержания сил, братия могла вкушать «хлебы белые, взвар с мёдом, морошку или капусту соленую и «мешеное толокно» (т. е. толокно², смешанное с ягодами)» (Устав ЛЗ).

О. Ианнуарий отмечает, что дневная трапеза поставлялась только в среду, пятницу и субботу, ужина не было (в среду и пятницу пищей была капуста с квасом, грибовница³, каша без масла), в остальные дни этой седмицы трапеза никакая не поставлялась, разрешалось только брать без ограничений хлеб из хлебной.

В настоящее время, согласно монастырским столовым обиходникам (меню), понедельник, вторник и четверг первой недели Великого поста являются днями

¹ Великий пост продолжается семь недель перед Пасхой; Петров (Апостольский) начинается через неделю после Троицы и заканчивается 11 июля, может продолжаться от 8 до 42 дней – в зависимости от даты празднования Пасхи; Успенский – с 14 по 28 августа (по нов. ст.); Рождественский (Филиппов) – с 28 ноября по 6 декабря (по нов. ст.)

² Толокно – мука из зерен овса или ячменя, пропаренная, высушенная, обжаренная, очищенная и растолченная в ступке.

³ Грибовница – похлебка из грибов с картофелем и луком.

Морошка и клюквенный морс

Маслины, моченые яблоки, курага

сухоядения, братия вкушает пищу только один раз в день (картофель печеный без масла, яблоки моченые, соленые помидоры и огурцы, лук, чеснок). В среду и пятницу уже можно есть горячие блюда: суп картофельный или вермишелевый, суп полевой с ячкой¹, кашу пшеничную вязкую, овощное рагу, к столу также подаются маслины (вкус которых в монастыре в XIX в. вряд ли знали монахи).

В субботу и воскресенье благословляется еда с маслом; кроме обеда, подается ужин. Обед состоит из блюд: «ясти студеные» (например, капуста квашеная) и «горячее вариво» (борщ с постным майонезом, о котором в XIX в. еще, конечно, не слыхивали); из напитков – томатный сок.

«По древнему Соловецкому уставу, зафиксированному в рукописях XVII в., правила поста в обители были несколько иными, чем в XIX в. Эти правила отличались и от подобных правил для материковых обителей. Ввиду скудости традиционных продуктов питания на острове, в первую очередь хлеба, и при этом относительно изобилия рыбы, в некоторые постные дни Соловецким уставом разрешались два вида рыбной пищи: пласти и суши (сушеная рыба разных пород: пласти – крупных, суши – мелких), причем пласти рассматривались как бóльшая мера послабления поста, чем суши. При этом и пласти, и суши считались меньшей степенью послабления поста, чем просто рыба, которую разрешали в Соловецкой обители по общим правилам Типикона: «Паки Соловецкая обитель во стране скудней не точию всякими потребами, но и хлебом, а немощь телесная паче же у подвижающихся требует укрепления, рыбою же имяху изобилие, и того ради почасту имяху снисходительное разрешение на сушеную рыбу и пласти. Обаче зри тщательное хранение поста в них,

Постный борщ

Ячневая каша

¹ Суп полевой с ячкой– овощной суп с картошкой, капустой, луком, морковкой, нарезанными кубиками, с ячневой крупой (ячменной сечкой) для сытости.

понеже они имяху всегда свежая рыбы, обаче и по нужде на ню не в подобающее время не разрешаху, но точию на суши и пласти» (Устав Л.3). Так, Великим постом

Перловка с овощами

по субботам и воскресениям разрешались пласти» (Ианнуарий (Недачин), игум. 2010).

В настоящее время на 4-й неделе Великого поста – Крестопоклонной – в монастырское меню включаются морепродукты, такие как кальмары (жареные), плов с морепродуктами. Следует заметить, что и греческие монахи в Великопостные дни вкушают «черепоконных», которых не относят к рыбным продуктам. В субботу на обед в Соловецком монастыре подается коливо поафонски¹ (с шоколадом / какао и сухофруктами), а на ужин в отдельные дни (понедельник, пятница) – картофель от-

варной в мундире, который в шутку называют «картошкой в подряснике».

На Страстной седмице на Соловках в понедельник и среду трапеза поставлялась только «на произволяющих», т. е. к трапезе приходили только те, кто «изнемог», ели три «ествы студеные» – блюда из невареной пищи (Романенко Е. 2002: 262). Во вторник было сухоядение (капуста, ягоды, толокно); в четверг – горячая пища без масла (щи, лапша гороховая, каша соковая); в Великий пяток не ели ничего, а в Великую субботу после Литургии – «укрухи».

К продолжительным, но не строгим постам относятся Петров (летний) и Рождественский (зимний). По замечанию Е. Ромененко, в Соловецкой обители Рождественский пост до праздника святителя Николая (25 декабря по нов. ст.) был слабее, чем в других монастырях (Романенко Е. 2002: 252): по вторникам, четвергам, субботам и воскресениям разрешалась рыба (в субботу и воскресенье были две трапезы, во вторник и четверг – одна), по понедельникам, средам и пятницам была пища без масла (в понедельник 2 горячих блюда и 1 холодное, в среду и пятницу – 1 горячее и 2 холодных).

Последняя неделя поста была гораздо строже: только в воскресенье разрешали на пласти. В предпразднество Рождества Христова по субботам и воскресениям дозволялось масло, в остальные дни постились, как в Великий пост.

Перед Сочельником (в 2015 г.) завтрак состоял из пареной кураги, маслин, моченых яблок и ячневой каши (из дробленых зерен ячменя; к слову сказать, ячмень – это единственное, что вызревало на холодном острове). Ячневая каша издревле признавалась самой «спорой и вкусною».

На обед также была каша, но перловая с морковью и луком, рассольник с рисом, салат из свеклы с постным майонезом и неизменный чеснок.

¹ Рецепт афонского коливо: пшеницу варят на слабом огне в чуть сладкой воде 1,5–2 часа, затем ее смешивают с дроблеными орехами, изюмом, кокосовой стружкой, сахаром и тертыми сухарями, чтобы они впитали влагу и коливо стало рассыпчатым. Коливо выкладывают на большое блюдо, выравнивают поверхность, посыпают сверху слоем сухарей и сахарной пудры. Украшают орехами, сухофруктами, сахарной пудрой и корицей. См.: temptousia.ru

В Рождественский сочельник (навечерие накануне празднования Рождества Христова) трапеза бывала только один раз. По традиции в этот день христиане ничего не вкушали до появления первой звезды, что связано с евангельским рассказом о появлении путеводной Вифлеемской звезды. Кроме ангельского благовестия простым пастухам, чудесная звезда указала путь ко младенцу-Христу волхвам-«звездословцам».

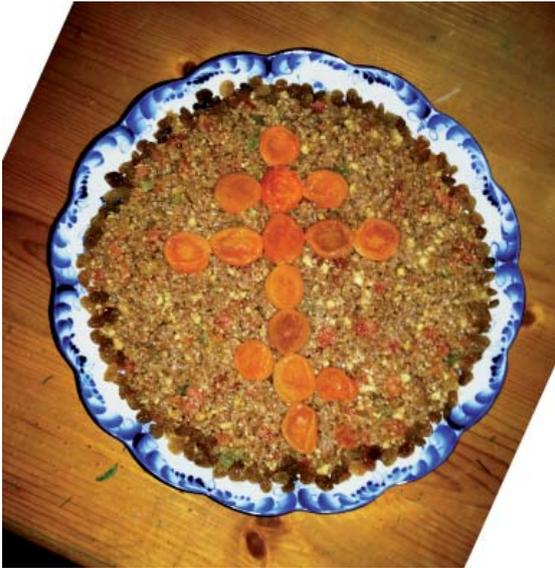
В народном быту в день накануне Рождества Христова было принято устилать пол в избах сеном, а стол – соломой, поверх которой клали белоснежную скатерть – в память о том, что Спаситель родился в яслях, в овечьем хлеву, а не в царском чертоге. На столе в Рождественский сочельник должно быть двенадцать постных блюд – по числу первых апостолов, а также орехи, овощи, постные пироги и пряники. К трапезе приступали только после вечерней службы («в три часа ночи, т. е. около 8–9 вечера по нашему исчислению») (Романенко Е. 2002: 252–253). Этот предпраздничный ужин, который проводился в семейном кругу, был тихим и торжественным.

В Сочельник после Литургии свт. Василия Великого и следующей за ней вечерней из алтаря выносят икону Рождества Христова и свечу со звездой, поют тропарь празднику и читают молитву на освящение колива.

Освящение колива в Троицком соборе (Соловки, 6 января 2016 г.)

Типикон предписывает строгий пост до конца вечерни. После выноса звезды в Соловецком монастыре обычно бывает трапеза. В XIX в. в этот день подавали «по три четверти хлеба на брата, щи борщевые с конопляным маслом, кутью (сочиво) с квасом из жита, пироги с горохом и квас ячневый» (Романенко Е. 2002: 253), но главным блюдом, естественно, являлось коливо (рассыпчатая кутья) –

Коливо

стырским творогом, сыром (покупным, привезенным из Архангельска), ватрушками с брусникой, конфетами и какао.

Однако главный «пир» устраивается во время обеда, когда к столу подаются рыбники, бутерброды с икрой, конфеты и даже торт, который также привозят самолетом из Архангельска. На Святках в течение всей недели на трапезе бывает рыба: хек по-поморски, рыбные котлеты, форель, запеченная под помидорами и сыром, окунь, запеченный под сметаной с чесноком¹.

Сегодня наличие фруктов и свежих овощей, подаваемых на трапезе в монастыре, мало кого может удивить. Фрукты дают по возможности и наличию: зимой – яблоки, закупленные с осени; мандарины, апельсины, грейпфруты закупаются в местном РАЙПО, куда доставляются из Архангельска самолетом.

Рождество Христово – один из самых светлых и радостных праздников в году, уступающий в торжестве только Пасхе. Есть в нем что-то детское по своей чистоте и самой атмосфере. Его с нетерпением ждут и дети, и взрослые. Самым любимым символом праздника является елка. К слову сказать, традиция наряжать елку на Рождество пришла в Россию из Германии. Обычно это связывают с Петром Первым, однако по приказу царя еловыми ветвями украшались храмы, сами деревья не рубили. Традиция украшать елки игрушками и сладостями появилась позже. В этот день на Соловках готовятся особые рождественские блюда: козули², пироги

Рождественская трапеза

¹ Из современного монастырского меню Соловецкого монастыря.

² Козули – северные пряники, символ Поморья. Название происходит от поморского слова, обозначающего «завиток», «змейку». Делают их в виде разных фигурок, украшают глазурью.

Уха, овощи, фрукты на рождественской трапезе

лучший обед в году в первый день Пасхи. В этот день в Соловецком монастыре «каждому в отдельности предварительно дается кусок сдобной булки, сыра, чухонского масла², одно яйцо и чарка водки. Затем обычное меню обеда: 1) холодное из семги со сметаной, зеленым луком и квасом; 2) щи с палтусом, капустой и сметаной;

и, конечно, блюда из рыбы, например, «монастырской» – ряпушки¹.

Морошка также является украшением рождественского стола.

Самый замечательный день в году – Пасха-красная – «праздник праздников и торжество торжеств». Светлое Воскресение Христово – всегда день великой радости, высшая из всех радостей. По словам «русского златоуста» – Кирилла епископа Туровского, в этот Светлый день небом стала земля, очищенная от бесовской скверны, обновилась и люди. Этот праздник для всего мира являет торжество обновления и спасения.

Кулич, творожная пасха и крашенное луком красное яйцо – обязательная троица на пасхальном столе. Как правило, освящаются они после Литургии в Великую Субботу.

Как отмечает П.Ф. Федоров, самый

Ряпушка

Праздничная трапеза: крендельки, козуля, рыбники

¹ Ряпушку варят не больше десяти минут, иначе она разварится и превратится в кашу с костями. Рыба, из которой варилась уха, подается как «вторая перемена».

² Чухонское масло – очень жирное домашнее масло, которое готовят особым способом, смешивая сметану и кислое молоко. «Чухонское масло (простореч. устар.) – сливочное масло, не перетопленное». См.: Толковый словарь русского языка: В т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1940.

Морошка

3) уха из свежей рыбы; 4) пшенная каша с молоком и маслом» (Федоров П.Ф. 1889: 172).

В настоящее время на Светлой седмице в Соловецком монастыре, помимо традиционных кулича, пасхи и яйца, на обед бывает: борщ со сметаной, треска (запеченная под майонезом с чесноком или припущенная в овощном бульоне), салат «Цезарь» или «Оливье» (разумеется, без мяса)³³.

И все-таки главным делом в монастырской жизни всегда остаются молитва и послушания. Повседневная жизнь монаха скрыта от нескромных взглядов мирских людей. Приоткрыва-

ют ее для нас воспоминания и записки как древних, так и современных паломников и трудников. Последние часто оставляют свои отзывы и впечатления от посещения обители на сайте Соловецкого монастыря. Отзывы эти всегда отличаются эмоциональностью и восторженностью. Соединение красоты монастыря и окружающей его природы являет неотмирную, горную красоту – зримый образ Царствия Небесного на земле. Восхищение историей, святыней, постройками монастыря, участие в длинных, неспешных богослужениях, прогулки по изумительно красивым местам острова, которые напоминают как о славной, так и о трагической истории этого места, – всё это оставляет яркие и незабываемые впечатления.

Пасха. Освящение праздничной снеди в Филипповском храме (Соловки, 2011)

«Второстепенное»: быт, еда, распорядок дня и прочие неинтересные подробности – обычно в таких воспоминаниях о паломническом путешествии опускаются. Именно поэтому обратили на себя внимание заметки «московского клерка», как он сам себя называет, в которых «завеса приоткрывается». Образованный, современный москвич описывает свою трудническую жизнь в Соловецком монастыре, уделяя внимание мелочам, которые «крупно бросаются в глаза». Для этнографа, культуролога это, несомненно, ценный материал.

«Едят в монастыре только ложками. Кормят очень душевно. Еду готовят согласно православному календарю, мясо не едят вообще. За все время я ни разу не почувствовал нехватку каких-либо продуктов. В постные дни обычно дают каши (геркулес, рисовую или пшенную), белый и серый хлеб, повидло. Из напитков – чай в больших чайниках уже с сахаром, кофе, иногда цикорий. Но самое вкусное выпадает на непостные дни: каши на молоке, творог, сыр, сливочное масло, молоко, и всё собственного приготовления. В конце приема пищи кто-то стучит ложкой по кружке, все встают, молятся, убирают тарелки и уходят готовиться»

В конце приема пищи кто-то стучит ложкой по кружке, все встают, молятся, убирают тарелки и уходят готовиться

Пасха

приносит ништяки¹: печенье, халву или рыбные консервы. После ужина богослужение. В 22:00 все ложатся спать» (Ояма Е. 2016) (Ояма Е. 2016).

Записки «московского клерка», по сути, мало чем отличаются от записок паломников XIX в.: они описывают тот же быт, тот же распорядок, почти ту же еду, что была полтора столетия назад, разве что «ништяки» и «добавки» в неурочное время являют собой исключение.

Соловецкий монастырь до сего времени сохраняет свои уникальные духовные традиции, проникнутые Евангельским духом, которые являются немеркнущим идеалом для братии обители. Не менее бережно братия монастыря стремится сохранять правила, касающиеся монастырского быта, которые складывались на протяжении веков.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Я.И. Современная ихтиофауна Соловецких островов Белого моря // I Конгресс Ихтиологов России. Тезисы докладов (Астрахань, сентябрь, 1997). М.: Изд. ВНИРО, 1997.

Во отце океана моря... Путеводитель / Авт.-сост. М.В. Осипенко. М.: О-во сохр. лит. наследия, 2007. 358 с.

Путешествие в Соловецкий монастырь (Дневник богомольца) // Вятские епархиальные ведомости. 1893. № 1. С. 36–45.

Гемп. К. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / Вступ. ст. Д.С. Лихачёва. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004. 637 с.

Досифей (Немчинов), архим. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря: в 2 т. М., 1836.

Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев. Изд. Соловецкой обители, 2001. 119 с.

Ианнуарий (Недачин), игум. Особенности устава Соловецкого монастыря (XV – нач. XX в.): Рукопись. Соловецкий монастырь, 2010. 50 с.

Игнатий (Брянчанинов), еп. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их... 4-е изд. СПб., 1903. 560 с.

Летописец Соловецкий. Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2010 [Репринт]. 188 с.

¹ Ништяки (молодеж. сленг) – вкусные остатки еды, устаревшее значение – объедки в предприятии общественного питания.

Максимов С.В. Год на Севере / Вступ. ст., подг. текста и примеч. С. Плеханова. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд., 1984. 605 с.

Немирович-Данченко Вас. Наши монастыри. Соловки. Женская обитель. М.: Лодья, 2000. 254 с.

Растения: Энциклопедия. М.: «Эксмо», 2005. 256 с.

Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Мол. гвардия, 2002. 330 с.

Скитский патерик о стяжании евангельских добродетелей. Сказания об изречениях и делах святых и блаженных отцов Христовой Церкви. М.: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. 383 с.

Скопин В.В. На Соловецких островах. М., 2007. 255 с.

Соловецкая обитель: история и святыни. Книга паломника / Авт.-сост. М.В. Осипенко. Соловки: Изд. Соловецкого монастыря, 2014. 627 с.

Соловецкий патерик. М.: Синод. библиотека, 1991. 251 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. 1678 стлб.

Странички из дневника паломника // Вера и церковь. М., 1899. № 7–8.

Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт, 1889. 344 с. (Сер.: Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 19. Вып. 1).

Шмелев Н.П. Сильвестр. Домострой. М.: Ассоц. «Книга. Просвещение. Милосердие», 1996. 363 с. (Историческая библиотека альманаха «Русская старина»).

[www//pemptousia.ru](http://pemptousia.ru)

[www// solovki-monastyr.ru](http://solovki-monastyr.ru)

REFERENCES

Alekseeva Ya.I. Modern Ichthyofauna of the White Sea Solovetsky Islands. In: I Congress of Ichthyologists of Russia. Theses (Astrakhan, September, 1997). Moscow. Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography (VNIRO) Publ. 1997.

Vo otce okeana morya... Guide. Author-composer M.V. Osipenko. Moscow. Society of Saving Literary Heritage Publ. 2007. 358 p.

Pilgrimage to the Solovetsky Monastery (Diary Bogomoletz). *Diocesan Lists of Vyatka*. 1893. No 1, pp. 36–45.

Gemp K. (2004) The Tale of the White Sea. Dictionary of Pomoris Dialects. Introductory article by D.S. Likhachev. 2nd ed., supplemented. Moscow. Nauka Publ; Arkhangelsk. Pomor University Press. 637 p.

Dositheus (Nemchinov), Archimandrite. (1836) The Geographical, Historical and Statistical description of the Solovetsky Monastery: In 2 v. Moscow.

Life and Miracles of St. Zosima and St. Savvatiy, Solovetsky Miracle Workers. Solovetsky Monastery. 2001. 119 p.

Iannuary (Nedachin), abbot. (2010) Features of the Charter of the Solovetsky Monastery (15 – the beginning of the 20 c.): Manuscript. Solovetsky Monastery Publ.

Ignatius (Bryanchaninov), Bishop. (1903) Selected Sayings of the Holy Monks and the Story of Their Lives... 4th ed. St.-Petersburg.

Solovetsky Chronicler. Spaso-Preobrazhensky Solovetsky Monastery Stauropegial Publ. 2010. 188 p. [Reprint].

Maksimov S.V. (1984) A Year in the North. Introduction, comments by the production editor S. Plekhanov. Arkhangelsk. Northwestern Publishing House. 605 p.

Nemirovich-Danchenko Vas. (2000) Our Monasteries. Solovki. Women's Abode. Moscow. Lodya Publ. 254 p.

Plants: Encyclopedia. Moscow. Eksmo Publ. 2005. 256 p.

Romanenko E. (2002) Everyday Life of the Russian Medieval Monastery. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 330 p.

Skitsky Patericon on the Acquisition of the Evangelical Virtues. Tales of the Sayings and Deeds of Saints and Blessed Fathers of Christ Church. Moscow. The publication of the Holy Trinity St. Sergius Lavra. 2001. 383 p.

Skopin V.V. (2007) On Solovetsky Islands. Moscow. 255 p.

Solovetsky Monastery: History and Shrines. Pilgrim Book. Author-composer M.V. Osipenko. Solovki: Publication of the Solovetsky Monastery. 2014. 627 p.

Solovetsky Patericon. Moscow. Synodal Library Publ. 1991. 251 p.

Sreznevsky I.I. Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from the Literary Monuments. St.-Petersburg. Vol. 3. 1912. 1678 p.

Pages from the Diary of a Pilgrim. Faith and Church. Moscow. 1899. No 7–8.

Fedorov P.F. (1889) Solovki. Kronstadt. 344 p. (Series: Notes of the Russian Geographical Society in the Department of Ethnography. Vol. 19. Issue 1).

Shmelev N.P. (1996) Sylvester. Domostroy. Moscow. Association "Kniga. Prosveshchenie. Miloserdie" Publ. 363 p. (Historical Library of the anthology "Russkaya Starina").

[www//pemptousia.ru](http://www.pemptousia.ru)

[www// solovki-monastyr.ru](http://www.solovki-monastyr.ru)

Сведения об авторе:
Маргарита Михайловна Лоевская,
доктор культурологии
профессор
факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Margarita M. Loyevskaya,
Doctor of Culturology
Professor
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
mloevskaya@mail.ru

Библиографии

Bibliography

**Библиография произведений
Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке**

1998

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести / Вступ. статья И.А. Виноградова; коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. МИД Синергия. М., 1998. 288 с.: ил. – (Сер. Новая Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Сказки Николая Гоголя. С. 5–48.
Коммент. С. 257–283.

Избранные произведения / Вступ. статья и коммент. Ю.В. Зобнина; худож. И.Т. Богдеско. СПб.: ТОО Диамант, ООО Золотой век, 1998. 736 с. – (Отечественная словесность в школе).

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 5–21.

[Ночь перед Рождеством; Страшная месть; Тарас Бульба; Вий; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Записки сумасшедшего; Нос; Шинель; Мертвые души; Выбранные места из переписки с друзьями (отрывки).]

Комедии. Калининград: Янтарный сказ, 1998. 144 с. – (Сер. Книга – ученику).

[Ревизор; Женитьба. Примеч. С. 132–135; Белинский В.Г. Письмо к Гоголю.]

Мертвые души. М.: ЭКСМО-пресс, 1998. 532 с. – (Русская классика).

[Мертвые души: поэма-роман; повести: Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Коляска.]

Повести. Мертвые души / Ред.-сост. Л.Д. Страхова. М.: Олимп: АСТ, 1998. 688 с. – (Школа классики).

Айхенвальд Ю. Гоголь. С. 5–16.

Воропаев В. Коммент. С. 533–588.

Критика. С. 589–680.

Повести. М.: Дрофа, 2001. 256 с. – (Школьная программа).

[Майская ночь, или Утопленница; Пропавшая грамота; Ночь перед Рождеством; Тарас Бульба.]

Правило жития в мире // Воскресная школа. М., 1998. Март. № 9. С. 9.

Ревизор // Русская классическая комедия. М.: Изд-во Олимп; Изд-во АСТ, 2001. С. 205–283.

Волков С. «Ревизор» Н.В. Гоголя (из статьи «Русская классическая драма»). С. 32–34.

Коммент. С. 291–294.

Ревизор. Петербургские повести. М.: Дрофа, 2001. 160 с. – (Школьная программа).

Тарас Бульба // Литература. 6 класс. Учебная хрестоматия для школ и классов с углубленным изучением литературы, гимназий и лицеев / Сост. М.Б. Ладыгин, Н.А. Нефедова, Т.Г. Тренина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом «Дрофа», 1998. С. 197–310.

Труд // Православный детский календарь «Круглый год» 1999 / Ред.-сост. М. Свешникова. М.: Храм Свв. Космы и Дамиана, 1998. С. <7>.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова Ю.В. Анализ «немой сцены» в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Литература в школе. М., 1998. № 2. С. 76–78.

Агаева И.И. Н.В. Гоголь «Выбранные места из переписки с друзьями»: оценки и суждения (тезисы доклада) // Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук. Баку, 1998. С. 25.

Агаева И.И. Нравственно-религиозный идеал Н.В. Гоголя в контексте русской литературы первой половины XIX века. Баку: Мутарджим, 1998. 274 с.

Агаева Т.И. Е.Ф. Карский о вкладе Н.В. Гоголя в развитие русского литературного языка // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови. Матеріали VIII Міжнар. Карських читань (13–14 трав., 1998). Ніжин, 1998. С. 15–17.

Адамович Г. <«Музей Рогаткина» Поля Морана. Гоголь в переводе Б. Шлецера> // Адамович Г. Собр. соч. Литературные беседы. Книга 1 («Звено»: 1923–1926). СПб.: Алетейя, 1998. С. 210–213.

[Отзыв на изд.: Gogol Nicolas. Recits di Petersbourg. Trad. par B. Shloezer. Paris, 1925. Впервые: Звено. Париж, 1925. 4 мая. № 118. С. 2.]

Айхенвальд Ю. Гоголь // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей: В 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. С. 74–84.

Акимов Н.Н. История русской литературы первой половины XIX века. Методическое пособие для студентов филологического факультета. Хабаровск: ХГПУ [Хабаровский гос. пед. ун-т], 1998. 46 с.

Акимов Н.Н. Творчество Н.В. Гоголя и беллетристический контекст: Учебное пособие к спецкурсу. Хабаровск: ХГПУ [Хабаровский гос. пед. ун-т], 1998. 80 с.

Алейникова З.А. Архетип как мера социокультурных отношений в творчестве Н.В. Гоголя // Философские аспекты культуры. Комсомольск на Амуре, 1998. С. 17–28.

Алоэ С. Отражение западных стереотипов еврея в творчестве М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя // Studia rossica posnaniensia Poznan. 1998. Z. 28. С. 21–28.

Алпатов С. Арабески // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 1998. Апрель. № 14. С. 7–8.

Алпатова И.В. В «Мастерской Петра Фоменко» рукописи не горят. «Чичиков. Мертвые души, том второй» // Культура. М., 1998. 4 мая.

Альми И.Л. Пушкинская традиция в комедии Гоголя «Ревизор» // Альми И.Л. Статьи о поэзии и прозе. Владимир, 1998. Кн. 1. С. 33–47.

Андреева Г.Т. Традиции Гоголя и Некрасова в раннем творчестве С.Н. Терпигорева // Литературное общение и формирование творческих индивидуальностей писателей XVIII–XIX веков. М., 1998.

Андросова В.В. Гоголевские алиментарные мотивы в контексте мировой культуры // Наукові записки / Ніжинській держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Філологічні науки. Ніжин, 1998. С. 37–43.

Анина Ю.Е. Добычин и Гоголь // Вторые Майминские чтения. Псков, 1998. С. 92–100.

Анненкова Е.И. Аксаковы / Предисл. В.А. Котельникова. СПб.: Наука, 1998. 366 с. – (Преданья русского семейства).

Глава 7. Аксаковы и Гоголь. С. 302–362.

[Рец.: *Строганов М.В.* // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 43. С. 427–432.]

[О Гоголе: С. 430, 431, 432.]

Аннинский Л. В свете Гоголя // Культура. М., 2005. 27 октября 2 ноября.

[В Театре «На Перовской» артист Виктор Никитин читает «Тараса Бульбу», Марина Неелова в роли Акакия Акакиевича.]

Арабов Ю. Полет Гоголя // Искусство кино. М., 1998. № 11. С. 103–119.

Арват Н.Н. Картина мира в повести Гоголя «Шинель» // Антропоцентричний підхід у дослідженні мові. Матеріали VII міжнар. Карських читань (13–14 трав. 1998 г.). Ніжин, 1998. С. 157–161.

Арват Н.Н. Ритмическая структура художественного текста (на материале «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») // Язык и культура. V Международн. научн. конференция. Киев, 1998. Т. 4: Язык и художественное творчество. С. 5–19.

Аринштейн Л.М. Николай Иванович или Николай Павлович? // Аринштейн Л.М. Пушкин. Непричесанная биография. М.: ИД «Муравей», 1998. С. 142–147.

[Об адресате стихотворения А.С. Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...».]

Астафьев В.П. Во что верил Гоголь... // Астафьев В.П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 372–378.

[Впервые: Москва. Журнал русской культуры. М., 1989. № 4. С. 3–5; Литература в школе. М., 1989. № 4. С. 3–7.]

Барабаш Ю. «Если я забуду тебя, Иерусалим...» («Родина – чужбина» у Гоголя и Шевченко) // Вопросы литературы. М., 1998. Вып. 9/10. Сентябрь – Октябрь. С. 137–175.

Барановская Е.П. Буквы и голос Акакия Акакиевича Башмачкина, или О тайне гоголевского «чиновника для письма» // Филологический ежегодник / Омский гос. ун-т. Омск: Изд-во ОГУ, 1998. Вып. 1. С. 24–33.

Барановская Е.П. Буквы и шинель: обретение второй кожи /дома // Славянские чтения. Вып. 6: Духовные ценности народа. Тезисы и материалы научно-практической конференции (Омск, 24 мая 1997 г.) / Омский гос. ун-т и др.; отв. ред. В.М. Шкарупа. Омск, 1998. С. 204–208.

Беглов В.А. Отношение к религиозному канону как фактор эволюции творчества Н.В. Гоголя // Студенческая наука в действии: Материалы региональной конференции. Стерлитамак, 1998. С. 53–54.

Белоусов И.А. Ушедшая Москва / Сост. В.Б. Муравьев. М.: Русский мир, Вече, Московские учебники, 1998. 400 с.: ил.

На Никитском бульваре (Н.В. Гоголь). С. 278–286.

Бердяев Н. [Рецензия] // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год. СПб., 1998. С. 296–300.

[Рец. на кн.: *Розанов В.* Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария с приложением двух этюдов о Гоголе. СПб., 1906. 233 с. Впервые: ж. Книга (1906).]

Богданов Д.П. Оптиная Пустынь и паломничество в нее русских писателей // Благословенная Оптина: Воспоминания паломников об обители и старцах. М.: Изд-во Введенской Оптиной Пустыни; Изд-во «Отчий дом», 1998. С. 101–111.

[Впервые: Исторический Вестник. 1910. Т. 122. Октябрь. С. 327–339.]

Болкунова Н.С. Мотив Дома и Дороги в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Слово в системе школьного и вузовского образования: Материалы межвузовской научной конференции. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1998. С. 89–94.

Болкунова Н.С. Мотив Дороги в письмах Н.В. Гоголя 1836–1842 годов // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. Вып. 1. С. 55–58.

Болсохоева А.Д. Риторический анализ художественного текста // Филологический сборник. Улан-Удэ, 1998. С. 226–232.

[На материале повести Гоголя «Страшная месть».]

Бражников И. Смех и грех. Еще раз о Гоголе и народной смеховой культуре // Книжное обозрение «Ex libris НГ». М., 1998. 12 ноября. С. 3.

Брезгунова Е. Бывают ли мертвые души? // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 1998. Апрель. № 14. С. 2–3.

Бугрова Л.В. Мотив Дома в русской романтической прозе // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 1998. С. 28–29.

Бушуева М.С. «Женитьба» Н. Гоголя и абсурд. М.: Гитис, 1998. 96 с.

Быстрова Л. Сгоревшая рукопись, или Повесть о том, как дописывал Юрий Арамович «Мертвые души» // Татьяна день. М., 1998. Февраль. № 19. С. 20–21.

Вандышева Н.В. «Лестницу, поскорее, давай лестницу // Світогляд М.В. Гоголя: філософсько-релігійні шукання. Вісник Харківського держ. ун-ту. Харків, 1998. № 400. С. 17–26.

Вахтел Э.Б. Еще раз о гоголевской тройке (Откуда прикатила бричка Чичикова) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1998. Т. 57. № 6. С. 32–38.

[Гоголь и Гете.]

Ветловская В.Е. Трагедия шинели // Русская литература. СПб., 1998. № 3. С. 11–17.

Викторова К. Тайна кончины Гоголя // Родина. М., 1998. № 3. С. 94–96.

Виноградов И. К истории отношений Гоголя с Виельгорскими // Наше наследие. М., 1998. № 46. С. 56–59.

Виноградов И. Неизвестное письмо великого русского писателя. Гоголь и монархия // Воскресная школа. М., 1998. Сентябрь. № 34. С. 7–10.

Виноградов И. Спасен я был Государем. Неизвестное письмо Н.В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу // Литературная Россия. М., 1998. 25 сентября. № 39. С. 13.

Виноградов И. «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н.В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. М., 1998. № 7. С. 5–22.

Виноградов И.А. Узы небесного братства // Держава. М., 1998. № 2(12). С. 75–80.

Виноградов И.А., Воронаев В.А. Карандашные пометы и записи Н.В. Гоголя в славянской Библии 1820 года издания // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 234–249.

Волков С. Повесть Гоголя «Портрет»: от текста к контексту // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 1998. Апрель. № 14. С. 5–7.

Волкова А. Пространственно-временная организация «петербургских» повестей Н.В. Гоголя // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 1998. № 27. С. 13.

Волосков И.В. Технология гротескного творчества: Петербургские повести Н.В. Гоголя // Современные проблемы образования: поиски и решения. М., 1998. С. 100–105.

Воропаев В. «Благодать там присутствует». Оптина Пустынь и русские писатели // Воскресная школа. М., 1998. Октябрь. № 38. С. 5.

Воропаев В. Будьте не мертвые, а живые души // Воскресная школа. М., 1998. Декабрь. № 45. С. 14.

Воропаев В. «Будьте не мертвые, а живые души». О названии поэмы Н.В. Гоголя // Православная беседа. М., 1998. № 5. С. 46–47.

Воропаев В. Был ли Гоголь похоронен живым. Тайна смерти великого писателя до сих пор вызывает фантастические гипотезы // Татьяна день. М., 1998. Февраль. № 19. С. 19.

То же // Русь Святая. Липецк, 1998. Февраль. № 4. С. 5.

Воропаев В. Гоголь и отец Матфей // Вышинский паломник. Рязань, 1998. № 3(8). С. 108–115; 2000. № 1(9). С. 83–91.

Воропаев В. «Дело, взятое из души...» Поэма Гоголя «Мертвые души»: история замысла и его осуществление // Литература в школе. М., 1998. № 4. С. 5–18; № 5. С. 13–25.

Воропаев В. «Имею желание разрешиться и быть со Христом...» Кончина Гоголя как его завещание потомкам // Литературная учеба. М., 1998. Кн. 2. С. 117–145.

Воропаев В. Мне кажется, что я слышу Пушкина. Из истории взаимоотношений Гоголя и Шевырева // Литературная Россия. М., 1998. 17 апреля. № 16. С. 14.

Воропаев В. Московские друзья Гоголя // Московский журнал. История Государства Российского. М., 1998. № 4. С. 21–27.

[Граф Александр Петрович Толстой и графиня Анна Георгиевна Толстая.]

Воропаев В. Мы все работаем у одного Хозяина. Н.В. Гоголь в Московской Духовной Академии // Встреча: студенческий православный журнал, издаваемый Московской духовной академией. М., 1998. № 2(8). С. 40–42.

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь: Жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. 128 с. – (Перечитывая классику; вып. 22).

[Рец.: Томачинский В. Непонятый классик // Татьяна день. М., 1998. Октябрь. № 25. С. 23;

Степанян К. Нам все еще предстоит если не посмеяться, то горько усмехнуться над собой //

Вечерний клуб. М., 1998. 15–21 октября. № 41. С. 12; Емец Д. Дорогу осилит идущий // Литературная Россия. М., 1998. 23 октября. № 43. С. 10; То же: // Слово. М., 1999. № 4. Июль – Август.

С. 76; Он же: «Взгляните на самих себя...» // Таврида Православная. Симферополь, 1999. № 2.

Февраль. С. 24; Коробьин Г. Как культура «вписывается» в Православие // Радонеж. Православное обозрение. М., 1998. Октябрь. № 16. С. 14–15; Кокшениева К. Н.В. Гоголь: «Здесь мое

поприще» // Православное книжное обозрение. М., 1999. № 1/2. С. 13; Тарасов Ф. Н.В. Гоголь:

жизнь и творчество // Новый век. М., 1999. № 1(8). С. 5; Свитайло А. «Духовный хлеб» Гоголя //

Воскресная школа. М., 1999. Октябрь. № 39. С. 16; Тростников В. Тайна Гоголя начинает

проясняться // Москва. Журнал русской культуры. М., 1999. № 12. С. 171–174; Тарасов Ф. Путь

к Гоголю // Север. Петрозаводск, 1999. № 8. С. 150–152; *Каплин А.* Правда о Гоголе // Литературная Россия. М., 2000. 10 ноября. № 45. С. 10; *Каплин А.* Правда о Гоголе // Литературная учеба. М., 2000. Кн. 5/6. С. 188–190.]

Воропаев В. Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор» // Православная беседа. М., 1998. № 2. С. 44–47.

Воропаев В. Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор» // Русская словесность. М., 1998. № 4. С. 6–12.

Воропаев В. Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор» // Воскресная школа. М., 1998. Октябрь. № 40. С. 6–7; Ноябрь. № 41. С. 6.

<*Воропаев В.А.*> Праздновать победу будем на том свете. Интервью с литературоведом В.А. Воропаевым // Встреча: студенческий православный журнал, издаваемый Московской духовной академией. М., 1998. № 2(8). С. 36–39.

Воропаев В. Чей удел на земле выше. Гоголь и графиня Анна Виельгорская // Литературная Россия. М., 1998. 31 июля. № 31. С. 16.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Н.В. Гоголь: Бог дал мне желание быть лучшим // Странник: молодежный литературно-художественный и публицистический журнал. [Саранск,] 1998. № 2. С. 205–216.

Гвоздик А. Между зеркалами // Зеленая лампа. 1998. № 1. С. 49–53.

Глок Т.А. Автор и герой в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя // Молодая филология. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 88–94.

Гончарова Н.Г. Гоголевские реминисценции в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Русская словесность. М., 1998. № 4. С. 19–23.

Гранатович Л., Михальский Е., Михед П. Гоголь: Бібліографічні посібники і джерела: Анотований покажчик [Библиографические пособия и источники: Аннотированный указатель] / Гоголезнавчі студії=Гоголеведческие студии / Наук. ред. Н.В. Стрішенець, відп. за вип. П.В. Михед; Національна бібліотека України ім. В.І. Вернадського, Гоголівський науково-методичний центр, Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Вып. 3. Ніжин; Київ, 1998. 78 с. На рус. и укр. яз.

[Аннотированный указатель библиографических пособий и источников включает все скольконибудь заметные издания гоголевской библиографии (1853–1997).]

Граник Г.Г., Концевая Л.А. Самый загадочный русский писатель // Управление школой. М., 1998. Август. № 30. С. 14–15; № 31. С. 14–15.

Граник Г.Г., Концевая Л.А. Что такое установка? // Управление школой. М., 1998. Август. № 32. С. 14–15.

Гуминский В.М. Гоголь и 1812 год // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. М.: Наследие, 1998. С. 248–265.

Гусева О.В. Альбом гравюр А. Агина и Е. Бернадского «Сто четыре рисунка к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» в букинистической оценке // Книговедение: новые имена. М., 1998. Вып. 3. С. 61–65.

Давыдова Е.Е. Таинственная страница. Споры вокруг отпевания Гоголя были только началом мифотворчества вокруг его имени // Татьяна день. М., 1998. Февраль. № 19. С. 18.

Данилова В.В. Предпосылки появления и функционирования художественного алогизма в творческом процессе Н.В. Гоголя // Текст: варианты и интерпретации. Бийск, 1998. С. 9–17.

Дардыкина Н.И. Золотусский. Роман с Гоголем. До женитьбы не дошло // Московский комсомолец. М., 1998. 8 сентября. С. 3.

Даренская Н.А. О литературном контексте повести М. Зощенко «Сирень цветет» // Текст: структура и функционирование: сб. статей молодых ученых по актуальным проблемам современной лингвистики. Барнаул, 1998. Вып. 3. С. 48–52.

Делёз Жиль. Различие и повторение. СПб.: Изд-во: ТОО ТК Петрополис, 1998. 384 с. [Современный французский философ сближает Гоголя и Кьеркегора как «поэтов», соединивших веру и космическое. С. 125. Указ. имен.]

Денисов В.Д. Вокруг «Ревизора» (Н.В. Гоголь и М.Н. Загоскин) // Проблемы преподавания русского языка и литературы / Под ред. В.Д. Денисова. СПб., 1998. С. 52–56.

Дилакторская О.Г. «Двойник» и «Мертвые души» (К проблеме диалога текстов) // Русская речь. М., 1998. № 4. С. 3–11.
[Гоголь и Ф.М. Достоевский.]

Долженков П.Н. Чехов и позитивизм. М.: Диалог – МГУ, 1998. 205 с.
[Чехов и Гоголь. С. 40–45.]

Дружников Ю.И. «С Пушкиным на дружеской ноге» // Дружников Ю.И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Балтимор, 1998. С. 89–111.

Дунаев А. Гоголь как духовный писатель: Опыт нового прочтения «Петербургских повестей» // Искусствознание. М., 1998. № 1. С. 391–427.

Дунаев М. Бог есть любовь // Воскресная школа. М., 1998. Март. № 9. С. 8.

Евтихеева-Лыкошина А. Еще раз о Гоголе // Русская провинция. Тверь, 1998. № 1. С. 97–101.
[Гоголь в критике Русского зарубежья.]

Есаулов И. Христианское основание русской литературы: соборность // Литературная учеба. М., 1998. Кн. 1. С. 105–123.
[О Гоголе: С. 112–115.]

Есенков В.Н. Совесть. Из жизни Н.В. Гоголя. Роман / Коммент. Е.Л. Скандовой. М.: Армада, 1998. 523 с. – (Русские писатели).
[Рец.: Королев Л. О романе Валерия Есенкова «Совесть» (о Н.В. Гоголе) // Городские новости. Ярославль, 1998. 15 апреля. С. 9.]

Живаева Л.Н. Анафония в художественной прозе Н.В. Гоголя, А.М. Горького, А. Белого // Проблемы теории и практики изучения русского языка. М.; Пенза, 1998. Вып. 1. С. 76–83.
[Роль звукового повтора в художественном тексте.]

Заманова И.Ф. Пространство и время в художественном мире повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Писатель и литературный процесс: межвузовский сб. СПб.; Белгород, 1998. С. 88–100.

Захаров К.М. Автор и читатель-адресат в пьесе Н.В. Гоголя «Игроки» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. Вып. 2. С. 40–42.

Захаров К.М. О сказочной соотнесённости «Женитьбы» Н.В. Гоголя // Слово в системе школьного и вузовского образования: Материалы межвузовской научной конференции. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1998. С. 111–115.

Захаров К.М. Спектр авторских мистификаций в тексте комедии Гоголя «Ревизор» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. Вып. 1. С. 42–48.

Земскова Е. [Реферат] // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 31. С. 402–405. Реф. кн.: <Венский альманах славистики> Wiener slawistischer almanach. Bd. 39. [Творчество Гоголя]. München, Wien, 1997. 316 s.

Злочевская А.В. В. Набоков и Н.В. Гоголь // Русская словесность. М., 1998. № 4. С. 24–29.

Злыднева Н. Шагал и Гоголь // Европейское искусство XIX–XX веков: исторические взаимосвязи. М., 1998. С. 76–92.

[Некоторые общие черты в поэтике Гоголя и М. Шагала.]

Золотонос М. Полторы тонны классика. «...И такие Гоголи чтобы нас не трогали» // Независимая газета. М., 1998. 22 апреля.

[О памятнике Гоголю в Санкт-Петербурге на Малой Конюшенной; скульптор М. Белов, архитектор В. Васильковский.]

Золотусский И. Заступитесь за Гоголя // Кулиса НГ. М., 1998. № 3. С. 10.

Золотусский И. Гоголь. 3-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1998. 485 [11] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.; вып. 751).

[Рец.: *Белицкий П.* Защита Гоголя. Классика биографического жанра // Книжное обозрение «Ex libris – НГ». М., 1998. 10 сентября № 35(56). С. 4; *Варжапетян В.* Евангелие от Гоголя // Новое время. М., 1998. 6 сентября. № 35. С. 41; *Бавильский Д.* Биография по системе Станиславского // Культура. М., 1999. 1–7 апреля. № 12. С. 4; *Басинский П.* «Гоголь» без купюр // Литературная газета. М., 1999. 14 апр. № 15. С. 10; *Ярикова О.* Гоголь без цензуры // Российская газета. М., 1999. 2 апреля. № 62. С. 23.]

Зорин А.Н. О чем молчал Подколесин и Агафья Тихоновна в сцене объяснения: Н.В. Гоголь «Женитьба», II действие, XIV явление // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 38–40.

Зорин А.Н. Роль паузы в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»: Паузы Хлестакова и Городничего // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. Вып. 1. С. 48–52.

Иванова Н.И. Источники создания эссе «Николай Гоголь» В.В. Набокова // Вторые Майминские чтения. Псков, 1998. С. 100–102.

Иванова Н.И. О некоторых особенностях интерпретации Набоковым Гоголя (эссе «Николай Гоголь») // Набоковский вестник. Вып. 1. СПб., 1998. С. 118–124.

Иванова Н.И. Роль гоголевских рецепций в романских текстах В.В. Набокова // Молодежь – науке: Тезисы докладов научной конференции аспирантов и студентов. Псков, 1998. С. 28.

Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Францисский. Беседы с русским народом. М.: Лодья, 1998. 158 с. / По материалам издания: Епископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Время веры. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954.

Гармония творения (О Гоголе). С. 21–22.

[Первоначально: Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), епископ. Время веры. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 84–86.]

[О «Размышлениях о Божественной Литургии» Гоголя.]

Калганова Т.А. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель». IX класс. Рабочие материалы для учителя // Литература в школе. М., 1998. № 5. С. 107–112.

Каменев С. В чем провинился Н.В. Гоголь? // Литературная Россия. М., 1998. 24 апреля. № 17. С. 6.

[Некоторые обстоятельства перезахоронения праха Гоголя. Перепечатана записка В. Лидина «Перенесение праха Гоголя» из архива московского краеведа Б.С. Земенкова (публ. Л. Ястржембского 1991 года). Источник публ. не указан.]

Каменев С. В чем провинился Н.В. Гоголь? Новые тайны земной жизни писателя // Modus Vivendi. М., 1998. Июнь. № 13/14. С. 9.

[Перепечатана записка В. Лидина «Перенесение праха Гоголя» из архива московского краеведа Б.С. Земенкова (публ. Л. Ястржембского 1991 года).]

Канунова Ф.З. Оппозиция христианства и наполеонизма в русской литературе 1830–1850-х годов и некоторые методологические проблемы ее изучения (В.А. Жуковский, Г.С. Батеньков, Н.В. Гоголь) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 178–190.

Карлинский С. Сексуальный лабиринт Николая Гоголя: Глава из книги // Простор. Алма-Ата, 1998. № 2. С. 118–125.

[Анализируются повести «Тарас Бульба» и «Вий» (книга впервые вышла в США на английском языке в 1976 г.).]

Касаткина В.Н. Н.В. Гоголь, Россет-Смирнова и Иван Аксаков: эпизоды литературного общения // Русская словесность. М., 1998. № 4. С. 30–35.

Каталкина В.В. «Записки сумасшедшего» как финальное произведение петербургского цикла Н.В. Гоголя // Наукові записки Харківського національного пед. ун-ту ім. Г.С. Сковороди. Сер. Літературознавство. Харків, 1998. Вип. 2(13). С. 10–13.

Киселев В.С. Противоречие как структурообразующий принцип поэтики художественного цикла // Реформа образования и сельская школа. II. По материалам Всероссийской научной конференции «Реформа образования и сельская школа». Орел, 1998. С. 121–125.

Киселев В.С. Структура «Арабесок» Н.В. Гоголя: образы концентрации и дробления // Воспитание исторического и национального самосознания в процессе преподавания дисциплин гуманитарного цикла: сб. материалов научно-практической конференции. Канск, 1998. С. 38–49.

Киселев В.С. Структура художественного цикла: основные категории анализа (на материале «Арабесок» Н.В. Гоголя) // Материалы XXXVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. Новосибирск, 1998. С. 88–90.

Киселев В.С. Типологические категории в анализе поэтики художественного цикла // Славянский мир на рубеже веков: Материалы международного симпозиума. Красноярск, 1998. С. 72–74.

Климова М.Н. Древнерусские параллели к повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 69–78.

Клягина Л.Р. Гоголь и искусство авангарда (к постановке проблемы) // Дергачевские чтения – 4. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998.

Князев С. «...Бывают странные сближенья...»: (В. Розанов и Тэффи) // Новый журнал. СПб., 1998. № 1. С. 127–131.

[Влияние В.В. Розанова на статью Н.А. Тэффи о Гоголе «После юбилея. Отрывки впечатлений и разговоров» (1952).]

Кожин А.А. Литературно-художественное слово как компонент публицистического текста // Семантические и грамматические аспекты предикации в современном русском языке. М., 1998. С. 82–85.

[Функция цитат из произведений Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина в современной публицистике.]

Козлова А.В. Гражданин Вселенной, или Еще раз о Шпоньке // Вестник Томского пед. ун-та. Томск, 1998. № 9. С. 20–25.

Кондакова Ю.В. «Где смех, там и грех» (К вопросу о поэтике inferнального у Н.В. Гоголя) // Дергачевские чтения-98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. С. 152–154.

Кондаурова И.А. Феномен молвы в сюжете поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. Вып. 1. С. 58–61.

Кормилицын А.А. О некоторых особенностях перевода заглавий произведений Н.В. Гоголя на английский язык // Слово в системе школьного и вузовского образования: Материалы межвузовской научной конференции. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. С. 120–122.

Кормилицын А.А. О новейшей версии комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в Англии // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. Вып. 2. С. 92–95.

Королев А.В. Голова Гоголя: повесть // Королев А.В. Избранное. М.: Терра, 1998.

Короткова С.Л. Об одном из прототипов образа Хлестакова // Филологические этюды: сб. статей молодых ученых. Вып. 1. Саратов, 1998. С. 52–55.

[М.Н. Загоскин как возможный прототип Хлестакова.]

Короткова С.Л. Сопоставительное изучение словесно-стилевых исканий Н.В. Гоголя и М.Н. Загоскина в 1830-е годы: К теоретико-литературной постановке проблемы // Слово в системе школьного и вузовского образования: Материалы межвузовской научной конференции. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1998. С. 123–125.

Коршунков В.А. Гоголевский Акакий Акакиевич: имя и судьба // Русская речь. М., 1998. № 3. С. 3–10.

Краснов Г.В. Точка зрения в сюжете литературного произведения // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1998. Вып. 11. С. 16–20.

[Смена точек зрения автора и персонажей в произведениях Гончарова, Гоголя, Некрасова.]

Кривонос В.Ш. «Женщина влюблена в чорта» («дамская» тема в «Петербургских повестях» Гоголя) // Кормановские чтения. Ижевск, 1998. Вып. 3. С. 131–141.

Кривонос В.Ш. Мотив чудесного рождения в «Петербургских повестях» Гоголя // Литература и фольклорная традиция. Волгоград, 1998. С. 135–144.

Кривонос В.Ш. Н.В. Гоголь // Эстетические отношения искусства и действительности: Словарь-справочник. Тверь, 1998. С. 31–34.

Кривонос В.Ш. О множественности смысловых планов в «Коляске» Гоголя // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1998. Т. 57. № 1. С. 9–17.

Кривонос В.Ш. Принцип проблематичности в поэтике Гоголя // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1998. Т. 57. № 6. С. 15–23.

Кривонос В.Ш. Проблематичный герой у Гоголя // Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 1998. Вып. 3. С. 158–160.

Кубасов А.В. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998. 399 с. «Гоголевский» рассказ Чехова («Гусев»). С. 250–270.

Кузнецов А. К мотиву побега в комедии Н.В. Гоголя «Женитьба» // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой: сб. статей. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 39–48.

Купчихина И.К. Герой «Шинели» Н.Гоголя: между реальностью и текстом // Филологические записки. Воронеж, 1998. Вып. 10. С. 193–198.

Курицын В. Темный ангел, комсомольский юмор, и габитус Николая Васильевича Гоголя // Курицын В. Журналистика 1993–1997. СПб., 1998. С. 9–11.

Лебедева Е.К. Словесные мотивы с ассоциативно-жанровым смыслом в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 2. Томск, 1998. С. 16–17.

Леблан Р. В поисках утраченного жанра: Филдинг, Гоголь и память жанра у Бахтина / Пер. с англ. Т.Е. Каратеевой // Вопросы литературы. М., 1998. Вып. 4. С. 81–116. [Влияние романа Г. Филдинга на «Мертвые души» Н.В. Гоголя в свете жанровой концепции М.М. Бахтина.]

Левашова О.Г., Куляпин А.И. «В поисках живой души» (В.М. Шукшин и Н.В. Гоголь) // Традиция и литературный процесс. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 274–286.

Левкиевская Е.Е. К вопросу об одной мистификации или гоголевский Вий при свете украинской мифологии // *Studia mitologica slavica*. Ljubljana, 1998. С. 307–315.

Летин В.А. Рай. Улица счастья. Гоголю (Место и роль города в творчестве Н.В. Гоголя) // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 1998. № 3. С. 38–42.

Лившиц Е. Английский контекст повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Сравнительно-исторические исследования. М., 1998. С. 107–119. [Сопоставительный анализ повести «Портрет» и романов «Мельмот Скиталец» Ч.Р. Мэтьюрина и «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда.]

Лившиц Е.И. Архетипический сюжет романа Ч.Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец» и повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Вестник молодых ученых. Гуманитарные науки. СПб., 1998. № 1(3). С. 19–23.

Лившиц Е. Гоголь и готическая традиция (еще раз об английском контексте «Портрета») // Русская филология: сб. научных работ молодых филологов. Тарту, 1998. № 9. С. 86–93.

[Влияние английского готического романа на поэтику повести Гоголя.]

Литвинова Н.А. Трансформация мотива «блудного сына» в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Молодая филология. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 83–87.

Литературные герои: Персонажи, прототипы, цитаты, критика; летопись жизни и творчества писателей–классиков XIX века / Авт.-сост. В.А. Широков. М.: Современник, 1998. 319 с. – (Словари школьника). Гоголь Н.В. С. 139–178.

Ляпина А.В. Пейзаж в художественной системе произведения (на материале повести Н. Гоголя «Майская ночь или утопленница» // Анализ художественного текста. Литературоведческие штудии. Омск, 1998. С. 49–55.

Манн Ю. «...Как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же» Отношение Гоголя к католицизму на рубеже 1830–1840-х годов // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 1998. Август. № 30. С. 2–4.
[Отношение Гоголя к католицизму.]

Манн Ю.В. Мертвые души // Энциклопедия литературных произведений. М.: Вагриус, 1998. С. 417–419.

Манн Ю.В. Москва в творческом сознании Гоголя (Штрихи к теме) // Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998. С. 63–81.

Манн Ю. Николай Васильевич Гоголь // Энциклопедия для детей. Т. 9. М.: Аванта+, 1998. С. 491–505.

Манн Ю.В. Ревизор // Энциклопедия литературных произведений. М.: Вагриус, 1998. С. 291–294.

Манн Ю.В. Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с.

Пушкин и Гоголь в надеждынской системе. С. 87–94.

Майков о Достоевском. С. 346–352.

Марголис Ю.Д. Книга Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»: Основные вехи истории восприятия / Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. 240 с.

[Рец.: *Федюкин И.* // Новое литературное обозрение. М., 1999. № 36. С. 390–392.]

Маркин П.Ф. Языческий космос в раннем творчестве Гоголя // Культура и текст: Литературоведение. СПб., 1998. Ч. 1. С. 103–118.

[Мотивы древнеславянской мифологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».]

Мартыненко Л.Б. Роль фольклорных мотивов и образов в фантастических повестях первой трети XIX века / О. Сомов, А. Погорельский, Н. Гоголь // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия. М., 1998. С. 233–235.

Марченко В. «Будьте не мертвые, а живые души»: Православный писатель-патриот Н.В. Гоголь / Российское Отделение Валаамского Общества Америки. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского ин-та, 1998. 62 с.: ил.

Медриш Д.Н. У истоков поэтического образа // Русская речь. М., 1998. № 1. С. 94–98.

[Эпические мотивы и архетипы в творчестве Гоголя и М.А. Булгакова.]

«Мертвые души» Н.В. Гоголя. Указатель литературы. 1842–1942 / Сост. К.П. Богаевская; предисл. К.П. Богаевской и Л.И. Тимофеева // *Philologica*. <Двуязычный журнал по русской и теоретической филологии>. М., 1998. Т. 5. № 11/13. С. 321–402.

Мильдон В.И. Эстетика Гоголя. М.: ВГИК [Всероссийский гос. ин-т кинематографии им. С.А. Герасимова], 1998. 127 с.

[Рец.: *Раннапорт А.* Скучно на этом свете, господа! В сети Николая Гоголя попадают только мертвецы // Книжное обозрение «Ex libris НГ». М., 1998. № 26(47). 9 июля. С. 4; *Карасев Л.* Гоголь: онтология слова // Вопросы литературы. М., 1999. № 1/2. С. 345–350.]

Милюгина Е.Г. Идея романтического универсализма и философско-эстетические взгляды Н.В. Гоголя // Романтизм: грани и судьбы. Тверь, 1998. Ч. 1. С. 80–86.

Минюхина Е.А. Сказочная образность в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // *Образы и темы русской литературы*. Вологда, 1998. С. 68–78.

Миرونюк Л. Негационная стилистика русского языка: (К постановке проблемы) // *Studia Rossica Posnaniensia*. Poznan, 1998. Zes. XXVIII.

Михайлов А.Д. Гоголь и Стендаль // *Россия. Запад. Восток*. СПб., 1998. С. 331–339.

Моторин А.В. Духовные направления в русской словесности первой половины XIX века. Новгород, 1998. 212 с.

Рим в судьбе Гоголя. С. 178–189.

Музалевский М.Е. К вопросу о формо-содержательном единстве сборника Н.В. Гоголя «Арабески» // *Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. Вып. 1. С. 39–42.

Музалевский М.Е. Н.В. Гоголь о романтических тенденциях в творчестве А.С. Пушкина // *Филология: межвузовский сб. научных трудов*. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 58–63.

[Анализ статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине».]

Муренина Е.К. К вопросу о современной рецепции Н.В. Гоголя // *Русская литература*: СПб., 1998. № 4. С. 212–221.

[Рец. на кн.: Gogol N.V. *Ревизор*. (The Government Inspector): A Comedy in Five Acts /Ed. by M. Beresford. – Lewinston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 1996. 310 p. – (Studies in Slavic Language and Literature. Vol. 9).]

Муренина Е.К. Н.В. Гоголь и проблемы межкультурной коммуникации // *Филология*. Саратов, 1998. Вып. 3. С. 82–100.

[Особенности англоязычной рецепции Гоголя. В связи с изданием «Ревизора» под редакцией М. Бересфорда (Studies in Slavic Language and Literature, 1996).]

Н.В. Гоголь. Материалы из учебника «Русская филология». Ч. 3. М., 1998.

Набоков В.В. Николай Гоголь (1809–1852) / Пер. Е. Гольшевой под ред. В. Гольшева // *Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Пер. с англ.* М.: Независимая газета, 1998. С. 31–134.

Набоков В.В. Избранное / Сост, предисл., коммент. и справочно-методические материалы С.Р. Федякина. М.: Олимп – АСТ, 1998. 639 с. – (Школа классики: Книга для ученика и учителя).

Из книги «Николай Гоголь».

Назаренко О.Г. Социокультурное и литературное в образе русского чиновника (на материале творчества Н.В. Гоголя) // *Поэтика русской и зарубежной прозы: Тезисы докладов международной научной конференции (Южно-Сахалинск, 17 мая 2001 г.)*. Южно-Сахалинск, 2001. С. 119–121.

Налегац Н.В. «Петербург» И. Анненского и русская классическая традиция (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевского) // *Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Тезисы III межрегиональной научно-практической конференции*. Новокузнецк, 1998. С. 82–86.

Нахлик Е. Историсофские взгляды П. Кулиша в типологическом контексте славянского романтизма (Н. Гоголь, М. Грабовский, Ю.И. Крашевский, З. Красинский, Ц. Норвид, П. Прерадович) // XII Międzynarodowy Kongres Słowistów (Kraków. 27. VIII–2. IX. 1998): Streszczenia referatów i komunikatów *Literaturoznawstwo. Follyorystyka. Nauka o kulturze /Opracowanie Lucjan Suchanek, Lidia Macheta*. Warszawa: Wydawnictwo Energeia, 1998. S. 276.

Немцев Л.В. Изучение творчества В.В. Набокова в школе и вузе // Изучение литературы и метод ее преподавания в вузе. Самара, 1998. С. 67–73.

Немцев Л.В. Набоков и Гоголь: высокая функция пародии // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе на современном этапе: сб. материалов XXVI зональной научной конференции литературных кафедр университетов и педвузов Поволжья (4–5 июня 1998 г., Пенза). Самара, 1998. С. 181–182.

Нечипоренко Ю. Независимость художника // Москва. Журнал русской культуры. М., 1998. № 3.

Нечипоренко Ю. Был ли Гоголь огнепаклонником? // Здоровье (приложение «Наш дом»). М., 1998. № 4.

Нечипоренко Ю. Инициация (роман) // Юность. М., 1998. № 5.

Нечипоренко Ю. Царский жанр // Новая Юность. М., 1998. № 1–2.

Нещерет Е.И. Фразеологизмы как средство интенсификации в повестях Н.В. Гоголя // Язык и культура. V международная научная конференция. Киев, 1998. Т. 4: Язык и художественное творчество. С. 184–185.

Николаев Д.П. Способы художественного обобщения в сатире Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина // М.Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XIX веков. М.: Наследие, 1998. С. 67–98.

Николюкин А.Н. Голгофа Василия Розанова. М.: Русский путь, 1998. 504 с.
Глава восьмая. Открытие памятника Гоголю. С. 245–269.

Обатнина Е.Р. Пометы А. Блока на «Письме Белинского к Гоголю // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 55–68.
[Анализ помет (1918 г.) на книге «Письмо к Гоголю» Белинского с предисловием С.А. Венгерова (СПб., 1905) в контексте темы «Блок и революция».]

Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1998. 316 с.

Из содерж.:

Загадки Гоголя. С. 187–204.

[О переводах произведений Гоголя на испанский язык.]

[Указ. имен.]

Осадчая Л.А., Попова А.С. Технология создания традиционного школьного сочинения: Учебно-методическое пособие по литературе для учащихся негуманитарных классов и лицейских групп: Ч. 1. Новосибирск, 1999. 39 с.

Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М.: Издательское общество ООО «Штрихтон», 1998. 696 с.: ил.
[О Гоголе: С. 323, 478–481.]

Отрошенко В. Гоголь и призрак точки // Новая юность. М., 1998. № 32. С. 112–119.
[К истории создания второго тома «Мертвых душ».]

Павлинов С.А. Путь духа: Николай Гоголь. М., 1998. 72 с.

Павлюк О.В. Время как циклообразующая категория в 3-м томе сочинений Гоголя // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 2. Томск, 1998. С. 13–15.

Пенская Е. Достоевский – Гоголь – Козьма Прутков // К 60-летию профессора А.И. Журавлевой: сб. статей. М.: Диалог – МГУ, 1998. С. 118–125.

Петров А. Где ты, низенький чиновник с лысинкой во лбу? // Нева. СПб., 1998. № 2. С. 207–208.

[О памятнике Гоголю в Петербурге работы В. Васильковского.]

Петров А.В. Проблема поэтического контекста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 2. Томск, 1998. С. 20.

Петрова Н.В. Традиции гомеровского эпоса в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Литература в школе. М., 1998. № 3. С. 22–30.

Пименова О.В. Смешное и страшное в «Вечерах...» Н.В. Гоголя. Уроки // Литература в школе. М., 1998. № 3. С. 75–78.

Поддубная Р.Н. От «Вия» к «Теням забытых предков» (из предыстории современной мифопоэтики) // Литература та культура Полісся. Ніжин, 1998. Вип. 10. С. 119–130.

Полтавец Е.Ю. «Мертвые души» Н.В. Гоголя: опыт комментированного чтения // Литература в школе. М., 1998. № 2. С. 93–103; № 3. С. 78–86; № 4. С. 111–121.

Полякова Н. Тайна старосветских помещиков // Нева. СПб., 1998. № 8. С. 212–215.

Попова Т.М. Семейное начало в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина и «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя // Литература в школе. М., 1998. № 1. С. 22–28.

Попова-Бондаренко. И.А. Специфика художественной коммуникации в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Наукові записки. Філологічні науки. Ніжин, 1998. С. 44–56.

Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е, доп. изд. Т. 2. СПб.: Академический проект, 1998. 656 с. – (Пушкинская библиотека).

Н.В. Гоголь. С. 299–304.

<Пушкин А.С.> А.С. Пушкин: филологические и культурологические проблемы изучения: Материалы международной научной конференции (28–31 октября 1998 г.). Донецк: Донецкий гос. ун-т, 1998. 204 с.

Из содерж.:

Губарев И.М. Пушкин и Гоголь (Мысли по поводу исследования Г.П. Макогоненко «Гоголь и Пушкин»). С. 83–84.

Масалха Я.В. Распространенные сравнения у Пушкина (к проблеме «Пушкин – Гоголь»). С. 85–86.

Пушкин С.Н. Об идейных истоках историософских взглядов К.Н. Леонтьева // Вече. СПб., 1998. Вып. 11. С. 38–51.

[К. Леонтьев и Гоголь, раннее славянофильство, Герцен, Н. Данилевский и др.]

Рахматуллин Р. Три монумента // Новый мир. М., 1998. № 12. С. 197–203.

[О московском памятнике Гоголю работы Н. Андреева.]

Ролик А.В. Украинские реалии в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и приемы их передачи в немецком переводе // Язык и культура. V международная научная конференция. Киев, 1998. Т. 3: Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. С. 102–104.

Ротиков К.К. Другой Петербург. СПб.: Лига Плюс, 1998. 576 с.

Из содерж.:

[Друзья по нежинскому лицу Н.В. Гоголь и Н.В. Кукольник. С. 151.]

Друг Н.В. Гоголя А.С. Данилевский. С. 198–199.

Гоголь и Пушкин в «Демутовом трактире». С. 251–252.

Разговор Н.И. Гнедича с Н.В. Гоголем. С. 454.

Русская критика о Пушкине. Избранные статьи. Комментарии: Учебное пособие / Сост., вступ. статья, коммент. А.М. Гуревича. М.: Изд-во МГУ, 1998. 296 с.

Из содерж.:

Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине. С. 31–36; В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. С. 36–40.

Розанов В.В. Пушкин и Гоголь. С. 176–178.

Русская литература: Большой учебный справочник для школьников и поступающих в вузы. М.: Дрофа, 1998. 1296 с.

Н.В. Гоголь. Мертвые души (авт.-сост. Л.Д. Страхова). С. 200–239.

Русская литература XIX века. 1800–1830-е годы. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей: В 2 ч. Ч. 2. 2-е доп. изд. М.: Издательский дом «Педагог», 1998. 368 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) / Сост. В.А. Воропаев. С. 288–361; примеч. М.В. Лобыцыной. С. 362–364.

Русская литература XIX–XX веков: Учебное пособие для поступающих в МГУ им. М.В. Ломоносова / Сост. и науч. ред. Б.С. Бугрова, М.М. Голубкова: В 2 т. Т. 1. М.: Мир филологии – Мегатрон, 1998. 438 с.

Скороспелова Е.Б., Голубков М.М., Красовский В.Е. Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 163–204.

Рыжов К. Сто великих россиян. М.: Вече, 2001. 633 с. – (100 великих).

Николай Гоголь. С. 355–366.

Свербилова Т.Г. Экстраверсия как психологическая доминанта характера в драматургии Гоголя // Русский язык и литература в учебных заведениях. Киев, 1998. № 2–3. С. 21–25.

Свердлов М. Чичиков – кто же он? Отношение автора к герою // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 1998. Апрель. № 14. С. 4.

Сенько И. Смысл названий книг Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» // Науковий вісник Ужгородського ун-ту. Серія філологічна. Ужгород, 1998. Вип. 3. С. 101–107.

Сердюкова Т.Р. Добчинский и Бобчинский приглашают на праздник: Сценарий общешкольного костюмированного праздника // Всесвітня література в серед. навч. закладах України. Киев, 1998. № 4. С. 50–51.

Серман И. <Serman I.> Происхождение одной политической формулы: Гоголь и Некрасов // Revue des études slaves. Париж, 1998. Т. 70, fasc. 3 / L'espace poétique. En hommage à Efim Etkind, sous la direction de Anita Davidenkoff. С. 641–647.

[Анализ стихотворения Н.А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт...» (1852), посвященном памяти Гоголя, в общественно-политическом контексте времени его создания.]

Синицкая С.В. [Александрова] Об именах у Гоголя // Русская литература. СПб., 1998. № 3. С. 272–273.

Синцов Е.В. Художественное философствование в русской литературе XIX века: Учебно-методическое пособие по творчеству Пушкина, Гоголя, Чехова / Редкол.: М. Сахапов (пред.) [и др.]; науч. ред. М. Сахапов. Казань: Мирас, 1998. 99 с.

Смирнов А.С. Пейзаж Гоголя в контексте русской романтической традиции // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (Проблемы теоретической и исторической поэтики): Материалы международной научной конференции, Гродно, 15–17 апр. 1998 г.: В 2 ч. Ч. 2. / Гродненский гос. ун-т. Гродно, 1998. С. 421–426.

Смирнова А.И., Павлова О.А. «Городской миф» у Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Филология. Вып. 3. С. 101–107.

Соколов В.Д. Рядом с Пушкиным: Портреты кистью и пером / Под ред. В.А. Алексеева; худож.-оформитель В.И. Приймак. Харьков: Издательско-коммерческое предприятие «Паритет ЛТД», 1991. 309 с.: ил.

Из содерж.:

«Все, что есть у меня...» (Н.В. Гоголь). С. 138–141.

Соколова В.Ф. Н.В. Гоголь – последователь и критик Гердера // Отечественная философия: русская, российская, всемирная. Нижний Новгород, 1998. С. 245–258.

[К характеристике историко-философских взглядов Гоголя.]

Соколинский Е. Вышли мы все из «Женитьбы» // Вечерний Петербург. СПб., 1998. 16 января. № 6. С. 3.

Соколовская Л. Живописное слово Гоголя. Урок внеклассного чтения в 6-м классе // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 1998. Апрель. № 14. С. 14–15.

Соколянский М.Г. Об историзме «Мертвых душ» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1998. Т. 57. № 6. Ноябрь – Декабрь. С. 25–31.

Сорокин И. Божий Промысл // Русь Святая. Липецк, 1998. Февраль. № 4. С. 5.

[О смерти и похоронах Гоголя.]

Сугай Л.А. Гоголь в поэзии символистов «третьей волны»: предсмертное стихотворение Юрия Сидорова // Наукові записки Ніжинський держ. пед. ун-ту ім. М. Гоголя. Філологічні науки. Ніжин, 1998. С. 64–70.

Сугай Л.А. Гоголь и Россия: образ писателя и мыслителя в художественном восприятии символистов // Труды Гос. академии славянской культуры. Вып. 1.: Россия и славянство М., 1998. С. 54–61.

Тодоров Л.В. Почему везет Хлестакову, или Возвращение к традициям изучения «Ревизора» // Литература в школе. М., 1998. № 5. С. 96–106.

Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Опыт жанрового анализа / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1998. 336 с.

Томачинский В. Выбранные места из переписки со святыми. Подтекст самой «скандальной» гоголевской книги // Православная Москва. М., 1998. Май. № 14/15. С. 10.

Труайя А. Мои «Мертвые души» // Детская литература. М., 1998. № 5/6. С. 148–151.

[Писатель о своем отношении к творчеству Гоголя.]

Тэффи Н. После юбилея // Звезда. СПб., 1998. № 3. С. 181–184.

Тэффи Н. После юбилея (Отрывки впечатлений и разговоров / Публ. и вступ. заметка Э. Нитраур и Б. Аверина; примеч. С. Князева // Литературное обозрение. М., 1998. № 6.

Тюлькина А.Ю. Особенности жеста в драматургии Н.В. Гоголя (на материале комедии «Женитьба» // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 2. Томск, 1998. С. 18–20.

Фон Шульц О. Русский Христос: Учителя Достоевского: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. 1-я лекция, 4 окт. 1932 г. // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. сб. научных трудов. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 31–41.

- [«Русский Христос» – учение Христа, каким его воспринял русский народ.]
- Хапилин К.* Гений и дьяволенок // *Природа и человек*. М., 1998. № 9. С. 66–67.
[Гоголь и А.О. Смирнова.]
- Хапилин К.* Земля спасется любовью // *Историческая газета*. М., 1998. Ноябрь – Декабрь. С. 7.
- Хомук Н.В.* Природа гоголевского аллегоризма // *Juvenilia: сборник студенческих и аспирантских работ*. Вып. 2. Томск, 1998. С. 21–22.
- Цивильская Н.П.* «Странное» в петербургских повестях Н.В. Гоголя // *Межвузовский сб. научных статей / Международная академия бизнеса и банков. дела и др.* Сер. Филология. Тольятти, 1998. № 1. С. 16–18.
- Черкашина М.* «Горьким словом моим посмеюся...»: Мистика рождения и смерти великого писателя // *Российская газета*. М., 1998. 20 февраля. С. 25.
- Черкашина М.* Горьким словом моим посмеюся... Отчего умер Николай Васильевич Гоголь? // *Литературная Россия*. М., 1998. 6 ноября. № 45. С. 12.
- Черненко В.Ю.* Функционирование фразеологических единиц в гоголевской речи и современной публицистике // *Наукові записки. Філологічні науки. Ніжин*, 1998. С. 71–74.
- Черных Н* // *Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября»*. М., 1998. Апрель. № 14. С. 9–12.
- Чоботько А.В.* Место «украинских» повестей Н.В. Гоголя в мировоззренческой системе В.В. Розанова // *Русский язык и литература в учебных заведениях*. Киев, 1998. № 2/3. С. 25–27.
- Чоботько А.В.* Эволюция взглядов В. Розанова на творчество Н.В. Гоголя // *Язык и культура. V междун. научн. конфер.* Киев, 1998. Т. 4: Язык и художественное творчество. С. 241–245.
- Чжон Тэ Он.* Мотив чужого места в произведениях М. Зощенко и Н. Гоголя // *Голоса молодых ученых: сб. научных публикаций иностранных и российских аспирантов-филологов*. Вып. 4. М.: Диалог – МГУ, 1998. С. 102–119.
- Штедтке К.* Индивидуальное творчество как проблема истории литературы (Карамзин. Гоголь. Достоевский) // *Литературоведение на пороге XXI века. Материалы международной научной конференции (МГУ, май 1997)*. М.: Рандеву-Ан, 1998. С. 134–148.
- Шульц С.А.* Духовно-художественный синтез в «Размышлениях о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя // *Православная нравственность и возрождение России. Материалы Третьих Димитровских образовательных чтений*. Ростов на Дону, 1998. С. 143–148.
- Эйзенштейн С.М.* «Борис Годунов» и «Ревизор» [Публ. и предисл. Н.И. Клеймана] // *Киноведческие записки*. М., 1997/1998. № 36/37. С. 180–220.
[Заметки к работе «Пушкин и Гоголь» (1946–1947).]
- Эпштейн М.* «Портрет» Гоголя – Белинского // *Эпштейн М. Бог деталей. Эссеистика*. 1977–1998. М., 1998. С. 114–123.
- Этов В.И.* Мечтатели Достоевского: «Бедные люди» – «Белые ночи» // *Русская словесность*. М., 1998. № 4. С. 12–18.
[Пушкинские и гоголевские традиции в творчестве Ф.М. Достоевского.]

Янушкевич М.А. «Миргород» Н.В. Гоголя и «Параллельные жизнеописания» Плутарха: проблемы поэтики // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 2. Томск, 1998. С. 11–13.

Янчевская А.Ю. Римская тема и проблема католичества в мировоззрении Н.В. Гоголя 1830-х годов // Романтизм и его исторические судьбы: Материалы международной научной конференции (7 Гуляевских чтений), 3–16 мая 1998 г.: [В 2 ч.] / Тверской гос. ун-т. Тверь: Научно-исследовательская лаборатория комплексного изучения проблем романтизма ТГУ, 1998. Ч. 2. С. 23–28.

Янчевская А.Ю. Второй том «Мертвых душ» Н.В. Гоголя в свете идеи синтеза искусства и религии // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 1998. С. 52–54.

Янчевская А.Ю. Романтический синтез искусства и религии и второй том «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Романтизм: грани и судьбы: В 2 ч. Тверь, 1998. Ч. 2. С. 137–144.

1999

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород: Повести. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 560 с. – (Сер. Русская классика).

Избранное / Сост., предисл., коммент. В. Томачинского. М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. 480 с.

Загл. предисл.: Путь к воскресению. С. 3–5.

Коммент. С. 476–478.

Из писем В.А. Жуковскому / Международный фонд единства православных народов. М.: Россия молодая, 1999. 11 с.

О лиризме наших поэтов // Роман-газета XXI век. М., 1999. № 8. С. 94–97.

Мертвые души / Послесл. И. Золотуского. М.: Подкова, 1999. 518 с.

Загл. послесл.: Тройка, копейка и колесо. С. 461–514.

Повести. Мертвые души / Ред.-сост. Л.Д. Страхова. М.: Олимп: АСТ, 1999. 688 с. – (Школа классики).

Айхенвальд Ю. Гоголь. С. 5–16.

Воропаев В. Коммент. С. 533–588.

Критика. С. 589–680.

Повести. Мертвые души. М.: Эксмо-пресс, 1999. 544 с. – (Сер. Русская классика).

Правило жития в мире // Воскресная школа: сб. педагогических материалов, опубликованных в 1998 году. <М., 1999>. С. 47.

Размышления о Божественной Литургии. Духовные сочинения / Вступ. статья прот. А. Затовского. [Киев: Свято-Макарьевская церковь,] 1999. 143 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь и Православие. С. 7–14.

Собр. соч.: В 2 т. М.: Полиграфресурсы, 1999. – (Библиотека школьника).

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. 456 с.

Т. 2. Мертвые души; Ревизор; Повести. 576 с.

Собр. соч.: В 4 т. М.: Библиосфера, 1999.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Приложение. 622 с.: ил.

Т. 2. Повести. Комедии. Драматические сцены и отдельные произведения. Приложение. 622 с.: ил.

- Т. 3. Мертвые души: Поэма. Приложение. 606 с.: ил.
Т. 4. Духовная проза. Исторические наброски. Заметки о крестьянском быте. Материалы для словаря русского языка. 542 с.

Собр. соч.: В 8 т. / Сост. О. Дорофеев. М.: Терра, 1999–2001.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Ранние статьи. 1831–1833 / Вступ. статья А. Пыпина; сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Терра, 1999. 384 с.

Загл. вступ. статьи: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 5–22
[Статья из Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.]
Примеч. С. 366–380.

Т. 2. Миргород / Сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Терра, 1999. 384 с.

Приложение:

Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород»). С. 316–370.
Примеч. С. 371–383.

Т. 3. Повести. Статьи из сборника «Арабески». 1835 / Сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 384 с.

Примеч. С. 372–383.

Т. 4. Драматические произведения; Драматические отрывки и отдельные сцены. 1832–1837 / Сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 384 с.

Примеч. С. 370–382.

Т. 5. Мертвые души: Поэма: В 2 т. Т. 1 / Сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 384 с.

Приложение:

Короленко В.Г. Трагедия великого юмориста (Несколько мыслей о Гоголе). С. 315–366.

Примеч. С. 367–382.

Т. 6. Мертвые души: Поэма: В 2 т. Т. 2 / Сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 384 с.

Приложение:

Розанов В.В. <Глава из книги «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского»>. С. 247–252.
О Гоголе (Приложение двух этюдов). С. 252–270.

Гоголь. С. 270–276.

Мережковский Д.С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. С. 277–372.

Примеч. С. 373–383.

Т. 7. Статьи. 1836–1837; Выбранные места из переписки с друзьями; Не напечатанное при жизни и незавершенное. 1840-е годы / Сост. О. Дорофеева; Примеч. Ю. Манна. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 384 с.

<Приложение:> *Анненский И.Ф.* Проблема гоголевского юмора. С. 335–351;

Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье. С. 351–361.

Примеч. С. 362–382.

Т. 8. Письма / Сост. О. Дорофеева; Примеч. М. Громова. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 384 с.

Приложение:

Набоков В. Николай Гоголь. С. 274–353.

Примеч. С. 354–380.

Сочинения / Предисл. В. Черномырдина. М., 1999.

Загл. предисл.: Певец славянского братства.

То же: // Роман-газета XXI век. М., 1999. № 8. С. 98.

Сочинения в одном томе / Предисл. И. Золотусского. М.: Панъинтер, 1999. 848 с. – (Золотая библиотека классики).

Загл. предисл.: Путь к вершине. С. 11–18 (Загл. в тексте: Милосердный смех).

Пьянов А.С. <статья перед главами «Выбранных мест из переписки с друзьями»>: Судия и пророк. С. 831–833.

[Рец.: *Паникин А.* Мой Гоголь. Книги, которых ждали тридцать лет // Вечерний клуб. М., 1999. № 34. С. 11.]

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова Ю.В. Анализ «немой сцены» в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». 8 класс // Литература в школе. М., 1999. № 2. С. 76–79.

Абрамовских Е.В. Русские романы. Знаменитые русские романы XVIII–XX веков. Персонажи. Сюжеты. Судьбы произведений. Биографии авторов. Изд-во Урал LTD, 1999. 662 с.
Гоголь Н.В. «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 130–151.

Абрамовских Е.В. К вопросу о рецепции незавершенной прозы Пушкина «идеальными читателями» // Проблемы изучения литератур: сб. научных трудов. Челябинский гос. ун-т. Вып. 1. Челябинск, 1999. С. 15–22.
[Гоголь и Пушкин.]

Абрамовских Е.В. Механизмы рецепции незавершенной прозы А.С. Пушкина // Два века с Пушкиным. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 17–18 февр. 1999: В 2 ч. Оренбург, 1999. Ч. 1. С. 133–144.
[Гоголь и Пушкин.]

Абрамовских Е.В. Незавершенная проза Пушкина // Вестник Челябинского ун-та. Филология. Сер. 2. 1999. № 1. С. 54–69.
[Гоголь и Пушкин.]

Абрамовских Е.В. Рецепция пушкинского замысла «Криспин приезжает в губернию...» Н.В. Гоголем // А.С. Пушкин и культура. Тезисы международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения. Самара, 1999. С. 3–4.

Акимова Н.Н. Нравоописательное очерковое повествование и формы его трансформации в «Миргороде» Н.В. Гоголя // Современные проблемы филологии: сб. научных статей. Хабаровск: ХГПУ [Хабаровский гос. пед. ун-т], 1999. С. 49–57.

Андреев И.М., проф. Н.В. Гоголь (Религиозное лицо Гоголя) // Андреев И.М., проф. Русские писатели XIX века. М.: Российское Отделение Валаамского Общества Америки, 1999. С. 203–246.

Анненкова Е.И. Автор в «Мертвых душах» и «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Литература в школе. М., 1999. № 2. С. 33–40.

«Античная культура» в современной классической гимназии. Уроки по Пушкину («Евгений Онегин»). Уроки по Достоевскому («Преступление и наказание»). М.: Русский хронограф, 1999. – (Опыты православной педагогики).
Мотивы героического эпоса в повести Гоголя «Тарас Бульба». С. 135–143.

Антонов М. Уроки жизни Павла Чичикова // Русская провинция. Новгород и др., 1999. № 1. С. 101–109.

Антропова Н.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» как лирико-философский эквивалент «Мертвых душ» (II т.) Н.В. Гоголя // Филологические науки: Материалы XLIII научно-методической конференции «Университетская наука – региону». Ставрополь, 1999. С. 54–59.

Баженов Н.Н. Болезнь и смерть Гоголя // Юность. М., 1999. № 5. С. 74–84.

Базавлук Л.М. Восклицательный знак в середине высказывания (на материале текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Структура, семантика и функционирование синтаксических единиц в русском языке: межвузовский сб. статей. Орел: ОГУ [Орловский гос. ун-т], 1999. С. 60–65.

Баканова М.А. Роман В. Набокова «Приглашение на казнь»: Гоголевский подтекст // Филологические штудии. 1999. Вып. 3. С. 133–141.

Балашова И.А. Лекции по истории русской литературы XIX века. Ч. 2. Учебное пособие. Ростов на Дону: Донской издательский дом, 1999. 132 с.
Лекция 3. Образный мир комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». С. 45–73.

Барабаш Ю. «Лица басурманской национальности» у Гоголя и Шевченко // Вопросы литературы. М., 1999. Май – Июнь. С. 204–235.

Белова О. Эти стены помнят писателя / Беседу вел Н. Царапкин // Библиотека. М., 1999. № 5. С. 78–79.

[Мемориальный кабинет Гоголя в стенах городской библиотеки № 2 им. Н.В. Гоголя в Москве.]

Белый А. История становления самосознающей души // Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон+, 1999.

[Реализм: Гоголь, Достоевский. С. 255–276.]

Бессуднова В.И. Статистические и динамические синтаксические модели с локальным значением во фрагментах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Предложение и слово. Саратов, 1999. С. 68–70.

Блох А. Разве это Гоголь? Чертовщина вокруг памятников // Литературная газета. М., 1999. 31 марта. № 13. С. 12.

[О судьбе памятников Гоголю в Москве.]

Блох А. Чертовщина // Алфавит. М., 2001. Май. № 16.

[Об открытии памятника Гоголю в Москве в 1909 г.]

Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с. – (Сер. Язык. Семиотика. Культура).

Из содерж.:

Вокруг «Носа». С. 98–120.

Холод, стыд и свобода. История литературы sub specie Священной истории. С. 121–151.

Пушкин – Гоголь – Достоевский. С. 17–260.

Буранбаева Л.М. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в оценке русской литературной критики XIX века // Из-за черты. Стерлитамак, 1999. С. 29–38.

Бычков В.В. Христианская философия искусства. Гоголь // Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aestetica: В 2 т. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М., СПб.: Университетская книга, 1999. С. 239–248. – (Российские Пропилеи).

Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности. 3-е испр. и доп. изд. М.: Изд-во Независимая газета, 1999. 272 с.

Из содерж.:

Русский бог. Гоголь. С. 127–138.

Время маленького человека. Гоголь. С. 139–148.

Вандышева Н.В. К вопросу о мировоззренческой эволюции Н.В. Гоголя // Вісник Харківського держ. ун-ту. Харків, 1999. № 429. С. 93–96.

Вандышева Н.В. Религиозно-нравственные аспекты мировоззрения Н.В. Гоголя // Людина: дух, душа, тіло. Матеріали III-ї науково-теоретичної конференції. Суми, 1999. С. 62–63.

Вацуро В.Э. Незамеченные источники идиллии Гоголя «Ганц Кюхельгартен» // Памяти Г.П. Макогоненко: сб. статей, воспоминаний и документов / Под ред. В.М. Марковича, А.А. Карпова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. С. 117–127.

Веревкина Т.Б. [Фрик] «Пушкинское» и «гоголевское» в «Современнике» (к вопросу о структуре журнала // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1999. Вып. 4. С. 56–57.

Ветловская В.Е. Житийные источники гоголевской «Шинели» // *Русская литература*. СПб., 1999. № 1. С. 18–35.

Виноградов И. Божественная ночь и «подводный мир»: О повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // *Воскресная школа*. М., 1999. Май. № 17. С. 9.

Виноградов И. Наследие Богдана. А.С. Пушкин и «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя // *Десятина*. М., 1999. № 9/10. С. 6.

Виноградов И. Невидимая брань. О повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» // *Воскресная школа*. М., 1999. Январь. № 1. С. 8–9.

Виноградов И.А. Пьеро, Коломбина и Арлекин: К истории создания «Тараса Бульбы» и «Ревизора» Н.В. Гоголя // *Русская литература*. СПб., 1999. № 1. С. 36–44.
[Поэтика балаганных представлений (русская масленица, римский карнавал) в художественном мире Гоголя.]

Вишневская И. Всеобщая ревизия в «душевном городе». Русское самозванство – особая национальная тема // *Независимая газета*. М., 1999. 1 апреля. № 58. С. 7.

Владимирова Т.Л. Итальянская тема в русской литературе первой трети XIX века: («Мертвые души» Н.В. Гоголя) // *Сибирская школа молодого ученого*. Томск, 1999. Т. 3: Лингвистика. Стилистика художественного текста. Литературоведение. С. 81–82.

Войцеховский Б. «Поднимите мне веки: не вижу!» // *Комсомольская правда*. М., 1999. 1 апреля. № 58. С. 2.

Воробьева Т.Л. Гоголевские традиции в драматургии Н.Р. Эрдмана // *Проблемы литературных жанров: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского гос. ун-та*. Ч. 2. Томск, 1999. С. 144–149.

Воропаев В. «Благодать там присутствует». Оптина Пустынь и русские писатели // *Воскресная школа: сб. педагогических материалов, опубликованных в 1998 году*. <М., 1999>. С. 70.

Воропаев В. «Будьте не мертвые, а живые души». О названии поэмы Н.В. Гоголя // *Воскресная школа: сб. педагогических материалов, опубликованных в 1998 году*. <М., 1999>. С. 83.

Воропаев В. В святом граде. К 190-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // *Слово*. М., 1999. № 2. С. 89–94.

Воропаев В. Гоголь над страницами духовных книг: Путь к воцерковлению писательского труда // *Православная беседа*. М., 1999. № 6. С. 42–45.

Воропаев В. «Горьким словом моим посмеюся» // *Воскресная школа*. М., 1999. Апрель. № 13. С. 11.

Воропаев В. «Каждого из нас званье свято». Гоголь и Государь Николай Павлович // *Москва. Журнал русской культуры*. М., 1999. № 4. С. 167–173.

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь: Жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. 128 с. – (Перечитывая классику).

[Рец.: *Тарасов Ф.* Путь к Гоголю // Север. Петрозаводск, 1999. № 8. С. 150–152; *Каплин А.* Правда о Гоголе // Литературная Россия. М., 2000. 10 ноября. № 45. С. 10; *Каплин А.* Правда о Гоголе // Литературная учеба. М., 2000. Кн. 5/6. С. 188–190.]

Воропаев В. Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор» // Воскресная школа: сб. педагогических материалов, опубликованных в 1998 году. <М., 1999>. С. 71–72, 73.

Воропаев В.А. Над чем смеялся Гоголь. (О духовном смысле комедии «Ревизор») // Христианство и русская литература: сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 213–220.

Воропаев В. Ночь у Святого Гроба. Гоголь в Иерусалиме (К 190-летию со дня рождения писателя) // Русь Державная. М., 1999. № 3(58). С. 7.

Воропаев В. Окно в мир евангельских истин. Пословицы и притчи в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Воскресная школа. М., 1999. Сентябрь. № 33. С. 10–11.

Воропаев В. Последняя книга Гоголя. К 190-летию со дня рождения писателя // Десятина. М., 1999. № 5/6. С. 12.

Воропаев В. Поэма «Мертвые души»: история замысла и его осуществление // Новый Век. М., 1999. № 1(8). С. 5–6.

Воропаев В. Поэт и Царь // Десятина. М., 1999. № 15/16. С. 4.

Воропаев В. Поэт и Царь. Об адресате стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...» // Литературная Россия. М., 1999. 16 июля. № 27. С. 16.

Воропаев В.А. Поэт и Царь. Об адресате стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...» // Московский журнал. История Государства Российского. М., 1999. № 8. С. 18–20.

Воропаев В.А. Поэт и Царь. Об адресате стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...» // Университетский пушкинский сборник. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 170–176.

Воропаев В.А. Сватался ли Гоголь к графине Виельгорской? // Московский журнал. История Государства Российского. М., 1999. № 2. С. 43–45.

Воропаев В. Светлые сороковины. К 190-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Московский университет. М., 1999. Апрель. № 7. С. 7.

Воропаев В. Светлые сороковины // Литературная Россия. М., 1999. 9 апреля. № 14. С. 6.

Гаврилов А. Страшный суд как страшный сон. Виктор Пелевин написал свои «Мертвые души» // Независимая газета. Приложение. М., 1999. Март. № 9(81).

Галахов А.Д. Записки человека / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В.М. Бокковой. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 448 с.
[О Гоголе: С. 244–247.]

Гвоздей В.Н. Секреты чеховского художественного текста: Монография. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 1999. 128 с.
[В частности, гоголевские традиции в поэтике А.П. Чехова.]

Гиппиус В. Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники... М.: Аграф, 1999. 464 с. – (Сер. Литературная мастерская).

Предисловие. С. 5–8.

Гоголезнавчі студії=Гоголеведческие студии / Редкол.: П.В. Михед (відп. ред.), В.П. Казарин, З.В. Кирилюк, Г.А. Киричок и др.; Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя, Гоголівський науково-методичний центр. Вип. 4. Ніжин, 1999. 213 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Воропаев В. Поздний Гоголь (1842–1852): новые аспекты изучения. С. 4–14.

Денисов В. Метафора храма в художественной прозе Н.В. Гоголя. С. 14–25.

Абрамович С. «Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать»? (Польский и еврейский мир в «Тарасе Бульбе»). С. 33–40.

Кривонос В. «Петербургские повести» Н.В. Гоголя и евангельская топика. С. 41–49.

Виноградов И. Гоголь и Белинский: к истории полемики. С. 50–73.

Шульц С. Гоголь: от драматургии к «Размышлениям о Божественной Литургии» (аспект исторической поэтики). С. 86–118.

Остапенко Л., Михед П. Две вехи пророческого слова в русской литературе: Гоголь и Достоевский. С. 118–133.

Анненкова Е. Две книги переходного десятилетия («Сумерки Е.А. Баратынского и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя). С. 133–146.

Томачинский В. К вопросу о своеобразии стиля «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. С. 147–156.

Киричок Г. О почве и судьбе Гоголя... С. 157–165.

[Рец. на кн.: *Барабаш Ю.* Почва и судьба. Гоголь и украинская литература у истоков. М.: Наследие, 1995. 224 с.]

Библиография:

Гранатович Л. Бібліографія літератури про Гоголя, що вийшла в Україні 1997 року. С. 168–182. На рус. и укр. яз.

Воропаев В. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем, вышедшая в России в 1997 году. С. 182–196.

Воропаев В. Гоголь в литературе Русского зарубежья [Библиография]. С. 196–208.

Гоголь и русская литературная культура: сб. научных трудов / Редкол.: В.В. Прозоров, И.А. Тарасова, А.Б. Щербаков (отв. ред.). Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1999. 108 с.

Содерж.:

Предисловие. С. 3–4.

Миф: Рефлексия – Текст:

Щербаков А.Б. Вечный Вавилон. С. 5–9.

Щербаков А.Б. «Апокалипсис» сегодня. С. 9–13.

[О созвучии «Выбранных мест из переписки с друзьями» с «Апокалипсисом».]

Щербаков А.Б. «С потопа и разделения языков» (К проблеме «интертекстуальных речений»). С. 13–17.

Тарасова И.А. «Призраки на петербургском льду»: «Петербургский текст» в творчестве Г. Иванова. С. 18–28.

Поэтика: Мотив – слово – знак:

Болкунова Н.С. Мотивы Дома и Дороги в повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетюшка». С. 29–37.

Музалевский М.Е. Циклические элементы и мотивы в комедии Гоголя «Женитьба». С. 37–50.

Зорин А.Н. «Авантюрное время» в комедии «Ревизор» (К постановке проблемы метапаузы). С. 50–57.

Кондаурова И.А. «Словесные жесты» в сюжете поэмы «Мертвые души» (Об одной из форм проявления феномена молвы в художественном тексте). С. 57–63.

Кормилицын А.А. Судьба просторечий в переводах комедии Гоголя «Ревизор» на английский язык. С. 63–69.

Потапова Т.Ю. Экспрессивные пунктуационные приемы в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 70–75.

Литературное образование: Опыт – Материалы:

Прозоров В.В. Материалы к спецсеминару «Мир Гоголя». С. 76–82.

Демченко А.А. «Выбранные места из переписки с друзьями» в критике 1840–50-х годов: Белинский и Чернышевский. С. 82–87.

Щербаков А.Б. Введение в поэтику литературы Нового времени: «рефлектирующий гений». С. 87–97.

Гусакова О.Я. Н.В. Гоголь и Н.А. Полевой в мемуарных очерках П.В. Анненкова. С. 97–106.

Гольденберг А.Х. Образы скупых у Пушкина и Гоголя и жанровые традиции древнерусской проповеди // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: Материалы научной конференции. Вып. 4. Волгоград: Перемена, 1999. С. 30–31.

Гончарова М.С. Мотив возрождения как один из центральных сюжетобразующих мотивов «Выбранных мест...» Н.В. Гоголя // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Томск, 1999. С. 144–149.

Граник Г.Г., Концевая Л.А. Установка и комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» (фрагмент из учебника «Русская филология», ч. III) // *Русская словесность* М., 1999. № 6. С. 59–65.

Григорьев А. Письма / Изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. 475 с. [Письма к Гоголю по поводу его последней книги. С. 29–35.]

Грунина Л.П. Лирические отступления как актуализатор диалогичности художественного текста // *Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира*. Кемерово, 1999. С. 29–32.

[Функции лирических отступлений в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя и произведениях А.С. Пушкина и И.С. Тургенева.]

Грунина Л.П., Салтымакова О.А. Особенности авторского повествования ранних повестей Н.В. Гоголя // *Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме*. Кемерово, 1999. С. 56–59.

Гудкова З. Пушкин, Аксаков и Гоголь: творческие и родственные связи // *Бельские просторы*. Уфа, 1999. № 5. С. 90–91.

Гуминский В.М. О смысле любви у Гоголя (Церковная и литературная традиция в «Старосветских помещиках») // *Рождественские чтения: сб. докладов / Московский Патриархат, Отдел религиозного образования и катехизации*. Вып. 7: Христианство и культура. М., 1999. С. 58–71.

Данилова В.В. Закономерности проявления художественного алогизма в стиле, сюжете, композиции поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // *Текст: варианты интерпретации*. Бийск, 1999. Вып. 4. С. 18–27.

Две тайны // *Литературная газета*. М., 1999. 31 марта. С. 9.

[Круглый стол «Пушкин и Гоголь» в Аксаковском доме-музее в Москве.]

Делекторская И. Двойной портрет в российском интерьере // *Русская словесность*. М., 1999. № 2. С. 74–77.

[К истории творческих связей Гоголя и А.С. Пушкина.]

Денисов В.Д. О формировании Гоголя-писателя (замечания к постановке проблемы...) // *Проблемы изучения русского языка и литературы / Под ред. В.Д. Денисова*. СПб.: Изд-во РГГМУ [Российский гос. гидрометеорологический ун-т], 1999. С. 63–68.

Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 349 с. – (*Studiorum Slavicorum Monumenta. Tomus 17*).

[Гоголевская тема в «Двойнике». С. 186–203: «Крокодил» и «Нос». С. 319–337.]

Довгий О.Л., Махов А.Е. Двенадцать зеркал Пушкина. М.: Intrada, 1999. 351 с. Гоголь Н.В. С. 267–269.

Долинин А.А. Доклады В. Набокова в Берлинском литературном кружке (Из рукописных материалов 20-х годов) // Звезда. СПб., 1999. № 4. С. 7–11.

Дружников Ю.И. «С Пушкиным на дружеской ноге» // Дружников Ю.И. Русские мифы. СПб.: Изд-во Пушкинский фонд, 1999. С. 9–31.

[Гоголь как создатель мифа о своей творческой и дружеской близости с А.С. Пушкиным.]

[Откл.: Щуплов А.Н. Нужно ли разоблачать миф во время чумы? // Пушкин и Крым. Материалы IX Международной научной конференции: В 2 кн. Кн. 1. Симферополь, 2000. С. 153–156.]

Дунаев М. Бог есть любовь // Воскресная школа: сб. педагогических материалов, опубликованных в 1998 году. <М., 1999>. С. 46.

Ермаков И.Д. Психологический анализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский / Сост. М.И. Давыдовой; вступ. статьи А. Эткинда, М.И. Давыдовой; коммент. Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 512 с.

Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя. Органичность произведений Гоголя. С. 157–319.

Приложение:

«Похождения Чичикова, или Мертвые души» Гоголя. С. 320–344.

Коммент. С. 469–489.

[Рец.: Ex Libris НГ. М., 1999. № 3. С. 9; Кацис Л., Руднев В. Две правды о профессоре Ермакове // Логос. М., 1999. Вып. 5. С. 212–222.]

Жаравина Л.В. Гоголь между христианством и позитивизмом // Христианство и русская литература: сб. 3 / РАН ИРЛИ. СПб.: Наука, 1999. С. 164–212.

[О книге «Выбранные места из переписки с друзьями».]

Живаева Л.Н. Идиостилевые характеристики анафонии (На материале художественной прозы Н.В. Гоголя и А.М. Горького) // Предложение и слово. Саратов, 1999. С. 266–268.

Жилыкова Э.М. Вертеровский сюжет в «Невском проспекте» Н.В. Гоголя // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 214–223.

Жолковский А.К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 392 с.

[Указ. имен.]

<Жуковский В.А.> В.А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. М.: Наука, 1999. 726 с.

Н.В. Гоголь. С. 331–342.

Из статьи «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. С. 331–333.

Об «Одиссее», переводимой Жуковским. С. 333–340.

Из писем. С. 340–342.

Завещание Гоголя наконец-то услышано. Хормейстер Виктор Попов отвечает на вопросы Юрия Кублановского // День литературы. М., 1999. Июль. № 7.

Заманова И.Ф. Композиционные основы сборника Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Филология на рубеже XXI века: Материалы международной научной конференции. Белгород, 1999. С. 32–33.

Заманова И.Ф. Композиционные основы борника Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Писатель, творчество: современное восприятие: сб. аспирантских статей. Курск, 1999. С. 3–13.

Записки А.О. Смирновой, урожденной Россет (с 1825 по 1845 гг.) / Статьи Л. Крестовой и А. Пьянова; сост. К. Ковальджи. М.: Московский рабочий; НПК «Интелвак», 1999. 412 с. Воспоминания о Н.В. Гоголе. С. 296–332.

Зарецкий В.А. Народные исторические предания в творчестве Н.В. Гоголя. История и биографии: Монография. Екатеринбург; Стерлитамак: Уральский гос. пед. ун-т; Стерлитамакский гос. пед. ин-т, 1999. 460 с.

[Откл.: *Инютин В.В.* Мотивы и история // Филологические записки. Воронеж, 2002. Вып. 18. С. 61–65.]

Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Т. 1. Ростов на Дону: Феникс, 1999. 544 с.

Н.В. Гоголь. С. 204–212.

Злочевская А.В. В. Набоков и Н.В. Гоголь // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1999. № 2. С. 30–46.

<*Золотусский И.*> Роман с Гоголем // Древо. Приложение к газете «Российские вести». М., 1999. 7 апреля № 4. С. 5.

[Беседа корреспондента «РВ» Л. Ивановой с И.П. Золотусским.]

Золотусский И.П. «Чичиков замешан совсем на других дрожжах...» К 190-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Литература в школе. М., 1999. № 2. С. 26–33.

Зотов И. Между Гоголем и Чеховым // Независимая газета. М., 1999. 4 марта. Книжное обозрение (Приложение). С. 10.

Иванова Н.И. Разнообразные включения гоголевских рецепций в романские тексты В.В. Набокова // Набоковский вестник. Вып. 4. СПб., 1999. С. 42–46.

Ищук-Фадеева Н.И. «Ревизор» Гоголя и Булгакова // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь, 1999. № 5. С. 86–91.

Канунова Ф.З. Янушкевич М.А. Поэтика параллелизма как мировоззренческая доминанта творчества Н.В. Гоголя 1831–1835 гг. (к проблеме «Гоголь и Плутарх») // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 223–231.

Карандашова О.С. Художественное пространство в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Историко-литературный сборник. Тверь, 1999. С. 54–62.

Карасев Л. Гоголь: онтология слова // Вопросы литературы. М., 1999. № 1/2. С. 345–350. [Рец. на кн.: *Мильдон В.И.* Эстетика Гоголя. М.: ВГИК, 1998. 127 с.]

Карасев Л.В. Nervoso fasciculoso: (О «внутреннем» содержании гоголевской прозы) // Вопросы литературы. М., 1999. № 9. С. 42–64.

Карташова И.В., Янчевская А.Ю. Монастырская обитель и образ монаха-художника в творчестве В.-Г. Вакенродера и Н.В. Гоголя // Мир романтизма. Тверь, 1999. Вып. 2(26). С. 66–76.

Касаткина Е.Г. «Музыка всегда содержательна» (О роли музыкального компонента в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Современные исследования: поиск эффективных методов решения актуальных проблем: сб. научных трудов. Саратов, 1999. С. 55–63.

Кацис Л.Ф. «Московский чудак» Андрея Белого: к генезису образа // Москва и «Москва» Андрея Белого: [Материалы конференции, проходившей в Москве 18–20 декабря 1995 г.] М., 1999. С. 137–152.

[Гоголевские истоки первой части романа А. Белого «Москва».]

Киселев А.К., Романичева Е.С. В начале бесконечной дороги // Литература в школе. М., 1999. № 1. С. 87–91.

Клягина Л.Р. Опыт прочтения поэмы Гоголя «Мертвые души» с использованием иллюстраций М. Шагала // Проблемы литературного образования школьников: Материалы V зональной научно-практической конференции «Филологический класс: наука – вуз – школа»). Екатеринбург: УрГПУ [Уральский гос. пед. ун-т], 1999.

Козлов О.Г. К проблеме художественного единства сборника «Арабески» Н.В. Гоголя // Литературное произведение: сюжет и мотив. Новосибирск, 1999. С. 128–139.

Козлова А.В. «Гражданин Вселенной» или Тщѣ раз о Шпоньке // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Сер. Гуманит. науки (филология). Томск, 1999. Вып. 6. С. 3–6.

[Место повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» в цикле «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в контексте романтической традиции (дуалистическая концепция человека).]

Козлова А.В. Повесть «Коляска» в составе третьего тома Н.В. Гоголя. Инварианты гоголевского дуализма в связи с действием дуальных моделей: центр/периферия, творчество/ремесло, цель/средство, круг/угол, покой/движение // Проблемы литературных жанров: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского гос. ун-та, 8–10 декабря 1998 г. Томск, 1999. Ч. 1. С. 187–191.

Кольчик С. Два Гоголя // Аргументы и факты. М., 1999. Февраль № 6. С. 11.

[О памятниках Гоголю в Москве скульпторов Н. Томского и Н. Андреева.]

Кондакова Ю.В. Имена собственные в произведениях Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. С. 146–148.

Корней Иванович Чуковский: Библиографический указатель / Сост. Д.А. Берман. М.: Русское библиографическое общество, издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 468 с. – (Academia Rossica. 5).

[Указ. имен.]

Корнейчук М. «Я тебя породил, я тебя и убью!» Как национал-патриоты «прихватизировали» Н. Гоголя // Правда. М., 1999. 15–16 июня. С. 2.

[По поводу нового перевода повести «Тарас Бульба» на украинский язык (1998).]

Коструба Н.Н. История болезни и причина смерти Н.В. Гоголя. Исследование врача-психиатра. Киев: Фитосоциоцентр, 1999. 32 с.

Кретова А. А. Повесть Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». Гоголевские традиции в святочных рассказах Н.С. Лескова // Кретова А. А. «Будьте совершенны...»: Религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н.С. Лескова и его современников / Московский пед. гос. ун-т; Орловский гос. ун-т. М.; Орел: Орловский гос. ун-т, 1999. Гл. 1, п. 3. С. 46–76.

Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 864 с. – (Сер. Антология мысли).

Идеалы и действительность в русской литературе.

Глава 3: Гоголь. С. 323–342.

Кубанов И. Грамматика и топология Я-дискурса (Н.В. Гоголь. «Записки сумасшедшего») // Кубанов И. Пейзажи чувствительности: Вариации и импровизации. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 135–164.

Куксина Е.М. Проблема творческого диалога: комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» и пьеса В.В. Набокова (Сирина) «Событие» // Проблемы литературных жанров: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского гос. ун-та 8–10 декабря 1998 г. Томск, 1999. Ч. 1. С. 201–205.

[Пьеса В. Набокова «Событие» как сюжетная вариация пьесы Гоголя «Ревизор».]

Куксина Е.М. «Ultima Thule» Набокова в свете гоголевских «Записок сумасшедшего» // Национальный гений и пути русской культуры: Пушкин, Платонов, Набоков в конце XX века. Омск, 1999. Вып. 1. С. 158–161.

Кривонос В.Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб.: Изд-во РГПУ [Российский гос. пед. ун-т] им. А.И. Герцена, 1999. 251 с.

[Рец.: *Остапенко Л.* Исследование мотивики Гоголя, или о колдовской силе его «Заколдованных мест» // Гоголеведческие студии. Вып. 5. Нijин, 2000. С. 200–202; *Лившиц Е.* // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 47. С. 412–415; Откл.: *Инютин В.В.* Мотивы и история // Филологические записки. Воронеж, 2002. Вып. 18. С. 61–65.]

Кривонос В.Ш. «Петербургские повести» Гоголя и христианская традиция // Русская классика: проблемы интерпретации. Липецк, 1999. С. 27–30.

Кривонос В. Принцип проблематичности в поэтике Гоголя // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 1999. Март. № 9. С. 9–10.

Кропоткин П. Гоголь // Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал. Сочинения. М., 1999. С. 323–344.

Крылов А. Две смерти Николая Гоголя // Новая юность. М., 1999. № 35(2). С. 164–171. [О последних днях жизни писателя.]

Кубанов И. Пейзажи чувствительности: Вариации и импровизации. М., 1999. 192 с. [В частности, о «Записках сумасшедшего» Гоголя.]

Кузнецов А.Н., Потаповский А.М. Жанровое обозначение «Повести о капитане Копейкине» // Филологические науки. М., 1999. № 2. С. 11–15.

Куксина Е.М. Проблема творческого диалога: Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» и пьеса В.В.Набокова (Сирина) «Событие» // Проблемы литературных жанров: Материалы IX международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского гос. ун-та. Ч. 1. Томск, 1999. С. 201–205.

Куляпин А.И., Левашова О.Г. «В поисках живой души» (В.М. Шукшин и Н.В. Гоголь) // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 274–286.

Ландольфи Т. Жена Гоголя // Ландольфи Т. Жена Гоголя и другие истории: Избранное: Пер. с итал. М.: Аграф, 1999. С. 341–353.

Левин С. Тотемизм, мертвые души и «экзотика» // Философия пира: опыт тематизации. СПб., 1999. С. 88–95.

[Платон, Гоголь и современное кино.]

Лепяхин В. Икона в изящной словесности. Икона, иконопись, иконописцы, иконопочитание и иконные лавки в русской художественной литературе XIX – начала XX века. Сегед, 1999. 294 с.

Из содерж.:

Икона в жизни и творчестве Гоголя. «Тарас Бульба», «Вий», «Страшная месть», «Ночь перед Рождеством». С. 46–60.

Живопись и иконопись в повести Гоголя «Портрет». По редакции «Арабесок». С. 61–89.

Лютов В.В. Гоголь // Лютов В.В. Русские писатели в жизни. Без м. изд.: Изд-во Урал LTD, 1999. С. 217–247.

Лямина Е.Э., Самовар Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Языки русской культуры, 1999. 560 с.

Из содерж.:

«Ночи на вилле» и «Явление Мессии». С. 469–504.

[Рец.: Булкина И. // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 43. С. 424–427.]
[О Гоголе: С. 426.]

Магазаник Л.Э. После «Пиковой дамы» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 1999. № 1. С. 124–134.

[«Пиковая дама» А.С. Пушкина и «Вий» Гоголя.]

Малахин В. «Процесс пошел»: Н.В. Гоголь и право (Вопросы права в творчестве Гоголя) // Юридическая газета. М., 1999. № 13. С. 14.

Малянова И.В. Тема добра и зла в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе на современном этапе: Материалы XXIV Зональной конференции литературоведческих кафедр университетов и педвузов Поволжья (4–5 июня 1998 г.). Пенза; Самара, 1999. С. 80–90.

Манн Ю. Встреча в лабиринте (Франц Кафка и Николай Гоголь) // Вопросы литературы. М., 1999. Март – Апрель. Вып. 2. С. 162–186.

Минюхина Е. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и традиции народной зрелищной культуры // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ [Вологодский гос. пед. ун-т]. Вологда, 1999. Вып. 7. С. 44–51.

Михед П. О загадке «Прощальной повести» Н.В. Гоголя // Вопросы литературы. М., 1999. Март – Апрель. Вып. 2. С. 330–340.

Молева Н. «Безумное гонение имени». Человеческого уважения Гоголю не доставало и после смерти // Независимая газета. М., 1999. 4 марта. С. 16.

Моторин А.В. Духовные противоречия Гоголя. Учебное пособие / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 1999. 116 с.

Мочульский К.В. О Гоголе // Мочульский К.В. Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты [сост., предисл., примеч. С.Р. Федякина]. Томск: Томское изд-во Водолей, 1999. С. 35–37.

[Впервые: Звено. 1927. 6 марта. № 214.]

Музалевский М.Е. Проблема «выбора художника» в «Маленьких трагедиях» Пушкина и «Арабесках» Гоголя // Античный мир и мы / Материалы и тезисы конференции, Саратов, 16–17 апреля 1998 г. Саратов, 1999. Вып. 5. С. 16–20.

Мурашкина И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Портрет»: проблема смысла творчества // Текст: Узоры ковра: Научно-методический семинар «TEXTUS». СПб.; Ставрополь, 1999. Вып. 4. Ч. 2. С. 81–85.

Мурашкина И.В. Сюжет и герой в повести Н.В. Гоголя «Рим» // Филологические науки: Материалы XLIII научно-методической конференции «Университетская наука – региону». Ставрополь, 1999. С. 50–53.

Мусалева Г.В. Особенности повествования: от Пушкина к Лескову. Ижевск: Издательский Дом «Удмуртский ун-т», 1999; Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 272 с.

Мякишева О.В. Моделирование пространства у Гоголя (Анализ языковых средств, формирующих пространственные отношения, во фрагменте поэмы «Мертвые души») // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28. С. 267–275.

Набоков В. Гоголь / Публ. и примеч. А. Долинина // Звезда. СПб., 1999. № 4. С. 14–19.
[Доклад, написанный в 1926–1927 гг., по-видимому, к 75-летию со дня смерти Гоголя.]

Набоков В.В. Николай Гоголь (1809–1852) / Пер. Е. Голышевой Под ред. В. Голышева // Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. Пер. с англ. М.: Независимая газета, 1999. С. 31–134.

[Рец.: *Зверев А.* Набоков на кафедре // Иностранная литература. М., 1999. № 9. С. 241–246; *Парамонов Б.* Египтянин Набоков // Звезда. 1999. № 4. С. 214–218.]

Набоков В.В. Николай Гоголь / Пер. Е. Голышевой // Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. 2-е изд., испр., СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 1. С. 400–522.

Набоков В.В. Избранное / Сост., предисл., коммент. и справочно-методические материалы С.Р. Федякина. М.: Олимп – АСТ, 1999. 639 с. – (Школа классики: Книга для ученика и учителя).

Из книги «Николай Гоголь».

Немцев Л.В. К проблеме индивидуального рая в творчестве В.В. Набокова // Сборник материалов международной научной конференции к 100-летию со дня рождения В.В. Набокова. М., 1999.

Нечипоренко Ю.Д. «Сорочинская ярмарка» и «красная свитка»: базовые культурные концепты картины мира Гоголя // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 192–196. [Мифологический аспект повести.]

Никишаева В.П. К вопросу об образе времени в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Текст: варианты интерпретации. Бийск, 1999. Вып. 4. С. 119–122.

Никишаева В.П. О некоторых факторах формирования образа времени в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Культура. Образование. Духовность. Бийск, 1999. Ч. 2. С. 161–167.

Николаева С.Ю. «Языка нашего небесна красота» (К построению таксономии русской культуры) // Историко-литературный сборник. Тверь, 1999. С. 3–12.

[Поэтическая характеристика русского языка в сочинениях Епифания Премудрого, протопопа Авакума, Ломоносова, Гоголя, Достоевского.]

Николай Михайлович Карамзин: Указатель трудов, литературы о жизни и творчестве. 1883–1993 / Отв. ред. А.А. Либерман. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 447 с. – (Academia ROSSICA. 6).

Гоголь Н.В. С. 218–219.

[Указ. имен.]

Николенко А. К истории издания «Невского проспекта» Н.В. Гоголя (СПб., 1905) // Книговедение: новые имена. М., 1999. Вып. 4. С. 13–21.

Новак О.С. Художественное пространство в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Историко-литературный сборник. Тверь, 1999. С. 54–62.

Новицкая О.В. Россия и русские в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». М.: Диалог-МГУ, 1999. 260 с.

Ноговицын О.Н. Поэтика русской прозы. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1999. 161 с.

Норштейн Ю. Снег на траве // Искусство кино. М., 1999. № 10. С. 98–109.

[Поэтика повести «Шинель» с точки зрения мультипликации.]

Носов С.Н. Вяземский – критик // Очерки истории русской литературной критики: В 4 т. Т. 1: XVIII – первая четверть XIX в. СПб.: Наука, 1999. С. 343–360.

[О Гоголе: С. 353–359.]

Одинокое В.Г. Творчество Н.В. Гоголя и русская духовная культура // Традиция и литературный процесс / РАН. Сибирское отделение. Институт филологии. Новосибирск:

Изд-во СО РАН; Научно-издательский центр ОИГГМ [Объединенный ин-т геологии, геофизики и минералогии], Новосибирск, 1999. С. 333–342.

Осват А., Ронен О. Камень веры: (Тютчев, Гоголь и Мандельштам) // Тютчевский сборник. Tartu, 1999. № 2. С. 48–55.

[Камень как символ веры в поэзии О.Э. Мандельштама в свете ассоциативных связей с творчеством Ф.И. Тютчева и Гоголя (повесть «Тарас Бульба»).]

Острогорский В. Двадцать биографий образцовых русских писателей. М.: Вузовская книга, 1999. 112 с.

Н.В. Гоголь. С. 63–68.

Павлова О.А. «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Зойкина квартира» М.А. Булгакова (К вопросу о трагикомедии) // Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава Волжского гуманитарного института (г. Волжский, 21–24 апреля). Волгоград, 1999. С. 142–145.

Паклина Л.Я. Образы искусства в повести Гоголя «Рим» // Изучение литературы в вузе. Учебное пособие. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1999. Вып. 2. С. 31–42.

Парамонов Б. Возвращение Чичикова // Парамонов Б. Конец стиля. М.; СПб., 1999. С. 310–315.

Переверзин В.М. К проблеме жанровых истоков «нового большого эпоса» (От романов В. Скотта к «Капитанской дочке» А. Пушкина и «Тарасу Бульбе» Н. Гоголя) // Вопросы филологии в контексте современности. Якутск, 1999. С. 3–10.

Переяслов Н. Подарки повторного чтения. Перечитывая Гоголя // Роман-газета XXI век. М., 1999. № 3. С. 100–101.

Перцов П.П. «Загадка» Гоголя // Семья и школа. М., 1999. № 3. С. 54–55.

[Впервые: Новое Время. 1909. 29 марта.]

Петров А.В. Субстрат жанра идиллии и проблема синтеза бытового и бытийного в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Juvenilia: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 4. Томск, 1999. С. 81–83.

Петров А.В. Малые поэтические формы в жанровой структуре «Мертвых душ» // Проблемы литературных жанров: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского гос. ун-та, 8–10 декабря 1998 г. Томск, 1999. Ч. 1. С. 106–108.

[Идиллические и элегические традиции в поэме Гоголя.]

Петров А.В. Концепция смеха в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Juvenilia: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 4. Томск, 1999. С. 55.

Пиксанов Н. Гоголь Николай Васильевич // Русский биографический словарь: В 20 т. Т. 5: Г – Грибович. М.: Терра – Книжный клуб, 1999. С. 240–259.

Прилуцкий В. Гоголь сказал иначе // Семейная православная газета. М., 1999. № 10(58). С. <3.>

[Сопоставление «Страшной мести» Гоголя и фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние».]

У Гоголівські Читання: зб. наукових статей / Відп. ред. Н.Г. Марченко. Полтава: НДПІ [Полтавський національний пед. ін-т ім. В.Г. Короленка], 1999. 216 с. На рус и укр. яз.

Из содерж.:

Жаркевич Н.М. Гоголевская мемуаристика на страницах журнала «Киевская старина». С. 132–136.

Мурашова А.А., Вандышева Н.В. Украина и украинцы в ранних произведениях Н.В. Гоголя. С. 136–140.

Путинцева В. Тайны поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 1999. № 9.

Романо А. Итальянские детали в повести Н.В. Гоголя «Рим» // *Russica Romana: Estratto. Vol. VI: Istituti editoriale e poligrafici internazionale.* Pisa; Roma, 1999. P. 99–124.

Русская классическая литература в оценке критиков и писателей XIX века: Учебное пособие / Сост. и науч. ред. Т.М. Балыхина, Е.Н. Барышникова. М.: «Уникум-Центр», «Поматур», 1999.

Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. М.: Рипол Классик, 1999. 576 с.

Гоголь Николай Васильевич. С. 137–140.

Рыжкин И. Берлиоз и Гоголь – крушение идеала? // Музыкальная жизнь. 1999. № 11. С. 36–37.

[«Невский проспект» Гоголя и «Фантастическая симфония» Берлиоза.]

Савельева В.В. Художественная антропология: монография. Алматы: Алматинский гос. ун-т им. Абая, 1999. 281 с.

[Круги смыслов повести Н. Гоголя «Шинель». С. 258–267.]

Савинков С.В. Отцы и дети в «Миргороде» Н.В. Гоголя // *Dramatis personae: Статьи, заметки, эссе о русской литературе.* Воронеж, 1999.

Садур Н. Обморок. Книга пьес. Вологда, 1999. 499 с.

Из содерж.:

Панночка. Пьеса в двух действиях по мотивам повести Н.В. Гоголя «Вий». С. 225–270.

Брат Чичиков. Пьеса по мотивам поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 351–414.

Самохвалов И. Сорочинская ярмарка – 1992 // Родина. 1999. № 8. С. 150–154: фото.

[Предоставлены колоритные фотографии ярмарки в Больших Сорочинцах, где побывал журналист.]

Скворецкая Е.В. Выражение меры в языке произведений Н.В. Гоголя // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999. С. 243–255.

Смирнов А.С. Контрапункт в петербургских повестях Н.В. Гоголя // *Веснік Гродзен. дзярж. ун-та.* Сер. 1. Гродна, 1999. № 1. С. 86–90.

Смирнов А.С. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и романтическая ирония // *Литературный текст: проблемы и методы исследования: сб. научных трудов.* Тверь, 1999. № 5. С. 80–86.

Смирнов А.С. О характере гоголевского комизма // *Satyra w literaturach wschodnioslowi-anskich III.* Bialuztok, 1999. S. 43–49.

Смирнов А.С. О характере романтизма раннего Гоголя: К вопросу о генезисе «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки» // *Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (Проблемы теоретической и исторической поэтики): Материалы международной научной конференции, Гродно, 14–16 апр. 1999 г.: В 2 ч. Ч. 1 / Гродненский гос. ун-т. Гродно, 1999. С. 218–224.*

Смирнов А.С. Романтическая ирония в «Мертвых душах» Николая Гоголя // *Славянскія літаратуры ў сусветным кантэксце: Матэрыялы III Міжнар. навук. канф., Мінск, 18–20 лістапада 1997 г.: У 2 ч. Ч. 1 / Беларус. дзярж. ун-т. Мінск, 1999. С. 162–165.*

Современный словарь-справочник по литературе / Сост. и научн. ред. С.И. Кормилов. М.: Олимп: ООО «Фирма Издательство АСТ», 1999. 704 с.
О. Ш., С. К. Гоголь Николай Васильевич. С. 107–112.

Сокол Е.М. Тема «маленького человека» и христианская традиция в творчестве писателей реалистов XIX века // «Пушкин – наше все...»: сб. материалов второй Ханты-Мансийской городской конференции, посвященной 200-летию со дня рождения русского поэта А.С. Пушкина. Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1999. С. 65–74.

Сокольский Ю.М. Малоизвестные страницы жизни Гоголя // Сокольский Ю.М. За кулисами истории. СПб.: Изд-во Полигон, 1999. С. 188–193.

Солнце России. Русские писатели о Пушкине. Век XIX / Сост., примеч., подготовка текста А.Д. Романенко. М.: Дружба народов, 1999. 480 с.
Н.В. Гоголь. С. 159–186.

Сугай Л.А. Пастораль К. Сомова «Прогулка после дождя» (к вопросу об изобразительной пушкиниане и гоголиане) // Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем: сб. научных трудов / Материалы Третьего научного межрегионального семинара «Литература в системе культуры». М., 1999. С. 90–99.
[Пушкин и Гоголь на акварели К. Сомова.]

Сугай Л.А. Гоголь и символисты. Монография. М.: ГАСК [Государственная академия славянской культуры], 1999. 376 с.

[Рец.: *Степанян К.* Начало прочтения тайного смысла // Знамя. М., 2000. № 10. С. 17–19; *Гуревич П.С.* Парадоксальные сближения // Личность. Культура. Общество. М., 2001. Т. III. Вып. 2(8). С. 314–315; *Шульц С.* Диалог символистов с Гоголем // Гоголеведческие студии. Вып. 9. Ніжин, 2002. С. 171–173; Откл.: П<авел> М<ихед> // Літературній Чернігів. 2001. № 16. С. 127 (на укр. яз.)]

Судакова Е.К. Н.В. Гоголь: особенности жизни и творчества с точки зрения литературоведов Германии и Швейцарии (биографические работы последних десятилетий) // Экологическое образование на пути к культуре мира. М., 1999. С. 134–136.

Судакова Е.К. Новейшие толкования творчества Гоголя в Германии в рамках постструктурализма // Экологическое образование на пути к культуре мира. М., 1999. С. 132–133.

Судакова Е.К. Творчество Н.В. Гоголя и немецкие культурно-исторические традиции (по материалам исследований литературоведов Германии) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1999. № 3. С. 87–95.

[О работах Р.-Д. Кайля, Х. Шрайер, Д.И. Чижевского, Г. Лангер.]

Судейкин С.Ю. «Женитьба» Гоголя. Балет. Взгляд на постановку / Вступ. статья, публ. и коммент. Л.А. Сугай // Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем: сб. научных трудов / Материалы Третьего научного межрегионального семинара «Литература в системе культуры». М., 1999. С. 124–140.

Сушков Б.Ф. Пророк в своем отечестве (О не востребованных идеях и идеалах русских гениев). Тула: Шар, 1999. 245 с.

Творчество Пушкина и Гоголя в историко-литературном контексте: сб. научных статей. СПб.: Изд-во РГГМУ [Российский гос. гидрометеорологический ун-т], 1999.

Из содерж.:

Анненкова Е.И. Традиции восточной и западной патристики в литературном контексте «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. С. 48–53.

Гольденберг А.Х. «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина и «Мертвые души» Н.В. Гоголя. К проблеме литературных архетипов. С. 53–57.

Денисов В.Д. Архитектоника гоголевских «Арабесок». С. 57–67.

Кривонос В.Ш. Мотив ребенка в «Петербургских повестях» Гоголя. С. 68–73.

Минюхина Е.А. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и традиции народной зрелищной культуры (к характеристике образов Ноздрева и Собакевича). С. 73–78.

Розен И.В. К вопросу о финале гоголевских комедий. С. 78–81.

Шведова С.О. Карамзин – поэт, писатель, историк – в творческом сознании Гоголя. С. 81–85.

Щеблыкина Л.И. [Шевцова] А.В. Дружинин о прозе Н.В. Гоголя в ее соотношении с пушкинскими началами. С. 85–87.

Тимашова О.В. А.Ф. Писемский о Гоголе // Тимашова О.В. Роман А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов»: Историко-литературные аспекты прочтения. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та (пед. ин-т), 1999. Вып. 1. С. 5–9.

Тихонова Е.Ю. В.Г. Белинский в споре со славянофилами. М.: УРСС, 1999. 132 с.

Пафос творчества Гоголя в понимании Белинского и славянофилов. С. 114–124.

Томачинский В.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя как путеводитель к Светлому Воскресению // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1999. № 2(20). С. 365–373.

Томачинский В.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя: путь христианской души // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1999. № 4. С. 347–366.

Томачинский В. «Этот строгий лиризм...» // Роман-газета XXI век. М., 1999. № 8. С. 92–93.

Томачинский В. Я соединил в себе две природы // Татьяна день. М., 1999. № 31. Апрель. С. 21.

Трофимов А. Гоголь и Андерсен // Слово. М., 1999. № 2. С. 95–98.

Трофимов Ж.А. «Откупщик» Бенардаки // Трофимов Ж.А. Симбирск литературный: поиски, находки, исследования. Ульяновск, 1999. С. 168–179.

Трофимова И.В. Диалог в системе гоголевского повествования // VI Пуришевские чтения. Классика в контексте мировой культуры. М., 1999. С. 92–93.

Трофимова И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть»: сюжет и поэтика // Малые жанры: Теория и история: Материалы межвузовской научной конференции. Иваново, 1999. С. 73–91.

Филатов И.Е. «Николай Гоголь» Владимира Набокова: Идеальная модель текста или игра дискурса // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры: сб. статей. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1999. Вып. 4. С. 47–56.

Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды / Водущий автор, сост. и гл. ред. П.В. Алексеев. 3-е перер. и доп. изд. М.: Академический проект, 1999. 944 с. Гоголь Николай Васильевич. С. 206–207.

Франк Сюз. Страсти, пафос и бафос у Гоголя // Логос: Философско-литературный журнал. М., 1999. Вып. 2. С. 80–88.

[На материале поэмы «Мертвые души».]

Хапилин К. Гоголь и «Мертвые души» // Историческая газета. М., 1999. № 3/4. Март – Апрель. С. 7.

Хворова Л.Е. «Сатане во власть отданы» (Традиции Гоголя и Достоевского в повести С.Н. Сергеева-Ценского «Орел и решка») // Культура русской провинции: Проблемы изучения литературного наследия Тамбовского края / Тамбовский гос. ун-т. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. Вып. 3. С. 57–70.

Хлодовский Р. Пушкин, Гоголь и Рим // Пушкин и теоретико-литературная мысль. М.: ИМЛИ – Наследие, 1999. С. 288–327.

Хомук Н.В. Цикл Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» в аспекте барочной поэтики // Проблемы литературных жанров: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского гос. ун-та, 8–10 декабря 1998 г. Томск, 1999. Ч. 1. С. 183–186.

Черейский Л.А. Современники Пушкина: Документальные очерки. 2-е испр. и доп. изд. М.: «Олма-пресс»; СПб.: Издательский Дом «Нева», «Паритет», 1999. 352 с.
Гоголь Николай Васильевич. С. 260–262.

Чоботько А.В. Розанов и Гоголь о литературе // Наукови записки / Ніжинський держ. пед. ун-ту ім. М. Гоголя. Сер. філол. та іст. наук. Ніжин, 1999. С. 45–48.

Шафар О.С. Своеобразие «петербургского текста» в творчестве Н.В. Гоголя и А. Белого // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 3. Томск, 1999. С. 83–85.

Шкурская Е. К. истории некрополя обители святого князя Даниила. Николай Васильевич Гоголь. 1809–1852 // Даниловский благовестник. М., 1999. Вып. 10. С. 69–71.

Щеблыкина Л.И. [Шевцова] А.В. Дружинин о Н.В. Гоголе (В свете новых подходов к изучению русской литературы XIX века) // А.В. Дружинин. Проблемы творчества. К 175-летию со дня рождения. Межвузовский сб. научных трудов. Самара: Изд-во СамГПУ [Самарский гос. пед. ун-т], 1999. С. 135–145.

Щеглова Л.В. Христианская философия П.Я. Чаадаева и Н.В. Гоголя и духовное самоопределение России // Искусство, образование, наука в преддверии III тысячелетия. Волгоград, 1999. С. 82–84.

Энциклопедия «Все обо всех». Т. 4. Филологическое общество Слово. М.: Изд-во АСТ, 1999.

Гоголь Николай Васильевич.

Эпштейн М.Н. Русская культура на распутье: Секуляризация и переход от двоичной модели к троичной. 1. Крах первой секуляризации. Церковь Гоголя и церковь Белинского // Звезда. 1999. № 1. С. 202–205.

[Смена религиозной ориентации на светскую в истории русской литературы и культуры XIX–XX вв. В частности, на материале творчества Гоголя.]

Юдина М.Б. Гоголевское «кольцо» Гончарова // Историко-литературный сборник. Тверь, 1999. С. 96–107.

Янушкевич М.А. Традиции античного эпоса («Одиссея» Гомера, «Энеида» Вергилия) в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 3 (1998). Томск, 1999. С. 61–65.

Янушкевич М.А. Структура сюжета поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в соотношении с античной эпической традицией // Проблемы литературных жанров: Материалы IX международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского гос. ун-та, 8–10 декабря 1998 г. Томск, 1999. Ч. 1. С. 192–196.

Янушкевич А.С. Традиция жанрового стиля Н.В. Гоголя в русской прозе 1920–1930-х годов // XX век: Литература. Стиль. Екатеринбург, 1999. Вып. 4. С. 34–48.

Sokolyansky M.G. «Какой-нибудь памятник или просто забор...»: (Знаковая функция «грязи» в художественном мире Гоголя) // *Studia litteraria Polono-Slavica*. W-va, 1999. № 4. С. 133–143.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность [Отрывок] // А.С. Пушкин: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова; коммент. Г.Е. Потаповой. СПб.: РХГИ [Русский христианский гуманитарный институт], 2000 – (Русский путь). С. 97–102.

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести; Ревизор; Женитьба / Сост., предисл. и коммент. Ю.В. Манна; худож. В.В. Медведев. М.: Слово / Slovo, 2000. 672 с.
Загл. предисл.: Неисчерпаемый Гоголь. С. 5–14.
Коммент. С. 656–668.

Вечера на хуторе близ Диканьки / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова; рис. А. Лаптева. М.: Детская литература, 2000. 300 с.: ил.
Загл. вступ. статьи: И по ту, и по эту сторону Диканьки. С. 5–46.
Коммент. С. 282–299.

Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 352 с. – (Вавилонская Библиотека).

[**Приложение:**] Из архивов Вавилонской библиотеки: *Отрошенко В.* Гоголиана (отрывки).
Гоголь и элементарные частицы. С. 336–338.
Гоголь и призрак точки. С. 338–350.

Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести; Ревизор; Женитьба / Сост. Ю.В. Манн. М.: Слово, 2000.

Драматические отрывки и отдельные сцены; Мертвые души; Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Слово, 2000.

Избранное / Предисл. В. Воропаева; сост., коммент. И. Виноградова, В. Воропаева; ил. М. Петрова, К. Кибрика, А. Бубнова, А. Лаптева, А. Константинова. М.: Детская литература, 2000. 523 с.: ил. +9 вкл. – (Библиотека мировой литературы для детей. Т. 38).
Загл. предисл.: Жизнь Николая Гоголя. С. 3–30.
Коммент. С. 469–519.

[Ночь перед Рождеством; Тарас Бульба; Шинель; Ревизор; Мертвые души; Правило жития в мире, Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». Даты жизни и творчества Н.В. Гоголя.]

Мертвые души: поэма. М.: АСТ Харьков: Фолио, 2000.

Мертвые души. М.: Изд-во Олимп, Изд-во АСТ, 2000. 240 с. – (Школьная хрестоматия).

Содерж.:

Мертвые души. Главы из поэмы. С. 3–199.

Воропаев В. Коммент. С. 200–231.

Краткая летопись создания поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 232–233.

Темы сочинений и рефератов по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 234.

Тезисные планы сочинений. С. 235–236.

Миргород; Повести. М.: ООО Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2000. 384 с. – (Мировая классика).

Миргород. Повести. С приложениями / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова; вступ. статья И.А. Виноградова. М.: Издательский Дом Синергия, 2000. 560 с.: ил. – (Новая Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Неизвестный Миргород. С. 5–76.

Приложение:

Страшная месть. С. 308–344.

- <Главы из романа «Гетьман»>. С. 345–387.
 Объявление об издании Истории Малороссии. С. 388.
 <Отрывок из «Истории Малороссии». Размышления Мазепы>. С. 389–390.
 Взгляд на составление Малороссии. С. 391–399.
 О малороссийских песнях. С. 400–406.
 О Средних веках. С. 407–417.
 Тарас Бульба.<Редакция 1835 г.>. С. 418–480.
 Позднейшие наброски к статье «Взгляд на составление Малороссии». С. 481–483.
 <Наброски и материалы драмы из украинской истории>. С. 484–491.
 Комментарий. С. 492–553.
 Список рекомендуемой литературы. С. 554–555.
 Даты жизни и творчества Н.В. Гоголя. С. 556–558.
- Несколько слов о Пушкине // А.С. Пушкин: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова; коммент. Г.Е. Потаповой. СПб.: РХГИ [Русский христианский гуманитарный институт], 2000 – (Русский путь). С. 70–75.
- Ночь перед Рождеством: Для младшего и среднего школьного возраста / Ред. Л. Жукова; худ. В. Чапля. М.: Белый город, 2000. 48 с.: ил. – (Классики – детям).
- Ночь перед Рождеством: Для средн. шк. возраста / Худ. А. Лебедев. М.: Стрекоза, 2000.
- Петербургские записки 1836 года // Москва-Петербург: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. К.Г. Юсупова. СПб.: РХГИ [Русский христианский гуманитарный институт], 2000. – (Русский путь). С. 101–112.
- Петербургские повести. М.: Астрель: АСТ, 2000.
- Письма Н.В. Гоголя-паломника // Православная жизнь (Orthodox Life) (Приложение к «Православной Руси»). Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY, 2000. № 1. Январь. Русский народ и Святая Земля. К 2000-летию Христианства. С. 28–33.
- Повести. Мертвые души / Ред.-сост. Л.Д. Страхова. М.: Олимп; ООО. Изд-во АСТ, 2000. 688 с. – (Школа классики).
Айхенвальд Ю. Гоголь. С. 5–16.
Воропаев В. Комментарий. С. 533–588.
 Критика. С. 589–680.
- Размышления о Божественной Литургии / Ред. текста и примеч. иерея Н. Булгакова. М.: Паломник, 2000. 175 с.
 Примеч. С. 121–174.
- Ревизор. Комедия в пяти действиях. С приложениями / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова; вступ. статья И.А. Виноградова. М.: МИД Синергия, 1995. 352 с.: ил. – (Сер. Новая Школьная библиотека).
 Загл. вступ. статьи: «Завязка «Ревизора». С. 5–52.
- [Приложения]:**
 Приложения к комедии «Ревизор»
 Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 137–141.
 Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы. С. 142–145.
 Позднейшие приложения к «Ревизору» (1846–1847)
 Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 146–153.
 Предупреждение <к предполагавшимся изданиям «Ревизора с Развязкой» в пользу бедных>. С. 154–156
 Развязка «Ревизора». С. 157–167.
 Вторая редакция окончания «Развязки «Ревизора». С. 167–172.

«Ревизор» <редакция первого издания, 1836 г.>. С. 173–247.
Сцены и отрывки из черновых редакций (1835–1836 гг.): 248–253.
Петербургская сцена в 1835–36 г. С. 254–263.
Театральный разезд после представления новой комедии. С. 264–294.
Монтировка первой постановки «Ревизора» на сцене Александринского театра в 1836 году.
С. 295–310.
Коммент. С. 311–345.
Библиография. С. 346–347.

Светлое Воскресение (Выбранные места из переписки с друзьями) [Фрагмент] // Десятина. М., 2000. № 7/8 (40/41). С. 1.

Сочинения / Сост. О.А. Гурболикова. М.: Книжная палата, 2000.

Старосветские помещики. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. М.: ИПТК «Логос» ВОС, 2000.

Тарас Бульба. М.: Логос, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон Т.Е. «Досадное пробуждение» В. Левшина и «Шинель» Н. Гоголя (Опыт сопоставительного анализа) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. 9. С. 324–328.

Абуашвили А. Важа Пшавела. Мировидение и поэтика. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. [С. 86–95: Реминисценции из «Шинели» Гоголя в рассказе Важа Пшавела «Смерть Баграта Захарыча».]

Аверьянова М.А. Эволюция гоголевского смеха // Литература и история. М.: МПУ, 2000. Вып. 1. С. 54–72.

Агранович С.З. Стилевая игра с двойничеством в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Вестник Самарского гос. ун-та. Литературоведение. Самара, 2000. № 1.

Аксюциц В. Русь, куда несешься ты? Много в судьбе Гоголя было результатом мщения тех сил, которые он разоблачал // Кулиса НГ. М., 2000. 8 декабря. № 16(58). С. 9, 13.

Алексеев А.А. Ю.И. Айхенвальд и В.В. Розанов о Гоголе, Щедрине, Чехове (К проблеме трактовки категории «комическое» в религиозно-философской критике начала XX века) // 2000 лет христианства. Проблемы истории и культуры: Материалы научной конференции (тезисы, доклады, статьи) / Коломенский гос. пед. ин-т. Коломна, 2000. С. 94–95.

Алехин Ю.В. Загадка смерти Гоголя // Парламентская газета. М., 2001. 29 июня – 5 июля. С. 16.

Алехин Ю.В. Осквернители праха / Беседовал А.В. Польшинский // Русский Дом. М., 2000. № 4. С. 11.

[О эксгумации праха Гоголя, произведенной в 1931 году на кладбище Свято-Данилова монастыря.]

Алюшева Ю.Р. Анализ «Сорочинской ярмарки» Н.В. Гоголя через призму модели народного сознания // Ефремовские чтения: концепция современного мировоззрения. СПб., 2008. С. 114–117.

Анина Ю. Интертекстуальность как доминирующий принцип организации текста романа Л. Добычина «Город Эн» // Парадигмы. Тверь, 2000. С. 121–126.

[Гоголевский пласт в структуре романа Л. Добычина.]

Базавлук Л.М. Некоторые особенности передачи чужой речи в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // К 79-летию Тульского гос. ун-та. Роль языка и литературы в мировом сообществе: Межвузовский сб. научных трудов. Ч. 1. Тула: ТулГУ [Тульский гос. ун-т], 2000. С. 79–84.

Базавлук Л.М. О некоторых переходных случаях от придаточного предложения к члену предложения в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Некоторые вопросы структуры и семантики предложения в русском языке: Межвузовский сб. статей. Орел: ОГУ [Орловский гос. ун-т], 2000. С. 3–6.

Балакина Т.И. Мировая художественная культура. Россия IX–начало XX в. Экспериментальное учебное пособие для учащихся старших классов школ гуманитарного профиля, гимназий, лицеев, колледжей, а также для студентов вузов. М.: Издательский центр ООО Фирма МХК, 2000. 192 с.

Н.В. Гоголь. С. 119–120.

Балдина Е.В. Новое в итальянской русистике // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2000. № 4. С. 147–148.

[Рец. на кн.: Franca Beltrame Teoria del grottesco. Con un' esemplificazione nel racconto di N. V. Gogol'. Il naso: <Venezia>, Edizioni della Laguna. 1996. 172 p.]

[*Бельтраме Ф.* Теория гротеска. На материале повести Н.В. Гоголя «Нос».]

Бальцанова С.А. Творчество Н. Гоголя в оценке В. Набокова // Материалы докладов V конференции молодых ученых Мордовского ун-та им. Н.П. Огарева, 11–12 апреля 2000 года. Саранск, 2000. С. 20–22.

Барабаш Ю.Я. «Страшная месть» в двух измерениях: Миф и (или?) история // Вопросы литературы. М., 2000. Вып. 3. С. 171–210.

Бардыкова Н.В., Заманова И.Ф. Образ северной столицы в творчестве А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя: («Пиковая дама» и «Ночь перед Рождеством») // К Пушкину сквозь время и пространство. Белгород, 2000. С. 50–53.

Бахтин М.М. [Гоголь] // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М.: Изд-во «Русские словари», 2000. С. 421–426.

[Отрывок из записей лекций.]

Белоногова В.Ю. К вопросу «пушкинском» происхождении комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Болдинские чтения. Материалы конференции. Нижний Новгород, 2000. С. 120–128.

Белоногова В.Ю. Однажды в губернском городе NN. «Нижегородский» год Пушкина // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст: сб. статей. Арзамас, 2000. Вып. 2. С. 11–19, 45–56.

Бессонов В.А. Н.В. Гоголь на «Камерной сцене» // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2000. № 9. С. 55–56.

[О постановке «Женитьбы?» (так!) в московском театре «Камерная сцена».]

Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. М.: Русский путь, 2000. 608 с.

Из содерж.:

Проблема человека у Гоголя. С. 145–176.

Зошенко и Гоголь. С. 464–468.

Бознак О.А. Проблема взаимоотношения личности художника и народа в эстетике С.П. Шевырева 1840–1850-х годов // Литература и философия: сб. научных статей / Российский гос. гидрометеорологический ун-т; под ред. В.Д. Денисова. СПб., 2000. С. 60–64. [Влияние Гоголя на эстетику С.П. Шевырева.]

Болкунова Н.С. Мотивы Дома и Дороги в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (на примере повести «Вечер накануне Ивана Купала») // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2000. Вып. 3. С. 108–111.

Бондаренко Л.Ф. Портреты: Я и Чубайс Анатолий Борисович. Без м. изд.: Серебряная стрела, 2000. 431 с.

[Отрывки из произведений Гоголя («Выбранных мест из переписки с друзьями», «Авторской исповеди» и др.). С. 25–27, 118–418, 419–427.]

Брагина Н.Н. Два портрета (к проблеме музыкальных интерпретаций гоголевских сюжетов) // Перекресток-3: научно-художественный альманах по онтологии словесности, культурологической герменевтике и истории культуры. Иваново; Шуя, 2000 С. 130–132.

Брагина Н.Н. Тайна двух портретов: Гоголь и Шнитке (К проблеме взаимодействия музыки и слова) // «Потаенная литература»: исследования и материалы. Приложение к вып. 2. Иваново, 2000. С. 190–194.

Буюнова К. Шкатулка Чичикова и спасение души. Заимствовал ли Гоголь замысел и композицию «Мертвых душ» у Данте? // Воскресная школа. М., 2000. Октябрь. № 39. С. 10–11.

Вайскопф М. «Зачем так звучно он поет?» Гоголь и Белинский в борьбе с Пушкиным // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 44. С. 80–90.

Вандышева Н. Н.В. Гоголь в поисках истины жизни, или Снова о «Шинели» // Філософсько-антропологічні студії. Київ, 2000. С. 318–329.

Ванюков А.И. Гоголевская страница в журнале «Весы». К истории «памяти Гоголя» 1909 года // Литературоведение и Журналистика. Саратов, 2000. С. 58–66.

Вениамин (Федченков), митрополит. Н.В. Гоголь // Духовный собеседник. Православный альманах. Самара, 2000. № 1(21). С. 162–192.

[Глава из книги «Веруют ли умные люди». Из архива митрополита Мануила (Лемешевского). Публ. впервые.]

Верещагина А.Г. Гоголь о «Последнем дне Помпеи» // Русское искусство Нового времени. М., 2000. Вып. 6. С. 189–213.

Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания / РАН ИМЛИ. М.: Наследие, 2000. 448 с.

[Рец.: *Лазарь (Афанасьев)*, монах. Слово Церкви впереди всего // Воскресная школа. М., 2000. Октябрь. № 39. С. 11; *Афанасьев В.* «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора» // Литературная учеба. М., 2001. № 1. С. 116–118; *Павел М* «ихед» // Літературний Чернігів. 2001. № 16. С. 126 (на укр. яз.); *Данилова Н.* «Старайтесь видеть во мне христианина и человека» // Учительская газета. М., 2001. 2 октября. С. 21; *Киричок Г.* Гоголь: границы литературы – границы религии // Гоголеведческие студии. Вып. 9. Ніжин, 2002. С. 179–185. Откл.: *Споров Б.* Дело, взятое из души // Новый Век. М., 2002. № 2(22). С. 8–9; [Без авт.] // Новый Век. М., 2002. № 2(22). С. 20; *Кузнецов Ф.* В начале было Слово // Литературная газета. М., 2004. 14–20 января. № 1. С. 8.]

Виноградов И. Две империи русского художества // Воскресная школа. М., 2000. Июль. № 27. С. 8–10.

[К истории взаимоотношений Гоголя и А.А. Иванова.]

Виноградов И. Явление картины – Гоголь и Александр Иванов // Наше наследие. М., 2000. № 54. С. 110–125.

Виноградов И.А. Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе: сб. статей. М.: Наследие, 2000. С. 117–155.

[Откл.: Антонов К. Москва – образ огромного национального жития // Москва. Журнал русской культуры. М., 2000. № 12. С. 178–180; Данилова Н. Байрон, ты не прав // Учительская газета. М., 2000. 3 октября. № 41. С. 18; Споров Б. Дело, взятое из души // Новый Век. М., 2002. № 2(22). С. 8–9.]

Виноградов И.А. Гоголь Николай Васильевич // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О.А.Платонов. М.: Православное изд-во Энциклопедия русской цивилизации, 2000. С. 177–179.

Виноградов И.А. Гоголь и Н.Н. Шереметева в их отношениях к декабристам // Литература та культура Полісся. Ніжин, 2000. Вип. 14. С. 29–45.

Волков С. Перед «Мертвыми душами» (Об изучении гоголевских повестей) // Я иду на урок литературы: 9 класс: Книга для учителя. М., 2000. С. 178–195.

Вороненков И.И. Предшественники и последователи Н.В. Гоголя в англоязычной литературе // Материалы IX Страховских чтений: межвузовский сб. научных трудов. Саратов, 2000. С. 226–230.

Воронов А. «Актуальное» и «вечное»: старый спор на новом рубеже столетий // Нева. СПб., 2000. № 9. С. 175–179.

[Рец. на спектакли «Ревизор» в Комеди Франсез и «Каменный гость» А.С. Пушкина в Театре Мольера 1999 г.]

Воропаев В.А. В сердце полученный урок // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2000. № 5. С. 40–43.

Воропаев В. В сердце полученный урок // Литературная Россия. М., 2000. 2 июня. № 22. С. 15.

Воропаев В.А. Гоголь и Государь Николай Павлович // Литература та культура Полісся. Ніжин, 2000. Вип. 14: Полісся в історичному та культурологічному контексті: до 195-річчя заснування Ніжинської вищої школи / Відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. С. 16–28.

Воропаев В. Гоголь и отец Матфей: [Окончание] // Вышинский паломник. Рязань, 2000. № 1(9). С. 83–91.

Воропаев В.А. Гоголь и отец Матфей // Воропаев В.А. Гоголь и отец Матфей. Афанасьев В.В. Православный философ. Духовные искания Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856). Вып. 6. Пермь: Редакция газеты «Православная Пермь», 2000. С. 9–54. – (Сер. Церковь и образование).

[Рец.: Ефимов А. Возвращение // Москва. Журнал русской культуры. М., 2001. № 7. С. 179–183; Реф.: Петрова Т.Г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 7. Литературоведение. М., 2001. № 3. С. 72–73.]

Воропаев В.А. Да будет воля Твоя // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2000. № 2. С. 31–34.

[Откл.: Скavyш В.А. Здесь не работает клинический метод // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2000. № 4. С. 23.]

Воропаев В. Лестница Николая Гоголя // Литературная учеба. М., 2000. № 2. С. 159–182.

Воропаев В.А. Малоизвестная часть творческого наследия Н.В. Гоголя: выписки из творений святых отцов и богослужебных книг // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2000. № 3. С. 120–127.

Воропаев В. Нет другой двери. Гоголь и Евангелие // Литературная Россия. М., 2000. 7 апреля. № 14. С. 15.

Воропаев В. «Нет другой двери...» Гоголь и Евангелие // Москва. Журнал русской культуры. М., 2000. № 2. С. 214–220.

Воропаев В. «Нет другой двери...» Гоголь и Евангелие // Воскресная школа. М., 2000. Март. № 9. С. 8–9.

Воропаев В. «Нет другой двери...» Гоголь и Евангелие // Глагол. Журнал Печорского Православного педагогического общества. 2000. № 2. С. 11–13.

Воропаев В.А. Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) // Русские писатели. XIX век: Биографии. Большой учебный справочник для школьников и поступающих в вузы. М.: Дрофа, 2000. С. 119–151.

Воропаев В. Нужно проездиться по России // Литературная Россия. М., 2000. 17 ноября. № 46. С. 14.

Воропаев В. Подданный русского Царя. К 145-летию со дня кончины Государя Императора Николая Павловича // Литературная Россия. М., 2000. 4 февраля. № 5. С. 3–4.

Воропаев В.А. Последняя книга Гоголя (К истории создания и публикации «Размышлений о Божественной Литургии») // Русская литература: СПб., 2000. № 2. С. 184–194.

Воропаев В. Поэт и Царь: Гоголь о монархизме Пушкина // Пушкин и Крым. Материалы IX Международной научной конференции: В 2 кн. Кн. 1. Симферополь, 2000. С. 15–20.

Воропаев В. Русский писатель в Святом Граде // Православная жизнь (Orthodox Life) (Приложение к «Православной Руси»). Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY, 2000. № 1. Январь. Русский народ и Святая Земля. К 2000-летию Христианства. С. 18–27.

Воропаев В. Творить без любви нельзя. Священное Писание в жизни Гоголя // Десятина. М., 2000. № 15(48). С. 4.

Воропаев В. Творить без любви нельзя. Священное писание в жизни Гоголя // Православная беседа. М., 2000. № 6. С. 44–47.

Вся русская литература в пересказе для школьников / Авт.-сост. И.Н. Агемян, Н.М. Волчек, Е.В. Высоцкая. Минск: Современный литератор, 2000. 896 с.
Н.В. Гоголь. С. 211–261.

Гнедич П.П. Воспоминания. 1885–1918. М.: Аграф, 2000. С. 169.

[Автор приводит рассказ Григоровича о конфликте И.А. Гончарова с И.С. Тургеневым: «А потом он (Гончаров.– В.В.) услышал, как Тургенев говорил, что Обломов, Захар, Штольц – это Подколесин, Степан и Кочкарев Гоголя – и что, в сущности, Обломов так же выпрыгивает в окошко, как и Подколесин, и что у Захара совершенно такие же блохи, как и у Степана. Всего этого Иван Александрович и не может простить».]

Глухов В.И. «Сумароковский «след» в «Мертвых душах» Гоголя // Русская речь. М., 2000. № 5. С. 3–6.

[Реминисценции из комедии А.П. Сумарокова «Лихоимец».]

Гоголева О.И. Оппозиция «мир» (открытость) – «город» (замкнутость) как форма пространственной организации повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Мир романтизма. Вып. 4(28). Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (IX Гуляевских чтений). Тверь, 16–18 мая 2000 г. Тверь, 2000. С. 76–79.

Гоголева О.И. «Открытость – замкнутость» как тип художественного пространства в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: (К постановке проблемы пространственно-вре-

менной организации цикла «Миргород» // Третьи Майминские чтения. Псков, 2000. С. 50–54.

Гоголезнавчі студії=Гоголеведческие студии / Редкол.: П.В. Михед (відп. ред.), В.О. Воропаєв, В.П. Казарин, З.В. Кирилук, Г.А. Киричок и др.; Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя, Гоголівський науково-методичний центр. Вип. 5. Ніжин, 2000. 243 с. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

Денисов В. Изображение козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя и его «Взгляд на составление Малороссии» (о замысле поэтической истории народа). С. 37–57.

Виноградов И. Повесть Н.В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации. С. 84–108.

Арват Н. О троичности в повести Н.В. Гоголя «Вий». С. 109–121.

Шульц С. Миф о художнике в контексте нарративной двуплановости повести «Вий». С. 122–142.

Кривонос В. Собачья тема в «Тарасе Бульбе» Гоголя. С. 143–149.

Фаустов А. Заколдованное место у Гоголя и Пушкина (несколько замечаний). С. 150–155.

Мацапура В. Синтез языческих и христианских мотивов в «Вечерах на хуторе блих Диканьки» Гоголя. С. 156–164.

Воропаев В.А. «Нет другой двери...» Евангелие в жизни Гоголя. С. 165–178.

Киричок Г. Гоголь сквозь религиозно-мистическую призму. С. 194–200.

[Рец. на кн.: *Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. 340 с.]

Остапенко Л. Исследование мотивики Гоголя, или О колдовской силе его «заколдованных мест». С. 200–202.

Бібліографія

Гранатович Л. Бібліографія творів Миколи Гоголя и літератури про нього, що вийшла в Україні 1998 року. С. 203–207. На рус. и укр. яз.

Воропаев В. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1998). С. 207–222.

Воропаев В. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке: дополнения (1995–1997). С. 222–237.

Гоголезнавчі студії=Гоголеведческие студии. Вып. 6 / Вступ. стаття П. Михеда; / Редкол.: П.В. Михед (відп. ред.), В.О. Воропаєв, В.П. Казарин, З.В. Кирилук, Г.А. Киричок и др.; Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя, Гоголівський науково-методичний центр. Ніжин, 2000. 60 с. На рус. и укр. яз.

[Современная Нежинская Гоголиана / Сост. Л. Гранатович.] Сборник служит продолжением, Нежинской Гоголианы (1979–1995) (Ніжин, 1996. 28 с.).

Горских Н.А. Н.В. Гоголь в философско-эстетической концепции Ф. Сологуба (к постановке проблемы) // Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы юбилейных конференций, посвященных 100-летию ТГПУ и 70-летию филологического факультета ТГПУ. Томск: Изд-во ТГПУ [Томский пед. гос. ун-т], 2000. С. 28–31.

Григорьев В.П. Будетлянин. М.: Языки русской культуры, 2000. 816 с.

[Работы автора, посвященные В. Хлебникову.]

[Указ. имен.]

Гудкова С.П. Творчество Н.В. Гоголя в оценке русской психологической школы (Д.Н. Овсяннико-Куликовский) // Материалы докладов V конференции молодых ученых Мордовского ун-та им. Н.П. Огарева, 11–12 апреля 2000 года. Саранск, 2000. С. 30–32.

Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе: Методологические очерки о методике. Тула: Автограф, 2000. 224 с.

Старосветские помещики». С. 147–166.

«Тарас Бульба». С. 181–218.

Данилова В.В. К постановке проблемы: алогизм и гротеск в творчестве Н.В. Гоголя // Текст: варианты и интерпретации. Бийск, 2000. Вып. 5. С. 46–48.

Данилова В.В. Поэтика художественного алогизма Н.В. Гоголя (К вопросу о своеобразии стиля поэмы «Мертвые души») // Текст: варианты и интерпретации. Бийск, 2000. Вып. 5. С. 48–50.

Двинятин Ф.Н. О литературском подтексте в характерологии первого тома «Мертвых душ» Гоголя // Канадский колледж: сб. статей: К 5-летию основания. СПб., 2000. С. 153–161.

Дегтярева О.Н. «Чужое слово» в критической статье А.В. Дружинина // Проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: XXI век: сб. научных трудов. Саратов, 2000. С. 269–273.

Дементьев В. Ключ к бессмертной поэме // Литературная Россия. М., 2000. № 49. С. 15. [О поэме Гоголя «Мертвые души».]

Дементьев В. Поэта быстрый карандаш // Литературная Россия. М., 2000. 24. ноября. № 47.

[Гоголь и Пушкин]

Дементьев В.В. Поэта быстрый карандаш. М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 2000. [(Программа миниатюрная книга)] 191 с.

Загадочный портрет. С. 28–43.

Ключ к бессмертной поэме. С. 48–61.

Рисунки Гоголя. С. 62–63.

Дмитриевская В.А., Задорожная Т.М. Использование антропонимов в построении художественного образа (На примере произведений Н.В. Гоголя «Мертвые души» и М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Ab ovo. Майкоп, 2000. № 1. С. 180–189.

Долганов Д.А. Мифологические начала в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Христианство и культура: Материалы конференций, посвященных 2000-летию Христианства. Самара, 2000. С. 73–78.

Евгин А.В. Оптина Пустынь в жизни Гоголя // Литература в школе. М., 2000. № 6. С. 53–59.

Евтихиева А.С. Гоголь в критике русского зарубежья // Ломоносовские чтения – 2000. М., 2000. С. 74–78.

Емец Д.А. Дорогу осилит идущий... // Емец Д.А. «Приспособьте к детишкиным мозгам...». Произведения для детей и о детях А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна, Н.С. Лескова. М., 2000. С. 23–27.

[Откл. на кн.: Воронаев В.А. Н.В. Гоголь: Жизнь и творчество. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. 128 с. – (Перечитывая классику; вып. 22).]

Жаркевич Н.М. Гоголевские типы. Система уроков по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: 9 класс // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. Киев, 2000. № 5. С. 26–32.

Жаркевич Н.М. О хронологической атрибуции одного из эпизодов биографии Гоголя Нежинского периода // Наукові записки / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин, 2000. Філологічні науки. С. 122–125.

Заманова И.Ф. Образ «северной столицы» в творчестве А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя («Пиковая дама» и «Ночь перед Рождеством») // К Пушкину сквозь время и пространство: Материалы научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Белгород, 2000. С. 48–50.

Заманова И.Ф. Бардыкова Н.В. Сюжетно-композиционная роль образов подставных авторов в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина и «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // К Пушкину сквозь время и пространство. Белгород, 2000. С. 50–53.

Захаров Е.Е. О синтетическом методе интерпретации художественного текста: («Двойник» Достоевского и «Нос» Гоголя в «отражениях» И.Ф. Анненского) // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 184–188.

Захаров К.М. К сюжету комедии Н.В. Гоголя «Владимир третьей степени». О поэтике ненаписанного произведения // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2000. Вып. 3. С. 111–114.

Зверева Е.А. Проблема взаимодействия поэтики романа С.Н. Сергеева-Ценского «Обреченные на гибель» с художественной системой Н.В. Гоголя // IV Царскосельские чтения: Научно-теоретическая конференция с международ. участием, 25–26 апреля 2000. СПб., 2000. Т. 5. С. 185–189.

Зенькович Н.А. Собр. соч. Т. 2: Тайны ушедшего века-2: Сенсации. Антисенсации. Суперсенсации. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 624 с.: ил.
«Гоголь, скорчась, лежит на боку». С. 214–220.
[О Гоголе. С. 219–220]

Золотуский И. Двух гениев полет. Пушкин. Гоголь // Смена. М., 2000. № 3. С. 4–9.

Золотуский И. На лестнице у Раскольникова: Эссе последних лет. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 320 с.

Из содерж.:

Двух гениев полет. С. 13–26.

Парадоксы игры. С. 27–32.

Страсть и страх. С. 33–40.

Милосердный смех. С. 41–48.

Невесть куда. С. 49–50.

«...И в мысли сердце первое». С. 51–54.

Трапеза любви. С. 55–60.

Неистовый Фиглярин. С. 61–77.

Красота истины. С. 78–106.

Золотуский И. «Пиковая дама» и «Ревизор»: попытка сопоставления // Московский пушкинист. М., 2000. С. 214–220.

Зорин А.Н. Кто держит паузу в сценах взяток в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2000. Вып. 3. С. 114–117.

Иваницкий А.И. Гоголь: Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2000. 188 с.
[Рец.: *Евсеев Ф.* Об архетипах земли и власти в творчестве Н.В. Гоголя // Гоголеведческие студии. Нежин, 2001. Вып. 7. С. 143–148; *Строганов М.* // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 49. С. 477–479. Откл.: *И<лья> К<укулин>* Раздвоение Гоголя – катаклизм в устройстве Европы // EX Libris НГ. М., 2001. 15 февраля. № 6. С. 5; *П<авел> М<ихед>* // Літературний Чернігів. 2001. № 16. С. 124–125 (на укр. яз.)]

Игнатий (Брянчанинов), святитель. [О книге Н. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»] // Святитель Игнатий (Брянчанинов) Собрание писем. М., 2000. С. 504–506.

Из воспоминаний о смерти Гоголя / Публ., вступ. заметка и примеч. В. Воропаева // Литературная учеба. М., 2000. Кн. 5/6. С. 180–187.

[Публ. воспоминания фельдшера А.В. Зайцева, очевидца последних дней жизни Гоголя.]

Ильницкий О. Гоголь и постколониальный контекст // Критика. – 2000. № 3(29).

История русской литературы XI–XIX веков: Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений: В 2 ч. Ч. 1. М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 2000.

Николаев П.А. Глава IV. Формирование критического реализма. «Натуральная школа».

1. Н.В. Гоголь: «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 233–236.
2. Петербургские повести. «Ревизор». С. 236–241.
3. «Мертвые души». С. 241–246.

Каменских Е.В. Раннее творчество Е.Н. Чирикова в контексте традиций русской литературы // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Воронеж, 2000. Т. 2. С. 55–64.

[Традиции Гоголя в творчестве Е.Н. Чирикова 1886–1897 гг.]

Канунова Ф.З. В.А. Жуковский и Н.В. Гоголь (О соотношении религиозного и художественного сознания в русской литературе в 1840-е годы) // Литературоведение и журналистика: Межвузовский сб. научных трудов. Саратов, 2000. С. 15–31.

Каплин А. Правда о Гоголе // Литературная учеба. М., 2000. Кн. 5/6. С. 188–190.

[Рец. на кн.: *Воропаев В.А.* Н.В. Гоголь: Жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. 128 с. – (Перечитывая классику).]

Каплин А. Правда о Гоголе // Литературная Россия. М., 2000. 10 ноября. № 45. С. 10.

Карпов И.П. Пятая причина: (Пушкин и Гоголь) // Вестник лаборатории аналитической филологии. Йошкар-Ола, 2000. Вып. 1. С. 69–76.

[Восприятие Пушкиным поэмы «Мертвые души».]

Карташов В. Тайна смерти Гоголя // Природно-ресурсные ведомости. М., 2000. Сентябрь. № 24.

Каухчишвили Н. Звучность художественного текста // Музыка и незвучащее. М., 2000. С. 159–166.

[О языке прозы Гоголя.]

Киричок В.Г., Киричок Г.А. Художественный мир «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя сквозь призму иллюстраций А. Куркина // Мысль, слово и время в пространстве культуры. Вып. 2. Межвузовский сб. научных трудов, посвященный 90-летию проф. В.А. Капустина. Киев: Аграрна наука, 2000. С. 74–81.

Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. М.: Изд-во «Артист. Режиссер. Театр»; Калининград: «Янтарный сказ», 2000. 384 с.: ил. «Наваринский». С. 32–39.

[О фраке Чичикова наваринского дыму с пламенем.]

Киселев В.С. Инонациональная тема в русских романтических циклах 20–30-х гг. XIX в. и в «Арабесках» Н.В. Гоголя // К 70-летию со дня образования Хакасской автономной области: Материалы научной конференции. Абакан, 2000. С. 233–240.

Киселев В.С. Образ автора в «Арабесках» Н.В. Гоголя // А.С. Пушкин: Проблемы творчества (Материалы научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина). Красноярск, 2000. С. 76–84.

Киченко А.С. О поэтике гоголевских пейзажей // Література та культура Полісся. Ніжин, 2000. Вип. 14. С. 64–67.

Клягина Л.Р. Художественный мир Гоголя как философская система // Материалы научной конференции «История, философия, обществознание, филология». Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.

Ковалева Ю.Н. Пейзаж и становление замысла «Мертвых душ» // Природа и человек в русской литературе: Материалы Всероссийской научной конференции. Волгоград, 2000. С. 50–56.

Кожин А.А. О синонимичных оттенках имени персонажа // Слово и словоформа в высказывании: номинация и предикация: Межвузовский сб. научных трудов. М., 2000. С. 161–163.

[На материале поэмы «Мертвые души».]

Кожин В.В. Победы и беды России. М.: Алгоритм, 2000. 448 с. – (Сер. История России. Современный взгляд).

Разгул широкой жизни. «Мертвые души» Н.В. Гоголя. С. 137–158.

Козлова А.В. Особенности циклической структуры «Арабесок» Н.В. Гоголя: к вопросу об эволюции прозаического цикла в творчестве писателя // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Сер. Гуианитарные науки (филология). Томск, 2000. Вып. 6. С. 12–14.

Кондакова Ю.В. Имя и карнавальное начало в произведениях Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Памяти М.М. Бахтина. Материалы конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. С. 77–80.

Королев А. Голова Гоголя // *Королев А.* Голова Гоголя: Роман; Дама пик. Носы: Коллажи. М.: XXI век – Согласие. С. 6–192.

Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 512 с.

[О Гоголе: С. 237–249; 391–396.]

Кошмаль В. Малороссийская идиллия Гоголя // Ежеквартальник русской филологии и культуры = Russian studies études russes russische forschungen СПб., 2000. Т. 3. № 2. С. 35–62.

Кривонос В.Ш. Заметки о «Тарасе Бульбе» // Вестник молодых ученых. Сер. Филологические науки. № 4. СПб., 2000. С. 3–5.

Кривонос В.Ш. К проблеме пространства у Гоголя: петербургская окраина // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2000. Т. 59. № 2. С. 15–22.

Кривонос В.Ш. О «фантастическом окончании» «Шинели» Гоголя // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 31–40.

Кривонос В. Образ еврея у Гоголя. К проблеме «свое» и «чужое» в русской культуре // Материалы Седьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2000. С. 263–265.

Кривонос В.Ш. Образы-символы Гоголя в контексте христианской традиции // Христианство и русская культура. Елец, 2000. С. 65–74.

Кривонос В.Ш. «...Тут не столица и не провинция...» (Петербургская окраина у Гоголя) // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 215–227.

Кротков А. Фиаско рефюжье // Алфавит. М., 2000. № 7.

[Судьба Гоголя и В.С. Печерина.]

Кудрявцев Ю.С. О персонимах вообще и о словаре персонимов // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. 2000. № 5. С. 403.

Кузовкина Т.Д. Наблюдения над художественным пространством в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. Warszawa, 2000. № 5. С. 163–174.

Куксина Е.М. «Приглашение на казнь» В.В. Набокова в свете «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя // *Филологические исследования: сб. статей молодых ученых*. Томск, 2000. С. 242–247.

Курочкина М.В. Повесть о любви: «Шинель» Н.В. Гоголя. IX класс // *Литература в школе*. М., 2000. № 1. С. 93–97.

Кутюлин С.А. Гений. Стяжание духа (К 190-летию со дня рождения Н.В. Гоголя) / Международная академия наук Центра ноосферной защиты. Химическая лаборатория. Новосибирск: Chem. Lab., 2000.

Лебедев Ю. Уроки Гоголя // Кострома. Кострома, 2000. С. 154–161.
[О поэме «Мертвые души».]

Лебедева О.Б., Янушкевич М.А. Семантика пушкинского мотива в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // *Пушкин и русская драматургия*. М., 2000. С. 93–107.
[Реминисценции из поэзии А.С. Пушкина в комедии «Ревизор».]

Левкиевская Е.Е. К вопросу об одной мистификации или гоголевский Вий при свете украинской мифологии // *Миф в культуре: человек – не-человек*. М.: Индрик, 2000. С. 87–96.

Линков В. Диалектика «Мертвых душ» // *Я иду на урок литературы: 9 класс: Книга для учителя*. М., 2000. С. 195–206.

Литвин Б.М. Мастерство режиссера Поиск образности (Психологические предпосылки и реализация). Пермь: РЕАЛ, 2000. 203 с.

Література та культура Полісся. Вип. 13: зб., присвячений пам'яті академіка Ф.С. Арвата / Відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. Ніжин, 2000. 275 с. На рус. і укр. яз.

Из содерж.:

Мацапура В.И. «Тарас Бульба» и статьи Гоголя, опубликованные в «Арабесках» (интертекстуальные связи). С. 12–24.

Савинков С.В. Мужское и женское в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя: Андрий. С. 25–29.

Арват Н.Н. Ритмы повести Н.В. Гоголя «Вий». С. 29–39.

Янушкевич М.А. Творчество Н.В. Гоголя и античный эпос (традиции античной гидротопики в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»). С. 39–58.

Доманский В.А. Архитектурные образы в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 58–64.

Тулина Т.А. Категория внешнего и внутреннего в художественной концепции «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С. 64–72.

Алексеева А.П. «Миргород» Н.В. Гоголя и «Белая гвардия» М.А. Булгакова. Традиции и полемика. С. 72–83.

Шульц С.А. Гоголь и Новалис. С. 83–90.

Коваленко Л.П., Грачева В.М. К проблеме традиции Н.В. Гоголя в сербской литературе (Нушич и Гоголь). С. 90–97.

Радецкая М.М. Последние годы жизни Н.В. Гоголя: роман Б.Н. Левина «В доме врага своего». С. 97–103.

Лотман Ю.М. Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине» (К истории замысла и композиции «Мертвых душ») // *Лотман Ю.М. Пушкин*. СПб., 2000.

Лотман Ю.М. Учебник по русской литературе для средней школы. М.: Языки русской культуры, 2000. 256 с.
Гоголь. С. 165–196.

Ляшева Р. Никуда нам от Гоголя не уйти // Литературная Россия. М., 2000. № 33. С. 6.
[Гоголевские традиции в «Повести последних лет» О. Павлова (Литературная Россия. М., 2000. № 27–30).]

Малянова И.В. Подготовка учащихся к восприятию комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» на вступительном занятии // Актуальные проблемы изучения преподавания литературы в вузе и школе: Межвузовский сб. научных трудов. Самара, 2000. С. 234–240.

Манн Ю.В. Грани итальянской темы у Гоголя // Памяти Г.П. Макогоненко: сб. статей, воспоминаний и документов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000.

Масси С. Земля Жар-птицы. Краса былой России / Пер. с англ. Г.Н. Корнеевой, Т.Н. Чебоксаровой. СПб.: «Лики России», «Сатисъ», 2000.
[О Гоголе: С. 226–233, 258–259.]

Мицз З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство СПб., 2000. 784 с.
Блок и Гоголь. С. 22–85.

Милованова О.О. Н.В. Гоголь в творческом сознании П.А. Вяземского // Литературоведение и Журналистика. Саратов, 2000. С. 45–53.

Милюгина Е.Г. «Эстетическая историософия» Н.В. Гоголя и универсалистские идеи иенских романтиков // Литература та культура Полісся. Ніжин, 2000. Вип. 14. С. 56–63.

Мир Велимира Хлебникова: Стихи. Исследования (1911–1998). М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.: ил. – (Язык. Семиотка. Культура).
[Указ. имен.]

Мирнев В. Мистификация Гоголя // Литературная Россия. М., 2000. 11 августа. № 32.

Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе // Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000.

Моллер-Салли Стивен. «Классическое наследие» в эпоху соцреализма, или похождения Гоголя в стране большевиков // Соцреалистический канон. Гуманитарное Агенство «Академический проект». СПб., 2000. С. 509–522.

Мочульский К.В. Гоголь // Мочульский К.В. Великие русские писатели XIX в. / Предисл. Л. Магаротто. СПб.: Алетейя, 2000. С. 81–104.
[Впервые: Париж, 1939.]

Моторин А.В. Дорога жизни в изображении П.А. Вяземского и Н.В. Гоголя // Литература и философия: сб. научных статей / Российский гос. гидрометеоролог. ун-т; под ред. В.Д. Денисова. СПб., 2000. С. 47–51.

Моторин А.В. Православие и магия в художественном сознании Гоголя // Литература и христианство. Белгород, 2000. С. 13–14.

Музалевский М.Е. К вопросу о цикличности пространства-времени в «Мертвых душах» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2000. Вып. 3. С. 105–108.

Музалевский М.Е. Циклические элементы во внутренней архитектонике Петербургских повестей: «Невский проспект» // Проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: XXI век. Саратов, 2000. С. 54–59.

Музалевский М.Е. К вопросу о цикличности художественного пространства-времени в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 40–45.

Муренина Е.К. Н.В. Гоголь и проблемы межкультурной коммуникации // Филология: Межвузовский сб. научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. С. 140–145.

Мысливец Ю.А. Н.В. Гоголь в зеркале немецкой религиозно-философской критики 70–80-х годов (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: РЖ /РАН. ИНИОН. М., 2000. № 1. С. 93–104. [Работы Х. Шрейер, Р.-Д. Кейля, В. Кошмаля, Л. Амберга.]

Мысливец Ю.А. «Шинель» Н.В. Гоголя как произведение христианской литературы (Обзор немецкой критики 70–80-х годов) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: РЖ /РАН. ИНИОН. М., 2000. № 1. С. 104–112.

[Работы Д. Чижевского, К.-Д. Зеемана, П. Тиргена, У. Буша, М. Брауна, А.-М. Пинто и др.]

Мякшева О.В., Бессуднова В.И. Концептуализация пространственных отношений в разных текстах одного автора // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Саратов, 2000. С. 183–189.

[На материале произведений Н.В. Гоголя.]

Н.В. Гоголь. Мертвые души: Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / Авт.-Сост. Л.Д. Страхова. 2-е изд. М.: Дрофа, 2000. 96 с. – (Школьная программа).

Н.В. Гоголь в изложении для школьников: «Мертвые души» с приложением лучших сочинений / Подготовка текстов В.В. Петрова. Минск: Современный литератор, 2000. 192 с.

Набоков В.В. Избранное / Сост, предисл., коммент. и справочно-методические материалы С.Р. Федякина. М.: Олимп – АСТ, 2000. 639 с. – (Школа классики: Книга для ученика и учителя).

Из книги «Николай Гоголь».

Набоков В.В. Тень русской ветки: Стихотворения, проза, воспоминания / Сост. А. Корина; худож. Е. Ененко. М.: ЭКСМО-Пресс – ЭКСМО-Маркет, 2000. 576 с.

Николай Гоголь: Эссе.

Нагдасева О. Глупцы. Московский чудотворец, «студент хладных вод» юродивый Иван Яковлевич Корейша // Искусство кино. М., 2000. № 12. С. 158–167.

Нечипоренко Ю.Д. Ярмарка у Гоголя // Жертвоприношение: Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. С. 383–391.

[Ритуально-мифологические мотивы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».]

Нечипоренко Ю. Правила обращения с нечистой силой // Детская литература: М., 2000. № 1.

Никишаева В.П. К вопросу о категории времени в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Текст: варианты и интерпретации. Бийск, 2000. Вып. 5. С. 91–96.

Никишаева В.П. К вопросу об интерпретации зоонимов в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Текст: варианты интерпретации. Бийск, 2000. С. 185–190.

Николаенко И.А. Гоголь и Кукольник // Література та культура Полісся. Ніжин, 2000. Вип. 14. С. 46–56.

Николай Первый и его время: В 2 т. / Сост., вступ. статья и коммент. Б.Н. Тарасова. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 447 с.: ил. – Архив.

Из содерж.:

Гоголь Н.В. Письмо Николаю I [Из Рима от 18/6 1837 г.]. С. 132–133.

Нилус С.А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Святыня под спудом. Тайна православного монашеского дух А.М.: Паломник, 2000. 734 с.

Приезд Н.В. Гоголя. Мысли о Гоголе. С. 143–144.

Приезд матери Н.В. Гоголя. Мысли о писательстве и о душевной драме Гоголя. С. 273–276.

[Дневниковые записи и размышления оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова).]

Одиночка против академиков // Литературная Россия. М., 2000. 25 августа. № 34.

[Беседа критика П. Ульяшова с проф. С. Артамоновым.]

[Рец. на кн.: *Кривонос В.Ш.* Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 251 с.]

Отрошенко В. Кудесник слова и элементарные частицы. Эссе // Литературная Россия. М., 2000. 4 февраля. № 5. С. 14.

[О рецензии Гоголя в журнале «Современник» на повесть Я. А. «Убийственная встреча» (СПб., 1836).]

Отрошенко В. Гоголь и ад // Литературная газета. М., 2000. № 13. С. 11.

Отрошенко В. Гоголиана // Октябрь. М., 2000. № 4. С. 123–142.

Гоголь и паспорт. С. 123–128.

Гоголь и рай. С. 126–131.

Гоголь и элементарные частицы. С. 131–132.

Гоголь и ад. С. 132–135.

Гоголь и воздух. С. 135–136.

Гоголь и призрак точки. С. 136–142.

Падерина Е.Г. Пиковая дама и Аделаида Ивановна (пушкинский мотив в «Игроках» Гоголя) // Актуальные проблемы изучения творчества А.С. Пушкина: Материалы международной научной конференции. Новосибирск, 2000. С. 110–136.

Паламарчук П. «Ключ» к Гоголю // Паламарчук П. Свиток. Сборник прозы. [М.]: Паломник, 2000. С. 153–244.

Парамонов Б. Гоголь, убийца животных: [Философский комментарий] // Звезда. 2000. № 2. С. 213–217.

Пенская Е. Проблемы альтернативных путей в русской литературе. Поэтика абсурда в творчестве А.К. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.В. Сухово-Кобылина. М.: Cart Blanch, 2000. 308 с.

[Гоголь и Козьма Прутков. С. 50–58.]

[Гоголь и А.В. Сухово-Кобылин. С. 185–189.]

Петров А.В. Книга Экклезиаста и позиция автора «Мертвых душ» // Православие и Россия: канун третьего тысячелетия: Материалы Духовно-исторических чтений. Томск, 2000. С. 85–87.

Петрова Л.М. Исповедь как фактор нравственного самопреобразования общества (по «Выбранным местам из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя) // Литература и христианство. Белгород, 2000. С. 45–50.

Переяслов Н.А. Нерасшифрованные послания (Загадки русской литературы от «Слова о полку Игореве» до наших дней): сб. литературоведческих и критических статей. М.: «Крафт +», 2000. – 320 с.

Из содерж.:

Синдром Нострадамуса или Гоголь против тоталитарной системы. С. 99–112.

Гоголь (продолжение). С. 112–115.

Пермяков И.В., Щеглова Л.В. Гоголевская рецепция «Подражания Христу» в контексте мистического опыта // Социокультурные исследования. Волгоград, 2000. Вып. 5. С. 5–11.

Петров В.Б. Мистические традиции Н.В. Гоголя в творчестве М.А. Булгакова // Вестник Магнитогорского гос. ун-та. Магнитогорск, 2000. № 1. С. 29–33.

Письма А.В. Гоголь к П.А. Кулишу / Публ. Н.Е. Крутиковой // Мысль, слово и время в пространстве культуры. Вып. 2: Межвузовский сб. научных трудов, посвященный 90-летию проф. В.А. Капустина. Киев: Аграрна наука, 2000. С. 14–28.

[Вступ. заметка:] С. 14–16; Примеч. С. 23–28.

Пумпянский Л.В. Гоголь // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 257–342.

Пумпянский Л.В. Опыт построения релятивистической действительности по «Ревизору» // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 576–589.

Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье // Ремизов А.М. Сны и предсонье. М., 2000.

Репин А. Чичиков – кто же он? (Отношение автора к герою) // Я иду на урок литературы: 9 класс: Книга для учителя. М., 2000. С. 206–209.

Романова Г.А. «Пушкинский критерий» в творчестве Гоголя // Пушкин: Историко-литературные, лингвистические, культурные аспекты. СПб., 2000. С. 136–151.

Романы школьной программы в кратком изложении с комментариями: Н.В. Гоголь. «Мертвые души». Л.Н. Толстой. «Война и мир». Ф.М. Достоевский. «Преступление и наказание» / Авт-сост. Р.И. Давыдов. Ростов на Дону: Феникс, 2000.

Русская литература XIX века. 1800–1830-е годы. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей. Изд. 3-е, дополн. / Под ред. В.Н. Аношкиной (отв. ред.), Т.Н. Батуровой и др. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2000. 744 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) / Сост. В.А. Воропаев. С. 664–737.

Примеч. М.В. Лобыцыной. С. 738–740.

Сазонова Л.И. Литературная родословная гоголевской птицы-тройки // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2000. Т. 59. № 2. С. 23–30.

[В частности, проповеди митрополита Стефана (Яворского) как один из источников гоголевского образа.]

Сахаров В. Пророки романтизма (Гоголь и Шатобриан) // Русская мысль. Ариж, 2000. 1–7 июня. № 4320. С. 12–13.

[Трактат Ф.Р. Шатобриана «Гений христианства» в художественном сознании Гоголя.]

Свиридов А. Гоголь // Сура. Пенза, 2000. № 2. С. 225–228.

Седельникова О.В. «Очерки Рима» А.Н. Майкова в контексте отрывка Н.В. Гоголя «Рим» // Juvenilia: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 5. Томск, 2000. С. 167–170.

Седов Н.К. «Русский Гамлет»: Образ Подколесина в культурно-исторической и историко-литературной перспективе // Филологические этюды. сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2000. Вып. 3. С. 25–28.

[Травестия шекспировских мотивов в комедии «Женитьба».]

Селиванов Ю.Б. Н.В. Гоголь и Н.Р. Эрдман: особенности художественного взаимодействия // Русская литература в большом и малом времени. Вологда, 2000. С. 3–46.

Сенковский О.И. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя / Публ. Л.И. Соболева // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2000. № 37.

Сивкова А.В. Функционально-семантический анализ лексической парадигмы «праздник» в тексте повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Научная конференция студентов факультета славянской филологии и журналистики: 21 апреля 2000 г.: Тезисы докладов. Калининград, 2000. С. 19–21.

Сидорова Е. Гоголь. По ту сторону любви // Вестник психоанализа. СПб., 2000. № 1. С. 156–168.

Синицкая С.В. Гоголевские и кэрролловские реминисценции в пьесе В. Набокова «Изобретение Вальса» // Аничков вестник. СПб., 2000. № 16. С. 41–52.

Славкина М.В. Общественная полемика в связи с книгой Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». М., 2000. 110 с.

Сокол Е.М. Религиозно-философские основы творчества Н.В. Гоголя // Православие и образование: Материалы III городской научно-теоретической конференции, посвященной 2000-летию христианства. Ханты-Мансийск, 2000. С. 141–154.

Соколовская А.И. Некоторые аспекты жанрового своеобразия «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Филологические науки: сб. научных трудов. М. 2000. № 3(18). С. 147–155.

Сохряков Ю.И. И.А. Ильин как литературный критик // Литература в школе. М., 2000. № 4. С. 48–54.

[В частности И.А. Ильин о Гоголе.]

Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX–начала XX вв. / РАН. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наследие, 2000. 256 с.

Гл. 3: Пророк православной культуры (Национальная идея в публицистике Гоголя). С. 39–52.

Степанов А.В. Дистрибуция стиля и языка в художественном произведении (К понятию «модальной рамы») // Научные доклады Филологического факультета. МГУ. М., 2000. Вып. 4. С. 93–99.

[На материале поэмы «Мертвые души».]

Степанян К. Начало прочтения тайного смысла // Знамя. М., 2000. № 10. С. 231–233.

[Рец. на кн.: *Сугай Л.А.* Гоголь и символисты. Монография. М.: ГАСК [Государственная академия славянской культуры], 1999. 376 с.]

Сугай Л.А. Гоголевские реминисценции в поэзии символистов // Проблемы истории литературы: сб. статей. М.: МГОПУ, 2000. Вып. 12. С. 30–45.

Сугай Л.А. Термины «культура», «цивилизация» и «просвещение» в России XIX – начала XX века. (Велланский, Пушкин, Гоголь, символисты) // Труды Гос. академии славянской культуры. Вып. 2: Мир культуры. М.: ГАСК, 2000. С. 39–53.

Сугай Л.А. Георгий Чулков и его поэма «Русь» // Вестник славянских культур: Научный и литературно-художественный альманах. М., 2000. № 1. С. 74–81.

Сугай Л.А. Проблема художественного метода Гоголя в критике начала XX века // Вестник славянской культуры: Научный и литературно-художественный альманах. М., 2000. № 2. С. 8–14.

Судакова Е.К. Немецкая структуралистская и постструктуралистская критика о Гоголе (Обзор публикаций 90-х годов) // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Сер. 7. Литературоведение. М., 2000. С. 27–41.

Сытин А.К. Живая география России // Литература в школе. М., 2000. № 6. С. 93–96. [Описание русской природы у Гоголя.]

Сытин А.К. Живая география России. Н.В. Гоголь изучает естественноисторические труды П.С. Палласа // Природа. М., 2000. № 6. С. 93–96.

Тамаев П.М. «Гоголевские» пьесы А.А. Потехина // Щелыковские чтения: А.Н. Островский и мировая культура: сб. статей. Кострома, 2000. С. 52–58.

Тахо-Годи Е.А. Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000. 400 с. Между Гоголем и Салтыковым-Щедриным. С. 92–105.

Тимашова О.В. А.Ф. Писемский о Н.В. Гоголе // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 54–58.

Тихомирова О. Антропонимия второстепенных персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Сборник студенческих работ: Материалы научной студенческой конференции 1999 г. Воронеж, 2000. Вып. 2. С. 33–37.

Токранова О. Секрет с Хлестаковым // Петербургский театральный журнал. СПб., 2000. № 20. С. 119–122.

[Литературная карьера М.Н. Загоскина в свете комедии Гоголя «Ревизор».]

Томачинский В.В. Выбранные места из переписки со святыми. Подтекст самой скандальной гоголевской книги // Глагол. Журнал печорского православного педагогического общества. 2000. Январь. № 1. С. 9–10.

Треногина Е.В. Гоголевские мотивы в романе А. Белого «Серебряный голубь» (особенности реализации образа дороги) // Литература и философия: сб. научных статей / Российский гос. гидрометеорологический ун-т; под ред. В.Д. Денисова. СПб., 2000. С. 110–113.

Треногина Е.В. Элементы поэтики Н.В. Гоголя у А. Белого: «Серебряный голубь» // Поэтический текст и текст культуры: Международный сб. научных трудов / Владимирский гос. пед. ун-т. Владимир, 2000. С. 152–156.

Троицкий В.Ю. Словесность в школе: Книга для преподавателей русской филологии. М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 2000. – (Библиотека учителя-словесника). Путь к Гоголю. С. 227–247.

Трофимов Е. Об авторском пафосе в «Мертвых душах» Гоголя // Перекресток-3. Иваново; Шуя, 2000.

Трофимова И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Пропавшая грамота»: автор, сюжет, герой // Перекресток-3. Иваново; Шуя, 2000. С. 127–129.

Ульянов Н. Арабеск или Апокалипсис? // Юность. М., 2000. № 7/8. С. 76–81.

Федоров В.В. Эстетическая функция контраста в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя // Федоров В.В. Статьи разных лет. Донецк, 2000. С. 83–101.

[Откл.: П<авел> М<ихед> // Літературний Чернігів. 2001. № 16. С. 124–125 (на укр. яз.)]

Филин М.Д. После смерти Н.В. Гоголя. Из дневника Ф.И. Буслаева // Филин М.Д. Люди Императорской России. Из архивных разысканий. М.: НПК «Интелвак», 2000. С. 291–309. [Публ. дневниковая запись Ф.И. Буслаева за 19 марта 1852 года о кончине Гоголя (РГАЛИ).]

Хомук Н.В. Архитектоника лабиринта в повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала // Православие и Россия: канун третьего тысячелетия: Материалы Духовно-исторических чтений. Томск, 2000. С. 87–89.

Чернышева Е.Г. Проблемы поэтики русской фантастической прозы 20–40-х годов XIX века. М.: Прометей, 2000. 143 с.

Шатин Ю.В. Роман как риторический жанр: Преодоление контраверсы // Литературный текст: проблемы и методы исследования. М.; Тверь, 2000. Вып. 6. С. 103–113. [«Мертвые души» Гоголя и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова.]

Шевченко А.И. Повесть Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»: VI класс // Литература в школе. М., 2000. № 6. С. 101–103.

Шестаков П. Между днем и ночью: Размышления о Гоголе // Дон. Ростов на Дону, 2000. № 9/12. С. 141–249.

Шикин Е.В. Художественное слово и... математика // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. Нижний Новгород, 2000. Вып. 1. С. 137–142. [Использование математических абстракций в художественной литературе (Пушкин, Гоголь, Данте Алигьери).]

Шульц С.А. Культурно-мифологическая семантика образа пасичника Рудого Паньки в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в «Миргороде» // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. Warszawa, 2000. № 5. С. 147–161.

Шустов М.П. Сказочные традиции в русской литературе XIX века: Учебное пособие. Нижний Новгород, 2000. 243 с.

Щеглова Л.В. Судьбы российского самопознания (П.Я. Чаадаев и Н.В. Гоголь) / МГУ им. М.В. Ломоносова; Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. 323 с. [Реф.: *Галинская И.Л.* // Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологии. М., 2002. № 2. С. 40–45.]

Щербакова В.В. «Ревизор» Н.В. Гоголя как фантастическое произведение // Литературоведческий сборник. Вып. 3. Донецк, 2000. С. 88–103.

Щуплов А.Н. Нужно ли разоблачать миф во время чумы? // Пушкин и Крым. Материалы IX Международной научной конференции: В 2 кн. Кн. 1. Симферополь, 2000. С. 153–156.

[Откл. на кн.: *Дружников Ю.* Русские мифы. СПб., 1999 (главу о взаимоотношениях Пушкина и Гоголя).]

Энциклопедия мировой литературы. СПб.: Невская книга, 2000. 656 с.

Из содерж.:

Прокофьева Н.Н. «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 74–75.

Соколова Т.В. «Женитьба». С. 171–172.

Марченко Т.В. «Записки сумасшедшего». С. 192–193.

Мани Ю.В. «Мертвые души». С. 291–294.

Е. А. «Невский проспект». С. 311.

Марченко Т.В. «Нос». С. 315.

Марченко Т.В. «Портрет». С. 383.

Мани Ю.В. «Ревизор». С. 417–419.

Прокофьева Н.Н. «Старосветские помещики». С. 475.

Соколова Т.В. «Тарас Бульба». С. 485.

Марченко Т.В. «Шинель». С. 556–557.

Эпштейн М. Фигура повтора: философ Николай Федоров и его литературные прототипы // Вопросы литературы. М., 2000. Вып. 6. С. 114–124.

[Акакий Акакиевич Башмачкин из «Шинели» как литературный предшественник Н.Ф. Федорова.]

Янушкевич М.А. Средства и приемы создания комизма в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» и комедиографии Аристофана (к вопросу об античной традиции в творчестве Н.В. Гоголя) // Филологические исследования: сб. статей молодых ученых. Томск, 2000. С. 326–336.

Янушкевич М.А. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и «Нравственные письма к Луцилию» Л.А. Сенеки: к проблеме жанровой типологии // *Juvenilia*: сборник студенческих и аспирантских работ. Вып. 5. Томск, 2000. С. 176–178.

Янушкевич М.А. Заметки о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: 1. Гидротопика романа. 2. Отзвуки сна Татьяны в творчестве Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы изучения творчества А.С. Пушкина. Новосибирск, 2000. С. 65–85.

Янушкевич М.А. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» в контексте русской культуры 1920–1930-х годов // Литературоведение и журналистика: Межвузовский сб. научных трудов. Саратов, 2000. С. 66–79.

[Трансформация гоголевской фантастики в творчестве Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, «серапионов», Ю.Н. Тынянова, Д.И. Хармса.]

2001

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вий: [повести.] / Худ. А. Лебедев. М.: Стрекоза-Пресс, 2001.

Духовная проза / Сост., вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Изд-во Отчий дом, 2001. 568 с.

Загл. вступ. статьи: Духовная проза Н.В. Гоголя. С. 5–42.

Коммент.: 463–564.

[Рец.: *Споров Б.* Новый Гоголь // Новый Век. М., 2002. № 2(22). С. 17; *Якубина Ю.* Поздний Гоголь: Духовная проза // Гоголеведческие студии. Вып. 9. Нижний, 2002. С. 173–178; *Споров Б.* Ближе к родине небесной // Москва М., 2002. № 7. С. 199–202. Откл.: *Споров Б.* Знаем ли мы Гоголя? В год 150-летия со дня смерти писателя этот вопрос, как никогда, актуален // Учительская газета. М., 2002. 9 апреля. № 15. С. 19.]

Мертвые души. Т. 1 / Ил. С. Борисовой, А. Сальникова, В. Прокофьева. М.: Изд-во «Интрейд Корпорейшн», 2001.

Мертвые души. Т. 2 / Ил. С. Борисовой, А. Сальникова, В. Прокофьева. М.: Изд-во «Интрейд Корпорейшн», 2001.

Мертвые души: Поэма. М.: Дрофа, 2001. 320 с. – (Школьная программа).

Мертвые души: Поэма / Коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева; рис. А.М. Лаптева. М.: Детская литература, 2001. 352 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Коммент. С. 341–351.

Приложения:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 304–312.

Белинский В.Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 313–318.

Воропаев В.А. <Из книги «Н.В. Гоголь: Жизнь и творчество»> С. 319–340.

Мертвые души: Поэма / Рис. А.А. Агина и Е.Е. Бернадского. Силуэты Ф. П. Толстого. Примеч. и послесл. В.М. Гуминского. М.: Рекламно-компьютерное агенство газеты «Труд», <2001.> 399 с.

Приложения:

Гоголь Н.В. К читателю от сочинителя. С. 385–387.

Лесков Н. Об иллюстрациях «Мертвых душ». С. 387–388.

Гуминский В.М. «Мертвые души» в иллюстрациях. С. 390–398.

[Примеч. в тексте.]

[Рец.: *Воропаев В.* Гоголь в переводе на живопись // Труд. М., 2002. 2 марта. № 37. С. 5; *Фаюм Е.* Праздник непослушания. Некоторые аспекты посмертной славы // Книжное обозрение «Ex libris НГ». М., 2002. 21 марта. С. 5. Откл.: *Неверов А.* Новая жизнь «Мертвых душ» // Труд-7. М., 2002. 7 марта. С. 11; *Воропаев В.А.* Сто рисунков к «Мертвым душам» // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 10. С. 57–60.]

Мертвые души: поэма. М.: ООО Изд-во АСТ, 2001. 454 [10] с. – (Мировая классика).

Мертвые души: поэма. <Повести. > М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 544 с. – (Русская классика).

[Повести: Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Коляска.]

Миргород: повести. М.: ООО Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 384 с. – (Мировая классика).

Мистические повести / Ил. С. Борисовой, А. Сальникова, В. Прокофьева. М.: Изд-во «Интрейд Корпорейшн», 2001. 407 с.

Неизданный Гоголь / Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: Наследие, 2001. 600 с.: ил. *Виноградов И.А.* Неизвестные автографы Н.В. Гоголя. С. 3–38.

Примеч. 431–590.

[Рец. *Воропаев В.* Словесный клад // Литературная газета. М., 2001. 4–10 июля. № 27. С. 7; *Воропаев В.* Новые тексты Гоголя // Литературная Россия. М., 2001. 3 августа. № 31. С. 2; *Воропаев В.* Песнь благодарения Богу. О новых текстах Н.В. Гоголя // Воскресная школа. М., 2001. 8–15 ноября. № 42. С. 14; *Воропаев В.* Песнь благодарения Богу. О новых текстах Н.В. Гоголя // Новый Век. М., 2002. № 2(22). С. 18; *Воропаев В.* Песнь благодарения Богу. О новых текстах Н.В. Гоголя // Гоголеведческие студии. Вып. 9. Н.Ижн, 2002. С. 189–190. Откл.: *Данилова Н.* «Старайтесь видеть во мне христианина и человека» // Учительская газета. М., 2001. 2 октября. С. 21; *Карташов В.С.* «Аптекарский интерес» Гоголя // Фармацевтический вестник. М., 2001. 23 октября. № 31. С. 23; *Иван Smith* Современный антиквариат (послание пятое [о кетчупе, «Книжном обозрении», четырехтомнике Н.Н. Скатова и книге «Неизданный Гоголь (М., 2001) и т. д.]) // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 51. С. 368–370.]

Ночь перед Рождеством: Для среднего школьного возраста / Худ. А. Лебедев. М.: Стрекоза-Пресс, 2000.

О благодарности. Неизвестное сочинение Гоголя / Публ., вступ. заметка и коммент. И.А. Виноградова // Литературная учеба. М., 2001. Кн. 3. С. 141–148.

Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой / Вступ. и сопроводит. статьи И.А. Виноградова; подгот. текста, коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Наследие, 2001. 288 с.

Загл. вступ. статьи: Гоголь и Надежда Николаевна Шереметева: отношения и переписка. С. 3–57.

[Коммент. в тексте.]

[Рец.: *Балдина Е.В.* // Вестник Российского гуманитарного фонда. М., 2001. № 4. С. 196–200; *Споров Б.* Ближе к родине небесной // Новый Век. М., 2002. № 2(22). С. 19–20; *Споров Б.* «Ближе к родине небесной» // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2002. № 3. С. 10–11; *Споров Б.* «...Ближе к родине небесной» // Литературная учеба. М., 2002. Кн. 3. С. 218–220; *Чоботько А.* Диалог христианских душ // Гоголеведческие студии. Вып. 9. Н.Ижн, 2002. С. 186–188; *Споров Б.* Ближе к родине небесной // Москва М., 2002. № 7. С. 199–202.

Откл.: *Данилова Н.* «Старайтесь видеть во мне христианина и человека» // Учительская газета. М., 2001. 2 октября. С. 21.]

Петербургские повести / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова. М.: Издательский Дом Синергия, 2001. 352 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: От «Невского проспекта» до «Рима». С. 5–58.

Коммент. С. 259–322.

Приложения:

Шенрок В.И. Петербургские повести Гоголя. С. 323–329.

Ульянов Н.И. На гоголевские темы. Кто подлинный создатель «демонического» Петербурга? С. 329–337.

Кожин В.В. <О замысле «Шинели»> С. 337–341.

Виноградов И.А. Биографические сведения о Н.В. Гоголе. С. 341–349.

Повести / Худ. В. Дугин. М.: Мир искателя, 2001.

Повести. М.: Дрофа, 2001. 256 с. – (Школьная программа).

Повести. Мертвые души / Ред.-сост. Л.Д. Страхова. М.: Олимп; ООО. Изд-во АСТ, 2001. 688 с. – (Школа классики).

Айхенвальд Ю. Гоголь. С. 5–16.

Воропаев В. Коммент. С. 533–588.

Критика. С. 589–680.

Повести. Мертвые души. М.: ООО «Изд-во Олимп»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 496 с. – (Школа классики).

Айхенвальд Ю. Гоголь. С. 5–14.

Воропаев В. Коммент. С. 434–472.

Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 1 / Подгот. текстов и коммент. И.Ю. Винницкого, Е.Е. Дмитриевой, Ю.В. Манна, К. Ю. Рогова. М.: Наследие, 2001. 920 с.

Коммент. С. 559–899.

[Рец.: *Попова И.Л.* // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2003. Т. 62. № 2. Март – Апрель. С. 52–56. Откл.: *Викторов Е.* К выходу первого тома нового академического полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя // Вопросы литературы. М., 2001. Июль – Август. С. 375–377; *Воропаев В.* Полтора века спустя. Гоголь в современном литературоведении // Москва. Журнал русской культуры. М., 2002. № 8. С. 223–224.]

Размышления о Божественной Литургии // Саранские епархиальные ведомости. Саранск, 2001. № 4. С. 57–64; № 5. С. 43–52; № 6. С. 35–59.

Размышление (так!) о Божественной Литургии. М.: Живой родник, 2001. 70 с.: ил.

От издательства. С. 2.

[Коммент. в тексте.]

Ревизор: Комедия с коммент.: Школьникам – для подготовки к урокам литературы. М.: Стрекоза, 2001. 188, [2] с. – (Классика для школы).

Ревизор. Петербургские повести. М.: Дрофа, 2001. 160 с. – (Школьная программа).

[Нос; Шинель.]

Собрание сочинений: В 8 т. / Сост. О. Дорофеев. М.: Terra, 1999–2001.

Т. 3. Повести. Статьи из сборника «Арабески». 1835 / Сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Terra – Книжный клуб, 2001. 384 с.

Примеч. С. 372–383.

Т. 4. Драматические произведения; Драматические отрывки и отдельные сцены. 1832–1837 / Сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Terra – Книжный клуб, 2001. 384 с.

Примеч. С. 370–382.

Т. 5. Мертвые души: Поэма: В 2 т. Т. 1 / Сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Terra – Книжный клуб, 2001. 384 с.

Приложение:

Короленко В.Г. Трагедия великого юмориста (Несколько мыслей о Гоголе). С. 315–366.

Примеч. С. 367–382.

Т. 6. Мертвые души: поэма: В 2 т. Т. 2 / Сост., примеч. О. Дорофеева. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 384 с.

Приложение:

Розанов В.В. <Глава из книги «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского»> С. 247–252.

О Гоголе (Приложение двух этюдов). С. 252–270.

Гоголь. С. 270–276.

Мережковский Д.С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. С. 277–372.

Примеч. С. 373–383.

Т. 7. Статьи. 1836–1837; Выбранные места из переписки с друзьями; Не напечатанное при жизни и незавершенное. 1840-е годы / Сост. О. Дорофеева; Примеч. Ю. Манна. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. 384 с.

<Приложение:>

Анненский И.Ф. Проблема гоголевского юмора. С. 335–351.

Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье. С. 351–361.

Примеч. С. 362 – 382.

Т. 8. Письма / Сост. О. Дорофеева; Примеч. М. Громова. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. – 384 с.

Приложение:

Набоков В. Николай Гоголь. С. 274–353.

Примеч. С. 354–380.

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья В. Воропаева; коммент. И. Виноградова; худож. Е.А. Кибрик. М.: Детская литература, 2001. 188 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской. С. 5–12.

Коммент. С. 167–188.

Фонвизин Д.И. Бригадир. Недоросль. Грибоедов А.С. Горе от ума. Лермонтов. М.Ю. Маскарад. Гоголь Н.В. Ревизор. Женидьба: пьесы. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 608 с. – (Русская классика).

Ревизор. С. 433–537.

Женидьба. С. 538–606.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев Д.А. Депрессия как страсть, депрессия как болезнь. М.: Русский Хронограф, 2001. 64 с.

[Болезнь Гоголя как пример эндогенной депрессии. С. 43–49. Заимствовано из работы Д.Е. Мелехова «Психиатрия и проблемы духовной жизни». Приводится в сокращении.]

Аверьянова М.А. От слова человеческого к Слову Божию. Служение Н.В. Гоголя // Христианские истоки русской литературы: сб. научных трудов. М.: Изд-во Московского пед. ун-та «Народный учитель», 2001. С. 118–131.

Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество /Самарский гос. ун-т. Кафедра русской и зарубежной литературы. Самара: Самарский ун-т, 2001. 128 с.

Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / Сост., статьи, примеч. И.А. Виноградова. М.: Издательский дом XXI век – Согласие, 2001. 776 с.: ил.

[Рец.: *Воропаев В.* Явление художника читателю // Литературная газета. М., 2001. 4–10 апреля. № 14. С. 10; *Воропаев В.А.* Явление художника читателю // Литературная учеба. М., 2002. Кн. 3. С. 220–221.]

Александрова С.В. Из комментариев к Пушкину // Пушкин и его современники. Вып. 3(42). СПб., 2001.

Александрова С.В. Повести Н.В. Гоголя и народная зрелищная культура // Русская литература. СПб., 2001. № 1. С. 50–65.

1. Петербургские повести и петербургский народный театр. С. 50–61.
2. «Пропавшая грамота» и пьеса доктора Фауста. С. 61–65.

Алексеев В.Н. Божественная литургия в описаниях Н.В. Гоголя и С.И. Фуделя // Светец. Литературно-краеведческий вестник. Вып. 2. Петушки, 2001. С. 1–9.

Алексеев В.Н. Н.В. Гоголь и С.И. Фудель о Божественной литургии // Светоч. Вып. 104. Приложение к журналу «Встреча» Министерства культуры России. М., 2001. № 12. С. 23–26.

Алексеев В. Молитвенный подвиг Гоголя. М.: Изд-во Глобус, 2001. 40 с.: ил.

Алехин Ю.В. Загадка смерти Гоголя // Парламентская газета. М., 2001. 29 июня – 5 июля. С. 16.

Амехина Е.Е. Гоголь и Языков: к проблеме взаимоотношений (на материале переписки) // Филологические этюды. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 38–40.

Андреев А.Н. Живые души Николая Васильевича Гоголя (о концепции «Мертвых душ») // Русский язык и литература. Минск, 2001. № 3. С. 38–53.

Андрей Белый о Достоевском, Гоголе, Мейерхольде и кризисе культуры. Из архивных материалов / Подгот. текстов, публ., вступ. статья и коммент. Л.А. Сугай // Литературная учеба. М., 2001. № 1. С. 119–132.

Вступ. статья. С. 119–123.

Стенограмма диспута в Гостим'е о спектакле «Ревизор». Выступление Андрея Белого. С. 126–128.

Коммент. С. 129–132.

[Публ. доклад А. Белого на открытии Вольной философской ассоциации «Достоевский и кризис культуры» и рецензия на постановку «Ревизора В.Э. Мейерхольда (1920-е гг.).]

Анненкова Е.И. Статьи Н.В. Гоголя о живописи в свете христианской традиции // Духовные основы русского искусства. Великий Новгород, 2001. С. 47–49.

Арват Н.Н. Об одной особенности в построении текста повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Наукові записки / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин, 2001. Філологічні науки. С. 10–15.

Арват Н.Н. Троичность как авторское своеобразие построения Гоголевских текстов (Гоголь Н.В. «Старосветские помещики») // Мова і культура. Вип. 3. Т. 4. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2001. С. 9–12.

Аржаных Т.Ф. Русская мысль первой половины XIX века. Н.В. Гоголь // Гуманитарный журнал. Днепропетровск, 2001. № 3–4. С. 213–216.

Аркин И.И. Возвращение к литературе: Уроки в V–XI классах // Литература в школе. М., 2001. № 5. С. 37–40.

[Гоголь и М.Ю. Лермонтов.]

Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. СПб.: Академический проект, 2001. 400 с.

Гоголь и салон А.О. Смирновой. С. 202–207.

Архипова Ю.В. «Ревизор» Н.В. Гоголя как барочная комедия // Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. С. 12–17.

Афанасьев В. «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора» // Литературная учеба. М., 2001. № 1. С. 116–118.

[Рец. на кн.: *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.]

Базавлук Л.М. Сложносочиненное предложение в произведениях Н.В. Гоголя // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. статей научно-методического семинара «Textus». М.; Ставрополь, 2001. Вып. 7. С. 265–268.

Балдина Е.В. «Извольте, я дам вам ключ» (об «Авторской исповеди» Н.В. Гоголя) // Человек и христианское мировоззрение. Вып. 6: Семья, образование и образ жизни. Симферополь, 2001. С. 195–197.

Балдина Е.В. «Три письма к Н.В. Гоголю» архимандрита Феодора (Бухарева) в контексте отзывов современников на книгу Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» // Актуальные проблемы современного литературоведения: Материалы международной научной конференции. М., 2001. Вып. 5. С. 6–9.

Балыхина Т.М., Барышникова Е.Н. Русская классическая литература в оценке критиков и писателей XIX века: Учебное пособие. [Изд. 2-е, доп.] М.: «Уникум-Центр», Изд-во «Поматур», 2001. 151 с.

Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине [Фрагмент.] С. 32–33.

Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя [Фрагмент.] С. 45–49.

Пушкин А.С. Вечера на хуторе близ Диканьки [Фрагмент.] С. 49.

Гоголь Н.В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора» [Фрагмент.] С. 50–56.

Белинский В.Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души [Выдержки.] С. 57–59.

Гоголь Н.В. [Краткая биография.] С. 108–110.

Барабаш Ю. Сладкий ужас мщенья, или Зло во имя добра? (Месть как религиозно-этическая проблема у Гоголя и Шевченко) // Вопросы литературы. М., 2001. Вып. 3. Май – Июнь. С. 31–65.

Баранова О. Чичиков в гостях у Коробочки: Урок-исследование. Опыт медленного чтения // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2001. № 12.

Безелянский Ю. Весь Гоголь – за полтинник: [Издателю и книготорговцу Ивану Сытину – 150 лет] // Вечерняя Москва. М., 2001. 6 февраля. С. 3.

Белая А.С. Из наблюдений над семантикой хремотонимов в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Наукові записки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин, 2001. Філологічні науки. С. 16–18.

Белов С.В. Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение». Т. 1. СПб.: Алетейя, 2001; Российская Национальная Библиотека, 2001. 573 с.
Гоголь Николай Васильевич. С. 190–192.

Белоногова В.Ю. Гоголь о «тайне» пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один» // Грехневские чтения: сб. научных трудов. Нижний Новгород, 2001. С. 93–100.

Белоногова В.Ю. «Дубровский» из Черновского // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст: сб. статей. Арзамас, 2001. Вып. 3. С. 30–34.

<Белый А.> Андрей Белый о Достоевском, Гоголе, Мейерхольде и кризисе культуры (Из архивных материалов) / Подгот. текстов, публ., вступ. статья и коммент. Л.А. Сугай // Литературная учеба. М., 2001. Кн. 1. С. 119–132.

<Белый А.> Из неопубликованных материалов к книге «Мастерство Гоголя» / Публ. Л.А. Сугай // Русский символизм и мировая культура: сб. научных трудов / Под ред. Л.А. Сугай. Вып. I. М.: ГАСК [Государственная академия славянской культуры], 2001. С. 163–173.

Белый А. Мастерство Гоголя (Из неопубликованных материалов). Подготовка текстов и коммент. Л.А. Сугай // Русский символизм и мировая культура: сб. научных трудов / Под ред. Л.А. Сугай. М.: ГАСК, 2001. Вып. 1. С. 163–173.

Березина С. Надгробие на двоих // Алфавит. М., 2001. № 21.

Березкин В. По мотивам Гоголя // Театральная жизнь. М., 2001. № 2. С. 11–15.
[О рисунках к спектаклям: По материалам беседы с театральным художником С. Бенедиктовым.]

Беседы с чертом, или История русского Фауста // Алфавит. М., 2001. № 28.
[Беседа петербургского актера Игоря Волкова с корреспондентом Галиной Карнауховой о моноспектакле «Последний сон Гоголя».]

Бестужева-Лада С. Одинокий гений // Смена. М., 2001. № 2. С. 49–57.

Большая энциклопедия литературных героев: В 4 т. Т. 3: Л – П. М.: Терра-Книжный клуб, 2001.

Из содерж.:

Э.Л. Г. Манилов. С. 119.

Э.Л. Г. Ноздрев. С. 269–270.

Э.Л. Г. Плюшкин. С. 393.

Большая энциклопедия литературных героев: В 4 т. Т. 4: Р – Я. М.: Терра-Книжный клуб, 2001. 416 с.

Э.Л. Г. Собакевич. С. 140.

Э.Л. Г. Хлестаков Иван Александрович. С. 317.

Э.Л. Г. Чичиков Павел Иванович. С. 341.

Боярчук М.А. Набоков и Гоголь: своеобразие прочтения и интерпретации // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Томск, 2001. С. 242–245.

Брагина Н.Н. Повесть Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» сквозь призму психоанализа // Молодая наука – XXI веку. Иваново, 2001. С. 13–14.

Брагина Н.Н. «В начале был ритм...» // Лицей № 3 / Шуйский гос. пед. ун-т. Шуя, 2001. С. 56–64.

Будагов Р.А. Писатели о языке и язык писателей. 2-е изд., дополн. М.: Добросвет-2000, 2001. 336 с.

Стилистическое новаторство «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С. 122–147.

Бутеев Д.В. Н.В. Гоголь в работах Николая Энгельгардта // Штудии-2: сб. статей молодых ученых. Смоленск, 2001. С. 26–31.

[О статьях Н.А. Энгельгардта «Гоголь и романы 20-х годов» и «Гоголь и Булгарин», опубликованных в журнале «Исторический Вестник» в 1902 (№ 2) и 1904 (№ 7).]

Варжапетян В. Он вышел из бекеши Гоголя: Доброе слово о Семене Бабаевском // Литературная газета. М., 2001. № 7. С. 10.

Васильева Г.М. «Ревизор» Н.В. Гоголя: От «Филокалии» до «Фауста»: generatio aequivoca // Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. С. 45–52.

[Философская проблематика «Ревизора» в свете «Добротолубия» и «Фауста» Гете.]

Вейдле В. Римлянин Гоголь // Вейдле В. Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 105–108.

Ветловская В.Е. Творчество Гоголя сквозь призму проблемы народности // Русская литература. СПб., 2001. № 2. С. 3–24.

Климова С.В. К вопросу о духовной эволюции позднего Гоголя («Прощальная повесть») // Интеллектуальный потенциал высшего педагогического образования: Материалы XXIII преподавательской и XLI студенческой научно-практической конференции (25–26 апреля 2001 года). Ч. 2. Гуманитарные секции. Оренбург, 2001. С. 51–52.

Виноградов И. «Быть верными отечеству и Государю». Николай Гоголь понимал это по-своему // Древо. Ежемесячное историко-культурное приложение к газете «Российские вести». М., 2001. 28 февраля. № 2(16). С. 16–17.

Виноградов И.А. «Великая тайна» картины Александра Иванова // Домашний лицей. М., 2001. № 4. С. 75–80.

Виноградов И. Высокий гражданин небесного гражданства. Тема долга – ключ к пониманию повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Воскресная школа. М., 2001. 16–22 февраля. № 7. С. 8–9; 1–7 марта. № 9. С. 8–9.

Виноградов И.А. Гоголь и Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2001. № 1. С. 83–91.

Виноградов И.А. «Я брат твой». О повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 214–239.

Владимирова Т.Л. Итальянская тема в русском романтизме первой трети XIX в. // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. научных трудов ИЯК (декабрь, 2001). Томск, 2001. Вып. 1. С. 310–314.

Вороненков И.И. Передача некоторых особенностей стиля Н.В. Гоголя при переводе повести «Нос» на английский язык // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 118–122.

Воронина Е.Б. Речевые средства комического и особенности стиля «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Художественный мир русского романа. Арзамас, 2001. Вып. 4. С. 103–108.

Воропаев В. Благодать там присутствует. Гоголь в Оптиной Пустыни // Православный паломник. М., 2001. № 2. С. 46–52.

Воропаев В.А. В сердце полученный урок. Из последних дней жизни Гоголя // Православная беседа. М., 2001. № 2. С. 41–44.

Воропаев В. «В сердце... полученный урок». Из последних дней жизни Гоголя // Духовный собеседник. Самара, 2001. Вып. 1–2(25–26). С. 202.–210.

Воропаев В. Вечные спутники. К 120-летию со дня рождения Б.К. Зайцева // Десятина. М., 2001. № 7. С. 7.

Воропаев В. «Вот вам образец, подражайте ему». Протоиерей Матфей Константиновский // Воскресная школа. М., 2001. 16–22 июля. № 27. С. 8–9.

Воропаев В. Гоголевский Дом // Российские вести. М., 2001. 11–17 июля. № 24. С. 15.

[Древо (ежемесячное историко-культурное приложение).]

Воропаев В. Гоголевский Дом // Литературная Россия. М., 2001. 5 октября. № 40. С. 13.

Воропаев В.А. Гоголь Николай Васильевич // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 4: Русское зарубежье и всемирная литература Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 200–244.

Воропаев В. Гоголь в Иерусалиме // Вышенский паломник. Рязань, 2001. № 1(11). С. 99–104.

Воропаев В. Друг Гоголя // Десятина. М., 2001. № 2(53). С. 5.
[К 200-летию со дня рождения графа А.П. Толстого.]

Воропаев В. Друг Гоголя. К 200-летию со дня рождения графа Толстого // Глагол. Журнал Печорского Православного педагогического общества. Печоры, 2001. № 5. С. 30–33.

Воропаев В. Еще об одном мифе о Гоголе // Сретенский альманах. История и культура. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. С. 17–23.

Воропаев В. Из духовной биографии Гоголя. Заметки исследователя // Литературная учеба. М., 2001. Кн. 3. С. 103–129.

Воропаев В. Лестница, возводящая на небо (К 150-летию со дня смерти Гоголя) // Историческая газета. М., 2001. Октябрь. № 10. С. 10–11.

Воропаев В.А. Малоизвестная часть творческого наследия Н.В. Гоголя: выписки из творений святых отцов и богослужебных книг // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 240–249.

Воропаев В.А. «Нет другой двери»: Евангелие в жизни Гоголя // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 179–197.

Воропаев В. Николай Гоголь в Иерусалиме // Воскресная школа. М., 2001. 8–15 декабря. № 46. С. 8–10.

Воропаев В.А. «Нужно проездиться по России» // Московский журнал. История Государства Российского. М., 2001. № 10. С. 37–41.

Воропаев В. О причинах смерти Николая Гоголя // Сретенский альманах. История и культура. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. С. 7–17.

Воропаев В. Один из немногих избранных (К 200-летию со дня рождения графа Толстого) // Историческая газета. М., 2001. Март. № 3. С. 4; Апрель. № 4. С. 4.

Воропаев В. Песнь благодарения Богу. О новых текстах Н.В. Гоголя // Воскресная школа. М., 2001. 8–15 ноября. № 42. С. 14.

[Рец. на кн.: Неизданный Гоголь Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: Наследие, 2001. 660 с.: ил.]

Воропаев В. Подданный русского Царя. Гоголь и Государь Николай Павлович // Литературная учеба. М., 2001. Кн. 2. С. 140–151.

Воропаев В. Подобно сыну Тарасову // Российские вести. М., 2001. 28 ноября 4 декабря. № 41. С. 9.

Вострикова Е.Е. Гоголь и Языков: к проблеме взаимоотношений (на материале переписки) // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. Вып. 4. С. 38–40.

Гасперович В. Н.В. Гоголь в Риме: новые материалы // Образ Рима в русской литературе. Самара, 2001. С. 83–101.

Гетман Л.И. Афористические антропонимы Н.В. Гоголя как объект современной лексикографии // Наукові записки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин, 2001. Філологічні науки. С. 5–9.

Глазырина Ю.А. Пространственный хронотоп как эстетический актуализатор мифопоэтической доминанты // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001. С. 66–69.

[Мифопоэтика художественного пространства в «петербургских» повестях Гоголя.]

Глебов С. Никакой мистики? Вопреки слухам, его похоронили мертвым // Вечерняя Москва. М., 2001. 31 мая. С. 8.

Гоголезнавчі студії=Гоголеведческие студии / Редкол.: П.В. Михед (відп. ред.), Воропаев В.О., Казарин В.П. Кирилюк З.В., Киричок Г.А. и др.; Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя; Гоголівський науково-методичний центр. Вып. 7. Ніжин, 2001. 183 с. На рус., укр. и англ. яз.

Из содерж.:

Михед П. Творчество Гоголя в свете украинской русистики: о некоторых проблемах изучения. С. 5–14.

Якубина Ю. К истокам страха у Гоголя (нежинский период). С. 27–35.

Кривонос В. Экзистенциальные аспекты в «Риме» Гоголя. С. 50–55.

Шульц С. «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Записки сумасшедшего» Л.Толстого: топика и нарратив. С. 55–70.

Виноградов И. Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души». С. 77–93.

Хомук Н. Архитектоника лабиринта в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 93–101.

Денисов В. Изображение Козачества в раннем творчестве Н.В. Гоголя (идея «исторического романа»). С. 101–110.

Янушкевич М. Авторская позиция предсмертного слова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя и «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки как основа своеобразия «предельного» жанра. С. 115–126.

Воропаев В. Жизнь с Гоголем (К 120-летию со дня рождения Бориса Зайцева). С. 126–130.

Тень великого Гоголя. Воспоминания фельдшера Зайцева / Публ., вступ. заметка и примеч. В. Воропаева. С. 131–137.

Евсеев Ф. Об архетипах земли и власти в творчестве Н.В. Гоголя. С. 143–148.

[Рец. на кн.: *Иваницкий А.И.* Гоголь. Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2000. 188 с.]

Бібліографія:

Воропаев В. Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя (1945–2000). С. 149–160.

Гранатович Л. Бібліографія творів Миколи Гоголя і літератури про нього, що вийшла в Україні 1999 року. С. 161–165. На рус. и укр. яз.

Воропаев В. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1999). С. 166–176.

Гольденберг А.Х. Идея имитации в творческом поведении Н.В. Гоголя // Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре: сб. научных статей по итогам всероссийской научной конференции. Волгоград, 2001. С. 58–63.

Горбанев Н.А. Вершины русского романа: «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Мертвые души». Махачкала, 2001. 55 с.

Горнфельд А.Г. Г-н Мережковский и черт // Д.С. Мережковский: Pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николоюкина. СПб.: РХГИ [Русский христианский гуманитарный институт], 2001. – (Русский путь). С. 151–157.

Первоначально: *Горнфельд А.Г.* Книги и люди. Литературные беседы. СПб., 1908. Т. 1. С. 273–282.

Горских Н.А. Н.В. Гоголь в философско-эстетической концепции Ф. Сологуба (к постановке проблемы) // Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы юбилейных конференций, посвященных 100-летию ТГПУ и 70-летию филологического ф-та ТГПУ [Томский гос. пед. ун-т]. Томск, 2001. С. 28–31.

Горских Н.А. Некоторые аспекты функционирования вещи в художественном мире Н.В. Гоголя и Ф. Сологуба // Картина мира. Язык. Философия. Наука: Доклады участников всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых. Томск: Издание ТГУ [Томский гос. ун-т], 2001. С. 118–121.

Горских Н.А. Некоторые особенности функционирования категории вещи в мифе и в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Сборник научных работ, посвященных Ученому, Мастеру, Учителю. Новокузнецк: Издание НГПИ [Новокузнецкий гос. пед. ин-т], 2001. С. 61–70.

Гуревич П.Ю. Пластификация в раннем творчестве Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Страшный кабан», «Гетьман») // Филологические науки. М., 2001. № 4. С. 23–31.

[Образы живописи и скульптуры в раннем творчестве Гоголя.]

Гуревич П.Ю. Поэтическая функция пластификации в художественной прозе Гоголя // Проблемы поэтики русской литературы. Сб. аспирантских работ. М.: МПГУ, 2001. С. 46–57.

Гуревич П.Ю. Система образов пластических искусств в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Человек. Язык. Искусство: Материалы международной научно-практической конференции. М.: МПГУ [Московский пед. гос. ун-т], 2001. С. 57–59.

Гуревич П. Система пластических образов в «Мертвых душах» // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». М., 2001. № 12(387). С. 10–11.

Давыдов А.П. «Духовной жаждою томим»: А.С. Пушкин и становление «срединной» культуры в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

Н.В. Гоголь: конфликт «двух богов». С. 161–177.

Давыдов А.П. Проблема медиации в европейской культуре: Запад и Россия. Статья 2. Гуманизация культуры. Иисус в России // Общественные науки и современность. М., 2001. № 2. С. 101–114.

[О мистическом представлении об Иисусе Христе в русской литературе и живописи.]

Данилова Н. «Старайтесь видеть во мне христианина и человека» // Учительская газета. М., 2001. 2 октября. С. 21.

[Рец. на кн.: *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.]

Дементьев В. Поэта быстрый карандаш // Литературная Россия. М., 2001. 10. августа. № 32.

[Гоголь и В.А. Жуковский.]

Дементьева Л.А. «Размышляя над историей гоголевского рода...»: Урок-исследование: [Опыт учителя литературы г. Ухты, Республика Коми] // Литература в школе. М., 2001. № 6. С. 35–36.

Джафарова К.К. О композиции сборника Н.В. Гоголя «Арабески» // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 3. Махачкала, 2001. С. 35–39.

Джулиани Р. Героиня Гоголя Аннунциата: история и миф // Мир романтизма: К 40-летию научно-педагогической деятельности И.В. Карташовой / Под ред. Е.Г. Милюгиной. Тверь, 2001. Вып. 5. С. 96–104.

Джулиани Р. Новые материалы о Н.В. Гоголе: Галерея русских художников, первых римских знакомых писателя // Образ Рима в русской литературе. Самара, 2001. С. 102–130.

Динамика культуры и художественного сознания (философия, музыковедение, литературоведение): сб. статей / К 150-летию Самарской губернии; ред. В.П. Скобелев. Самара, 2001. 133 с.

Из содерж.:

Кривонос В.Ш. Хаос и космос в художественном сознании Гоголя. С. 48–63.

Кривонос В.Ш. Мифология провинциального города у Гоголя. С. 116–132.

Динерштейн Е.А. А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. 359 с.: [10] л. ил. – (Люди России).

[О книге Воронского «Гоголь». С. 286–288.]

Дмитриева Е.Е. Тайное и явное паломничество в Иерусалим Николая Гоголя, «Путь из Парижа в Иерусалим» Рене Франсуа Шатобриана и проблема идеального города // Страницы истории русской литературы: К 70-летию профессора В.И. Коровина: сб. статей. М.: Прометей, 2001.

Докукин Г., протоиерей. О русском духовном театре «Глас» // Журнал Московской Патриархии. М., 2001. № 9. С. 76–80.

Долганов Д.А. О мифологических началах в творчестве Н. Гоголя и М. Зощенко // Фольклор народов России: Межвузовский научный сб. Уфа, 2001. С. 204–210.

Дружников Ю. «С Пушкиным на дружеской ноге» // Дружников Ю. Дуэль с пушкинистами. Poleмические эссе. М.: Издательский дом «Хроникер», 2001. С. 161–186.

[Гоголь и А.С. Пушкин.]

Дрыжакова Е. Рискованная шутка Гоголя на чтениях «Ревизора» // Русская литература. СПб., 2001. № 1. С. 190–195.

[О первом чтении комедии Ревизор» 18 января 1836 г.]

Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 1–2. Изд. 2-е, исправл., дополн. М.: Христианская литература, 2001. 736 с.

Гл. 6. Н.В. Гоголь. С. 387–498.

Евгин А.В. К Вечному Миру: Козельская старина. Калуга: Гриф, 2001. 160 с.

У Бога мертвых нет (об В.И. Киреевском и Н.В. Гоголе). С. 113–159.

Евдокимова Е.А. Тема семьи в творчестве Н.В. Гоголя // Начало. СПб., 2001. № 10. С. 113–131.

Евтихиева А. Гоголь Русского Зарубежья. М.: Товарищество русских художников, 2001. 144 с.

Егоров Е.А. Развитие гоголевской поэтики в поэме Вен. Ерофеева // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь, 2001. № 7. С. 25–31.

Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. 2-е изд. М.: Индрик, 2001. 400 с.

Из содерж.:

Дискуссия 40-х годов: «Гоголь – Гомер». К. Аксаков. Белинский. С. 306–313.

Статья Гоголя об Одиссее в переводе Жуковского. Статья Розена и отзыв о ней Белинского. С. 313–316.

Ерофеева Н.П. Вопросы детского воспитания и образования в творчестве Н.В. Гоголя // *Духовные основы русского искусства*. Великий Новгород, 2001. С. 50–53.

Ефимов А. Возвращение // Москва. Журнал русской культуры. М., 2001. № 7. С. 179–183. [Рец. на кн.: *Воропаев В.А.* Гоголь и отец Матфей // Воропаев В.А. Гоголь и отец Матфей. Афанасьев В.В. Православный философ. Духовные искания Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856). Вып. 6. Пермь: Редакция газеты «Православная Пермь», 2000. С. 9–54. – (Сер. Церковь и образование).]

Житкова Л.Н. Рецепции Пушкина и Гоголя в русской критике и философии XIX–начала XX вв. // *Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры*. Тюмень, 2001. Вып. 5. С. 49–52.

Заманова И.Ф., Бардыкова Н.В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: пространство и время: [Учебное пособие для студентов филологических специальностей ун-тов и педвузов.] Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2001. 160 с.

Зарецкий В.А. Триада «дорога-вершина-провал» как сюжетобразующий мотив в творчестве Н.В. Гоголя // *Фольклор народов России: межвузовский научный сб.* Уфа, 2001. С. 142–161.

Зарытова И.В. Аутсайдер на стыке двух миров: Н.В. Гоголь. Шинель. – Э. Канетти. Ослепление // *Художественный мир русской литературы*. Елабуга, 2001. С. 85–88.

Звозников А.А. Гуманизм и христианство в русской литературе XIX века. 2-е изд., дополн. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001. 212 с. [О Гоголе: С. 20–21, 69–70 и др.]

Зеньковский В.В., протопресвитер. История русской философии. Харьков: Фолио; М.: Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. 896 с. – (Сер. Антология мысли). Н.В. Гоголь. С. 169–176.

Зеньковский В.В., протопресвитер. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001 880 с. – (Сер. Антология мысли). Н.В. Гоголь. С. 174–181.

Злыднева Н.В. «Вещь» А. Платонова в гоголевской перспективе // *Текст. Интертекст. Культура: сб. докладов международной научной конференции (Москва 4–7 апреля 2001 года)*. РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2001. С. 213–227.

Золотусский И. «Поэзия – это незримая ступень к христианству // *Литрос: Альманах*. М., 2001. Вып. 1. С. 230–233. *Беседу вел В. Клименко.*

Зорин А.Н. Пауза в ритмическом строе комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // *Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г.В. Краснова: сб. научных статей*. Коломна: Изд-во Коломенского гос. пед. ун-та, 2001. С. 94–100.

Иваницкий А.И. Архетипы Гоголя // *Литературные архетипы и универсалии / Под ред. Е.М. Мелетинского*. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. С. 248–292.

Ивлев В.П. Сюжет «Повести о том, как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // *Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы юбилейной конференции, посвященной 100-летию Томского гос. пед. ун-та и 70-летию филологического факультета Томского гос. пед. ун-та*. 2000 г.). Томск, 2001. С. 17–24.

Избранные мысли А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. 320 с.

Избранные мысли и отрывки из сочинений Гоголя, его писем и воспоминаний о нем. С. 111–194. [Текст печатается по изд.: Избранные мысли и отрывки из сочинений Гоголя, его писем и воспоминаний о нем. СПб., 1887.]

Иличевский А. Кукла как упаковка пустоты: Куклы Гоголя и куколки Набокова // Комментари. М.; СПб., 2001. № 20. С. 36–48.

История русской литературы 1800–1830-е годы: В 2. ч. / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. Ч. 2. М.: Владос, 2001.

Карташова И.В. Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 181–239.

Кальченко Н.А. Тест на знание текста исторической повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. Киев, 2001. № 2. С. 26.

Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 304 с.

Гл. 2: О соотношении религиозного и художественного сознания в русской литературе 30–40-х годов (Жуковский и Гоголь). С. 21–42.

Капецкая Г.А. Химический «Вечер на хуторе близ Диканьки» (по мотивам повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством») // Химия в школе. М., 2001. № 3. С. 81–83.

Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. М.: Изд-во Независимая Газета, 2001. 472 с.: ил. – (Сер. Omnibus).

Николай Васильевич Гоголь. С. 107–150.

Приложение I:

Гоголь Н.В. «Рим» (фрагменты). С. 150–155.

Приложение II:

Муратов П.П. «Гоголь и Рим». С. 155–156.

[Печ. по изд.: *Муратов П.П.* Образы Италии. Предисловие к первому изданию (1910). М., 1993. Т. 1. С. 11–12.]

Приложение III:

Вейдле В.В. «Римлянин Гоголь». С. 156–158.

[Печ. по изд.: *Вейдле В.В.* Римлянин Гоголь // Рим. Из бесед о городах Италии. Париж, 1967. С. 65–67.]

Первая встреча с Римом

Гоголь. С. 363 (Письмо А.С. Данилевскому, 15 апреля 1837 г.)

«Чувство Рима»

Гоголь. С. 371–372 (Письмо П.А. Плетневу, 2 ноября 1837 г.)

Возвращение в Рим

Гоголь. С. 401–402 (Письмо М.П. Балабиной, апрель 1838 г.)

Римские карнавалы

Гоголь. С. 427–429 (Письма А.С. Данилевскому, 2 февраля 1838 г. и А.В. и Е.В. Гоголь, 28 апреля 1838 г.)

Карасев Л.В. Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 400 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

Гоголь и онтологический вопрос. С. 47–76.

Nervoso fasciculoso (о «внутреннем» содержании гоголевской прозы). С. 263–312.

Карпенко Г.Ю. Возвращение Белинского: Литературно-художественное сознание русской критики в контексте историософских представлений. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 367 с.

Карташов В.С. «Аптекарский интерес» Гоголя // Фармацевтический вестник. М., 2001. 23 октября. № 31. С. 23.

Карташова И.В. Этюды о романтизме: К 30-летию юбилею Тверского гос. ун-та
Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 182 с.

[О Гоголе: С. 57–60.]

Повесть Гоголя «Записки сумасшедшего» и романтическая традиция. С. 97–104.

Романтическая традиция в психологическом мастерстве Гоголя (творчество первой половины 30-х гг.). С. 105–119.

Об одной гоголевской традиции в творчестве Ф.М. Достоевского (Тема мечтателя). С. 120–131.

Касаткина Е.Г. Семантический компонент в структуре художественного текста // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. Вып. 4. С. 198–200.

Киселев В.С. Хронотоп «Арабесок» Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Материалы Всероссийской научной конференции. Абакан, 2001. Вып. 2. С. 65–71.

Китаев В.А. «Выбранные места из переписки с друзьями» в оценке Аксаковых // Грехнёвские чтения: сб. научных трудов. Нижний Новгород, 2001. С. 146–151.

Китаев В.А. Пушкин, Гоголь и консервативная традиция в России первой половины XIX века // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г.В. Краснова: сб. научных статей. Коломна, 2001. С. 76–86.

Клименко В. Сейчас мы увидим Христа! // Литературная Россия. М. 2001. 9 ноября. № 45. С. 14.

[Письмо В.Г. Белинского к Гоголю в творческой биографии Ф.М. Достоевского.]

Климов Е.А. О психологическом знании в «Предисловии» к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вопросы психологии. М., 2001. № 1. С. 66–72.

Клягина Л.Р. Гоголь и Шагал (Иллюстрации М. Шагала как опыт прочтения, понимания и интерпретации текста Н.В. Гоголя) // Текст – 2000. Теория и практика. Междисциплинарные подходы. Ижевск: УдГУ [Удмуртский гос. ун-т], 2001. Ч. 2.

Клягина Л.Р. Образ бытия в искусстве авангарда и в художественном мире Гоголя // Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. С. 96–99.

Кожин В. Чаадаев и Гоголь: о литературе 1830-х годов // Кожин В.В. Размышления об искусстве, литературе и истории. М.: Согласие, 2001. С. 187–215.

[Статья 1968 г.]

Колодина Н.А. Проблема русской художественной школы. С.Т. Аксаков, Н.В. Гоголь, А.С. Хомяков // Труды IV Всероссийских чтений, посвященных братьям Киреевским «Оптина пустынь и русская культура». Калуга: ИД «Эйдос», 2001. С. 235–239.

Комков О.А. Категория *личины* и инфернальная эстетика в повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2001. № 3. С. 30–46.

Кондакова Ю.В. Гоголевский текст в произведениях Михаила Булгакова // Текст-2000. Теория и практика. Междисциплинарные подходы: Материалы Всероссийской научной конференции 24–27 апреля 2001 года. Ч. 2. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2001. С. 128–131.

Кондакова Ю.В. Гоголь и Мастер: психология творчества // Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. С. 148–150.

[Гоголь как прообраз Мастера в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».]

Кондакова Ю.В. Принципы инфернальной ономастики в художественных мирах Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа): сб. научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. С. 319–342.

Кондакова Ю.В. Троичность как основополагающий принцип архитектоники поэмы Гоголя «Мертвые души» // Литература как форма существования русской философии. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. С. 54–56.

Конюшков Е. В какой театр вы ходите?.. // Православная беседа. М., 2001. № 5. С. 52–55. [Спектакль «Женитьба?» по Н. Гоголю в московском театре русской драмы «Камерная сцена». С. 53.]

Кормилицын А.А. Внесценические и второстепенные персонажи в английских переводах комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Филологические этюды. Вып. 4. Саратов, 2001. С. 15–18.

Костенко-Попова О. Вдогонку за летающим вареником // Аргументы и факты. М., 2001. № 14. С. 13.

Крашенинников А. О реальности основы сюжета повести Н.В. Гоголя «Нос» // Вопросы литературы. М., 2001. Вып. 5. Сентябрь – Октябрь. С. 336–342.

Кривонос В.Ш. Время и вечность в «Риме» Гоголя // Пространство и время в литературном произведении. Ч. 2. Самара, 2001. С. 90–96.

Кривонос В.Ш. Время и вечность в «Риме» Гоголя // Вестник гуманитарной науки. М., 2001. № 2. С. 106–111

Кривонос В.Ш. Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001. С.110–117.

Кривонос В.Ш. О смысле повести Гоголя «Рим» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2001. Т. 60. № 6. С. 14–26.

Кривонос В.Ш. Образы-символы Гоголя в контексте христианской традиции // Художественный язык литературы 20-х годов XX века. Самара, 2001. С. 208–217.

[Реф.: *И.Г.* Н.В. Гоголь и христианская традиция // Культурология: Дайджест. РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел культурологии. М., 2004. № 3. С. 72–73.]

Кривонос В.Ш. Русская литература XIX века: Учебно-методическое пособие. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2001. 156 с.

[О Гоголе: С. 6, 54–55, 72–73, 94–96, 100, 114, 119, 143–145.]

Кривонос В.Ш. Символическое пространство в «Риме» Н.В. Гоголя // Образ Рима в русской литературе. Самара, 2001. С. 131–149.

Крупчанов Л.М. Н. Гоголь. «Ревизор». Творческие доминанты // Сборник аспирантских работ. М., 2001.

Кузин М. Оптина Пустынь в жизни Гоголя // Подъем. Воронеж, 2001. № 9. С. 234–239.

Кузнецов А.Н. К проблеме «Гоголь и Сковорода» // Историко-литературный сборник: Статьи молодых исследователей. М., 2001. С. 82–99.

Кураев М. Ключи от «Миргорода»: Записки читателя // Литературная Россия. М., 2001. 17–23 января. № 3. С. 12.

Кучерявец В.Г. Художественный пересказ в формировании навыков художественной коммуникации (на материале повести Н. Гоголя «Старосветские помещики») // Наукові записки / Ніжинський держ. пед. ун-т. Ніжин, 2001. Філологічні науки. С. 22–24.

Кын Ын Кён «Гоголевское» в пьесе А.В. Вампилова «Провинциальные анекдоты» // Русская литература. СПб., 2001. № 3. С. 187–198.

Лаврецькая А. Прочитали Гоголя // Коммерсант. М., 2001. 6 апреля. № 61. С. 13.

Лахмани Р. Демонтаж красноречия: Риторическая традиция и понятие поэтического / Пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2001. 367 с. – (Современная западная русистика).

Леонтьев-Щеглов И.Л. Литературные очерки и эссе // Среди великих: Литературные встречи / Сост., предисл., коммент. М.М. Одесской. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. С. 93–158.

[Печ. по изд.: Щеглов И.Л. Подвижник слова. СПб., 1909.]

Полночный ревизор (Единственный случай). С. 134–140.

Гоголь в Оптиной пустыни (из дорожных заметок). С. 140–147.

Гоголь и о. Матвей Константиновский. С. 147–158.

Коммент. С. 406–407.

Лепяхин В. Икона в жизни и творчестве Гоголя. «Тарас Бульба», «Страшная месть», «Вий», «Ночь перед Рождеством» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 3. Петро-заводск, 2001. С. 198–213.

Лившиц Е. [Рецензия] // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 47. С. 412–415.

[Рец. на кн.: Кривонос В.Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 251 с.]

Лившиц Е. [Рецензия] // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 49. С. 475–477.

[Рец. на кн.: Frazier M. Frames of imagination: Gogol's Arabesques and the Romantic question of genre. N.Y.: Peter Lang Publishing. Inc., 2000. 224 p. (Middlebury Studies in Russian Language and Literature. V. 22).]

[Мелисса Фрейзиер.]

Лион П.Э., Лохова Н.М. Литература. Для школьников старших классов и поступающих в вузы: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотип. М.: Дрофа, 2001. 512 с.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 200–240.

Лотман Ю.М. Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // Лотман Ю.М. Собр. соч. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. М. 2001. С. 253–324.

[О Гоголе. С. 296–309].

Лохов С.А. Концептуализм Гоголя или три метаморфозы пошлости // Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М., 2001. С. 308–315.

[К творческой истории второго тома «Мертвых душ».]

Лю Хунбо. Гоголь и Лао-Цзы: диалог идей (некоторые наблюдения) // Наукові записки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Філологічні науки. Ніжин, 2001. С. 30–37.

Малянова И.В. Постигание авторского отношения к изображаемому миру на уроке (по повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница») // Изучение и преподавание литературы в школе и ВУЗе: сб. статей. Самара, 2001. С. 193–200.

Манн Ю.В. Пушкин и Гоголь в 1836 году: была ли ссора? // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 543–356.

Манн Ю.В. Смелость изобретения // Домашний лицей. М., 2001. № 2. С. 77–87.

Манн Ю.В. Что означает гоголевский образ дороги // Домашний лицей. М., 2001. № 3. С. 50–57.

Мансурова А.В. Личностный и творческий путь Гоголя Н.В. в восприятии религиозного мыслителя В.В. Розанова // IV Сибирская школа молодого ученого. Томск, 2001. Т. 5. С. 136–139.

Маркин П.Ф. Древнеславянский языческий текст в творчестве Н.В. Гоголя // Ученые записки / Алтайский гос. ин-т искусства и культуры. Барнаул, 2001. Вып. 1. С. 77–91. [Фольклорно-мифологические образы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».]

Мацапура В.И. О роли античных мотивов в гоголевском «Тарасе Бульбе» // Крымский Пушкинский научный сборник. Вып. 1. Русская культура и античность. Симферополь, 2001. С. 135–140.

Мацапура В.И. Украина в русской литературе первой половины XIX века. Харьков; Полтава: ПОИППО [Полтавский областной ин-т последипломного пед. образования им. М.В. Остроградского], 2001. 396 с.
Николай Гоголь. С. 179–275.

Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб.: РХГИ [Русский христианский гуманитарный институт], 2001. 656 с. – (Из архива русской эмиграции).
Гоголь и Россия.

Милюков А.П. Встреча с Н.В. Гоголем // Среди великих: Литературные встречи / Сост., предисл., коммент. М.М. Одесской. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. С. 71–73.
[Печ. по изд.: Милюков А.П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890.]

Минюхина Е.А. «Мертвые души» Гоголя и традиции сказочной прозы // «PER ASPERA...»: Материалы межвузовской конференции молодых ученых. Череповец, 2001. С. 16–18.

Михайлова М.Г. Гоголь и литературное зазеркалье // Вестник Якутского ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2001. № 1. С. 75–76.

Молева Н. Его последний дом // Москва. Журнал русской культуры. М., 2001. № 2. С. 224–225.
[О последних годах жизни Гоголя.]

Мороз А.М. Поэтика демонологического сюжета в цикле Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Актуальные проблемы литературоведения и журналистики: Материалы Региональной конференции молодых ученых. Томск, 2001. С. 18–21.

Мостовская Н.Н. Две «прощальных повести»: «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и «Последние песни» Некрасова // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г.В. Краснова: сб. научных статей. Коломна, 2001. С. 101–106.

Мочульский К.В. Гоголь // Мочульский К.В. Великие русские писатели XIX в. / Предисл. Л. Магаротто. СПб.: Алетейя, 2001. С. 81–104.
[Впервые: Париж, 1939.]

Мошин А.Н. О Н.В. Гоголе (Воспоминания О.В. Головни) // Среди великих: Литературные встречи / Сост., предисл., коммент. М.М. Одесской. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. С. 167–171.

[Печ. по изд.: Мошин А.Н. Новое о великих писателях: Мелкие штрихи для больших портретов. СПб., 1908.]

Музалевский М.Е. «Петербургские повести» Н.В. Гоголя: Специфика рецептивного цикла // Филологические этюды: сб. статей молодых ученых. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та, 2001. Вып. 4.

Мусиенко Н. Родственник Гоголя скупал мертвые души за горилку // Парламентская газета. М., 2001. 13 сентября. С. 7.

Н.В. Гоголь. Мертвые души: Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / Авт.-сост. Л.Д. Страхова. Изд. 3-е, стереотип. М.: Дрофа, 2001. 96 с. – (Школьная программа).

Набоков В. Николай Гоголь // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. Письма / Сост. О. Дорофеева; примеч. М. Громова. М.: Терра – Книжный клуб, 2001. С. 274–353.

Набоков В.В. Николай Гоголь (1809–1852) // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Изд-во Независимая газета, 2001. С. 31–134.

Нарушевич А.Г. Мотив превращения и языковые средства его воплощения в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Русский язык в школе. М., 2001. № 3. С. 56–58.

Невольниченко С.В. Архетипическая мотивика в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Ученые записки НТГПИ [Нижнетагильский гос. социально-педагогический ин-т]. Общественные науки. Нижний Тагил, 2001. Вып. 2. С. 71–74.

Нечипоренко Ю. Праздничность Гоголя: (Отдельные главы) // Орфей. М., 2001. № 1. С. 34–41.

Нещерет Е.И. Стилистические функции повторов в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Наукові записки / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. М. Гоголя. Ніжин, 2001. Філологічні науки. С. 19–21.

Норштейн Ю. От сценария к фильму // Искусство кино. М., 2001. № 12.

Овечкин С. «Шурин» Башмачкина: К проблеме функционирования интертекстуальной парадигматики при редукции повествовательности // Русский текст. СПб., 2001. № 6. С. 117–130.

Осовцев Н. Досталось ли Николаю Первому от Николая Гоголя? // Санкт-Петербургские Ведомости. СПб., 2001. 28 апреля.

Пазухин Е. Сколько ни повторяй: Баден, Баден... // Нева. СПб., 2001. № 11. С. 182–194. Гоголь в Баден-Бадене. С. 185–186.

Паклина Л.Я. Образы искусства в повести Н.В. Гоголя «Рим» // Образ Рима в русской литературе. Самара, 2001. С. 150–162.

Переяслов Н. Три этюда о Гоголе // Бельские просторы. Уфа, 2001. № 12. С. 100–101. [Статьи о поэме «Мертвые души».]

Петров А.В. Предметная сфера и проблема символа в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русская литература в современном культурном пространстве: Материалы юбилейной конференции, посвященной 100-летию Томского гос. пед. ун-та и 70-летию филологического факультета Томского гос. пед. ун-та. 2000 г.). Томск, 2001. С. 24–27.

Петров А.В. Философия элегического образа в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Молодая филология: сб. научных трудов. Новосибирск, 2001. Вып. 3. С. 20–31.

Пионтковская И.Н. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя как лингвистическая структура: Тезаурус цвета (постановка проблемы) // Класична спадщина і сучасне художнє мислення: зб. наукових праць до 60-річчя М.І. Борецького. Дрогобич; Черкаси, 2001. С. 169–177.

Пискунова С.И. «Мертвые души» и «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»: (К новой постановке проблемы) // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. М., 2001. С. 555–564.

Поляков Н. Несчастные отцы и блудные дети // Нева. СПб., 2001. № 10. С. 233–235. [Образы стариков в творчестве Гоголя и Пушкина. Плюшкин и Самсона Вырин.]

Поэтика русской литературы: К 70-летию профессора Ю.В. Манна: сб. статей. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001.

Из содерж.:

Тамарченко Н.Д. Автор, герой и повествование (к соотношению «эпопейного» и «романного» у Гоголя). С. 22–28.

Курганов Е.Я. История о том, как Гоголь рассказывал анекдоты. С. 59–64.

Кривонос В.Ш. Мотив «связи женщины с чертом» в прозе Гоголя. С. 65–79.

Малкина В.Я. Традиции исторического и «готического» романов в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть». С. 80–89.

Лившиц Е.И. Гоголь, Байрон и Томас Мур. С. 90–98.

Майер П. Фантастическое в повседневном: «Невский проспект» Гоголя и «Приключение в ночь под Новый год» Гофмана. С. 99–112.

Лебедева О.Б. Брюллов, Гоголь, Иванов. Поэтика «немой сцены» – «живой картины» комедии «Ревизор». С. 113–127.

Джулиани Р. Гоголь, назарейцы и вторая редакция «Портрета». С. 127–147.

Дмитриева Е.Е. Сад Плюшкина, Сад Гоголя. С. 148–160.

Сазонова Л.И. Литературная генеалогия гоголевской птицы-тройки. С. 161–183.

Шульц С.А. Трансформация житийного мотива в драматургии Гоголя и Толстого («Женитьба» и «Живой труп»). С. 184–192.

Янушкевич А.С. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя в контексте русской литературы 1920–1930-х годов. С. 193–212.

Егоров Б.Ф. Ап. Григорьев о Гоголе. С. 325–332.

Пудовкина И. Мир человека в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Литература: Ежедневное приложение к газете «Первое сентября». М., 2001. № 12.

Радзишевский В. Итогголь // Литературная газета. М., 2001. 18–24 апреля. № 16. С. 9. [Беседа с главным редактором Полн. собр. соч. и писем Гоголя Ю.В. Манном.]

Рассадин С.Б. Русская литература от Фонвизина до Бродского. М.: Слово / Slovo, 2001. 288 с.: ил.

Ненормальный Гоголь. С. 88–101.

Рахаева Ю. Я с ужасом жду грядущего юбилея Гоголя // Известия. М., 2001. 25 мая. [Беседа с главным редактором Полн. собр. соч. и писем Гоголя Ю.В. Манном.]

Рахматуллин Р. Точки силы // Новый мир. М., 2001. № 2. С. 149–160.

Ребеккини Дамиано. Как крестьяне читали Гоголя. Попытка реконструкции рецепции // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 49. С. 508–525.

Рейтблат А.И. Служил ли Гоголь в III отделении? // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 261–267.

Рицци Д. «Станционный смотритель» Пушкина и «Старосветские помещики» Гоголя // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 318–334.

Ромм М. Кто автор известных иллюстраций к «Ревизору»? // Нева. СПб., 2001. № 9. С. 201–205.

[Иллюстрации атрибутируются В.А. Жуковскому.]

Ронен И. К пушкинским истокам драматургии Гоголя // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 335–342.

Русская классическая литература в оценке критиков и писателей XIX века: Учебное пособие / Сост. и научная ред. Т.М. Балыхина, Е.Н. Барышникова. 2-е доп. изд. М.: «Уникум-Центр», «Поматур», 2001. 151 с.

Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине: С. 32–33.

Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород»). С. 45–49.

Пушкин А.С. Вечера на хуторе близ Диканьки. С. 49–50.

Гоголь Н.В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 50–57.

Белинский В.Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. С. 57–60.

Гоголь Н.В. С. 108–110.

Русская литература XIX век. От Крылова до Чехова: Учебное пособие / Сост. Н.Г. Михновец. СПб.: Паритет, 2001. 416 с.

Из содерж.:

Шведова С.О. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». Между миражом и реальностью. С. 150–164.

Шведова С.О. Сатирическое и символическое в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. С. 165–190.

Русская литература XIX–XX веков: В 2 т. Т. 1: Русская литература XIX века: Учебное пособие для поступающих в вузы / Сост. и науч. ред. Б.С. Бугров, М.М. Голубков. 3-е изд., доработ. М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. 464 с.

Скорospelова Е.Б., Голубков М.М., Красовский В.Е. Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 174–218.

Рыбкин П.Н. Фантомная боль русской литературы: «Мертвые души» и «Русские ночи» // Библиотечка учителя словесности, № 1. М.: Изд-во Московского культурологического лица № 1310, 2001. С. 7–12.

Сапченко Л.А. Личность и творчество Н.М. Карамзина в восприятии Н.В. Гоголя // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе: Материалы международной научной конференции 3–5 октября 2000 г. Гродно, Беларусь, 2001. С. 122–128.

Сахарова Е.В. Деталь и символ в «Невском проспекте» Н.В. Гоголя: На материале анализа пространственно-временной организации // Актуальные проблемы литературоведения и журналистики: Материалы Региональной конференции молодых ученых Томск., 2001. С. 21–25.

Секачева Е.В., Смоличева С.В. Русская литература. Новая популярная энциклопедия. М.: АСТ – ПРЕСС, 2001. 784 с.: ил.

Гоголь Николай Васильевич. С. 173–182.

Сергеев А.И. Классификация контекстов употребления лексем поля «удивление» в произведениях Н.В. Гоголя и Э.Т.А. Гофмана // Славянская и западноевропейская филология на рубеже веков: Материалы восьмой научно-практической конференции. М.: Прометей, 2001. С. 205–214.

Сергеева-Клятис А. Помещик Манилов – человек эпохи ампира // Литература: Ежегодное приложение к газете «Первое сентября». М., 2001. № 12.

Сергеева-Клятис А.С. Помещик Манилов – человек эпохи ампира // Ученые записки Московского культурологического лица № 1310 = Sci works / Muscov culturoloical ly-seum № 1310. Сер. лит. М., 2001. Ч. 1. С. 93–113.

Сивкова А.В. Демонические образы повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»: структура и семантическое функционирование // Языкознание: современные подходы к традиционной проблематике. Калининград, 2001. С. 135–147.

Симакова Л.А. «Существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное...» Повесть Н.В. Гоголя «Шинель». 9 кл. // Заруб. літ. в навчальних закладах України. Киев, 2001. № 10. С. 55–58.

Симанчук И. Как Пушкин Гоголя журналистом сделал // Журналист. М., 2001. № 11. С. 44–47.

Симонова И. «С душой вашей роднится душа непрестанно...» К 190-летию Ф.В. Чижова // Москва. Журнал русской культуры. М., 2001. № 4. С. 215–223.
[Гоголь и Ф.В. Чижов.]

Синяк Е.В. Метафора и семантическое представление эмоций в художественном тексте (на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Материалы конференции «Аксиологические механизмы языка и эмоциональность текста». Ташкент: НУУ [Национальный ун-т Узбекистана] им. Мирзо Улугбека, 2001.

Синяк Е.В. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в современном литературоведении // Дни науки в МГПУ. М.: МГПУ, 2001.

Синяк Е.В. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: к истории исследования // Материалы конференции «Актуальные проблемы научных исследований аспирантов и соискателей МГПУ». М.: МГПУ, 2001.

Скатов Н.Н. Иван Александрович Хлестаков и другие // Скатов Н.Н. Соч.: В 4 т. Т. 4. Статьи и очерки. Из публицистики. СПб.: Наука, 2001. С. 54–66.
[Статья 1984 г.]

Скобельская О.И. «Я брат твой...» (духовный пласт повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Класична спадщина і сучасне художнє мислення: зб. наукових праць до 60-річчя М.І. Борецького. Дрогобич; Черкаси, 2001. С. 60–66.

Смирнов А.С. Романтическая ирония как проблем современного литературоведения // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1. Гродна, 2001. № 1. С. 242–247.

Соколова Г.П. На урок – с Н.В. Гоголем: Итоговое повторение в конце IX класса // Русский язык в школе. М., 2001. № 2. С. 10–20.

Соколянский М.Г. Гоголь в Любеке // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г.В. Краснова: сб. научных статей. Коломна, 2001. С. 87–93.

Соловьев В. Кусочек Гоголя на память // Аргументы и факты. М., 2001. № 23. С. 22.

Софрыгина Т.С. Образ Чичикова в контексте анималистических мотивов // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа): сб. научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. С. 343–357.

Спаху И. Языковые и стилистические особенности перевода произведений Н.В. Гоголя на албанский язык // Вестник Литературного ин-та им. А.М. Горького. М., 2001. № 1. С. 81–85.

Строганов М.В. «Немая сцена» в «Ревизоре» // Драма и театр: сб. научных трудов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. Вып. 2. С. 138–143.

Строганов М. [Рецензия] // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 49. С. 477–479. [Рец. на кн.: *Иваницкий А.И.* Гоголь Морфология земли и власти. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2000. 188 с.]

Строганов М.В. Человек в русской литературе первой половины XIX века: Учебное пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 192 с.

Н.В. Гоголь: От циклической к линейной концепции истории. С. 126–131.

Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». С. 131–132.

«Социальное» и «субстанциальное» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 132–136.

Сугай Л.А. Андрей Белый в работе над гоголевской темой // Русский символизм и мировая культура: сб. научных трудов / Под ред. Л.А. Сугай. Вып. I. М.: ГАСК [Государственная академия славянской культуры], 2001. С. 131–162.

Сугай Л.А. Брюсов, Бартенев и письма Гоголя // Брюсовские чтения 1986 года. Ереван: Лингва, 2001. С. 222–234.

Суслов А. «Душа моя прыгает и веселится...»: Усадьба Спасское Воскресенского района // Коломенский альманах. Коломна (Московская область), 2001. Вып. 5. С. 360–369. [О посещении Гоголем в 1851 г. усадьбы Спасское, принадлежащей А.О. Смирновой.]

Сызько Г.Л. «Тарас Бульба» в вопросах и ответах-цитатах. Дидактический материал для организации нетекстового, пообразного и других анализов произведения // Всесвітня література в серед. навчальних закладах України. Киев, 2001. № 2. С. 16–24.

Тарасов Б.Н. П.Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // Тарасов Б.Н. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции). СПб.: Алетейя, 2001. С. 182–218.

[Гоголь и Чаадаев. С. 212–214.]

Тарасов Ф.Б. Речь о Пушкине Ф.М. Достоевского: между «тройкой» и «колесницей» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 399–419.

[Библейские истоки гоголевского образа «тройки» и пушкинской «колесницы» в диалоге прокурора и адвоката в финале романа «Братья Карамазовы» с свете идеи об исторической миссии России, прозвучавшей в Пушкинской речи Достоевского.]

Терц Абрам. В тени Гоголя. М.: Аграф, 2001. 416 с.

Томачинский В.В. Синтез вместо хаоса. «Выбранные места из переписки с друзьями» как стилистическая программа Гоголя // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 250–275.

Треногина Е.В. Пространство дороги в произведениях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского: («Мертвые души» и «Бесы») // Внутренний строй литературного произведения: сб. научных статей. Владимир, 2001. С. 72–83.

Трофимова И.В. Повесть Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»: Мифопоэтический аспект сюжета // Вестник молодых ученых. Филологические науки. СПб., 2001. № 6. С. 37–46.

Туйск Ю. Тайна смерти Гоголя // НЛЮ. М., 2001. 26 марта. № 13. С. 13.

Тулякова Е.И. Идеальный пейзаж в картине мира раннего Гоголя (на материале повести «Сорочинская ярмарка») // Картина мира. Язык. Философия. Наука: Доклады участ-

ников Всероссийской школы молодых ученых (1–3 ноября 2001 года). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2001. С. 150–152.

Тулякова Е.И. Поэтика природоописаний в поздних повестях Н.В. Гоголя (на материале повестей «Невский проспект» и «Рим») // Актуальные проблемы литературоведения и журналистики: Материалы Региональной конференции молодых ученых (24 марта 2000 года). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2001. С. 30–33.

Тупеев М.А. С.Т. Аксаков и Н.В. Гоголь // Третий Аксаковский сборник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 108–113.

Тупеев М. Фома Кемпийский в переписке С.Т. Аксакова и Н.В. Гоголя // Бельские просторы. Уфа, 2001. № 9. С. 160–165.

Тупеев М.А. Фома Кемпийский в переписке С.Т. Аксакова и Н.В. Гоголя // Аксаковский сборник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 108–113.

Ульянов Н. На гоголевские темы: Кто подлинный создатель «демонического» Петербурга? // Гоголь Н.В. Петербургские повести / Вступ. статья и коммент. И.А. Виноградова. М.: Издательский Дом Синергия, 2001. С. 329–337.
[Впервые: Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 94. С. 103–111.]

Халин С.М. Гоголь – наш современник: Об одном ярком отечественном примере формирования индивидуальной философской культуры // Человек и культура: сб. статей и тезисов. Тюмень, 2001. С. 113–132.
[Гоголь как религиозный философ (по материалам книги «Выбранные места из переписки с друзьями»)]

Целехович Т.П. Мифологема дороги в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Студенческая наука на пороге III тысячелетия: материалы VIII студенч. научной конференции. Мозырь, 18–19 апр. 2001 г.: В 2 ч. / МозГПИ им. Н.К. Крупской. Мозырь, 2001. Ч. 2. С. 245–246.

Целехович Т.П. Порог как элемент пространственной модели дома в мифопоэтической системе «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Славянский мир на пороге третьего тысячелетия: материалы Международной научной конференции. Гомель, 15–16 мая 2001 г. / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель, 2001. С. 170.

Целехович Т.П. Топос сада в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы Международной научной конференции. Мозырь, 11–12 апреля 2001 г.: В 2 ч. / МозГПИ им. Н.К. Крупской. Мозырь, 2001. Ч. 1. С. 185–190.

Цуркан А.В. Гоголевские традиции в повести Булата Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» // Булат Окуджава: его круг, его век. М., 2001.

Черепанова Р.С. Н.В. Гоголь как социальный философ // Вестник Челябинского ун-та. Сер. 1. История. Челябинск, 2001. № 1. С. 107–121.

Черная Т.К. Человек в художественном мире гоголевской «Шинели» // Антропоцентрическая парадигма в филологии: Материалы международной научной конференции. Ставрополь, 2003. Ч. 1: Литературоведение. С. 365–374.

Чиж В.Ф. Болезнь Н.В. Гоголя // Чиж В.Ф. Болезнь Н.В. Гоголя: Записки психиатра. М.: Республика, 2001. С. 3–203.
[Впервые: Вопросы философии и психологии. 1903. № 66–70; 1904. № 71.]

Шалашова А. На пустой сцене // Независимая газета. М., 2001. 16 февраля. № 3. С. 15.
[«Ревизор» в антрепризной постановке, Вильнюс.]

Шаулов С.С. С.Т. Аксаков и Н.В. Гоголь. Эссе о судьбе артефакта // Аксаковский сборник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 113–124.

Шафранская Э.Д. «Маленький человек» в контексте русской литературы XIX – начала XX в. (Гоголь, Достоевский, Сологуб) // Русская словесность. М., 2001. № 7. С. 23–27.

Щеглова Л.В. Проблема веры в дуалистическом сознании: Н.В. Гоголь и С. Кьеркегор // Русская философия: Многообразие в единстве: Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии. М., 2001. С. 240–242.

Энциклопедия знаменитых россиян до 1917 года. М.: Изд-во Диадема-Пресс, 2001.
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). С. 208–211.

Эйхенбаум М.Б. Гоголь и «дело литературы» // Эйхенбаум М.Б. «Мой современник»... Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб.: ИНАПРЕСС, 2001. С. 97–100.

Юн Хо Чжин. Заметки о поэтике комедии Н.В. Гоголя // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2001. № 1. С. 100–106.

Якубова Р.Х. Традиции балаганного искусства в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Фольклор народов России: Фольклор. Миф. Литература: Межвузовский научный сб. (К 90-летию Л.Г. Барага). Уфа, 2001. С. 260–270.

Янушкевич М.А. Основные параметры рецепции «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки в России: К проблеме «Н.В. Гоголь и Сененка» // Актуальные проблемы литературоведения и журналистики: Материалы Региональной конференции молодых ученых Томск., 2001. С. 33–40.

Янушкевич М.А. Рецепция как способ литературного моделирования: Античные традиции в творчестве Н.В. Гоголя // Картина мира. Язык. Философия. Наука: Доклады участников Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых. Томск., 2001. С. 155–156.

Sawczak Peter [Савчак П.]. «Ночь перед Рождеством» Мыколы /Николая Гоголя: к вопросу о «малой литературе» // Russian Literature. XLIX. 2001. North-Holland.

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Author-composer:

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Научная жизнь

Academic Life

Н.Д. Афанасьева, М.В. Беляков

Конференция, ставшая традицией

25–26 февраля 2016 г. в Московском государственном институте международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации прошла IV Международная научно-методическая конференция «Преподавание русского языка как иностранного в вузе: традиции, новации и перспективы». Конференция была организована кафедрой русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России. Проведение кафедрой конференций с участием российских коллег и коллег из разных стран мира уже стало традицией. В этом году конференция была приурочена к 70-летию юбилею кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России.

Отсчет истории кафедры ведется с 1946 г., когда в МГИМО приехали учиться первые иностранные студенты, и в институте началось преподавание русского языка как иностранного. С того времени кафедра претерпела ряд значительных преобразований. В настоящее время на кафедре работает 31 преподаватель, в том числе 15 доцентов, имеющих ученую степень кандидата наук и ученое звание доцента, и 13 старших преподавателей. С целью более полного использования научного потенциала кафедры, научного роста молодых сотрудников и обмена опытом с коллегами из других вузов кафедрой ежегодно, начиная с 1997 г., проводится межвузовский научно-методический семинар «Теория и практика преподавания русского языка иностранным учащимся в вузе», который со временем вышел на качественно новый уровень – международной конференции. В новом статусе это научное мероприятие проводится раз в два года. В те годы, когда конференция не проводится, кафедра русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России организует студенческую научную конференцию по русскому языку, на которую приглашаются иностранные студенты, обучающиеся в вузах России.

В этом году в работе IV Международной научно-методической конференции «Преподавание русского языка как иностранного в вузе: традиции, новации и перспективы» приняли участие российские коллеги из университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Калининграда, Севастополя, Тюмени и др., а также зарубежные коллеги из университетов Армении, Белоруссии, Египта, Ирака, Казахстана, КНР, Кыргызстана, Республики Корея, Украины и Польши. Общее количество участников составило более 120 человек.

25 февраля, в первый день работы конференции, состоялось пленарное заседание, на котором с приветственным словом к собравшимся выступил начальник Международного управления МГИМО МИД России, канд. ист. наук Е.В. Андре-

ев. Затем перед участниками конференции выступил декан факультета Международной журналистики МГИМО МИД России, канд. социол. наук Я.Л. Скворцов. В своем выступлении он подчеркнул, что за долгие годы работы кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России достигла высоких результатов не только в обучении иностранных студентов русскому языку, но и в организации научной работы.

На пленарном заседании были заслушаны доклады докт. филол. наук, профессора филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Е.Л. Бархударовой «Лингвокультурология в обучении иностранцев русской звучащей речи», докт. филол. наук, профессора филологического факультета Российского университета дружбы народов Е.А. Красиной «Свободный или связанный порядок слов в русском языке?», докт. филол. наук, профессора Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова Т.Е. Владимировой «На пути к интегративной парадигме обучения русскому языку как иностранному».

С докладом, посвященным истории создания кафедры, организации ее работы на современном этапе и планам на будущее выступила заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России, канд. пед. наук, доцента Н.Д. Афанасьева

В заключение пленарного заседания был показан созданный специально к семидесятилетнему юбилею кинофильм, рассказывающий о памятных страницах жизни кафедры. В фильме были использованы архивные и современные фото- и видеоматериалы.

26 февраля конференция продолжила работу в пяти секциях по следующим направлениям:

– актуальные процессы в современном русском языке (руководитель секции – докт. филол. наук, профессор О.И. Максименко, МГОУ);

– использование традиционных и новаторских методов преподавания русского языка как иностранного (руководитель секции – докт. филол. наук, профессор С.С. Хромов, РЭУ им. Г.В. Плеханова);

– формирование языковой компетенции в профессиональной сфере (руководитель секции – канд. пед. наук, доцент Е.В. Орлова, ИвГМА);

– учебник русского языка как иностранного: традиции и перспективы (руководитель секции – канд. филол. наук, доцент А.К. Перевозникова, МГИМО);

– роль лингвокультурологии в преподавании русского языка как иностранного (руководитель секции – канд. филол. наук, доцент М.О. Чичина, МГИМО).

В ходе работы секций разворачивались оживленные научные дискуссии, шел активный обмен мнениями.

Организаторы конференции предоставили возможность выступить с докладами не только опытным, но и молодым коллегам, только начинающим свой профессиональный и научный путь.

Участниками конференции был отмечен традиционно высокий для МГИМО МИД России уровень организации и проведения научных мероприятий, а также хороший научный уровень выступлений.

По итогам IV Международной научно-методической конференции «Преподавание русского языка как иностранного в вузе: традиции, новации и перспективы» планируется издание сборника статей участников конференции.

Сведения об авторах:

Н.Д. Афанасьева,
канд. пед. наук
доцент
кафедра русского языка для иностранных учащихся
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

М.В. Беляков,
канд. филол. наук
доцент
кафедра русского языка для иностранных учащихся
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
russ-mgimo@mail.ru

N.D. Afanasjeva,
PhD
Docent
Department of Russian Language for Foreign Students
MGIMO University
The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

M.V. Belyakov,
PhD
Docent
Department of Russian Language for Foreign Students
MGIMO University
The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
russ-mgimo@mail.ru

Первая Всекитайская олимпиада школьников по русскому языку в Пекине

18 января 2016 года в столице Китайской Народной Республики в Российском культурном центре был проведен финал первой Всекитайской олимпиады школьников старших классов по русскому языку. Ее организаторами выступили Китайский комитет по изучению иностранных языков и профессиональному образованию Министерства образования КНР, Русско-китайский фонд развития культуры и образования при поддержке Посольства России в КНР и Россотрудничества. Единственным иностранным вузом-соорганизатором олимпиады стал Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Организацией подобных олимпиад школьников не только в России, но и за рубежом МГУ вносит серьезный вклад в дело популяризации русского языка в международном образовательном пространстве не только Европы, но и Азии.

В адрес участников олимпиады направили приветствия ректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова академик В.А. Садовничий и председатель Китайско-российского Комитета дружбы, мира и развития Дай Бинго. Жюри конкурса, в состав которого вошли опытные педагоги ведущих вузов Китая и России, возглавила широко известная среди русистов обеих стран директор Центра русского языка Пекинского университета иностранных языков профессор Ли Иннань.

Главной целью олимпиады стало развитие у китайских учащихся интереса к русскому языку, русской литературе и русской культуре, а также повышение уровня преподавания русского языка в средних школах. Несмотря на долгую историю добрых взаимоотношений с Россией, Китай испытывает сейчас острый дефицит специалистов, профессионально владеющих русским языком. Как и ожидалось, олимпиада школьников вызвала мощный всплеск интереса к русскому языку, так как победителю предоставлялась возможность практически бесплатно, точнее с помощью гранта, получить образование в одном из лучших вузов мира – Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Конкурс состоял из двух этапов. На отборочном этапе несколько тысяч учеников старших классов из 57 школ провинций Китая писали сочинение на русском языке и представляли видеоролик с чтением русских стихов и песнями. В финал вышли только 30 человек. Каждый из финалистов должен был выступить со сцены перед строгим жюри и зрительным залом с речью на заданную разговорную тему, которую после непродолжительной подготовки произносил в виде монолога: «О чем я мечтаю», «Какой должна быть счастливая семья», «В каких городах Рос-

Жюри олимпиады за работой

сии я хотел бы побывать» и т. д. Потом членами жюри ему задавались вопросы, на которые нужно было дать развернутый аргументированный ответ: «Какой вид спорта тебе нравится?», «Какая твоя любимая книга на русском языке?», «Какие блюда русской кухни ты знаешь?» и др. Интересно, что среди любимых книг китайских школьников лидировали романы «Мать» М. Горького и «Как закалялась сталь» Н. Островского, среди блюд – блины и борщ. Затем претендент на награду должен был выступить с творческим номером художественной самодеятельности на русском языке. Большинство участников олимпиады исполняли песни современной русской эстрады, некоторые читали стихи, а кто-то разыгрывал сценки.

По итогам конкурса в упорной борьбе с достойными противниками абсолютным победителем стал ученик средней школы № 14 Чжан Хайюй из г. Харбина (провинция Хэйлунцзян), продемонстрировавший высочайший уровень владения русским языком. Школьник получит грант в размере примерно 46 тыс. долларов (300 тыс. юаней), что позволит ему учиться на одном из выбранных им факультетов МГУ. Финалисты, занявшие другие призовые места, а также обладатели десяти утешительных призов за творческий конкурс тоже получили гранты на обучение в российских высших учебных заведениях. Каждый из них может рассчитывать на оплату программы обучения стоимостью до 3 тыс. долларов (около 20 тыс. юаней). Знания и навыки, проявленные учениками в ходе конкурсных испытаний, показали высокий уровень преподавания русского языка во многих китайских школах. Руководитель представительства Россотрудничества в КНР Виктор Коннов от имени Посольства России в КНР вручил памятные дипломы лучшим директорам школ-участниц олимпиады, среди которых, например, школа при Шанхайском университете иностранных языков и Цзинаньская школа иностранных языков.

Накануне финала олимпиады, 17 января, в Российском культурном центре прошел семинар «Преподавание русского языка в китайской школе: вопросы и пер-

спективы». В нем приняли участие представители всех организаций, которые имели к этому непосредственное отношение: Русско-китайского фонда развития культуры и образования, Общества китайско-российской дружбы, Отделения русского языка при Совете по преподаванию иностранных языков Китайской ассоциации, Управления Китая по обучению за рубежом, а также Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Все выступавшие – учителя и директора средних школ, преподаватели вузов, чиновники, бизнесмены – были едины в том, что важным шагом на пути привлечения детей к обучению русскому языку станет первая Всекитайская олимпиада школьников.

Сведения об авторе:
Федор Иванович Панков,
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова,
член жюри Всекитайской олимпиады школьников по русскому языку

Fedor I. Pankov,
Docent
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
Jury Member of the All-China Olympiad on the Russian Language
pankovf@mail.ru

STEPHANOS

2016

№2 (16)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow

2016

Март — March